Fn18907

1950

Инв
№ 8842

П241

1933. № 9528

Ленинградский Госуд. Университет
БИБЛИОТЕКА
имени
М. Горького
Р.С.Ф.С.Р.

Инв № 98842
Fп 18907

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ

ГЕОГРАФИЧ. ИНСТИТУТ * БИБЛИОТЕКА *

РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ

ВЪ ПЕКИНѢ.

1933. № 9528
22 СЕН. 1933
ПРОВЕРКА 2007

ТОМЪ III.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ * БИБЛИОТЕКА * ФАКУЛЬТЕТ Л.Г.У.
Ленингр. Госуд. Университет БИБЛИОТЕКА имени М. Горького Р.С.Ф.С.Р.

САНКТПЕТЕРБУГЪ.
Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 30-го Апрѣля 1856 г.

Цензоръ *Н. Ахматовъ.*

Инв
№ 8842
П241
F II 18907

СОБЫТІЯ ВЪ ПЕКИНѢ ПРИ ПАДЕНІИ МИНСКОЙ ДИНАСТІИ.

СОБЫТІЯ ВЪ ПЕКИНѢ *) ПРИ ПАДЕНІИ МИНСКОЙ ДИНАСТІИ.

(ЗАИМСТВОВАНО ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЯМЪ ДОКУМЕНТОВЪ.)

—

Исторія событій въ Пекинѣ здѣсь излагаемая начинается съ того времени, когда мятежникъ *Ли-цзы-чэнъ*, объявивъ себя княземъ въ *Си-ань-фу* **), оканчивалъ свои завоеванія въ губерніи *Шань-си* и направлялъ свой путь къ губ. *Чжи-ли*, имѣя въ виду взять столицу. Это происходило въ началѣ 3-й луны 17-го года царствованія послѣдняго Минскаго государя *Чунъ-чжэнъ* (1644 года по Рожд. Христ.).

Возмущенія, заранѣе происходившія въ разныхъ концахъ Имперіи, требовали особенной бдительности и усилій правительства; но государь, котораго едвали не единственнымъ недостаткомъ былъ излишняя до-

*) Подъ названіемъ Пекина здѣсь разумѣется Сѣверный Китай, въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ происходили дѣйствія мятежника *Ли-цзы-чэна*.

**) Главн. гор. губерніи *Шань-си*.

брота и кротость, слабо смотрѣлъ за окружающими его престолъ вельможами и часто не могъ видѣть дѣлъ въ настоящемъ ихъ видѣ изъ-за темнаго покрова, которымъ недостойные, но любимѣйшіе сановники закрывали ему глаза; даже въ то время, когда мятежники овладѣли областнымъ городомъ *Чжэнъ-динъ-фу* *) и находились отъ столицы на разстояніи только 300 кит. верстъ, всѣ молчали объ этомъ и государь уже послѣ узналъ объ этой потерѣ. Поэтому Дворъ не слишкомъ безпокоился и смотрѣлъ на дѣла въ уменьшительное стекло; но тѣмъ тревожнѣе было его пробужденіе, когда надо было дѣйствовать рѣшительно и смѣло, когда опасность была предъ глазами.

1-го числа 3-й луны **) взбунтовались войска, находившіяся не далеко отъ столицы въ округѣ *Чанъ-пинъ-джэу*; къ войску присоединились бродяги и они огнемъ и мечемъ производили опустошенія; домы чиновниковъ и простолюдиновъ обращены были въ груды пепла, жители ближайшихъ мѣстъ искали спасенія въ бѣгствѣ. Близость мѣста возмущенія и неожиданность этого переворота требовали надежныхъ мѣръ для обезопасенія столицы; потому прежде всего прибѣгли къ строгому карауду и дозору, а также къ приготовленію войскъ, бывшихъ подъ рукою. Между тѣмъ нѣкото-

*) Нынѣ *Чжэнъ-динъ-фу*, областной городъ въ губерніи *Чжи-ли*.
**) 26 марта 1644 г.

рые изъ верховныхъ сановниковъ стали представлять государю о необходимости отправить наслѣдника престола въ южную столицу, для дальнѣйшей безопасности царствующаго Дома, давъ ему, неопытному въ дѣлахъ государственныхъ, важнѣйшихъ сановниковъ для руководства. Эти представленія повторены будутъ неоднократно и мы увидимъ въ послѣдствіи какого мнѣнія держался государь касательно этого предмета.

Въ тоже время явная опасность приближалась къ области *Сюань-фу* *), туда направлялъ свои силы *Ли-цзы-чэнъ*, когда онъ, по взятіи главнаго города губерніи Шань-си **), пошелъ на *Да-тунъ-фу*, областный городъ той же губерніи. При двойной опасности съ сѣвера и юга, жители столицы пришли въ сильное волненіе; не безпокоились кажется только одни главнѣйшіе сановники: они спокойно засѣдали въ своихъ Палатахъ и, какъ всегда, заняты были мыслію о своей важности; дѣла государственныя какъ будто не касались ихъ; государь былъ не спокоенъ, но не имѣлъ столько силы воли и мудрости, чтобъ рѣшительными распоряженіями заставить бояться и уважать себя, сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ въ это трудное время и стать во главѣ противудѣйствія мятежу. Онъ былъ не способенъ къ тому, напротивъ еще болѣе

*) Обл. городъ губ. *Чжи-ли*, нынѣ *Сюань-хуа-фу*.
**) *Тай-юань-фу*.

прежняго полагался на усердіе окружавшихъ его Евнуховъ и другихъ сановниковъ, которые и довершили паденіе Династіи. Въ столицѣ начали принимать мѣры предосторожности, но какія? Онѣ состояли въ тщательномъ дозорѣ и забраніи подъ стражу лицъ подозрительныхъ, въ успленіи правилъ взаимнаго обезопасенія жителей, въ запрещеніи ходить ночью по улицамъ, въ свидѣтельствованіи казнохранилищъ и магазиновъ. Что касается до мятежниковъ, то только повелѣно было командующему войсками въ Чжэнь-нио наблюдать за дѣйствіями и направленіемъ ихъ.

Мятежники же, для привлеченія народа на свою сторону и расположенія жителей городовъ въ свою пользу, прибѣгали къ хитрости и обману: они отправляли своихъ сообщниковъ въ разныя мѣста, снабдивъ ихъ достаточными для торговли капиталами, а тѣ разносили повсюду слухъ, что разбойники не убиваютъ людей, не алчны къ богатству, не распутствуютъ, не грабятъ, честно покупаютъ и честно продаютъ, прощаютъ недоимки, раздаютъ деньги бѣдному народу, особенно благосклонны къ ученымъ, если эти встрѣчаютъ ихъ —сначала богато одарриваютъ, потомъ подвергаютъ экзамену, и, смотря по экзамену, производятъ въ правители области или уѣзда. Проходя губерніями Шàнь-си и Мàнь-си, мятежники дѣйствительно избирали въ эти должности ученыхъ низшей степени

(сю-цай) и это обстоятельство еще болѣе утвердило довѣренность и расположеніе къ нимъ; даже тѣ, которые не имѣли никакой ученой степени, часто ласкали себя надеждою получить должность; бѣдный народъ надѣялся получить деньги и быть освобожденнымъ отъ недоимокъ. Это ложное очарованіе доходило до того, что въ предѣлахъ областей Бао-динъ и Чжэнь-динъ *) народъ припѣвалъ: «если отворить большія ворота и встрѣтить князя Чэнь-вана (Ли-цзы-чэна), то онъ придетъ и не будетъ брать податей.» Поэтому хитрые расчеты мятежника удались совершенно; его рѣшительность и самоувѣренность увеличивались съ пріобрѣтеніемъ каждаго новаго города, такъ что наконецъ достаточно было четыремъ или пяти человѣкамъ придти въ городъ и объявить, что войска Чэнь-вана идутъ за ними слѣдомъ, чтобы заставить мѣстныхъ чиновниковъ или разбѣгаться, или передаваться на сторону мятежниковъ.

По освидѣтельствованіи магазиновъ оказалось, что хлѣбныхъ запасовъ въ столицѣ будетъ недовольно для выдержанія осады—въ случаѣ, еслибы явились мятежники; поэтому стали помышлять о снабженіи города достаточнымъ продовольствіемъ и министръ Вай-цзао-дэ входилъ съ докладомъ къ государю, прося

*) Областные города въ губ. *Чжи-ли*.

дозволить ему самому отправиться изъ столицы для распоряженія по этому важному дѣлу. Но онъ хотѣлъ, какъ говорятъ, только воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобъ самому ускользнуть отъ угрожавшей столицѣ опасности; его хитрость однакоже не удалась; государь указомъ предписалъ ему заниматься дѣлами касательно продовольствія войскъ, соединенными съ званіемъ члена верховнаго совѣта.

1-го числа указомъ было предписано: присужденныхъ къ высылкѣ въ военныя поселенія на границы государства придворныхъ Евнуховъ освободить изъ заключенія и оставить безъ должностей. Въ то время сановниковъ было много въ темницахъ, но на прочихъ не простерлась милость государя,—одни только Евнухи были освобождены. Дворъ при этой Династіи былъ наполненъ Евнухами, они занимали самыя почетныя мѣста въ государствѣ, пользовались особенными милостями государей, вся почти власть была въ ихъ рукахъ; и этимъ легко объясняется прощеніе, исключительно дарованное только Евнухамъ. Но эти же самые Евнухи, паперсники государей почти всей Династіи, только безчестили важныя должности своими происками, стоили жизни многимъ чиновникамъ, наконецъ были въ то время главными измѣнниками и виновниками паденія Династіи.

2-го числа дошли до столицы первые слухи, что

вся губернія *Шàнь-си* во власти мятежниковъ, что войска въ *Юй-линь* *) потерпѣли пораженіе, и самое это мѣсто попало во власть непріятелей. Эта неудача произвела новыя, еще большія опасенія на счетъ столицы, хотя мятежники были еще далеко. Иные прямо выражались, что направленіе мятежниковъ къ столицѣ начинается со взятія *Юй-линь-гуань*, — говорили, что изъ всѣхъ войскъ, сосредоточенныхъ въ девяти важнѣйшихъ пунктахъ, войска Юй-линьскія самыя надежныя; что однажды разбивъ мятежниковъ и похитивъ изъ среды ихъ нѣсколько тысячь человѣкъ, они возбудятъ сильную ярость въ непріятеляхъ и заставятъ ихъ придти для новаго сраженія, собравъ всѣ силы. Еслибы командовавшій тамъ войсками хотя немного понималъ дѣло, то онъ не удовольствовался бы этою малою побѣдою, но заранѣе сталъ бы просить объ умноженіи своихъ войскъ, чтобъ быть въ состояніи дать сильный отпоръ непріятелю и заставить его удалиться съ безсильною злобою въ сердцѣ. Но у него не было ни малѣйшаго соображенія; опустивъ руки, онъ ожидалъ пораженія и дождался. Съ потерею *Юй-линя*, области *Чжэнь-динъ*, *Бао-динъ* и *Хэ-цзянь* должны быть потеряны.

Нужно было озаботиться пріисканіемъ средствъ къ

*) Одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ пунктовъ въ губ. *Шàнь-си*.

остановленію непріятеля и защитѣ города. Поэтому государь созвалъ важнѣйшіе чины во дворецъ и требовалъ ихъ мнѣнія касательно мѣръ, необходимыхъ для этой цѣли. Изъ множества собравшихся на совѣтъ, только 30 человѣкъ подали свои голоса; одни говорили, что для стражи при городскихъ воротахъ недостаточно чиновниковъ, что въ настоящее критическое время слѣдуетъ избрать достойныхъ прокуроровъ; другіе толковали о необходимости обучать войска и увеличить имъ жалованье. Видно, что государь не совсѣмъ доволенъ былъ этими ненадежными совѣтами; онъ приказалъ подать совѣтникамъ чай и отпустилъ ихъ, ничего не сказавъ. Справедливо замѣтилъ *Фынъ-мэнъ-лунъ* объ этихъ совѣтахъ, что если даже весь дворецъ наполнить прокурорами, то будутъ ли они въ состояніи своими дощечками отразить мятежниковъ? Впрочемъ Государь воспользовался отчасти мнѣніями чиновниковъ и приказалъ придворнымъ Евнухамъ и другимъ чиновникамъ принять на себя обязанность охраненія городскихъ воротъ и заняться присмотромъ за входящими и выходящими изъ города. Между тѣмъ государственная казна была истощена, а расходы на содержаніе войскъ постоянно увеличивались, почему и объявлено было указомъ, что бы всѣ, какъ гражданскіе, такъ и военные чиновники, по мѣрѣ силъ дѣлали пожертвованія въ казну, за что

обѣщаны были особыя милости государя. Нѣкоторые совѣтовали также составить народное ополченіе, но министръ *Вэй-цзао-дэ* возразилъ на это: народъ боится мятежниковъ, и если кто либо одинъ изъ среды ихъ побѣжитъ, то все дѣло будетъ потеряно. Государь согласился съ его мнѣніемъ, и потому съ этого времени запрещено было народу всходить на городскую стѣну для содѣйствія войскамъ.

За тѣмъ опять возобновились прежнія представленія объ отправленіи наслѣдника престола на югъ. Еще прежде *Ли-банъ-хуа*, генералъ-прокуроръ, и *Ли-минъ-жуй*, чиновникъ наслѣдничьяго правленія, частнымъ образомъ совѣтовались о необходимости отправиться на югъ или самому государю, или кому-либо изъ дѣтей его. Касательно того, кому отправиться, Ли-минъ-жуй сдѣлалъ замѣчаніе, что наслѣдникъ престола еще несовершеннолѣтенъ и незнакомъ съ государственными дѣлами, — доносить ему будутъ безъ должнаго страха, принимать повелѣнія безъ должнаго благоговѣнія, — лучше, если отправится самъ государь. Но они не смѣли подать своего мнѣнія касательно этого предмета государю, не имѣя къ представленію никакого законнаго повода; въ настоящее время представился къ тому случай. 26-го числа 2-й луны государь указомъ повелѣлъ чиновникамъ всѣхъ управленій представлять ему доклады относительно нужныхъ воен-

ныхъ и охранительныхъ мѣръ. Въ слѣдствіе сего оба вышеномянутые сановника и съ ними еще членъ наслѣдничьяго правленія *Сянъ-юй* представили, каждый особо, свои мнѣнія объ отправленіи на югъ кого-либо изъ царствующаго Дома. Но государю не понравились эти представленія, — онъ едва лишь бѣгло прочиталъ ихъ, какъ съ гнѣвомъ сказалъ: «что обыкновенно говорили сановники въ мирное время? Теперь государство дошло до крайняго положенія, и нѣтъ ни одного вѣрнаго сановника, ни одного добраго совѣтника; Дворъ находится въ волненіи, и вотъ какія предлагаютъ мѣры! Смерть государя при храмѣ *Шэцзи-тань* согласна съ истиною древнихъ и настоящихъ временъ; я уже твердо рѣшился и объ этомъ не для чего пустословить въ другой разъ». 3-го числа главнокомандующій Ли-цзянь-тай прислалъ изъ *Бао-динъфу* докладъ, въ которомъ предлагалъ государю самому отправиться на югъ. Совѣтъ былъ поданъ однимъ изъ главнѣйшихъ государственныхъ лицъ, — по этому государь пожелалъ предложить это дѣло на общее разсмотрѣніе важнѣйшихъ чиновниковъ и для этой цѣли созвалъ ихъ во дворецъ. Министръ *Фань-зцинъ-вынь* и прочіе защитники этой мѣры немедленно подали свои мнѣнія, прося отправить сначала наслѣдника престола въ Цзянъ-нань. Но въ это время прокуроръ *Гуанъ-ши-хэнъ* громкимъ голосомъ спросилъ:

«совѣтующіе отправить наслѣдника на югъ какія имѣютъ при этомъ мысли и намѣренія? Не хотятъ ли они повторить давнее событіе въ Линъ-ву при Танскомъ государѣ Су-цзунъ»? На эти рѣзкія слова трудно было отвѣчать и совѣтники не смѣли продолжать прѣнія. За тѣмъ государь спросилъ о мѣрахъ, какія нужно принять для успѣха войны и защиты; — собравшіеся всѣ молчали; государь со вздохомъ сказалъ: «я не губящій государство государь, а вы чины, губящіе государство». За тѣмъ онъ встряхнулъ рукавами одежды своей и всталъ съ мѣста.

Во мнѣніяхъ касательно отправленія или самаго государя, или кого-либо изъ дѣтей его на югъ, та и другая сторона имѣла свои основанія. Когда Ли-цзычэнъ прошелъ губ. Шáнь-си и вступилъ въ Шâнь-си, то продолжать войну было для него не иное что, какъ расщеплять надколотый бамбукъ. Чрезъ отправленіе кого-либо изъ лицъ царствующаго Дома на югъ, можно еще было замедлить дѣло, и слова Гуанъ-ши-хэна были слишкомъ рѣзки, — они заставили всѣхъ молчать, — и Имперія негодуетъ на него. Правда, въ правленіе Цзинъ-тай, когда Нѣ-сянь поднялъ мятежъ, *Сюй-ючжэнъ* предложилъ такое же мнѣніе, — и оно въ то время не было принято: войска отстояли городъ, прогнали мятежниковъ и храмъ предковъ остался неприкосновеннымъ. Гуанъ-ши-хэнъ опирался на это собы-

тіе; но въ это время были ли полководцы равные *Юй-чжунъ-су*? Не было; по этому можно сказать, что совѣтъ объ отправленіи на югъ имѣлъ свои основанія и могъ послужить средствомъ къ благопріятной перемѣнѣ дѣлъ, покуда не настало еще совершенно безнадежное положеніе. Въ послѣдствіи оказалось, что государь дѣйствительно скончался при храмѣ Шэ-цзи; при этомъ еслибъ Гуанъ-шн-хэнъ пожертвовалъ жизнію въ борьбѣ съ мятежниками, то, хотя бы и не могъ искупить вины своей въ смерти Императора, — по крайней мѣрѣ могъ бы доказать, что у него прежде не было въ душѣ другихъ намѣреній; напротивъ онъ прежде другихъ передался на сторону мятежниковъ. По этому мнѣніе его — чтобъ государь защищался въ столицѣ — было не иное что, какъ желаніе игрока, играя на чужія деньги, пріобрѣсть славу, а вовсе не основано было на чувствахъ вѣрности къ государю. Ли-банъ-хуа, защитникъ противнаго мнѣнія, до конца остался вѣренъ прежнему государю и н не задумался предать себя смерти, когда мятежники вступили въ столицу; потому справедливо можно утверждать, что совѣтъ его проистекалъ изъ чистой любви къ государю, а не изъ желанія спасти собственную жизнь. При всемъ томъ и мнѣніе — чтобъ государь самъ удалился на югъ — имѣло не совсѣмъ благопріятныя стороны. Положимъ, что государь отправил-

ся бы изъ сѣверной столицы заранѣе, въ то время, когда мятежники еще не подступали къ ней, — въ такомъ случаѣ сердца народа естественно были бы поражены страхомъ и безнадежностію, и столица представляла бы не болѣе, какъ черепицу на кровлѣ зданія, когда основаніе рушилось; потомство стало бы обвинять его, въ случаѣ несчастнаго исхода дѣлъ, въ необдуманномъ удаленіи изъ столицы и въ потерѣ государства отъ собственнаго неблагоразумія. Положимъ, съ другой стороны, что государь удалился бы изъ столицы въ то время, когда мятежники только что подступали къ ней; въ этомъ случаѣ надобно было рѣшаться на трудный и опасный путь, потому что неизвѣстно, какіе были планы у мятежниковъ для предупрежденія подобныхъ намѣреній, и можетъ быть гибель была бы еще болѣе несомнѣнною. Въ этихъ мысляхъ можетъ быть государь не рѣшился на удаленіе изъ столицы и хотѣлъ умереть, не разлучаясь съ храмомъ предковъ. Что касается наслѣдника престола, который служитъ основаніемъ государству, то должно было отправить его на югъ въ сопровожденіи надежнѣйшихъ и опытнѣйшихъ сановниковъ, когда мятежники были еще далеко отъ столицы; поселившись въ одномъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ государства онъ могъ бы сосредоточить въ своемъ лицѣ любовь народа: при этомъ, еслибъ сѣверная столица находилась

въ опасности, легко было бы призвать помощь съ юго-востока. И не въ отношеніи къ одному наслѣднику престола надлежало привести въ дѣйствіе этотъ планъ, — князья Юнъ-ванъ и Дунъ-ванъ, младшіе дѣти государя, тоже могли бы удалиться въ разныя губерніи, для предупрежденія разныхъ непредвидѣнныхъ переворотовъ. Что касается до возраженій относительно неопытности наслѣдника, то должно знать, что обстоятельства могутъ измѣняться; прежде Танскій государь Юань-цзунъ удалился въ губ. Сы-чуань (кн. Шу) и повелѣлъ Су-цзуну собрать войска въ Лиңъ-ву; это сдѣлано было изъ опасенія, чтобъ не погибнуть вмѣстѣ отъ какой либо неудачи, когда дѣйствія мятежниковъ Ань-лу-шань и Ши-ми-юань сдѣлались весьма близкими и опасными.

Въ то время войска въ столицѣ находились въ дурномъ состояніи, отъ невнимательности къ военному дѣлу въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; болѣе надежныя и обученныя войска отправлены были на югъ, гдѣ также происходили сильныя возмущенія. По этому 4-го числа повелѣно было генералъ-полиціймейстеру и коменданту столицы Ли-го-чжэну обучать столичныя войска и охранять самому лично ворота Си-чжи-мынь; къ другимъ воротамъ также назначено было по одному изъ заслуженныхъ гене-

раловъ и по два помощника изъ второстепенныхъ чиновниковъ.

Еще 26-го числа 1-й луны назначенъ былъ главнымъ предводителемъ императорскихъ войскъ противъ мятежниковъ министръ Ли-цзянь-тай. Государь проводилъ его изъ столицы со всѣми почестями, приличными его высокому званію, за воротами Чжэнъянъ-мынь самъ троекратно подавалъ главнокомандующему вино, каждый разъ въ новой золотой чаркѣ и самыя чарки подарилъ ему. Но его походъ, какъ замѣтили современники, не могъ быть удаченъ, потому что въ то время, когда Императоръ въ дворцовой залѣ вручалъ главнокомандующему принадлежности его званія, перекладины, поддерживавшія верхъ зданія, затрещали, какъ будто хотѣли переломиться; въ день выѣзда его изъ столицы поднялся сильный вѣтеръ и разносилъ по городу столбы пыли. Гадатели Пекинскіе тотчасъ высказали замѣчанія о бѣзуспѣшности его отправленія, и наконецъ, едва онъ выѣхалъ за городъ, какъ носилки обломились; все это было, по мнѣнію суевѣрнаго народа, не добрымъ предзнаменованіемъ. На этотъ разъ эти зловѣщія предсказанія сбылись; вскорѣ по выѣздѣ изъ города, Ли-цзянь-тай узналъ, что пламя мятежа въ губ. Шань-си приняло самые обширные размѣры, что все его имущество въ этой губерніи или разграблено или пред-

но огню; эти недобрыя вѣсти охладили въ немъ весь жаръ, съ которымъ онъ направлялъ свой путь въ эту губернію, надѣясь оказать большое вспоможеніе казнѣ продовольствіемъ войскъ собственными средствами; поэтому новый чрезвычайный военачальникъ слишкомъ медлилъ въ пути, проѣзжая въ сутки не болѣе 30 кит. верстъ. При немъ, въ числѣ многихъ чиновниковъ, находился и Адамъ Шалль, знаменитый европейскій миссіонеръ: онъ былъ нуженъ для управленія артиллеріею и для устройства переправъ чрезъ рѣки. 5-го числа 3-й луны отъ Ли-цзянь-тая получено было донесеніе, что онъ болѣнъ; между тѣмъ войска, бывшія подъ его начальствомъ, начали разсыпаться. Въ это время въ столицѣ начали говорить о бездѣйствіи Ли-цзянь-тая, и Чэнъ-юань спрашивалъ министра Вэй-цзао-дэ о причинѣ этого бездѣйствія, и предлагалъ приказать состоявшему при немъ Цзунъ-бину Ма-шэнь, у котораго находилось подъ командою 10,000 войска, поспѣшнѣе идти въ горное укрѣпленіе Цзюй-юнъ-гуань и защищать его съ Танъ-тупомъ соединенными силами; потому что при этомъ представлялось болѣе возможности сопротивляться и отстоять укрѣпленіе. Но его предложеніе осталось безъ отвѣта. Въ послѣдствіи, когда столица была уже взята мятежниками, Ли-цзянь-тай въѣхалъ въ Пекинъ и былъ встрѣченъ мятежниками съ почестями и опять

сдѣланъ министромъ. По другимъ сказаніямъ, Ли-цзянь-тай былъ болѣнъ въ Бао-динъ-фу въ то время, когда мятежники подступили къ этому городу; когда же они овладѣли городомъ, то и Ли-цзянь-тай былъ взятъ въ плѣнъ; царская грамота, мечъ и печать были у него отобраны и преданы огню; три золотыхъ чарки, подаренныя государемъ, тоже были взяты. По другимъ еще сказаніямъ, Ли-цзянь-тай, находясь еще въ Бао-динъ-фу, сносился съ непріятелями и потому передался на ихъ сторону, какъ только мятежники овладѣли городомъ. Болѣзнь Ли-цзянь-тая легко можетъ быть объяснена измѣной; личный характеръ его не противорѣчитъ сказанію объ измѣнѣ, а болѣзнь могла быть только предлогомъ къ бездѣйствію; если бы онъ сталъ дѣйствовать противъ мятежниковъ, то они не пощадили бы его, а онъ слишкомъ былъ привязанъ къ жизни.

Для пополненія казны, государь прибѣгнулъ къ обыкновенной въ Китаѣ мѣрѣ; онъ издалъ указъ, коимъ позволялось всѣмъ сосланнымъ въ пограничныя мѣста важнымъ преступникамъ вносить выкупъ для полученія свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлена была тетрадь для записыванія пожертвованій въ казну отъ чиновниковъ.

6-го числа начали помышлять о сосредоточеніи войскъ въ укрѣпленіяхъ, находившихся близъ столицы. Но министръ Чэнь-янь, въ послѣдствіи передавшійся

на сторону мятежниковъ, по прежнему безпечный даже и въ это трудное время, и по ограниченному уму неспособный къ управленію государственными дѣлами, настоятельно отвергалъ это предложеніе. Государь, по зрѣломъ обсужденіи, нашелъ однакоже предложеніе основательнымъ и повелѣлъ привести его въ исполненіе. Министръ былъ этимъ взволнованъ, считалъ себя унпженнымъ, и, подъ предлогомъ болѣзни, просилъ увольненія отъ должности, которое немедленно и получилъ, вмѣстѣ съ заслуженнымъ упрекомъ отъ государя. Между тѣмъ повелѣно было У-сань-гую и Ванъюй-цзи, командовавшимъ войсками въ Цзи-чжэу и Ляо-дунъ, двинуться въ близкіе къ столицѣ военные пункты. Такое же повелѣніе послано было Танъ-туну и Лю-цзэ-цину. Еще прежде послѣднему приказано было передвинуть свои войска въ область Чжанъ-дэфу; но такъ какъ слабо управляемыя войска его произвели грабежъ въ округѣ Линь-цинъ, то онъ, опасаясь суда, уклонился еще южнѣе. Прибылъ только Танъ-тунъ съ 8,000 человѣкъ и ему приказано было, вмѣстѣ съ Евнухомъ Ду-чжи-чжи, защищать горное укрѣпленіе Цзюй-юнъ-гуань. При этомъ государь пожаловалъ Танъ-туну 4,000 ланъ серебра, красную парадную съ драконами одежду и еще двѣ одежды; на приведенныя имъ войска выдалъ изъ дворцоваго казначейства 4,500 ланъ серебра.

Въ тотъ же день въ столицѣ были получены два непріятныя донесенія: первое, что областной городъ Да-тунъ-фу находится въ опасномъ положеніи; второе— что укрѣпленіе Нинъ-ву *) взято непріятелями и что военачальникъ (Цзунъ-бинъ) Чжэу-юй-цзи убитъ. Изложимъ послѣднее событіе въ подробности. Въ то время, когда сила мятежниковъ становилась страшною и близкою, Чжэу-юй-цзи просилъ подкрѣпленіи; его просьба удовлетворена была немедленно, но, къ несчастію, вспомогательное войско изъ 2,000 воиновъ не дошло до него; предводитель этого войска Сюнь-тунъ-чжи около рѣки Хуань-хэ наткнулся на мятежниковъ и передался къ нимъ со всѣмъ войскомъ; мятежники отправили его склонить Чжэу-юй-цзи къ сдачѣ укрѣпленія; но они не знали съ кѣмъ имѣли дѣло; лишь только посланецъ явился къ Чжэу-юй-цзи и высказалъ ему предложеніе мятежниковъ, какъ военачальникъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и сталъ укорять его въ измѣнѣ — стыдить тѣмъ, что онъ, имѣя подъ начальствомъ 2,000 войска, не могъ сразиться съ непріятелемъ и еще сдѣлался переговорщикомъ со стороны мятежниковъ. «Я получилъ великія милости», заключилъ онъ, «отъ государя и захочу ли подражать вамъ, измѣнникамъ и бунтовщикамъ?» Въ слѣдъ

*) Въ уѣздѣ *Го-сянь* области *Тай-юань-су*, находящейся въ губер. *Тянь-си*.

за тѣмъ приказалъ отрубить голову переговорщику и отправить ее въ столицу, прося въ тоже время вспомогательнаго войска. Это происходило 12-го числа 2-й луны. 15-го числа мятежники подступили къ укрѣпленію и послали не переговорщика, а письмо къ осажденнымъ съ угрозою, что если не сдадутъ укрѣпленія въ продолженіи пяти дней, то всѣ будутъ изрублены. Надменная рѣчь мятежниковъ имѣла свои основанія: послѣ взятія Тай-юаня имъ легко было идти впередъ; взять укрѣпленіе Нинъ-ву было для нихъ не иное что, какъ сорвать завянувшій листъ или переломить изсохнувшую соломинку. На дѣлѣ вышло иначе; иначе думалъ о томъ и начальникъ укрѣпленія. Отрубивъ голову посланному, онъ въ тоже время дѣятельно принялся за приготовленія къ сильной борьбѣ съ мятежниками, хотѣлъ и имъ по заслугамъ заплатить за бунтъ; день и ночь обучалъ войска и, когда непріятели приближались къ укрѣпленію, онъ отобралъ нѣсколько сотъ болѣе крѣпкихъ и храбрыхъ солдатъ, воодушевилъ ихъ рѣчью о вѣрности и долгѣ, встрѣтилъ непріятеля и напалъ на него; мятежники не ожидали такого сильнаго нападенія и не были готовы; Чжэу-юй-цзи врѣзался въ центръ непріятеля и похитилъ у него самыхъ надежныхъ и храбрыхъ воиновъ. Такимъ образомъ порывъ непріятелей былъ охлажденъ, но они не отступили; начались нападенія на крѣпость

и долго продолжались безъ всякаго успѣха. Чжэу-юй-цзи съ своей стороны сохранялъ все присутствіе духа и велъ дѣло съ полною осторожностію; днемъ онъ выводилъ свои войска изъ укрѣпленія и войну въ открытомъ полѣ считалъ лучшимъ средствомъ къ оборонѣ; ночью стягивалъ войска въ стѣны укрѣпленія и со стѣнъ разилъ непріятеля пушечными выстрѣлами; непріятели гибли безъ числа: къ несчастію въ порохѣ оказался недостатокъ, а непріятели стали разбивать стѣны осадными орудіями; о вспомогательныхъ войскахъ не было и слуха. Иные уже начинали совѣтовать сдаться; но начальникъ былъ не такихъ правилъ; онъ произнесъ имъ самое краснорѣчивое убѣжденіе, и прибавилъ: «что въ продолженіи трехъ дней убито непріятелей болѣе 10,000; при этомъ можно ли предаваться трусости? Если мы побѣдимъ цѣлую армію, то за нами останется имя храбрыхъ и вѣрныхъ; если же—одно изъ 10;000 предположеній—мы будемъ не въ состояніи противиться, то свяжите меня и представьте непріятелю». Послѣ этого онъ отдалъ тайный приказъ отборнымъ воинамъ сдѣлать засады на улицахъ и, отворивъ ворота, началъ заманивать непріятеля; непріятель былъ не слишкомъ остороженъ и вошелъ въ городъ въ числѣ 10,000 слишкомъ человѣкъ: военачальникъ приказалъ запереть ворота; засадныя войска высыпали съ четырехъ

сторонъ и истребили всѣхъ до одного, убили между прочимъ четырехъ начальниковъ; послѣ этого отворили ворота, кинулись на осаждавшихъ и еще убили у непріятеля нѣсколько тысячъ. Мятежники пришли въ неописанную ярость. Видя,. что число осажденныхъ незначительно, они рѣшились задавить ихъ превосходствомъ силъ: мятежниковъ приходилось, по крайней мѣрѣ, по 10-ти на одного изъ осажденныхъ; по этому они положили идти въ сраженіе съ обнаженными головами и истреблять тѣхъ, у кого будутъ шапки на головахъ, вступая поперемѣнно въ дѣло одни за другими. Расчетъ былъ вѣрный, и осажденные, не смотря на всю храбрость, потеряли сраженіе. За тѣмъ мятежники обложили укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ и, послѣ четырехдневной осады, взяли его. Военачальникъ съ мечемъ въ рукѣ бился до послѣднихъ силъ, но получилъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ и былъ взятъ. Будучи уже не въ состояніи дѣйствовать оружіемъ, онъ самыми жестокими словами поносилъ мятежниковъ и былъ преданъ мучительной казни. Войска и всѣ находившіеся въ укрѣпленіи, даже дѣти и женщины, были преданы смерти. Укрѣпленіе было взято, но эта побѣда дорого стоила непріятелямъ; они сами говорили, что имъ нанесена здѣсь глубокая рана и разсуждали, что если отсюда идти къ столицѣ, то въ Да-тунъ-фу есть 10,000 войска, столько же въ

Сюань-фу, въ Цзюй-юнъ-гуань 20,000, въ Янъ-чжэнь и Хэ-чжэнь въ сложности будетъ столько же; если они всѣ встрѣтятъ насъ, какъ встрѣтили въ Нинъ-ву, то уцѣлѣетъ ли изъ насъ хоть одинъ человѣкъ? Они назначали уже время для выступленія войскъ въ губ. Шáнь-си для отдыха и для подкрѣпленія себя новыми силами. Въ это тяжелое время размышленій о неудачѣ, отъ начальника въ Да-тунъ-фу пришла бумага, въ которой онъ изъявлялъ совершенную покорность; мятежники были весьма обрадованы; въ тоже время отъ военачальника въ Сюань-фу пришла подобная бумага; въ слѣдствіе чего мятежники единогласно рѣшились идти прямо на Да-тунъ-фу, имѣя въ виду столицу. Въ непродолжительномъ времени военачальникъ укрѣпленія Цзюй-юнъ-гуань, находящагося въ горномъ проходѣ, равно и начальники другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, лежавшихъ вблизи отъ мятежниковъ, также гражданскіе и военные чины въ округѣ Чанъ-пинъ-чжэу, прислали изъявленіе покорности; эти извѣстія о сдачѣ разныхъ пунктовъ непріятелю неслись со всѣхъ сторонъ, какъ по вѣтру. Когда въ послѣдствіи мятежники взяли столицу, то между ними бо̀льшая часть была съ шрамами на лицѣ и тѣлѣ, иные безъ руки или ноги; это все были знаки сраженія въ Нинъ-ву, и они сами говорили: «Чжэу-юй-цзи отлично храбръ, онъ изрубилъ у насъ нѣсколько десятковъ

тысячь людей; еслибъ еще одна подобная стычка, то нашъ предводитель могъ ли бы придти сюда?»

7-го числа мятежники приблизились къ гор. Датунъ-фу, и измѣнникъ Цзянъ-сянъ въ точности исполнилъ свое обѣщаніе относительно сдачи города, захватилъ губернатора и выдалъ его. Но этотъ послѣдній не хотѣлъ стать на колѣна предъ главою мятежниковъ, сказавъ: «эти колѣна не преклоняются предъ двумя лицами; теперь должно предать меня смерти;» съ этими словами онъ сѣлъ на землю, громко и со слезами взывая къ государю. Жестокій мятежникъ былъ пораженъ его неустрашимостью и вѣрностью и приказалъ пощадить его. Тогда губернаторъ всталъ съ земли и ударился головою о камень, кровь брызнула и потекла ручьемъ; мятежники все-таки не хотѣли умертвить его и приказали держать его въ лагерѣ подъ стражею, но на шестой день губернаторъ самъ наложилъ на себя руки; предъ смертію онъ одѣлся во все парадное платье и, обратившись лицомъ на югъ, пролилъ слезы и совершилъ должное поклоненіе. Вмѣстѣ съ Цзянъ-сяномъ передались на сторону мятежниковъ всѣ чиновники этой области.

На слѣдующій день взятъ былъ областный городъ Сюань-фу. Отправленный сюда государемъ для приведенія города въ оборонительное положеніе Евнухъ Ду-сюнь, одѣвшись во все парадное платье, на ко-

лесницѣ, запряженной 8-ю красивыми конями, выѣхалъ за 30 ли отъ города на встрѣчу мятежникамъ и служилъ имъ проводникомъ въ городъ. Губернаторъ Чжу-чжи-фынъ былъ не такихъ мыслей; онъ вывѣсилъ на улицахъ города объявленіе о наградахъ за военные подвиги и призывалъ всѣхъ къ защитѣ города; на его призывъ не было отвѣта; три раза онъ повторялъ свое воззваніе и послѣ этого собравшійся народъ всею массою сталъ умолять его, позволить войску и народу принять мятежниковъ, чтобъ, такимъ образомъ, спасти цѣлый городъ отъ гибели. Средствъ къ сопротивленію не оставалось. Губернаторъ пошелъ на городскія стѣны для нужныхъ распоряженій и, вглянувъ на огромныя пушки, сказалъ стоявшимъ на стѣнахъ: «палите изъ нихъ, — все таки можно убить нѣсколько сотъ мятежниковъ», но голосъ его остался безъ отвѣта; тогда онъ самъ хотѣлъ дѣйствовать изъ орудій, но его схватили за руки и не позволили стрѣлять. У другихъ эти событія описываются съ бо́льшею подробностію; говорится, что военный начальникъ города заранѣе выслалъ верховыхъ встрѣтить мятежниковъ, но утаилъ это отъ губернатора; тотъ и другой, поднявшись на городскую стѣну, раздѣлили ее на двѣ половины, для распоряженія военными дѣйствіями; между тѣмъ губернаторъ отправилъ гонца въ столицу съ извѣстіемъ, что городу угрожаетъ вели-

чайшая опасность, и просилъ немедленной помощи; въ самомъ же городѣ ходили нелѣпые слухи, будто бы губернаторъ доносилъ, что жители замышляютъ измѣну, и просилъ войскъ для усмиренія и наказанія ихъ, — при этомъ страхъ овладѣлъ всѣми. Съ другой стороны распространены были ложныя вѣсти, что мятежники не обижаютъ народа и не злодѣйствуютъ, напротивъ раздаютъ свои деньги для вспомоществованія бѣднымъ; сравнивали даже начальника мятежниковъ по добродѣтелямъ съ основателями династій Хань и Танъ; вслѣдствіе этихъ вѣстей войско и народъ ожидали прихода мятежниковъ съ нетерпѣніемъ. Когда непріятель подступилъ къ городу, тогда губернаторъ началъ распоряжаться на стѣнѣ, не желая отдать городъ безъ бо́я, какъ вдругъ увидѣлъ, что всѣ бывшіе на стѣнѣ поспѣшно разсѣялись, остались только 7 или 8 человѣкъ, но не съ мыслію дѣйствовать противъ мятежниковъ, а съ желаніемъ воспрепятствовать ему самому дѣйствовать. Въ это самое время мятежники начали входить въ городъ южными воротами; всѣ дома въ городѣ украшены были разноцвѣтными вывѣсками въ знакъ радости, жители имѣли на груди надпись: «покорный народъ». Губернаторъ пришелъ въ сильный гнѣвъ при видѣ такой общей измѣны, приказалъ поворотить большую пушку дуломъ внутрь города и стрѣлять, но его не слушали; онъ самъ хо-

тѣлъ повернуть ее, но увидѣлъ, что занялъ заколоченъ гвоздемъ. Видя, что ничего уже не оставалось дѣлать, онъ потребовалъ мечъ свой, но мечъ былъ спрятанъ; измѣнники вѣроятно хотѣли его живымъ представить мятежникамъ, расчитывая на награду за его голову. Въ это время губернаторъ поднялъ свой взоръ къ небу и, горько рыдая, взывалъ къ государямъ-основателямъ династіи и царствовавшему въ то время Императору; «я не думалъ, говорилъ онъ, чтобы небо допустило сердцу людей въ одинъ день дойти до такого состоянія, — я долженъ обратиться въ духа и поражать разбойниковъ, чтобы отблагодарить за милости ко мнѣ государя»; окончивъ свой плачъ, онъ повѣсился подъ навѣсомъ стѣнной башни, — окружавшіе бросили его трупъ въ обводный каналъ. На слѣдующій день мятежники произвели въ городѣ страшный грабежъ и неслыханныя безчинства и ушли, оставивъ тамъ своего начальника, который сдѣлалъ перепись всѣмъ находившимся въ городѣ богатымъ и знатнымъ семействамъ и требовалъ отъ нихъ золота и серебра. Его жестокость и корысть не имѣли предѣловъ, но онъ, чрезъ два мѣсяца послѣ этихъ событій, былъ жестоко наказанъ за свои злодѣянія. Въ то время, когда мятежники овладѣли этимъ городомъ, тамъ находился прежній губернаторъ, недавно отставленный отъ должности, Ли-цзянь, на мѣсто котораго по-

ступилъ Чжу-чжи-фынъ. Въ 4-й лунѣ онъ получилъ извѣстіе, что У-сань-гуй нанесъ сильное пораженіе мятежникамъ въ сѣверовосточномъ углу имперіи, и, раздѣляя общую ненависть народа къ мятежникамъ, обманувшимъ надежды на чистоту ихъ побужденій, собралъ подъ свое начальство нѣсколько тысячь человѣкъ и 5-го числа 5-й луны на разсвѣтѣ окружилъ домы главныхъ властей, оставленныхъ мятежниками для управленія, отрубилъ голову главному начальнику и сердце его принесъ въ жертву скончавшемуся императору; за тѣмъ весь народъ, смѣшавъ собственную кровь съ виномъ, клялся сражаться съ мятежниками;— послѣ чего тѣло погибшаго губернатора переложили изъ наскоро сдѣланнаго гроба въ новый, приличный его сану и доблестямъ, и погребли со слезами и должною честію. Еслибъ народъ послушался убѣжденій храбраго и благоразумнаго губернатора, то можетъ быть избавился бы отъ бѣдствій и посрамленія, коимъ подвергся отъ мятежниковъ, и, судя по твердости его характера и неустрашимости, а также по числу находившагося тамъ войска, взятіе этого города стоило бы непріятелю такихъ же потерь, какія онъ понесъ въ Нинъ-ву; къ несчастію измѣна все испортила.

Въ 9-й день взятъ былъ военный постъ Янъ-хэ-бао, находившійся къ западу отъ обл. города Да-тунъ-фу; здѣсь также была измѣна: прокуроръ Юй-чунъ-хуа

вышелъ изъ городка за 10 кит. верстъ на встрѣчу мятежникамъ.

Въ это время военныя депеши постоянно приходили въ столицу со всѣхъ сторонъ, а члены верховнаго совѣта или склонивъ головы сидѣли другъ противъ друга, ничего не предпринимая, или, какъ обыкновенно, разговаривали и шутили. Министръ Фаньцзинъ-вынь опять нѣсколько разъ заводилъ рѣчь о необходимости перенести Дворъ въ южную столицу; но ему отвѣчали, что онъ вѣрно хочетъ привести всѣхъ въ волненіе, — и онъ принужденъ былъ умолкнуть. Въ самой столицѣ приготовленія къ близкой борьбѣ съ мятежниками ограничивались тѣмъ, что осматривали разставленныя по улицамъ пушки, размѣстили войска по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, на стѣнахъ городскихъ устроили палатки и ожидали появленія непріятелей.

Прежде было замѣчено, что хлѣбные магазины были опустошены, — это отчасти произошло отъ жадности чиновниковъ, отчасти отъ постоянныхъ издержекъ на продовольствіе войскъ, отчасти отъ необходимости вспомоществовать обѣднѣвшимъ отъ частыхъ неурожаевъ. Между тѣмъ нужно было снабдить городъ достаточнымъ продовольствіемъ, потому что осада казалась близкою и неизбѣжною. По этому государь предписалъ Палатѣ финансовъ слѣдующее: «такъ какъ

мятежъ становится весьма близкимъ къ столицѣ и начинаетъ угрожать ей, то необходимо запасти потребное количество продовольствія; въ настоящее время цѣны на хлѣба умѣренныя, по этому должно заблаговременно позаботиться о томъ, чтобъ не было недостатка; — всѣ родственники царствующаго Дома, важные сановники, вообще всѣ чиновники, купцы и богатые обыватели должны снабдить свои домы хлѣбомъ и донести Палатѣ о количествѣ имѣющагося у нихъ запаса; при этомъ готовыхъ запасовъ не должно отправлять въ казенные магазины; — 1,000 мѣшковъ составляютъ партію, а тѣ, кои, будучи воодушевлены чувствомъ долга, запасутъ до 3,000 мѣшковъ и болѣе, будутъ награждены за свое усердіе; — когда почувствуется нужда въ продовольствіи, то пусть выпускаютъ въ продажу по первоначальной цѣнѣ, не считая этихъ запасовъ пожертвованіемъ, сдѣланнымъ въ казну». Изъ этого указа можно видѣть, что не только казенные хлѣбные магазины были пусты, но что и финансы были до того скудны, что ихъ недоставало на закупку продовольствія для города и при томъ въ то время, когда цѣны на хлѣбъ были весьма умѣренныя. Одна крайняя бѣдность казны могла принудить государя издать подобный указъ.

Въ слѣдъ за указомъ о запасѣ продовольствія, явился новый указъ, призывавшій къ пожертвованіямъ

новаго рода. При передвиженіи войскъ изъ одного мѣста въ другое, немедленно требовались лошади, а пріобрѣтать ихъ покупкою было трудно по той же причинѣ, по которой казна не могла запасти хлѣба для продовольствія столицы. По этому государь указомъ повелѣлъ, чтобы всѣ важнѣйшіе сановники, равно и всѣ военные и гражданскіе чиновники, имѣющіе у себя крѣпкихъ лошадей, не разбирая числа ихъ, представляли для казенныхъ потребностей вмѣстѣ съ сѣдлами и уздами, за что, по усмиреніи мятежниковъ, будутъ награждены милостями. Исторія умалчиваетъ о томъ, многіе ли вняли голосу императора; но изъ описанія сбора другихъ пожертвованій можно заключить, что щедрость и усердіе чиновниковъ и въ этомъ случаѣ имѣли очень тѣсные предѣлы.

12-го числа гонцы принесли въ столицу извѣстіе, что мятежники быстро подвигаются впередъ,—надобно было приготовить суммы на содержаніе войска, чтобъ оно не отказалось служить въ это критическое время и чтобъ къ внѣшнему возмущенію не присоединился внутренній мятежъ въ самой столицѣ. Въ слѣдствіе того всѣ чины собрались для совѣщанія о пожертвованіяхъ на содержаніе войска. При этомъ государь предложилъ ближайшимъ родственникамъ своимъ, важнѣйшимъ сановникамъ и главнѣйшимъ Евнухамъ вносить по списку свои пожертвованія, пожало-

валъ тестя своего Чжэу-куй достоинствомъ *Хоу* *), расчитывая на его щедрость, какъ именитаго богача, и отправилъ Евнуха Сюй-гао объявить указъ о сборѣ вспоможеній. Въ указѣ между прочимъ говорилось, что родственники государя взаимно связаны между собою и никто кромѣ нихъ не можетъ предшествовать въ этомъ дѣлѣ добрымъ примѣромъ, такъ какъ они могутъ жертвовать отъ 5 до 10 ваней ланъ серебра на вспоможеніе при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ государства. Но въ расчетѣ на усердіе своихъ родственниковъ государь ошибся; самый богатый и близкій къ государю по родству — отецъ Императрицы высказался первый. «Я престарѣлый подданный», отвѣчалъ онъ Евнуху, «могу ли имѣть много серебра?» При такомъ неожиданномъ отвѣтѣ даже Евнухъ прослезился отъ досады. Указъ принесли къ нему въ другой и третій разъ, но Чжэу-куй упорно отказывался сдѣлать пожертвованіе. Наконецъ Сюй-гао не выдержалъ и сказалъ ему: «престарѣлый императорскій родственникъ до такой степени низокъ и скупъ! Когда великое дѣло (Государство) будетъ потеряно, то что̀ принесутъ тебѣ пользы огромныя сокровища и богатство?» Чжэу-куй, не имѣя возможности долѣе отговариваться, пожертвовалъ 10,000 ланъ.

---

*) Второе изъ пяти достоинствъ имперіи.

Государь отвѣчалъ, что этого мало и предлагалъ пожертвовать отъ 20 до 30 тысячъ ланъ. Чжэу-куй отправилъ тайное письмо къ Императрицѣ, прося у ней помощи, но Императрица могла прислать ему только 5,000 ланъ и то съ большимъ успѣхомъ. При этомъ Чжэу-куй отдѣлилъ изъ капитала, ввѣреннаго ему на сохраненіе однимъ лицомъ, 2,000 ланъ, присоединилъ 3,000 своихъ и представилъ. За нимъ главные Евнухи представили отъ 3 до 5 ваней ланъ, не многіе ограничились одною ванею. Въ послѣдствіи, когда непріятели овладѣли городомъ и стали выжимать у богачей сокровища, у Чжэу-куй оказалось 52 вани серебра, и на такую же сумму золотыхъ и серебряныхъ вещей, жемчугу и дорогихъ каменьевъ; у Евнуха Ванъ-чжи-спиь, пожертвовавшаго только 10,000 ланъ, найдено 15 ваней ланъ серебра и на столько же золотыхъ и серебряныхъ вещей.

11-го числа государь обнародовалъ Манифестъ, въ которомъ обвинялъ себя въ разныхъ недостаткахъ правленія, доведшихъ государство до плачевнаго состоянія, и призывалъ всѣхъ къ дѣятельному вспомоществованію для усмиренія мятежа. Вотъ этотъ манифестъ: «Уже 17 лѣтъ, какъ я наслѣдовалъ великій законъ правленія; въ глубинѣ сердца помышляя о величіи Верховнаго Царя, низводящаго и возводящаго Царей, — о важности порученія, возложеннаго на меня

отъ предковъ, — я трепещу днемъ и ночью, не дерзая предаться безпечности. Между тѣмъ бѣдствія слѣдуютъ одно за другимъ, духъ мятежа день ото дня распространяется подобно пламени. Забывъ благодѣяніе воспитанія въ продолженіи столькихъ поколѣній, мятежники свирѣпствуютъ 20 лѣтъ съ жаждою неистовства; — простить ихъ — дѣлаются еще надменнѣе, приласкать — вдругъ поднимаютъ бунтъ, и, что̀ всего гибельнѣе, заражаютъ другихъ тѣмъ же мятежнымъ духомъ, а вновь увлеченные ими вовсе забываютъ при этомъ долгъ мести бунтовщикамъ. Я — отецъ и мать народа и не могу прикрыть своихъ птенцовъ крыльями; народъ — мои дѣти и не могутъ защитить и охранить меня. Губерніи Ша́нь-си и Хэ-нань представляютъ груды развалинъ, губерніи Цзянъ-нань и Ху-гуанъ подверглись гибели и злодѣйствамъ; если виною всего этого не я, то кто же приметъ вину на себя? По этому острыя стрѣлы, поражающія народъ, смерть его въ огнѣ и водѣ, кровь, текущая потоками, трупы, образовавшіе собою цѣлыя горы — все это моя вина. Пожертвованія корма для лошадей и продовольствія для войскъ, перевозка войска и провіанта и вспомоществованіе войску въ пути, множество прибавочныхъ налоговъ безъ средствъ къ пріобрѣтенію достоянія, обременительные займы казны на предварительное обезпеченіе будущихъ нуждъ государства — опять

моя вина. Жилища народа, пустыя какъ висячій колоколъ, совершенно заброшенныя и заросшія травою поля, бѣдствія пожара безъ дверей для спасенія, вопли, вынужденные жестокостью холода и вѣтра, и въ слѣдъ за ними лишеніе жизни — опять моя вина. Постоянный ропотъ на неурожайные годы, засухи и наводненія, взаимно смѣняющіяся, безпрерывныя войны, гибель отъ заразительныхъ болѣзней, нарушеніе согласія между небомъ и землею и отсюда всеобщія жалобы — опять моя вина. Что касается до властей, занимающихъ высшія должности и не соблюдающихъ закона, — до низшихъ чиновниковъ, не знающихъ честности, до Совѣтниковъ государственныхъ, которые лишь двигаютъ головою и разсуждаютъ безтолково, — до надменныхъ военачальниковъ, которые угнетаютъ слабыхъ и не совершаютъ ни какихъ подвиговъ; то этому причиною то, что я въ управленіи потерялъ истинный законъ и не возбудилъ въ сердцахъ истинной благодарности. Думая объ этомъ день и ночь, я не нахожу мѣста для успокоенія. Теперь я объявляю всей Имперіи, что отнынѣ я возложу на себя бо̀льшія заботы и труды, глубоко вникну въ прежнія ошибки, буду особенно заботиться о добродѣтели, хранить древніе уставы, чтобъ утолить скорбь и стенанія; идти путемъ человѣколюбія, чтобъ привлечь сердца людей, уничтожу прибавочныя повинности, чтобъ укрѣпить

силы народа. Что касается до сборовъ на продовольствіе войскъ, то они вынуждены лишь необходимостью, по этому главные правители губерній, взывая народъ къ пожертвованіямъ, не должны нарушать закона успокоенія и питанія. Если же нѣкоторые изъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ, будутъ прибавлять хоть каплю къ сборамъ, — незаконно и самовольно собирать повинности, или будутъ извращать уставы о штрафахъ и несправедливо подвергать казнямъ, и такимъ образомъ доводить народъ до того, что онъ не радъ будетъ жизни, то такихъ немедленно предавать суду. Если будутъ между народомъ такіе, которые станутъ перебѣгать изъ одного мѣста въ другое, то не только освобождать ихъ отъ взысканія повинностей, но еще стараться пріютить ихъ и оказать имъ вспоможеніе, чтобъ они не были вынуждены оставить свое мѣстопребываніе. Что касается до чиновниковъ, за разныя преступленія лишенныхъ должностей, то, если между ними есть честные, вѣрные, справедливые и прямодушные, не корыстолюбивые и способные, которые достойны того, чтобъ употребить ихъ на должности, — о такихъ Палаты Чиновъ и Военная должны представить, по тщательномъ изслѣдованіи, и опредѣлить. Если между лицами, вышедшими изъ незнатнаго рода, будутъ отлично храбрые, которые возьмутъ обратно какой-либо городъ, то такимъ открыть

доступъ къ полученію чиновъ, переходящихъ по закону къ потомкамъ; если тѣ, которые подпали общему бѣдствію и присоединились къ мятежникамъ, оставятъ ихъ, обратятся на путь законный и возвратятся, то простить имъ преступленіе и дать возможность оказать заслуги; если кто представитъ главу мятежниковъ живаго или мертваго, то такого наградить достоинствомъ *Хоу*. Вѣрность государю и любовь къ отечеству общи сердцамъ всѣхъ; при омытіи посрамленія и уничтоженіи бѣдствій, кто не раздѣлитъ общаго труда? Получивъ великія милости отъ предковъ, пусть всѣ постараются содѣйствовать великому дѣлу полнаго усмиренія государства!»

Между тѣмъ непріятели пошли отъ Сюань-хуа-фу прямо на столицу и сердца людей затрепетали. Государь каждый день призывалъ сановниковъ для совѣщанія, но совѣтники ограничивались самыми пустыми предложеніями, какъ было и въ прежнихъ собраніяхъ. При этомъ высшіе сановники старались удержать низшихъ отъ лишнихъ рѣчей,—желали зажать имъ ротъ,—а низшіе хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, чрезъ угожденіе высшимъ, снискать ихъ милость и имѣть надежды на хорошее будущее. Потому при всякомъ совѣщаніи низшіе чиновники, въ виду своихъ начальниковъ, только старались показать свое смиреніе, а большая часть изъ нихъ вовсе молчали. Госу-

дарь ясно видѣлъ, что не было людей, желавшихъ поддержать его въ это трудное время и, по окончаніи каждаго совѣщанія, съ горькими слезами возвращался во дворецъ. Придворные вельможи только совѣтовали запереть ворота въ Красный городъ и не позволять никому входить и выходить, безъ надлежащаго вида на пропускъ, — болѣе ничего не предпринимали. Маши-ци послѣ каждаго собранія со вздохомъ говорилъ: «успѣха не будетъ!»

Чтобъ ободрить войска, находившіяся въ столицѣ, и имѣть надежду на ихъ вѣрность и усердіе, приказано было выдать имъ полугодовой провіантъ. Но едва ли это распоряженіе надлежащимъ образомъ приведено было въ исполненіе; мы увидимъ далѣе доказательства того, что войска были безъ провіанта.

Отъ Сюань-фу (нынѣ Сюань-хуа-фу), мятежники направились чрезъ горное ущеліе Лю-гоу къ укрѣпленію Цзюй-юнъ-гуань, лежавшему въ горномъ проходѣ. То и другое мѣсто составляли сами собою естественную твердыню; въ первомъ ста человѣкъ было достаточно для обороны, — но оно оставлено было безъ всякой защиты и мятежники спокойно прошли ущеліе; причина этого заключалась въ томъ, что начальникъ укрѣпленія Цзюй-юнъ-гуань, вмѣстѣ съ Евнухомъ Дучжи-чжи, котораго государь нарочно отправилъ для содѣйствія Танъ-туну, предварительно согласились по-

редаться на сторону мятежниковъ. Цзунъ-бинъ Ма-дай видя, что, при общей измѣнѣ главныхъ начальниковъ, не остается ни какихъ средствъ къ защитѣ, собственными руками убилъ жену и дѣтей, а самъ поспѣшно отправился въ Шань-хай-гуань къ тамошнему воеводѣ У-сань-гую. Цзунъ-бинъ Танъ-тунъ и Евнухъ Ду-чжи-чжи сдали укрѣпленіе мятежникамъ безъ выстрѣла и сдѣлались одними изъ важныхъ лицъ между приверженцами Ли-цзы-чэна. Въ послѣдствіи первый изъ нихъ отложится отъ мятежниковъ, а послѣдній будетъ казненъ.

По взятіи Цзюй-юнъ-гуань, мятежники могли быть совершенно спокойны относительно своего положенія. Назади у нихъ былъ Сюань-фу съ ихъ войсками, впереди они могли встрѣтить войска только подъ стѣнами столицы. Они прямо пошли на округъ Чанъ-пинъ-чжэу, гдѣ стояло нѣсколько войска,—но число непріятелей и императорскихъ войскъ было слишкомъ несоразмѣрно; и такъ послѣднія, уклоняясь отъ неравнаго боя, всѣ передались на сторону мятежниковъ. Начальникъ этихъ войскъ Ли-шэу-жунъ одинъ только не хотѣлъ участвовать въ общей измѣнѣ; схвативъ свой мечъ, онъ успѣлъ убить нѣсколько человѣкъ; противники долго не могли остановить его геройскаго порыва, наконецъ непріятели окружили его со всѣхъ

сторонъ, спасенія не оставалось и онъ собственнымъ мечемъ лишилъ себя жизни.

Послѣ того, какъ непріятели овладѣли городомъ Чанъ-пинъ-чжэу, опасность была очень близка отъ столицы, — въ одинъ день мятежники могли легко придти къ ея стѣнамъ; губернаторъ области Шуньтянь-фу поѣхалъ за городъ для нужныхъ распоряженій и обзора, перемѣнилъ одежду и бѣжалъ. Въ столицѣ между тѣмъ приготовлялись, по-видимому, встрѣтить мятежниковъ недружелюбно; къ каждымъ изъ городскихъ воротъ прибавлено было войска, при воротахъ расположены были огромныя пушки, войскамъ дана денежная награда. Не смотря на такую близкую опасность, важнѣйшіе изъ сановниковъ занимались, по обыкновенію, самыми ничтожными дѣлами. Цао-хуа-чунь, бывшій прежде въ милости у Вэй-чжунъ-сяня *), котораго настоящій Императоръ велѣлъ казнить и лишить погребенія, — высказалъ однажды предъ Императоромъ: «еслибъ былъ теперь Вэй-чжунъ-сянь, то дѣла не дошли бы до такого положенія.» Государь сжалился надъ недостойнымъ никакого сожалѣнія и далъ Цао-хуа-чуню тайное повелѣніе предать трупъ казненнаго погребенію.

Наконецъ въ столицу пришло объявленіе отъ главно-

*) Замѣчательный по своимъ злодѣйствамъ временщикъ при прежнемъ государѣ, — тоже Евнухъ.

командующаго войсками Ли-цзы-чэна,—въ которомъ Лю-цзунъ-минь извѣщалъ жителей, что они 18 числа придутъ въ столицу, и требовалъ отвѣта. Столица пришла въ неописанное смятеніе. За тѣмъ Ли-цзы-чэнъ разослалъ объявленія по большимъ и малымъ городамъ, въ которыхъ увѣщевалъ жителей не предаваться страху и опасеніямъ, говоря, что, когда придутъ его войска, то не будутъ производить грабежей и безчинства, напротивъ будутъ поступать кротко и человѣколюбиво, объявлялъ между прочимъ, что по первому сигналу должны выходить на встрѣчу имъ главные чины города, — по второму — низшіе, по третьему — весь народъ.

16-го числа мятежники произвели безчинства на императорскомъ кладбищѣ Ши-эр-линъ, обратили въ пепелъ залу Сянъ-дянь, порубили сосновыя и кедровыя деревья, за тѣмъ отправили нѣсколько отрядовъ для расхищенія хлѣбныхъ магазиновъ въ Тунъ-чжэу и прислали новую бумагу въ столицу. Въ этотъ день государь въ залѣ Юй-дянь испытывалъ чиновниковъ и предложилъ вопросъ о средствахъ къ пополненію продовольствія для войскъ и успокоенію народа; правитель уѣзда Цзы-янъ-сянь отвѣчалъ, что «обиліе продовольствія зависитъ не отъ собиранія и накопленія, а отъ умѣренности и благоразумнаго употребленія; — спокойствіе народа связано съ спокойствіемъ сердца

государева, — если сердце государя спокойно, то и народъ спокоенъ». Государь сдѣлалъ одобрительный знакъ головою; за нимъ прочіе по порядку стали дѣлать отвѣты на вопросы, предлагаемые каждому Государемъ,—но еще половина не успѣла отвѣтить, какъ государю представили запечатанный пакетъ; прочитавъ его, государь измѣнился въ лицѣ и ушелъ во внутреннія покои; собравшіеся чиновники стояли въ ожиданіи, не смѣя разойтись; уже чрезъ четверть часа приказано было имъ удалиться. Въ это время всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что мятежники въ Чанъ-пинъ-чжэу. Прежде было сказано, что Чанъ-пинъ-чжэу взятъ 12 числа, и такимъ образомъ, по взятіи его только черезъ 4 дня извѣстили объ этомъ государя; можно заключить какіе безпорядки были въ управленіи въ это бурное время.

Въ ночи на 17-е число мятежники отъ уѣзднаго города Ша-хэ-сянь направились къ столицѣ, производя въ продолженіи всей ночи грабежи и пожары въ ея окрестностяхъ, — небо все было покрыто заревомъ. Окрестный народъ, избѣгая смерти, бросился къ городскимъ воротамъ Си-чжи-мынь, — ворота открыли и впустили его; между тѣмъ важнѣйшіе сановники спокойно сидѣли на стѣнахъ; — наконецъ появились вдали облака пыли, — тогда стали говорить нѣкоторые, что вѣроятно разбойники приближаются

Начальники послали развѣдать объ этомъ и получили донесеніе, что это вовсе не разбойники. Въ это время на стѣнахъ городскихъ находилось 154,000 орудій, между тѣмъ какъ собравшихся на стѣну войскъ, вмѣстѣ съ престарѣлыми и неспособными къ войнѣ, было только отъ 50 до 60 тысячь человѣкъ. Если присоединить къ этому войска изъ придворныхъ Евнуховъ и чиновниковъ — всего нѣсколько тысячь человѣкъ, и тогда число орудій и людей будетъ весьма несоразмѣрно. При томъ всѣ войска должны были покупать съѣстные припасы на рынкахъ, потому что не было по близости ни какихъ принадлежностей для кухни и стола; оттого общій порядокъ дисциплины часто былъ нарушаемъ; съ другой стороны войскамъ давно уже не выдавали соли на жалованья, ни провіанта, отчего весьма многіе изъ солдатъ вовсе не являлись на службу. Мятежники съ своей стороны заранѣе посылали по немногу своихъ сообщниковъ въ городъ, снабдивъ ихъ достаточными для торговли капиталами; въ одинъ фонарный праздникъ въ 1-й лунѣ этого года, когда городскія ворота не запирались, ихъ вошло въ городъ нѣсколько тысячь; они расположились торговать большею частію при городскихъ воротахъ; кромѣ того послали приверженныхъ къ нимъ и вполнѣ довѣренныхъ людей съ деньгами для полученія мѣстъ въ присутственныхъ мѣстахъ, чтобъ они могли вывѣ-

дывать всѣ тайны и знать всѣ распоряженія правительства. Такимъ образомъ всѣ тайны въ столицѣ были доступны имъ. Если изъ города высылали шпіоновъ для развѣдыванія о непріятелѣ, то сообщники мятежниковъ предварительно давали имъ знать объ этомъ. Мятежники съ своей стороны приготовлялись къ этому, забирали въ плѣнъ, отводили въ свой лагерь и одаривали, такъ что изъ лазутчиковъ ни одинъ не возвращался въ городъ. Непріятели также посылали своихъ лазутчиковъ и когда нѣсколько сотъ такихъ всадниковъ проѣзжали отъ воротъ Ци-хуа-мынь къ воротамъ Шинъ-цзэ-мынь, — императорскія войска стоявшія лагеремъ на Западной сторонѣ города, спросили ихъ: «кто-вы?», тѣ отвѣчали: «вспогательныя войска изъ Янъ-хэ», и ихъ оставили спокойно продолжать путь. Въ городѣ между тѣмъ умы волновались и были встревожены нелѣпыми слухами, будто государь отправился на югъ, что нѣсколько десятковъ Евнуховъ выѣхали верхомъ изъ города воротами Дэшэнъ-мынь, составляя его стражу. Эти ложные слухи легко могли быть распущены самими Евнухами, — потому что начальство надъ всѣми городскими воротами было въ ихъ рукахъ.

17-го числа рано утромъ государь созвалъ на совѣтъ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. Государь заплакалъ, — его примѣру послѣдовали всѣ

собравшіеся и, опустивъ руки, не предлагали ни какихъ средствъ и ничего не предпринимали; одни говорили, что надобно возвратить прежнюю должность Фынъ-цюаню, другіе — что должно призвать къ дѣламъ Хо-вэй-хуа и Янъ-вэй-юаня, — другіе еще просили пожаловать Лю-цзэ-цина достоинствомъ Хоу. Государь ни слова не отвѣчалъ на эти неумѣстныя предложенія; но, склонивъ голову, написалъ на столѣ 12 словъ большимъ почеркомъ: «военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ всѣхъ до одного должно казнить, но не должно подвергать смерти народа», — и далъ взглянуть Евнуху Ванъ-чжи-синь, — за тѣмъ стеръ ихъ. Въ полдень прискакали къ воротамъ Си-чжи-мынь 50 или 60 конныхъ солдатъ съ луками и стрѣлами и громко кричали, чтобы имъ отворили ворота. При этомъ сдѣлалось извѣстнымъ столицѣ, что мятежники находятся недалеко. Спустя не много времени, главныя войска появились въ виду города, а государю донесли, что мятежники только что перешли чрезъ мостъ Лу-гоу-цяо (около 30 кит. верстъ отъ города). Обманъ впрочемъ скоро открылся; мятежники открыли пальбу и начали осаждать ворота Шинъ-цзэ-мынь и Чжанъ-и-мынь; три лагеря внѣ города или сдались мятежникамъ, или разбѣжались, — оставивъ имъ въ добычу всѣ военные снаряды, и они, поворотивъ пушки противъ города, начали стрѣлять по немъ. Въ это время

Ли-го-чжэнъ, генералъ-полиціймейстеръ и комендантъ столицы, прискакалъ ко дворцу покрытый потомъ и пылью, поспѣшно соскочилъ съ лошади и направился во дворецъ: придворная стража хотѣла остановить его, указывая на его костюмъ, но тотъ отвѣчалъ: «теперь не то время, — до того ли, чтобъ заботиться объ одеждѣ?» Государь немедленно принялъ его и спросилъ: какъ идетъ защита города? Ли-го-чжэнъ палъ на колѣна и со слезами отвѣчалъ: войска не слушаютъ приказаній; едва только заставишь плетью подняться одного, какъ другой опять повалился спать, — какъ тутъ защищаться? Государь прослезился и отвѣчалъ: «вотъ до чего довели меня сановники своими обманами!» За тѣмъ государь приказалъ всѣмъ Евнухамъ и придворнымъ чиновникамъ защищать вмѣстѣ съ войсками городскія стѣны. Но и эти не хотѣли повиноваться, — говорили — для чего существуютъ прочіе гражданскіе и военные чиновники? одни прибавляли, что у насъ нѣтъ даже оружія, — другіе, — что пусть дадутъ намъ по 50 ваней ланъ серебра жалованья въ мѣсяцъ, тогда будетъ изъ за чего идти на смерть; впрочемъ поропгали, но должны были исполнить приказаніе. Государь, для одобренія воиновъ, приказалъ выдать на ихъ содержаніе 30 ваней ланъ, между тѣмъ какъ жители, собираясь съ послѣдними силами, жертвовали по 300 и 400 ланъ и за эти по-

жертвованія жалуемы были чинами. Въ этотъ же день мятежники обложили столицу со всѣхъ сторонъ.

На другой день (18 числа) мятежники сдѣлали приступъ къ воротамъ Си-чжи-мынь, но не могли разбить ихъ. Рано утромъ распространилась молва, будто вспомогательныя войска пришли на помощь осажденнымъ; но это были отложившіяся войска, предводимыя измѣнникомъ Танъ-туномъ, — они занимались собираніемъ продовольствія для мятежныхъ войскъ. Въ этотъ день сначала сильный вѣтеръ разносилъ по городу облака пыли, такъ что не видно было неба, — вдругъ сдѣлалось холодно, полился дождь, потомъ пошелъ крупный градъ; громъ и молнія не прекращались, — сердца людей поражены были двойнымъ ужасомъ. 9-ть воротъ городскихъ были тщательно охраняемы, не позволялось никому ни входить, ни выходить, — улицы были совершенно пусты. Непріятели съ напряженными силами продолжали осаду, гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, смѣшиваясь съ ударами грома, потрясалъ воздухъ и землю; стоявшія подлѣ городскихъ стѣнъ зданія были разрушены, стрѣлы летѣли какъ дождь и усыпали городскія стѣны будто щетиною; мятежники кричали защищавшимъ стѣны, чтобъ они скорѣе открыли ворота, — въ противномъ случаѣ всѣ будутъ преданы смерти. Защищавшіеся испугались и начали палить холостыми зарядами. Ви-

ля, что осажденные уже не дѣйствуютъ, мятежники заставили народъ сносить со всѣхъ мѣстъ бревна и камни, чтобъ засыпать обводный каналъ, и еще усилили осаду. Со стѣны выстрѣлили въ это время изъ огромной пушки (бьющей 10,000 человѣкъ—Вань-жэнь-ди) и, по ошибкѣ, ранили нѣсколько человѣкъ своихъ; послѣ этого, защищавшіе стѣны, въ страхѣ начали разбѣгаться, пронося по всему городу вѣсть, что городъ падаетъ; жители съ воплями начали бѣгать и прятаться, подобно мышамъ. Подозрѣвать засады и обмана было нельзя и мятежники начали подставлять къ стѣнамъ осадныя лѣстницы и разомъ сдѣлали приступъ къ воротамъ Си-чжи-мынь, Шинъ-цзэ-мынь — и Дэ-шэнъ-мынь, *) — дѣло было самое жаркое, но безуспѣшное.

Во дворцѣ между тѣмъ занимались самыми ничтожными дѣлами; — представили между прочимъ государю, что, наградивъ военачальниковъ Цзо-сянъ-юя и У-сань-гуя потомственными достоинствами, несправедливо обойди одного Лю-цзэ-цина, тѣмъ болѣе, что Линь-цинъ, гдѣ онъ находится съ войсками, недалеко отстоитъ отъ столицы, и потому онъ скорѣе другихъ можетъ подоспѣть на помощь къ осажденнымъ. Въ это критическое время трудно было разсуждать и

*) Всѣ эти ворота на Западной сторонѣ города.

и по этому государь согласился и пожаловалъ Лю-цзэ-цина достоинствомъ Хоу.

Въ этотъ день государь опять созвалъ совѣтъ и со-вздохомъ сказалъ: «всего лучше великому Дому кончить дѣла въ храмѣ Фынь-сянь-дянь» (храмъ предковъ во внутреннемъ дворцѣ). Ли-банъ-хуа хотѣлъ взойти на городскую стѣну въ намѣреніи дѣйствовать противъ мятежниковъ, но ему этаго непозволили. Ли-цзы-чэнъ въ это время сидѣлъ на особо устроенномъ сѣдалищѣ противъ воротъ Чжанъ-и-мынь; два князя Цзянь-ванъ и Дай-ванъ, которыхъ онъ захватилъ въ плѣнъ въ губ. Шáнь-си и Шáнь-си, сидѣли на землѣ по обѣимъ сторонамъ его; Евнухъ Ду-сюнь стоялъ предъ ними въ родѣ прислужника. Чрезъ нѣсколько времени Евнухъ закричалъ стоявшимъ на стѣнахъ, что бы они не стрѣляли, объявилъ имъ свое имя и просилъ спустить по веревкѣ со стѣны кого либо, потому что онъ имѣетъ что-то сказать. Со стѣны ему отвѣчали, что пусть онъ оставитъ подъ стѣною одного заложника, а самъ взойдетъ на стѣну. Евнухъ на это отвѣчалъ: я Ду-сюнь, бояться нечего, на что еще заложникъ? Послѣ этого Евнухъ Ванъ-чэнь-энь, замѣнившій Ли-го-чжэна въ должности коменданта и генералъ-полиціймейстера, самъ поднялъ его по веревкѣ на стѣну и вмѣстѣ отправились во дворецъ. Здѣсь Ду-сюнь подробно изложилъ предъ государемъ, что

непріятель многочисленъ и силенъ, что нельзя противостоять ему,—что государю остается позаботиться о самомъ себѣ, и послѣ этаго подалъ государю струну отъ гуслей и полотнище тонкой шелковой ткани. Государь во гнѣвѣ поднялся съ мѣста. Въ слѣдъ за Ду-сюнемъ, смотритель императорскихъ кладбищъ Шэнь-чжи-сю, *) тоже Евнухъ, поднялся на городскую стѣну и, представъ предъ императора, высказалъ, что мятежники волнуются оттого, что государь не знаетъ закона и предлагалъ уступить императорское достоинство. Государь съ гнѣвомъ выслалъ его вонъ. Сановники просили задержать Ду-сюня,—но этотъ отвѣчалъ, что два князя Циньскій и Цзиньскій остаются заложниками,—«если я не возвращусь», прибавилъ онъ «то ихъ не пощадятъ». Его отпустили и онъ по веревкѣ опять спустился со стѣны. Проходя по стѣнѣ, онъ, обратившись къ стоявшимъ тамъ Евнухамъ, сказалъ:—«мы, товарищи, будемъ богаты и знатны». До этого времени было донесено государю, что Ду-сюнь погибъ въ войнѣ съ мятежниками, его наградили по смерти высшимъ достоинствомъ, сыну его пожаловали важный чинъ и должность въ императорскихъ охранительныхъ войскахъ, установлено было даже жертвоприношеніе ему Теперь только узнали, что Ду-сюнь

*) Передался на сторону мятежниковъ въ *Чанъ-пинъ-чжэу*.

не умеръ, а измѣнилъ и передался на сторону мятежниковъ. Мятежники осаждали городъ съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ рвеніемъ; Ванъ-чэнь-энь безпощадно стрѣлялъ въ нихъ изъ пушекъ и каждый разъ посылалъ смерть въ ряды осаждающихъ, но такихъ, какъ онъ, было весьма мало, прочіе всѣ попивали, сидя на стѣнѣ, водку и ни о чемъ не заботились.

Въ это критическое время государь хотѣлъ самъ отправиться на стѣну, чтобъ дѣйствовать противъ мятежниковъ лично. Онъ призвалъ своего зятя Гунъ-юнъ-ту и просилъ его, чтобъ онъ собралъ своихъ домашнихъ людей и подъ ихъ прикрытіемъ проводилъ наслѣдника престола на югъ. Но и тутъ успѣха не было. Дунъ-юнъ-ту отвѣчалъ, что могъ ли онъ самовольно содержать при себѣ много людей? что тѣхъ, которые при немъ находятся, достаточно ли, чтобъ противостоять мятежникамъ? Такимъ образомъ эти планы окончательно рушились. Мятежники, между тѣмъ, повели осаду противъ воротъ Чжанъ-и-мынь; около ¼-го часа по полудни ворота вдругъ отворились, ихъ открылъ Евнухъ Цао-хуа-чунь; въ слѣдъ за тѣмъ открыты были ворота Дэ-шэнь мынь, здѣсь была измѣна со стороны Евнуха Ванъ-сянъ-яо. Ли-цзы-чэнъ, съ огромною толпою мятежниковъ, немедленно вступилъ во внѣшній городъ, производя на улицахъ грабежъ и убійство: императорскія войска разсыпались,

какъ испуганныя птицы. Въ это время государь призвалъ членовъ Верховнаго Совѣта и спросилъ ихъ знаютъ ли они, что внѣшній городъ разбитъ? Они отвѣчали, что не знаютъ; государь продолжалъ: дѣла дошли до послѣдней крайности, теперь какое остается еще средство? Сановники отвѣчали: пусть государь не безпокоится о себѣ; если дѣла будутъ въ крайности, мы будемъ сражаться на городскихъ улицахъ и клянемся, что не измѣнимъ. Государь приказалъ имъ удалиться.

Услышавъ, что внѣшній городъ взятъ, государь бѣгалъ въ смущеніи по дворцу,—ему было не до сна. Около 9 часовъ вечера вбѣжалъ Евнухъ и донесъ, что внутренній городъ тоже падаетъ. Государь спросилъ: «гдѣ же войска?—гдѣ Ли-го-чжэнъ?»—Тотъ отвѣчалъ, что войска разсѣялись; — государь еще торопливѣе сталъ бѣгать по залѣ, — Евнухъ немедленно удалился; государь закричалъ вслѣдъ ему, чтобъ онъ возвратился, но Евнухъ не обращалъ вниманія на призывъ. Въ это время Ли-го-чжэнъ, источая послѣднія усилія, бился съ мятежниками на улицахъ; но его личная храбрость ничего не значила безъ войскъ и при многочисленности мятежниковъ. Государь между тѣмъ, въ сопровожденіи Евнуха Ванъ-чэнъ-энь, пошелъ въ Нань-гунъ (южный дворецъ) и взошелъ на гору Вань-суй-шань; — пламя пожара ложилось багровымъ

заревомъ на небѣ; оттуда вскорѣ онъ отправился во дворецъ Цянь-цинъ-гунъ. Въ то же время былъ данъ приказъ Верховному Совѣту, чтобъ Чэнъ-го-гунъ чжучунь-чэнь былъ генералъ-полиціймейстеромъ города. Государь приказалъ подать вино и вмѣстѣ съ императрицей Чжэу-хоу и второстепенной, любимѣйшей женой Юань-фэй, выпили по нѣсколько золотыхъ чарокъ; освободившись нѣсколько отъ внутренней горести и сдѣлавшись рѣшительнѣе, государь со вздохомъ сказалъ: «жалко народа», приказалъ трехъ сыновей своихъ отнести въ домы родственниковъ по женской линіи Чжэу и Тянь, потомъ, обратившись къ императрицѣ, сказалъ: великое дѣло кончено, —и всѣ вмѣстѣ заплакали. Прислуга послѣдовала ихъ примѣру. Государь приказалъ имъ удалиться, внушивъ имъ чтобы сами помышляли о себѣ. Тогда императрица, склонивъ голову, отвѣчала: 18 лѣтъ живу я съ тобою, ни одного разу ты не слѣдовалъ моему совѣту и вотъ мы дожили до настоящаго дня, — за тѣмъ обняла наслѣдника и двухъ князей съ невыразимою горестію, повторила это въ другой и третій разъ и отослала ихъ,— сама отправилась во дворецъ Кунь-нинъ-гунъ и тамъ повѣсилась. Государь, проходя мимо дворца, увидѣлъ это зрѣлище и сказалъ: «хорошо, хорошо», за тѣмъ призвалъ старшую княжну, достигшую тогда 15 лѣтняго возраста; княжна пришла, обливаясь горькими

слезами, — государь съ сокрушеніемъ сказалъ: «за чѣмъ ты родилась въ моемъ домѣ?» закрылъ себѣ глаза рукавомъ лѣвой руки, а правою извлекъ мечъ и нанесъ ей ударъ, — княжна хотѣла защититься рукою, — ударъ нанесенъ былъ въ лѣвое плечо и рука отвалилась; — несчастная упала безъ чувствъ на землю; кровь текла потокомъ; но у государя опустилась рука и онъ не въ состояніи былъ далѣе дѣйствовать мечемъ. По дворцу вдругъ пронеслась молва объ этомъ и нѣкоторые кричали: «государь поднялъ мечъ». Отсюда государь направился во дворецъ Си-гунъ и приказалъ любимой женѣ Юань-фэй самой наложить на себя руки; она не задумалась и тотчасъ повѣсилась; но веревка оборвалась и несчастная упала на землю; вскорѣ она опять пришла въ чувство; государь мечемъ нанесъ ей три удара; за тѣмъ призваны были остальныя жены и наложницы, — государь всѣхъ ихъ предалъ смерти собственнымъ мечемъ, и въ то же время послалъ сказать императрицѣ-матери Чжанъ-тай-хоу, чтобъ она поторопилась умереть. Тогда государь позвалъ Евнуха Ванъ-чэнъ-энь; они поговорили нѣсколько времени и выпили вина, — послѣ чего государь приказалъ немедленно собраться всѣмъ придворнымъ чиновникамъ, намѣреваясь бѣжать; перемѣнилъ одежду, надѣлъ сапоги Ванъ-чэнъ-эня и выѣхалъ изъ дворца; это было около 3-й ночной стражи, — въ рукѣ у него

было 3-хъ ствольное ружье; сопровождавшіе его Евнухи, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, имѣли при себѣ сѣкиры; отъ воротъ Дунъ-хуа-мынь ихъ поѣздъ направился къ воротамъ Ци-хуа-мынь; охранявшіе ворота Евнухи, подозрѣвая, нѣтъ ли какихъ либо переворотовъ во дворцѣ, направили на нихъ пушки и стрѣлы, — по этому нельзя было бѣжать на югъ; отсюда разными переулками государь съ своей свитой добрался до городской стѣны, взошелъ на нее и увидѣлъ, что на сигнальныхъ столбахъ при воротахъ Цянь-мынь вывѣшено 3 фонаря; тутъ они узнали, что самое важное дѣло потеряно—непріятели вступили во внутренній городъ. Въ это время охраненіе воротъ Ци-хуа-мынь поручено было Чжу-чунь-чэню; государь съ сопровождавшими его поѣхалъ къ его дому, въ намѣреніи посовѣтоваться съ нимъ, но его не было дома, — онъ былъ гдѣ-то внѣ города на пирушкѣ и прислужники не впустили ихъ въ домъ; государь поѣхалъ къ воротамъ Ань-динъ-мынь, но эти ворота были укрѣплены и завалены такъ, что нельзя было ихъ отворить; время приближалось къ разсвѣту, и такъ государь безъ всякаго успѣха возвратился во дворецъ.

19-го числа до разсвѣта государь вошелъ въ Палаты Юй-цянь-дянь и ударилъ въ вѣстовой колоколъ,— по звуку его должны были собраться всѣ чиновники,— между тѣмъ никто не являлся; государь приказалъ

придворнымъ чиновникамъ разойтись и, взявъ за руку Ванъ-чэнъ-эня, увлекъ его во внутренній садъ; тамъ они поднялись на гору Вань-шэу-шань и вошли въ павильонъ Шэу-хуанъ-тинъ, — иначе красную башню на горѣ Мэй-шань. Здѣсь государь вздохнулъ и сказалъ: «моп милости къ чиновникамъ были не малы, а нынѣ, когда дѣла дошли до такого положенія, отчего нѣтъ ни одного изъ нихъ при мнѣ? Есть ли теперь хоть одинъ такой, каковъ былъ Чэнъ-ци при переворотѣ въ южной столицѣ?» За тѣмъ присовокупилъ: «кажется они не слышали призыва, и потому не могли издалека пріѣхать»; окончивъ свои грустныя размышленія, государь повѣсился на деревѣ *Хай-танъ-шу* *), подлѣ самаго павильона, — Евнухъ Ванъ-чэнъ-энь повѣсился противъ него. Въ это время по всему дворцу раздавались сильные вопли и рыданія, — всѣ въ смущеніи бѣгали, но не было дверей для спасенія. Уже начало свѣтать; чиновники, состоявшіе при дворцѣ наслѣдника, препроводили наслѣдника къ дому Чжеукуя; но этотъ еще спалъ, двери были заперты, прислужники не хотѣли безпокоить своего господина, — и наслѣдникъ принужденъ былъ укрыться въ домѣ одного Евнуха. Прежде еще, когда государь направлялся во дворецъ Нань-гунъ, онъ послалъ человѣка съ

*) Изъ рода Amigdalus.

вѣстію къ императрицѣ И-ань-хуанъ-хоу, предлагая ей позаботиться о себѣ, — но посланный не могъ уже туда проникнуть. Когда въ двухъ дворцахъ уже всѣ предали себя смерти, тогда придворные прислужники съ громкими рыданіями бѣгали изъ одного мѣста въ другое,—во дворцѣ же происходило страшное смятеніе. Императрица И-ань въ черномъ платьѣ, обернувъ голову платкомъ, пѣшкомъ добралась до дома Чжу-чунь-чэнь. Между тѣмъ одинъ изъ Евнуховъ, войдя во дворецъ, увидѣлъ княжну съ отрубленною рукою лежащую на землѣ, созвалъ другихъ Евнуховъ и привелъ ее въ чувство; княжна была даже недовольна оказанною ей помощію: императоръ отецъ мой желалъ, чтобъ я умерла, смѣюль я послѣ этого жить? — сказала она окружавшимъ Евнухамъ. Ея спаситель отвѣчалъ: мятежники сейчасъ войдутъ, надобно опасаться, чтобъ княжна не подверглась оскорбленію отъ нихъ; по этому Евнухи, желая поскорѣе укрыть ее въ безопасномъ мѣстѣ, на рукахъ перенесли ее въ домъ дѣда ея Чжэу-куя.

Въ этотъ день предъ разсвѣтомъ облака начали покрывать небо съ четырехъ сторонъ, — дымъ повсюду поднимавшійся изъ пепелищъ южнаго города, застилалъ небо, — малый дождь не прекращался, — вдругъ пошелъ небольшой снѣгъ и въ это время мятежники вошли въ городъ. Одни говорятъ, что предварительно

вошедшіе въ городъ сообщники мятежниковъ съ братомъ Евнуха Цао-хуа-чунь открыли ворота; — другіе утверждаютъ, что Евнухъ Ванъ-сянъ-яо, собравъ партію изъ 1,000 человѣкъ, открылъ ворота Сюань-вумынь и встрѣтилъ мятежниковъ; еще другіе говорятъ, что министръ Военной Палаты Чжанъ-цзинь-янь, находившійся при воротахъ Цянь-мынь, и Чжу-чунь-чэнь, защищавшій ворота Ци-хуа-мынь, въ одно время впустили непріятелей въ городъ двумя воротами. Въ этотъ же день по городу ходили слухи, что Лигo-чжэнъ взятъ въ плѣнъ мятежниками, что государь уѣхалъ изъ города, — что чиновники намѣреваются, измѣнивъ одежду, искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ самомъ городѣ происходила страшная суматоха, народъ бѣгалъ взадъ и впередъ, крики и рыданія потрясали воздухъ; защищавшіе стѣну всѣ бросились внизъ, тогда какъ непріятели занимали оную; многіе изъ высшихъ чиновниковъ укрывались въ домахъ простолюдиновъ, — непріятели запружали улицы конницею и громко приказывали жителямъ немедленно представлять муловъ и лошадей. Въ эти страшныя минуты, министръ Вэй-цзао-дэ собиралъ отъ всѣхъ чиновниковъ пожертвованія на угощеніе войскъ. Первый отрядъ непріятельской конницы въ числѣ 1,000 человѣкъ въѣхалъ въ городъ воротами Чжэнъ-янъ-мынь (цянь-мынь) и, ломая стрѣлы, отдавалъ жителямъ, прика-

зывая имъ немедленно разойтись по домамъ и запереть двери, — для избѣжанія смерти. Немного спустя громогласно было объявляемо повсюду, чтобъ жители отворили двери своихъ домовъ и что открывшій не будетъ казненъ; при этомъ жители, открывъ двери, вышли изъ домовъ и съ куреніями стояли при воротахъ; когда проходили мятежники, то жители съ колѣнопреклоненіями привѣтствовали ихъ; на лицахъ у нихъ были наклеены буквы: «покорный народъ»,—надъ воротами у иныхъ было написано: «юнъ-чанъ юань-нянь» (1-й годъ вѣчно свѣтлаго правленія), у другихъ: «шунь-тянь-ванъ вань-вань-суй» (десятъ тысячъ десятысячелѣтій князю покорному небу). Всѣ эти громкія надписи на лицахъ и домахъ были дѣланы въ надеждѣ снискать милость мятежника и избѣгнуть бѣдствій. Но и въ этихъ надеждахъ народъ былъ обманутъ, изъ 10-ти человѣкъ едва ли два-три избѣгли бѣдствій и угнетеній. Безстыдные чиновники, изъ подражанія народу, также налѣпили у себя на лицѣ буквы: «покорный народъ», и вмѣшивались въ толпу домашней прислуги, надѣясь продлить свою жизнь хоть на одинъ вздохъ. Когда мятежники проходили мостомъ Сянъфанъ-цяо (мостъ для слоновъ), то слоны жалобно застонали, какъ разсказываютъ, и слезы дождемъ лились у нихъ изъ глазъ. Послѣ 11-ти часовъ утра Линзы-чэнъ въ войлочной ширококрылой шапкѣ на то-

ловѣ и короткой одеждѣ, на ворономъ конѣ, со свитою изъ отборныхъ воиновъ, въѣхалъ въ городъ воротами Дэ-шэнъ-мынь; отсюда вдоль городской стѣны направился къ воротамъ Да-минъ-мынь (что теперь Да-цинъ-мынь) и этими воротами вступилъ въ Красный городъ; одинъ изъ главныхъ военачальниковъ Сунъ-сянь-цэ (по малорослости прозванный — ка́рла), главный министръ Ню-цзинь-синъ, Сунъ-цицзао (будущій министръ Палаты Чиновъ) и другіе — всего 5 человѣкъ, были главною его свитою. Ли-цзычэнъ, подъѣзжая къ воротамъ Си-чанъ-ань-мынь, натянулъ лукъ и, съ самоувѣренностію въ своемъ искуствѣ стрѣлять изъ него, указывая на среднюю букву въ надписи (ань—спокойный), сказалъ: «если я попаду въ среднюю букву, то поднебесная будетъ спокойна,»— но выстрѣлъ попалъ въ край черепицы; при этомъ Сунъ-сянь-цэ сказалъ въ утѣшеніе ему: «ты попалъ въ средину канала и рѣка Хуай-хэ будетъ границею» (т. е. южный Китай будетъ достояніемъ другаго мятежника Чжанъ-сянь-чжуна, дѣйствовавшаго въ Сы-чуани и Хугуанѣ). Далѣе, доѣхавъ до воротъ Чэнъ-тянь-мынь, онъ съ самодовольствомъ озирался по сторонамъ и, смотря на надпись надъ воротами, состоявшую изъ четырехъ буквъ: Чэнъ-тянь-чжи-мынь, онъ громко закричалъ въ услышаніе всѣхъ своихъ главныхъ сообщниковъ: «если я могу быть государемъ, то попаду

въ средину четырехъ буквъ,»—но выстрѣлъ былъ не мѣтокъ, стрѣла ударила внизу буквы тянь (небо); Ли-цзы-чэнъ опустилъ голову и сдѣлался печаленъ. Министръ его Ню-цзинь-синъ, быстро подъѣхавъ къ нему, сказалъ: «ты попалъ пониже этой буквы, значитъ поровну (съ Чжанъ-сянь-чжуномъ) раздѣлите имперію.» Ли-цзы-чэнъ повеселѣлъ, бросилъ лукъ и засмѣялся. Такимъ образомъ мятежники вступили во дворецъ. Евнухъ Ванъ-дэ, собравъ 300 человѣкъ придворныхъ чиновниковъ, вышелъ на встрѣчу мятежникамъ и встрѣтилъ ихъ заранѣе, когда только они вступали въ ворота Дэ-шэнъ-мынь. Ли-цзи-чэнъ приказалъ имъ по прежнему занимать свои должности; въ то же время представились Ли-цзы-чэну и управляющіе по разнымъ частямъ дворцоваго вѣдомства, и имъ отдано было тоже приказаніе.

Войдя во дворецъ, Ли-цзы-чэнъ прежде всего спросилъ—«гдѣ императоръ?» начали искать его по всему дворцу, но непаходили. Тогда сообщникъ Ли-цзы-чэна и полководецъ Ли-моу сказалъ, что императоръ вѣроятно скрывается гдѣ-либо въ народѣ; если не прибѣгнуть къ обѣщанію большой награды съ одной стороны и къ угрозамъ жестокими казнями съ другой, — то его нельзя будетъ найти, — въ настоящее время нельзя быть опрометчивымъ. Ли-цзы-чэнъ послушался этого совѣта и потому издано было объявле-

ніе, которымъ опредѣлено было 10,000 лянъ серебра и достоинство *Бо* *) тому, кто откроетъ или выдастъ императора, — а за укрытіе назначена была казнь виновнаго со всѣмъ родомъ.

Скоро послѣ входа мятежниковъ во дворецъ, вышли оттуда Лэ-цзунъ-минь, главный военачальникъ, и Нію-цзинь-синъ; они объявили, чтобъ завтра утромъ всѣ военные и гражданскіе чины прежней династіи собрались во дворецъ, для представленія, въ одеждѣ чернаго цвѣта и въ малой шапкѣ, — приготовили предварительно послужные свои списки и отнесли ихъ въ областное управленіе для помѣтки; кто хочетъ оставить службу, тотъ пусть распоряжается по своему желанію, кто хочетъ остаться на службѣ, тотъ будетъ опредѣленъ по мѣрѣ его способностей, кто, вопреки этому повелѣнію, не объявитъ своего имени, тотъ будетъ казненъ смертію, укрыватели чиновниковъ подвергнуться одной съ ними казни. Между тѣмъ мятежники предварительно отправили довѣренныхъ людей во всѣ присутственныя мѣста, чтобъ они отъ низшихъ чиновниковъ и служителей узнали имена состоящихъ въ каждомъ управленіи чиновниковъ, — такимъ образомъ ни одинъ изъ чиновниковъ не могъ ускользнуть отъ рукъ мятежниковъ.

---

*) Третье изъ достоинствъ.

Главные измѣнники прежней династіи вскорѣ были награждены Ли-цзы-чэномъ за свои услуги. Евнухи Ду-чжи-чжи и Цао-хуа-чунь, съ другими, служили для мятежниковъ вожатыми въ городъ и дворецъ. Ли-цзы-чэнъ сказалъ: «вы измѣнили государю и предательски впустили насъ въ городъ, — по этому васъ должно казнить.» Тутъ только эти низкія души увидѣли всю бездну зла, въ которую сами ввергли себя своею измѣною и неблагодарностію прежнему государю. Они пали на колѣна и, кланяясь въ землю, взывали: — «кто могъ знать, что небо повелитъ такъ умереть?!» но Ли-цзы-чэнъ не любилъ по пусту тратить слова, и въ послѣдствіи измѣнники были казнены.

Сколько мятежники искали убѣжища государя, столько искали и убѣжища его дѣтей; вскорѣ наслѣдникъ престола съ княземъ Динъ-ванъ найдены были въ домахъ Евнуховъ; перваго изъ нихъ Ли-цзы-чэнъ приказалъ отправить для надзора къ Лю-цзунъ-минь, — втораго — къ Ли-моу; въ тоже время наслѣдника престола пожаловалъ княжескимъ достоинствомъ *), а князя Динъ-вана другимъ титуломъ **). Какъ ни искали третьяго изъ дѣтей императорскихъ, не могли найти.

Прежде другихъ вступила во дворецъ конница. Придворные женщины и дѣвицы хотѣли спастись бѣгствомъ,

*) Сунъ-ванъ.
**) Чжай-анъ-гунъ.

но встрѣтились съ мятежниками и бросились обратно во дворецъ. Въ эти послѣднія минуты одна изъ придворныхъ женщинъ, (по имени Вэйши), громко вскричала: «непріятели вошли во дворецъ, — мы непремѣнно подвергнемся оскорбленіямъ; у кого есть умъ, тотъ заранѣе придумывай средства» и съ этими словами бросилась въ рѣчку Юй-хэ, — въ одну минуту послѣдовали ея примѣру 108 женщинъ и дѣвицъ; одна изъ дворцовыхъ прислужницъ, 16-ти лѣтняя дѣвушка, бросилась въ безводный колодезь, — разбойники вытащили ее оттуда и, увидя ея красоту завели между собою споръ, — тогда она сказала имъ: «я Гунъ-чжу (княжна), — если вы будете безчестно поступать со мною, то я пожалуюсь вашему господину;» по этому мятежники представили ее Ли-цзы-чэну; этотъ приказалъ евнухамъ удостовѣриться правду ли она говоритъ о себѣ; ложь открылась и Ли-цзы-чэнъ подарилъ ее одному изъ своихъ военачальниковъ; когда же военачальникъ немножко развеселился, довольный такимъ вниманіемъ Ли-цзы-чэна, и въ слѣдъ за тѣмъ неумѣренно выпилъ, тогда мнимая княжна вытащила острый ножъ, который имѣла при себѣ и нанесла ему смертельную рану, а потомъ сама зарѣзалась тѣмъ же ножемъ.

На слѣдующій день (21 числа) мятежники открыли трупъ императора и тутъ только они узнали о горь-

кой его кончинѣ. На двухъ половинкахъ дверей вынесли трупъ его и императрицы изъ дворца и отнесли въ домъ Вэй-го-гуна. У государя волоса были закинуты на лицо, — онъ былъ въ короткомъ голубомъ платьѣ, съ бѣлымъ воротникомъ; платье по краямъ было обшито бѣлой оторочкой; поверхъ голубаго платья былъ надѣтъ камзолъ изъ бѣлаго бумажнаго полотна, безъ рукавовъ; на немъ были штаны изъ бѣлой шелковой матеріи, лѣвая нога была безъ обуви, на правой ногѣ былъ чулокъ изъ тонкой шелковой ткани и красный башмакъ съ узорами; на верхней полѣ платья былъ написанъ кровью указъ: «уже 17 лѣтъ я сидѣлъ на престолѣ, какъ мятежники стѣснили столицу. Правда, мои добродѣтели ничтожны и я возбудилъ гнѣвъ Верховнаго Неба; — но причина всего этого въ томъ, что Чины вводили меня въ обманъ. Я умираю, не имѣя глазъ, чтобъ видѣть моихъ предковъ подъ землею, — по этому я снялъ шапку и волосами закрылъ лицо; пусть мятежники раздробятъ на части мой трупъ, но не наносятъ вреда ни одному изъ народа». При немъ была еще записка, написанная тушью, которою повелѣвалось всѣмъ чиновникамъ идти въ восточный дворецъ (дворецъ наслѣдника и другихъ дѣтей императора). Эта записка была, вѣроятно, не иное что, какъ черновая указа, даннаго государемъ Верховному Совѣту предъ тою минутою, когда онъ намѣревался

уже лишить себя жизни. Этимъ указомъ повелѣвалось, чтобъ Чжу-чунь-чэнь позаботился о наслѣдникѣ; но въ то время, когда указъ, написанный по обыкновенію красною кистью, доставленъ былъ въ Верховный Совѣтъ, всѣ члены уже разъѣхались; указъ былъ положенъ тамъ на столѣ; императоръ не зналъ о судьбѣ его, а изъ чиновниковъ никто не зналъ объ его существованіи. Этотъ указъ попался съ перваго раза въ глаза мятежникамъ и послужилъ имъ поводомъ къ подозрѣніямъ относительно преданности чиновниковъ; по этому мятежники рѣшили немедленно казнить ихъ, а имущество описать въ казну. По другимъ сказаніямъ императоръ прокусилъ себѣ палецъ и кровью написалъ на рукавѣ своей одежды: «я теряю Имперію оттого, что гражданскіе чиновники дѣйствовали не единодушно, военные чиновники не исполняли моихъ повелѣній; военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ всѣхъ должно предать смерти, но не должно убивать народа».

Надлежало предать погребенію тѣла императора и императрицы; для этой цѣли мятежники дали одному Евнуху 2,000 монетъ, приказавъ ему купить ивовые гробы, а вмѣсто подушекъ положить кусокъ земли; послѣ этого тѣла ихъ положили въ гробы и поставили внѣ воротъ Дунъ-хуа-мынь, въ кумирнѣ Шп-ча-ань (кумирня безмезднаго раздаванія чая), подъ рогож-

нымъ навѣсомъ; два Хэ-шана читали надъ ними молитвы, — при гробахъ находились 5 человѣкъ престарѣлыхъ Евнуховъ: гробъ Евнуха Ванъ-чэнъ-эня стоялъ рядомъ съ гробомъ императора. Чиновники не смѣли приходить туда, чтобъ оплакать своего государя, — только Ли-го-чжэнъ съ весьма немногими плакалъ надъ гробомъ; онъ же увѣщевалъ всѣхъ другихъ чиновниковъ общимъ голосомъ просить о дозволеніи похоронить государя съ подобающею императорскою честію; онъ успѣлъ согласить на это чиновниковъ, — и они всѣ единодушно составили прошеніе и подали его Гу-цзюнь-эню, занимавшему важную должность при Ли-цзы-чэнѣ, прося его передать ихъ просьбу новому государю. Гу-цзюнь-энь отвѣчалъ имъ: вѣроятно, вы дѣлаете это только заботясь о своемъ имени; ужели дѣйствительно вы руководитесь благодарностію къ прежнему государю? за тѣмъ изорвалъ ихъ прошеніе и бросилъ на землю. Въ тоже время вышелъ изъ дворца одинъ прислужникъ, держа въ рукахъ написанный красною кистью указъ, въ которомъ предписано было похоронить государя по церемоніалу, существующему для императоровъ, а жертву приносить по церемоніалу для князей; двухъ князей—дѣтей императора—содержать по примѣру Династіи Чжэу въ отношеніи къ потомкамъ Династій Шанъ и Ся. Чиновники просили измѣнить повелѣніе касательно жертвоприношеній, и

чрезъ нѣсколько минутъ было объявлено имъ, что ихъ просьбу приказано привести въ исполненіе. 23-го числа былъ приготовленъ гробъ какъ для императора, такъ и для императрицы; гробъ императора былъ покрытъ лакомъ киноварнаго цвѣта, а гробъ императрицы чернымъ лакомъ. На государя была надѣта императорская шапка, возложенъ нефритовый — ему свойственный поясъ, украшенные золотомъ сапоги; императрица была убрана также по церемоніалу; для совершенія предъ ними обычныхъ жертвъ устроенъ былъ жертвенникъ. Когда все это было приготовлено, Ли-цзы-чэнь самъ совершилъ предъ ними четырекратное поклоненіе; на глазахъ у него были слёзы. Правитель области Шунь-тянь-фу отправленъ былъ въ Чанъ-нинъ-чжэу, гдѣ находились императорскія кладбища Минской Династіи, для надзора за приготовленіемъ гробницъ. 3-го числа 4-й луны тѣла ихъ были перенесены на приготовленное кладбище, 4-го преданы погребенію; гробы ихъ несли только 30 человѣкъ; нѣсколько мятежниковъ верхомъ сопровождали процессію; дѣтямъ императора позволено было совершить должное поклоненіе предъ прахомъ ихъ родителей, но запрещено было надѣть трауръ. Чиновникамъ также не запрещалось исполнить обряды поклоненія, но не много было такихъ, которые пришли отдать послѣдній долгъ, — очень немногіе изъ пришедшихъ плакали

отъ глубины сердца,—нѣкоторые оказали даже самое холодное равнодушіе и явились болѣе изъ приличія, нежели по чувству долга.

Многіе изъ чиновниковъ хотѣли остаться вѣрными прежнему государю, и въ слѣдствіе сего лишили себя жизни. Между ними особенно замѣчательны: главный министръ Фань-цзинъ-вынь, министръ Палаты Финансовъ Ин-юань-лу, генералъ-прокуроръ Ли-банъ-хуа и другіе, около 40 человѣкъ; изъ родственниковъ императора особенно извѣстны только 5 человѣкъ, не хотѣвшіе подчиниться новому правительству и кончившіе жизнь самоубійствомъ. Остальные за тѣмъ чиновники наперерывъ старались объявлять имена свои мятежникамъ; цѣлою толпою собрались къ дворцовымъ воротамъ и дѣлали сильный напоръ, такъ что стража принуждена была отгонять ихъ палками. Чиновники собрались ко дворцовымъ воротамъ слишкомъ рано;—нужно было ждать; всѣ усѣлись на улицѣ и сидѣли тутъ почти цѣлый день безъ пищи, слушая ругательства и терпя побои отъ солдатъ. На нихъ были простыя шапки, потому что, при входѣ непріятелей въ городъ, многіе испытали невыгоды форменной одежды и поспѣшили истребить свои шапки. Но Ли-цзычэнъ осмѣялъ ихъ за это при представленіи 20 числа; по этому 21-го числа всѣ представились въ парадной одеждѣ, свойственной чину и должности каждаго. Въ

это время совѣтникъ Палаты Финансовъ съ двумя другими чиновниками въ цвѣтныхъ одеждахъ въѣхали во дворецъ воротами Си-чанъ-ань, — они предались на сторону мятежниковъ кто въ Тунъ-чжэу, кто въ Баодинъ-фу. Въ тотъ же день въѣхалъ въ столицу и извѣстный намъ военачальникъ Ли-цзянь-тай и былъ принятъ съ почестями.

22-го числа Евнухъ Ду-чжи-чжи выбралъ придворныхъ чиновниковъ для службы при новомъ Дворѣ. Въ этотъ же день одинъ изъ незначительныхъ столичныхъ чиновниковъ просилъ Ли-цзы-чэна въ залѣ Хуанъ-цзи-дянь казнить смертію виновниковъ паденія прежней Династіи; между лицами, указанными имъ, были Чжанъ-цзинь-янь, Вэй-цзао-дэ, Чэнь-янь и многіе другіе. Но Ли-цзы-чэнъ спросилъ его: почему же ты молчалъ при прежнемъ правительствѣ? — и выгналъ его вонъ.

23-го числа происходило избраніе чиновниковъ на службу; въ этотъ день также, какъ и въ прежніе, всѣ чиновники рано утромъ собрались къ дворцовымъ воротамъ Ву-мынь; встрѣчаясь съ кѣмъ либо изъ шайки мятежниковъ, они корчили насильно улыбку и низко кланялись. Когда вышелъ изъ дворца Сунъ-сянь-цэ, то нѣсколько человѣкъ стали предъ нимъ на колѣна и съ подобострастіемъ спросили его: новый государь выйдетъ изъ дворца, или нѣтъ? Сунъ-сянь-цэ съ ру-

гательствомъ отвѣчалъ: васъ не зарѣзали, и то для васъ счастье; ужели не можете вы потерпѣть нѣсколько времени? — Чиновники со стыдомъ отступили назадъ. Около полудня вышелъ Ли-цзы-чэнъ и сѣлъ на приготовленномъ сѣдалищѣ; на головѣ у него была остроконечная шапка изъ бѣлаго войлока, — одежда изъ синяго холста, употребляемая имъ для верховой ѣзды, кожаные сапоги на ногахъ. Ню-цзинь-синъ съ главнѣйшими лицами изъ партіи мятежниковъ размѣстились по обѣимъ сторонамъ сѣдалища. Между сидѣвшими тутъ были Хоу-сюнь и Дунъ-синь-куй, посаженные въ тюрьму при прежнемъ государѣ; они были освобождены, какъ только мятежники пришли въ городъ. Прежде всѣхъ другихъ Дунъ-синь-куй, во главѣ многочисленной партіи, представился Ли-цзы-чэну; Ли-цзы-чэнъ подзывалъ его до трехъ разъ, хвалилъ, успокоивалъ и обѣщалъ должность. Между столичными чиновниками, передавшимися новому правительству, большая часть купили должности на деньги, данныя мятежниками; въ числѣ ихъ, какъ говорятъ, былъ и Дунъ-синь-куй съ предводимою имъ партіею. Ню-цзинь-синъ сидѣлъ по правую сторону сѣдалища; управляющій Хунъ-лу-сы началъ по списку вызывать чиновниковъ; первый предсталъ министръ Вэй-цзао-дэ; онъ палъ предъ Ли-цзы-чэномъ на колѣна и просилъ принять на службу, сказавъ между прочимъ: «прежъ-

ній государь не внималъ моимъ словамъ и вотъ настало такое время». Ли-цзы-чэнъ, повернувшись немного въ сторону, выразилъ ему свое вниманіе наклоненіемъ головы; послѣ этого Ню-цзинь-синъ, самъ взялъ списокъ и, положивъ его предъ собою, по произволу началъ вызывать, — кто хотя немного опаздывалъ откликаться на вызовъ, того предавали военному суду. Разсердившись на нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ за то, что они выбрили волосы, Ню-цзинь-синъ приказалъ немедленно вырвать у нихъ всѣ волосы на лицѣ (брови, рѣсницы и пр.) и закричалъ: вы уже предварительно обрили себѣ голову, къ чему же подавать имена ваши? т. е. обрили голову, такъ ступайте въ Хэшаны. Въ это время Ли-цзы-чэнъ, обращаясь къ сидѣвшимъ съ нимъ сказалъ: «вѣрные чиновники только тѣ, которые умерли во время взятія города; что касается до тѣла, его частей и принадлежностей, то все это получено отъ отца и матери и никто не долженъ истреблять ихъ; по этому обрившіе волоса и невѣрны (государю) и не почтительны къ родителямъ; что пользы оставлять ихъ?» Избраніе происходило до самаго вечера и отмѣчено только 92 человѣка; ихъ отправили подъ конвоемъ въ Палату Чиновъ къ Сунъци-цзяо для опредѣленія къ должностямъ. Избранные были раздѣлены на три степени и самую высшую получили замѣчательные по внѣшней осанкѣ. Къ чинов-

никамъ, которые остались не избранными, приставлено было къ каждому по два конныхъ солдата съ мечами для стражи; вскорѣ вышелъ приказъ отправить ихъ для содержанія подъ карауломъ въ помѣщенія при воротахъ Си-сы-пай; послѣ этого чиновники были связаны желѣзными цѣпями съ замками,—5 человѣкъ составляли одну цѣпь; солдаты, сидя верхомъ, гнали ихъ къ означенному мѣсту, какъ свиней и барановъ; если кто либо немного медлилъ, того били по спинѣ саблями, — если кто либо падалъ на землю, того топтали конями и трупъ его смѣшивали съ грязью. Вдругъ на дорогѣ послѣдовало другое приказаніе,—повелѣвалось отправить ихъ въ домъ главнаго военачальника Лю-цзунъ-миня,—гдѣ должны были ожидать его распоряженій. Лю-цзунъ-минь въ это время шумно пировалъ, ему некогда было производить допросы и произносить приговоры. Онъ приказалъ конвою стеречь чиновниковъ до слѣдующаго дня. Чиновники были въ платьѣ, употребляемомъ преступниками, осужденными на казнь, и въ цѣпяхъ; они жестоко страдали отъ голода, и самые важные изъ нихъ съ жадностію подбирали остатки солдатской пищи. Между тѣмъ, домашніе ихъ, считая главу семейства уже погибшимъ, старались захватить самое цѣнное имущество и бѣжать въ эту ночь изъ города; но попытки ихъ, по большей

части, были напрасны; ворота городскія были строго охраняемы.

Въ слѣдъ за избраніемъ, въ тотъ же день вывѣшена была доска въ дворцовыхъ воротахъ съ именами избранныхъ и съ означеніемъ противъ каждаго чиновника должности, на которую онъ опредѣленъ. Изъ 92 человѣкъ избранныхъ и опредѣленныхъ извѣстны намъ по предшествовавшимъ обстоятельствамъ Сянъюй, вмѣстѣ съ Ли-банъ-хуа подававшій мнѣніе объ объ отправленіи наслѣдника на югъ, и Гуанъ-ши-хэнъ противникъ этого мнѣнія.

24-го числа Ли-цзы-чэнъ хотѣлъ совершить церемонію восшествія на престолъ, но едва только онъ всходилъ на тронъ, какъ у него сдѣлалась головная боль, какъ будто голова хотѣла расколоться,—три раза онъ всходилъ и три раза повторялась боль. Говорятъ, что ему каждый разъ представлялся человѣкъ огромнаго роста, въ бѣлой одеждѣ; что у дракона, изображеннаго на потолкѣ, грива и когти начинали двигаться, что пасть у него раскрывалась,—какъ будто онъ хотѣлъ пожрать злодѣя. А потому въ этотъ разъ церемонія не могла совершиться. Между тѣмъ было сдѣлано измѣненіе въ названіяхъ правительственныхъ мѣстъ и чиновъ. Всѣ эти названія были не новы,—потому что неоднократно употреблялись при прежнихъ Династіяхъ. Лю-цзунъ-минь съ своей стороны хлопо-

талъ о приготовленіи орудій для пытки и столбовъ для висѣлицы; онъ приготовилъ тиски для сжиманія колѣна, и опытъ произведенъ былъ надъ двумя приказными служителями, приведшими вмѣстѣ съ мятежниками съ запада. Опытъ былъ такъ удовлетворителенъ, что эти два человѣка умерли на другой же день. При воротахъ дома, гдѣ жилъ Лю-цзунъ-минь, поставлены были два столба для висѣлицы, на которой ежедневно совершались казни.

Съ 21-го числа, т. е. съ того дня, какъ чиновники объявили имена свои мятежникамъ, всѣ служившіе прежде въ императорскомъ охранительномъ корпусѣ, подъ стражею изъ отборныхъ войскъ, отправлены были для жительства въ домы простолюдиновъ, и притомъ приказано было, чтобъ они размѣстились въ одномъ какомъ-либо углу города, а не смѣли жить разсѣянно по разнымъ мѣстамъ; въ продолженіи этихъ 3-хъ, 4-хъ дней ихъ держали вовсе безъ пищи. 24-го числа мятежники помѣтили изъ числа этихъ чиновниковъ болѣе 500 человѣкъ и, связавъ ихъ, отправили за ворота Пинъ-цзы-минь, гдѣ имъ отрублены были головы.

По вступленіи въ городъ, мятежники не слишкомъ предавались грабежу и убійству; сдѣлано было даже повсемѣстное объявленіе, запрещавшее грабить, убивать и насиловать, и постановлено немедленно рѣзать

въ куски виновныхъ въ этихъ преступленіяхъ. Одинъ изъ числа мятежниковъ дѣйствительно преданъ былъ этой казни за изнасилованіе и убійство. Это обстоятельство произвело благопріятное впечатлѣніе на жителей и жестоко обмануло ихъ въ послѣдствіи; они успокоились и стали по прежнему производить торговлю. Но вскорѣ увидѣли они свое заблужденіе. 25-го числа приказано было всѣмъ чиновникамъ снова явиться для отмѣтки именъ и избранія въ должности; ихъ подвергли заключенію и голоду въ продолженіи однихъ сутокъ; на слѣдующій день утромъ 800 слишкомъ человѣкъ отмѣченныхъ приказано было заковать въ цѣпи и подъ строгимъ карауломъ въ оковахъ отправили въ бывшій дворецъ отца императрицы Тянь-хуанъ-цинь, гдѣ жилъ въ то время Лю-цзунъ-минь, которому поручено было производить допросы и пытки. Отъ чиновниковъ требовали, чтобъ они признались въ лихоимствѣ; пытки производились въ продолженіе 10-ти дней; кто былъ виновенъ въ большой суммѣ, съ того требовали нѣсколько ваней ланъ,—кто обвиненъ былъ въ умѣренномъ взяточничествѣ, съ того требовали до 1000 ланъ; самый бѣдный изъ чиновниковъ присужденъ былъ ко внесенію 500 ланъ, о другихъ нечего и говорить. Если у кого изъ чиновниковъ было состоянія, приблизительно на 10,000 ланъ, съ того требовали вдвое или втрое болѣе. Если онъ вносилъ не

полную сумму, то подвергали еще страшнѣйшимъ пыткамъ, отъ палокъ переходили къ тискамъ, отъ тисковъ къ раскаленному желѣзу; ужасъ этихъ мученій трудно и вообразить. Для избѣжанія пытокъ одни изъ чиновниковъ соглашались на неслыханныя подлости, и доходили до такого униженія предъ мятежниками, что не только не было у нихъ ни малѣйшаго сознанія человѣческаго достоинства, но даже поступки ихъ трудно выразить на образованномъ языкѣ. Часто мятежники не довольствовались одновременною пенею, одного и того же чиновника брали на истязаніе по два, по три раза; не имѣя возможности избавиться отъ ихъ алчности и жестокости, онъ до 3-хъ разъ представлялъ серебро и не рѣдко тотчасъ умиралъ, какъ только былъ освобожденъ отъ цѣпей. Кто не могъ внести опредѣленной пени, того подъ карауломъ отправляли въ купеческія лавки для займа у купцовъ; купецъ если и въ глаза не видывалъ такого чиновника, несмѣлъ однакоже отказывать въ требуемой суммѣ; чиновники давали съ своей стороны росписку; въ этихъ роспискахъ говорилось: такой-то чиновникъ, имѣющій въ супружествѣ такую-то, занялъ для спасенія жизни столько-то серебра. Отъ чиновниковъ мятежники перешли къ купцамъ и простымъ обывателямъ. Чтобы никому не удалось избѣжать ихъ хищническихъ рукъ, они, по вступленіи въ столицу, учре-

дили законъ круговой поруки изъ 10-ти домовъ такъ, что еслибы жители одного дома бѣжали, то остальные 9-ть домовъ должны были подвергнуться смерти. Если въ числѣ 10-ти домовъ былъ хотя одинъ домъ богатый, то Ли-цзы-чэнъ самъ описывалъ его, прочіе предоставлялъ обирать своимъ сообщникамъ, которые съ своей стороны употребляли для развѣдыванія о состоятельности жителей слугъ и разныхъ бродягъ. Если эти негодяи указывали на кого-либо, какъ на богача, то его тотчасъ заковывали и пытали. Не достойные доносчики обязаны были каждый день сдѣлать, по крайней мѣрѣ, одно открытіе, и такимъ образомъ ограбить хотя одинъ домъ. Грабежъ этотъ простирался до того, что выносили изъ домовъ всѣ вещи и отправляли въ лагерь, и всѣ лучшіе домы въ столицѣ были выметены до чиста. Никто изъ жителей не могъ ускользнуть отъ рукъ грабителей. Солдаты съ веревками въ рукахъ расхаживали всюду цѣлыми толпами. Если встрѣчали кого либо по опрятнѣе одѣтаго, то тотчасъ приходили къ заключенію, что въ его домѣ можно поживиться и немедленно вязали его; если онъ могъ занять серебра у кого либо на пути, то освобождали, въ противномъ случаѣ провожали до дому, и тамъ брали что находили и что имъ было угодно; если же отправляли въ домъ Лю-цзунъ-миня, то трудно было надѣяться избѣгнуть смерти. Съ дру-

гои стороны еще новыя бѣдствія производила въ то время страсть мести; при этомъ дѣло всегда шло уже не о богатствѣ, а о жизни. Отъ 22-го числа до 26-го на всѣхъ улицахъ только и видно было, какъ забирали чиновниковъ и богачей и водили ихъ въ цѣпяхъ. Пеня, взимаемая мятежниками съ чиновниковъ за лихоимство, взыскивалась съ прибавленіемъ 2-хъ процентовъ, головныя украшенія не оцѣнивались и въ половину ихъ стоимости; жемчугъ, нефритъ и разныя дорогія вещи со всѣмъ не принимались, новое платье принималось въ самой ничтожной цѣнѣ, кусокъ лучшаго атласа не цѣнился даже въ лану серебра. Если случалось, что купцы были родственники или единоземцы съ чиновниками, то вмѣстѣ съ чиновниками забирали и ихъ подъ арестъ и не было ни одного, который бы не принесъ послѣднихъ крохъ и окончательно не разорился.

Къ этому злу присоединилось другое, едва ли не ужаснѣе перваго. Мятежныхъ войскъ вошло въ столицу слишкомъ 400,000, и всѣ они предались разврату. Ли-цзы-чэнъ сначала хотѣлъ было обуздать эти безчинства, но ему съ бранью отвѣчали: императоръ отдалъ тебѣ престолъ, ужели же не отдалъ намъ золота и серебра, женщинъ и дѣвицъ? Между тѣмъ самые вожди были руководителями въ этомъ дѣлѣ; занявъ богатѣйшіе домы, они окружили себя множест-

вомъ женщинъ и дѣвицъ; ихъ распутство указало дорогу всѣмъ остальнымъ, строгаго суда нельзя было ожидать. Входя въ домы, солдаты Ли-цзы-чэна первоначально просили взаймы кухонной посуды, потомъ кроватей, наконецъ требовали женъ, сестеръ и дочерей для сожительства. Кто изъ жителей пряталъ женъ и дѣтей, того солдаты заковывали въ кандалы, потомъ искали спрятанныхъ всюду и не переставали искать пока не находили ихъ. Если которая изъ женщинъ и дѣвицъ нравилась имъ, то сажали ее на лошадь и уводили въ жилища свои; часто одинъ человѣкъ забиралъ съ собою 3-хъ и 4-хъ; если женщины сопротивлялись имъ, ихъ убивали; если слѣдовали за ними и не хотѣли угождать, тоже убивали; если не соглашались быть достояніемъ всѣхъ, опять убивали. Въ порывѣ необузданныхъ страстей, солдаты не обращали вниманія ни на время, ни на мѣсто, ни на возрастъ, ни даже на различіе пола. Одинъ изъ благородныхъ жителей столицы пожаловался чиновникамъ на обезчещеніе его малолѣтной дочери. Чиновникъ, призвавъ его дочь, сказалъ ей, что если она покажетъ правду при допросѣ, то лишена будетъ жизни; несчастная, страшась собственной смерти, приготовила смерть отцу; когда потребовали ее къ допросу, она ни какъ не смѣла подтвердить истины словъ своего отца, и ему отрубили голову за ложный доносъ. Это обстоятель-

ство придало новую наглость мятежникамъ. Часто солдаты, захвативъ женщинъ, уводили ихъ на городскую стѣну; если случалось, что въ то время проходилъ начальникъ для обзора исправности стражи, то они, опасаясь наказанія за нарушеніе порядка, бросали несчастныхъ со стѣны. Правители областей и уѣздовъ, поставленные мятежниками, предъ приходомъ войскъ въ подвѣдомственныя имъ мѣста, напередъ собирали женщинъ и дѣвицъ и представляли ихъ войскамъ; если было недостаточно, то солдаты били чиновниковъ сколько было угодно. Безнравственность разбойниковъ доходила до того, что они не щадили даже труповъ, такъ что не рѣдко и смертію нельзя было избавиться отъ поруганія. А сколько было жертвъ самоубійства? Женщины и дѣвицы, избѣгая посрамленія, безъ числа предавали себя смерти, колодези и каналы были завалены трупами; одинѣ прибѣгали къ петлѣ, другія къ ножу; въ переулкѣ Ань-фу-ху-тунъ въ одну ночь погибло отъ самоубійства 370 слишкомъ женщинъ и дѣвицъ. Жены и дочери чиновниковъ, передавшихся на сторону мятежниковъ, также не могли избѣгнуть безчестія; у всѣхъ былъ ропотъ въ душѣ, всѣ желали бы бѣжать, но не было выхода. Только домы чиновниковъ, которые, изъ вѣрности къ прежнему государю, заранѣе лишили себя жизни, были свободны отъ поруганія. Странная

смѣсь самаго ужаснаго порока съ чувствами, достойными всякой похвалы!

26-го числа передавшіеся на сторону мятежниковъ сановники Чжу-чунь-чэнь и Чэнь-янь, вмѣстѣ съ другими чинами поднесли Ли-цзы-чэну адресъ, въ которомъ, льстиво изображая его величіе, говорили, что военными доблестями онъ превзошелъ Яо и Шуня (древнѣйшихъ государей Китая), что добродѣтели его не уступятъ добродѣтелямъ Танъ-вана и Ву-вана, (основателей Династій Шанъ и Чжэу). Этотъ адресъ былъ не иное что, какъ выраженіе общаго желанія, чтобъ Ли-цзы-чэнъ объявилъ себя императоромъ.

27 число. Въ то время, когда мятежники производили безчинства въ столицѣ, небо готовило имъ опаснаго врага въ лицѣ У-сань-гуя. По вступленіи мятежниковъ въ столицу, главный ихъ военачальникъ Люцзунъ-минь захватилъ отца У-сань-гуева и хотѣлъ узнать отъ него: гдѣ Чэнь-юань, наложница У-сань-гуя; будучи не въ силахъ достигнуть этого миролюбивымъ образомъ, Лю-цзунъ-минь прибѣгъ къ пыткамъ; вѣсть объ этомъ скоро дошла до У-сань-гуя и ускорила его дѣятельность; онъ усилилъ войска свои еще 7,000 человѣкъ и 27-го числа совершенно разбилъ войска, отправленныя Ли-цзы-чэномъ для охраненія сѣверо-восточныхъ границъ государства. Число ихъ простиралось до 20,000 человѣкъ, изъ нихъ оста-

лось въ живыхъ только 32 человѣка; предводитель ихъ, тяжело раненый, бѣжалъ, — послѣ чего У-сань-гуй занялъ укрѣпленіе Шань-хай-гуань. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Ли-цзы-чэна, онъ отправилъ Танъ-туна, сдавшаго прежде укрѣпленіе Цзюй-юнъ-гуань, остановить дѣйствія У-сань-гуя; кромѣ войскъ, данныхъ Танъ-туну, еще отправлены были вспомогательныя войска въ Юнъ-пинъ-фу подъ предводительствомъ другаго измѣнника Бо-гуанъ-эня.

Того же числа Ню-цзинь-синъ отмѣчалъ чиновниковъ въ дворцовыхъ воротахъ Хой-цзи-мынь: избранные выходили изъ дворца воротами Дунъ-хуа-мынь и отправляемы были въ Палату Чиновъ; неизбранные выходили воротами Си-хуа-мынь и отсюда подъ стражей и въ цѣпяхъ были отводимы въ домы Ли-цзунъ-миня и Ли-моу, гдѣ ожидали ихъ пытки.

На слѣдующій день (28 числа) тѣ изъ чиновниковъ, которые были избраны на службу мятежниками, въ высокихъ шапкахъ и богатомъ платьѣ, величественно и гордо расхаживали по улицамъ, а тѣ, на коихъ не палъ выборъ, снова должны были испытать тяжесть алчности и жестокости новыхъ обладателей, — опять вопли и рыданія оглашали улицы и домы; все имущество ихъ, болѣе цѣнное, отобрано было въ казну.

Скоро и ученые, пришедшіе въ слѣдъ за мятежниками, были разочарованы въ своихъ надеждахъ. Всѣ

они, вмѣстѣ съ передавшимися на сторону мятежниковъ военными чиновниками, еще не получившими должностей, отосланы были въ Палату Чиновъ для опредѣленія на службу. Но Сунъ-цп-цзяо обманулъ ожиданія ихъ; онъ сказалъ имъ, что всѣ должности и ученыя степени даны были имъ по экзамену, сдѣланному прежнимъ правительствомъ, и что новый государь держится особыхъ правилъ въ этомъ отношеніи, «по этому я съ своей стороны совѣтую вамъ», присовокупилъ онъ, «возвратиться въ прежніе домы». Такимъ образомъ ихъ планы рушились и они принуждены были ни съ чѣмъ удалиться въ прежнія жилища.

Въ это же время придворные чиновники, передавшіеся на сторону мятежниковъ, разсказывали внѣ дворца, что Ли-цзы-чэнъ хотя считается главнымъ предводителемъ, но что есть болѣе 20-ти человѣкъ, которые всѣ имѣютъ почти равную силу и одинъ другому не подчинены; и что при всякомъ дѣлѣ они держатъ общій совѣтъ.

29-го числа Ли-цзы-чэнъ вручилъ Тапъ-туну 40,000 лапъ серебра (болѣе 80,000 руб. сер.) для передачи отцу У-сань-гуя У-сяну съ тѣмъ, чтобъ послѣдній, собственноручно написавъ къ сыну письмо, призывавшее его въ столицу, отправилъ къ нему серебро. У-сянъ согласился исполнить желаніе мятежника; судьба письма будетъ помѣщена ниже.

1-го числа 4-й луны Сунъ-сянь-цэ, изложивъ предъ Ли-цзы-чэномъ бѣдственное положеніе народа, просилъ оказать ему милость и состраданіе, присовокупляя, что на небѣ видны неблагопріятныя предзнаменованія, — что солнце какъ бы потеряло свой блескъ, и что, въ слѣдствіе этого, должно прекратить казни, что звѣзда Ди-синъ горитъ не ясно и въ слѣдствіе того необходимо скорѣе занять упраздненный престолъ. На первое предложеніе т. е. относительно прекращенія казней не вдругъ обращено было вниманіе; 7-го числа Ли-цзы-чэнъ, отправившись въ домъ Лю-цзунъ-миня, увидѣлъ тамъ болѣе 300 человѣкъ въ истязаніяхъ, и уже половину изъ нихъ испустившихъ дыханіе; тогда Ли-цзы-чэнъ сказалъ Лю-цзунъ-миню: «небесныя знаменія заставляютъ страшиться; Сунъ-сянь-цэ предлагаетъ прекратить казни, — нужно освободить всѣхъ». Такимъ образомъ всѣ истязаемые получили свободу, — но большая половина не могла воспользоваться этою милостію, потому что умерла отъ пытокъ. Лю-цзунъ-минь представилъ собраннаго имъ серебра 100,000,000 ланъ, болѣе 200 милліоновъ руб. серебромъ. Ли-моу, который употреблялъ болѣе слабыя пытки и оказывалъ болѣе человѣколюбія, собралъ только половину этой суммы, а потому для уравненія сбора долженъ былъ пополнить его изъ своего капитала; этою умеренностію онъ заслужилъ доб-

рую молву между народомъ. Выпущенные на свободу старались поскорѣе бѣжать отъ новыхъ бѣдъ и торопились уѣхать на югъ. Второе представленіе—о восшествіи—на престолъ имѣло болѣе успѣха и 3-го числа повелѣно было возвратить прежнюю должность управляющему Хунь-лу-сы, потому что ему извѣстны были всѣ эти церемоніи, и потому что никто, кромѣ его, не могъ распорядиться надлежащимъ образомъ этимъ важнымъ дѣломъ. Ню-цзинь-спинъ съ своей стороны представилъ, что если вступленіе на престолъ будетъ совершено безъ соблюденія существующихъ на этотъ случай обрядовъ, то можно опасаться внутренняго мятежа, и совѣтовалъ Ли-цзы-чэну: приказать Палатѣ Обрядовъ объявить повсемѣстно, что 17-го числа будетъ совершена церемонія вступленія на престолъ,—что всѣ чины должны 12-го числа совершить обряды предъ воротами Ву-мынь, 13-го въ залѣ Хуанъ-цзи-дянь, — за тѣмъ 15-го издать манифестъ, 16-го совершить церемонію въ Го-цзы-цзянѣ въ честь Конфуція, послѣ чего всѣ чины соберутся въ храмъ Неба для участія въ церемоніи; по окончаніи же оной, изображеніе родоначальника Минскихъ государей перенести въ храмъ Династій (Ди-ванъ-мяо), а изображенія прочихъ государей предать созженію. Лишь только данъ былъ этотъ указъ Палатѣ Обрядовъ, — измѣнникъ Гунъ-юй, не дожидаясь опредѣленнаго вре-

мени, въ 4-й день 4-й луны вошелъ въ храмъ предковъ (Тай-мяо), изображеніе родоначальника Минской Династіи перенесъ въ храмъ Династій, а изображенія прочихъ государей предалъ огню. Въ столицѣ не было ни одного человѣка, который бы не негодовалъ на такое нарушеніе вѣковыхъ постановленій.

4-го же числа, когда Гунъ-юй сожигалъ изображенія государей, другіе производили экзаменъ на ученую степень Цзюй-жэнь. Испытателями были Нюцзинь-синъ и Сунъ-ци-цзяо. Всѣ предложенія для сочиненій были приноровлены къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и къ тому, чтобъ выставить въ хорошемъ свѣтѣ новое правительство, и 5-го числа было объявлено, что изъ 70—80 человѣкъ, явившихся на экзаменъ, 50 удостоены степени. Въ тотъ же день областнымъ правителемъ области Шунь-тянь-фу было произведено испытаніе на низшую ученую степень.

6-го числа Ли-цзы-чэнъ созвалъ старѣйшихъ изъ жителей въ залу Ву-инъ-дянь, распрашивалъ ихъ о бѣдствіяхъ народа и обѣщалъ немедленно принять дѣятельныя мѣры къ уничтоженію золъ.

9-го числа приказано было отлить 9-ть печатей, употребляемыхъ государемъ. Въ этотъ же день получено было отвѣтное письмо У-сань-гуя къ его отцу. И то и другое письмо замѣчательны по своему содержанію. Вотъ что̀ писалъ отецъ: «ты взысканъ мило-

стію государя по уваженію ко мнѣ, и получилъ должность военачальника не потому, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совершалъ великіе подвиги. Ты упорствуешь теперь, въ той увѣренности, что ты еще сильный противникъ и что тебя нельзя привлечь сюда, если не будутъ оказаны тебѣ особыя милости. Это похоже на совѣтъ Гуань-цзы князю Хуань-гуну задарить свои войска, поступокъ родоначальника Ханьской Династіи пожаловавшаго важною должностію Ханьпэна, при первомъ свиданіи съ нимъ. Ты напрасно стараешься теперь объ успленіи войскъ своихъ, бѣгаешь суетливо, смотря въ даль, въ ожиданіи враговъ. Пусть только войска Ли-цзы-чэна пойдутъ большими массами прямо на тебя, — у тебя уже не будетъ средствъ занять какое либо мѣсто, отъ котораго бы зависѣлъ успѣхъ всего дѣла. Къ тому же у тебя недовольно войска, чтобъ мѣряться съ ними въ бою, недостанетъ силы, чтобъ преодолѣть ихъ. Когда дѣло будетъ проиграно, тогда судьбу трудно обратить назадъ. Нашъ государь уже скончался, и жизнь твоего отца зависитъ отъ минуты. Тотъ, кто умѣетъ понимать обстоятельства, умѣетъ также пользоваться и средствами къ благопріятнымъ перемѣнамъ. Въ древности Сюй-юань-чжи *) покинулъ княжество Хань и

*) По подложному письму отъ лица матери князь Вэй заставилъ его

перешелъ въ княжество Вэй; его нельзя назвать измѣнникомъ; Цзы-сюй *) оставилъ княжество Чу и и удалился въ княжество Ву, — его также нельзя назвать непочтительнымъ къ отцу. Если сравнить эти два примѣра, то труднѣе подражать примѣру Цзы-сюя, легче послѣдовать примѣру Сюй-юань-чжи. По этому я совѣтую тебѣ, связавъ руки и сомкнувъ ротъ, съ топоромъ и гробомъ, теперь заблаговременно подчиниться, — при чемъ не лишишься награды достоинствомъ Хоу и сохранишь въ цѣлости имя отцепочтительнаго. Еслиже будешь безполезно и не въ мѣру горячиться и чваниться, то отношенія хозяина и гостя будутъ уничтожены; твои малыя силы не въ состояніи будутъ противодѣйствовать многочисленнымъ полчищамъ, твои лагери и крѣпкія стѣны въ одно утро будутъ разорены. Тогда твой отецъ, безъ всякой вины, тоже подвергнется казни и посрамленію; жизнь и имя погибнутъ вмѣстѣ, обязанности подданнаго и сына будутъ въ одно время тобою нарушены, — что можетъ быть больнѣе для сердца? Пословица говоритъ: никто не можетъ знать сына, какъ отецъ; я немогу сравниться съ Чжао-шэ, но и ты въ неразумѣніи едвали не превзойдешь Чжао-ко. И такъ я

оставить княжество Хань,—но когда мать увидѣла его и узнала причину возвращенія, то немедленно удавилась.

*) Князь Чу предалъ смерти его отца и Цзы-сюй, занявъ войско у князя Ву отмстилъ за смерть своего отца.

указываю тебѣ хорошее средство, и еще и еще подтверждаю».

Это письмо составилъ Ню-цзинь-синъ, а отецъ У-сань-гуя только переписалъ его. Письмо это произвело на У-сань-гуя совершенно противное дѣйствіе тому, какого ожидали непріятели. Они сильно расчитывали на то, что обязанности отцепочтенія преклонятъ несговорчиваго У-сань-гуя на ихъ сторону. У-сань-гуй, получивъ письмо, пришелъ въ сильное негодованіе. «Мятежники», сказалъ онъ, «до какой степени низки! У-сань-гуй, твердый въ истинѣ и храбрый, ужели согласится предаться бунтовщикамъ, чтобъ навлечь на себя посмѣяніе всѣхъ вѣковъ? Да, теперь нельзя сохранить въ цѣлости и вѣрность государю и повиновеніе отцу!» Онъ велѣлъ своимъ полководцамъ казнить смертію посла. Но нѣкоторые изъ нихъ сказали ему въ отвѣтъ: мы готовы сражаться на смерть, но теперь гораздо лучше взять присланное серебро и раздать войску, потомъ поднять оружіе, чтобъ мятежники не могли приготовиться. У-сань-гуй съ удовольствіемъ выслушалъ этотъ совѣтъ и отвѣчалъ послу: я хочу видѣть кого либо изъ князей — дѣтей императора, потомъ передамся. Видно, мятежники весьма дорожили покорностью У-сань-гуя, потому что какъ только отвѣтъ его былъ имъ переданъ, они въ тотъ же день отправили туда князя Динъ-вана съ тѣмъ, чтобъ онъ

находился въ лагерѣ Танъ-туна. Но У-сань-гуй уже отправилъ пословъ просить помощи у Маньчжуровъ,— 4-го числа 4-й луны овладѣлъ укрѣпленіемъ Шань-хай-гуань; Танъ-тунъ, передавшійся на сторону мятежниковъ въ укрѣпленіи Цзюй-юнъ-гуань и дѣйствовавшій въ это время противъ У-сань-гуя, перешелъ на его сторону, вмѣстѣ съ нимъ и князь Динъ-ванъ перешелъ въ лагерь У-сань-гуя. За тѣмъ У-сань-гуй написалъ Ли-цзы-чэну, что онъ прекратитъ войну, когда отправятъ къ нему наслѣдника престола. Въ это время (9-го числа) было получено въ столицѣ отвѣтное письмо У-сань-гуя къ отцу; вотъ что онъ писалъ: «недостойный сынъ У-сань-гуй плачетъ кровью и стократно кланяется у ногъ высокаго родителя. Я по заслугамъ отца сдѣлался чиновникомъ и слышалъ добрыя наставленія; по этому долженъ, неся преступленіе на своей головѣ, подвизаться на войнѣ; день и ночь я напрягаю свои мысли, ожидая благопріятнаго времени, чтобъ возблагодарить государя за высочайшія его милости. Безпокойства на границахъ до этого времени были сильныя, военные посты въ Нинъ-юань, гдѣ сосредоточены мои войска, составляютъ дверь въ государство и едва не были вовсе потеряны; теперь съ удвоенными усиліями я старался взять ихъ обратно. Что касается до наглаго Ли-цзы-чэна, то его немедленно должно было стѣснить и истре-

бить, но опасенія, чтобъ чрезъ переѣзды туда и обратно не испортить того и другаго дѣла, заставили меня замедлить. Но я не думалъ, чтобъ въ государствѣ не было людей, чтобъ они разсѣялись при первомъ вѣтрѣ. Мой отецъ управлялъ императорскими охранительными войсками, силы его были не малы; какъ могли высокія и вооруженныя множествомъ боевыхъ башень стѣны пасть въ продолженіе одного, двухъ дней? Еслибъ я теперь отправился въ столицу, то было бы поздно, по истинѣ это достойно скорби и негодованія! Съ поникшею головою услышалъ я, что августѣйшій государь скончался, что чиновники и народъ подвергаются смерти и позору, и глаза мои готовы закрыться отъ досады. Но я еще думаю, что отецъ мой, храня вѣрность и долгъ, не смотря на то, что главное дѣло потеряно, все же долженъ, пользуясь случаемъ, хотя одинъ разъ нанести ударъ молотомъ мятежнику, поклявшись не жить съ нимъ въ сообществѣ; если это не удастся, то перерѣзать себѣ горло, чтобъ не переживать бѣдствій государства и тѣмъ заставить сына въ траурѣ, съ воплями и скорбію въ сердцѣ вооружиться для новой мести; еслибъ и онъ не успѣлъ, то смерть его была бы также честна, какъ и смерть отца его. Не было ли бы это прекраснымъ сочетаніемъ вѣрности къ государю и почтительности къ отцу? отчего же ты терпѣливымъ предательствомъ

спасаешь жизнь и съ удовольствіемъ въ сердцѣ попираешь священный долгъ? Ты не имѣешь духу сражаться съ врагами, и стыдишься мужества изобличить злодѣевъ? Сюй-юань-чжи по нерѣшительности своей сдѣлался причиною смерти своей матери, а Ванъ-линъ *) и Чжао-бао **) прославились; мой же отецъ, славный военачальникъ охранительныхъ войскъ и именитый вельможа, срамитъ себя даже предъ слабыми женщинами! отецъ не могъ быть вѣрнымъ государю, какъ же сынъ можетъ быть почтительнымъ къ отцу? Я совершенно прерываю связи съ тобою и предупреждаю тебя, что если ты не предпримешь ничего противъ разбойниковъ, то пусть поставятъ тебя подлѣ котла или ступы, чтобы смягчить меня, и тогда я не буду внимать. Сынъ твой У-сань-гуй еще стократно кланяется». Прочитавъ это письмо, Ли-цзычэнъ приказалъ предать смертной казни все семейство отца У-сань-гуева, въ числѣ слишкомъ 30 человѣкъ.

11-го числа мятежники услышали, что Маньчжур-

---

*) Когда происходила война между *Сянь-юй* и родоначальникомъ Ханьской династіи, *Сянь-юй* захватилъ мать *Ванъ-лина*, сражавшагося подъ знаменами его противника; но мать предупредила чтобъ онъ усердно служилъ Ханьскому князю и въ слѣдъ за тѣмъ предала себя смерти.

**) Когда Чжао былъ правителемъ въ *Лю си*, то онъ вызвалъ туда мать и жену, но на дорогѣ ихъ захватили *Сянь-би*, грабившіе предѣлы Китайскаго государства; *Чжао-бао* вышелъ противъ нихъ войною и, увидѣвъ между ними свою мать, сказалъ громкимъ голосомъ: теперь нужно быть вѣрнымъ государю; мать отвѣчала: за чѣмъ изъ жалости ко мнѣ нарушать вѣрность и долгъ? *Сянь-би* были разбиты но убили мать и жену *Чжао-бао*.

скія войска приближаются къ укрѣпленію Шань-хай-гуань. Медлить было нельзя; Ли-цзы-чэнь умолялъ своихъ военачальниковъ Лю-цзунъ-миня и Ли-моу итти на войну; но такъ какъ они погрузились съ самаго прихода въ столицу во всѣ удовольствія, то не слишкомъ расположены были къ походу. Еще прежде Лю-цзунъ-минь питалъ неудовольствіе противъ Ли-цзы-чэна за измѣнника Бо-гуанъ-эня, соперника своего въ ратномъ искусствѣ; потомъ, когда Пекинъ былъ взятъ, глава мятежниковъ забиралъ въ свои руки все золото и серебро; Лю-цзунъ-минь тоже хотѣлъ воспользоваться готовымъ ботатствомъ, но не получилъ ничего, за что еще болѣе охладѣлъ къ главѣ мятежниковъ. Эти обстоятельства также отчасти были причиною его неохоты идти войною противъ У-сань-гуя; онъ считалъ себя обиженнымъ. Въ этой крайности Ли-цзы-чэнъ отдалъ приказъ, что 13-го числа онъ самъ отправится на войну, за тѣмъ приказалъ казнить смертію всѣхъ родственниковъ Минскаго государя. Такимъ образомъ Чэнь-янь, Вэй-цзао-дэ, Сюй-юнь-чжэнъ и всѣ родственники государей Минской династіи, равно чиновники корпуса тѣлохранителей (Цзинь и Вэй) были казнены.

12-го числа Ли-цзы-чэнъ, предводительствуя 400,000 войска, отправился на востокъ; онъ выѣхалъ воротами Цянь-мынь; наслѣдникъ престола, старшій сынъ по-

слѣдняго Минскаго императора, ѣхалъ позади его; Лю-цзунъ-минь сопровождалъ наслѣдника. Ли-моу и Ню-цзинь-синъ оставлены были для охраненія города.

Между тѣмъ на улицѣ Си-чанъ-анъ-цзѣ было прибито непзвѣстнымъ лицомъ объявленіе, что срокъ, положенный небомъ для Минской династіи, еще не кончился, что народъ помышляетъ остаться ей вѣрнымъ и 20-го числа возвести на престолъ законнаго наслѣдника. Первоначально Лю-цзунъ-минь часто казнилъ смертію жителей нѣсколькихъ домовъ разомъ за частныя объявленія; теперь объявленіе было прибито на дворцовой стѣнѣ и некого было обвинять въ преступленіи; усилили только полицейскія мѣры строгости, давъ тайно знать объ этомъ обстоятельствѣ Ли-цзи-чэну.

15-го числа мятежникъ прибылъ въ уѣздный городъ Ми-юнь-сянь. Между-тѣмъ оставшіеся въ столицѣ предводители отправили все награбленное золото и серебро въ губернію Шáнь-си. Для удобства перевоза, они велѣли перелить золото и серебро въ большіе куски. Кромѣ серебра, пріобрѣтеннаго грабежемъ въ завоеванныхъ городахъ и столицѣ, изъ одного неприкосновеннаго казначейства во дворцѣ, мятежники, говорятъ, вывезли 370 ваней кусковъ серебра, каждый кусокъ въ 500 ланъ вѣсомъ. Но трудно повѣрить этой громадной цифрѣ уже потому, что все серебро отмѣчено было годами царствованія государя Юнъ-лэ;

невѣроятно, чтобъ онъ одинъ могъ накопить такую сумму, особенно если принять во вниманіе огромныя издержки, какія дѣланы были, въ его правленіе, на разныя государственныя нужды.

17-го числа мятежники прибыли въ областной городъ Юнъ-пинъ-фу. У У-сань-гуя было мало войска и оно цѣлый день сражалось съ непріятельскими войсками, такъ что не имѣло досуга подкрѣпить себя пищею. Въ этой крайности У-сань-гуй устроилъ пустой лагерь внѣ укрѣпленія и, собравъ простой народъ, далъ ему въ руки знамена, барабаны, думая обмануть тѣмъ противниковъ. Но этотъ лагерь вскорѣ былъ взятъ и всѣ старые и малые, находившіеся въ немъ, убиты; послѣ чего Ли-цзы-чэнъ устремился прямо къ стѣнамъ укрѣпленія и обложилъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. У-сань-гуй, видя, что силы Ли-цзы-чэна слишкомъ велики и ему невозможно бороться съ нимъ, началъ настоятельно просить помощи у Маньчжуровъ, о чемъ сносился съ ними еще прежде. Гонецъ его 8-мь разъ ѣздилъ къ Маньчжурскому князю и обратно; подозрительность Маньчжуровъ наконецъ успокоилась и 9-й по старшинству изъ князей Жуй-ванъ пришелъ къ У-сань-гую на помощь съ 140,000 войска. У-сань-гуй, узнавъ что Маньчжурскія войска уже находятся близко отъ укрѣпленія, отправился самъ въ ихъ лагерь, въ разговорѣ съ княземъ назы-

валъ себя подданнымъ (чэнь), подбрилъ себѣ волоса по обычаю Маньчжурскому, принесъ бѣлую лошадь въ жертву небу, — чернаго быка въ жертву землѣ, переломилъ стрѣлу въ знакъ клятвы; послѣ чего, отправившись опять въ укрѣпленіе, приказалъ народу подбриться по Маньчжурскому обыкновенію и, отворивъ ворота, ждалъ прибытія Маньчжурскихъ войскъ. Но войско У-сань-гуя, почти безъ отдыха сражаясь съ Ли-цзы-чэномъ, не успѣло исполнить приказанія относительно подбритія волосъ. Опасаясь, что по этой причинѣ Маньчжурамъ трудно будетъ отличить его войско отъ войскъ Ли-цзы-чэновыхъ, У-сань-гуй далъ ночью тайный приказъ, чтобъ люди его нашивали себѣ на верхнемъ платьѣ три ленты изъ бѣлаго холста, шириною въ 3 пальца, предупредивъ Маньчжуровъ не убивать тѣхъ, у кого есть этотъ знакъ. Число три было употреблено въ ознаменованіе того, что войско принадлежитъ У-сань-гую (Сань значитъ три); бѣлый цвѣтъ — для означенія чистоты нравовъ Маньчжурскихъ войскъ.

19-го числа У-сань-гуй сразился съ войсками Ли-цзы-чэна. Сраженіе кончилось только на закатѣ. Маньчжурскій князь приказалъ У-сань-гую быть въ передовыхъ войскахъ и первому открыть бой; это сдѣлано было съ одной стороны для того, чтобъ испытать силы и искусство Ли-цзы-чэна, — съ другой —

чтобъ убѣдиться въ искренности намѣреній У-сань-гуя. Ли-цзы-чэнъ увидѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло съ опаснымъ врагомъ; извѣстія, получаемыя въ столицѣ, говорили о неудачѣ мятежниковъ; въ самой столицѣ дѣятельно занимались приготовленіемъ военныхъ снарядовъ.

20-го числа произошла рѣшительная битва между обѣими сторонами. Сраженіе и въ этотъ день началъ У-сань-гуй; во время самаго жаркаго дѣла, Маньчжурскій князь отправилъ нѣсколько десятковъ тысячъ конныхъ латниковъ; они зашли въ правый флангъ непріятелю и напали на него съ такою стремительностію, что онъ не могъ держаться. Ли-цзы-чэнъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ, взявъ съ собою и наслѣдника престола, взошелъ на возвышеніе, находившееся въ близи лежавшей кумирнѣ, и оттуда наблюдалъ за ходомъ дѣла. Они вдругъ увидѣли войска подъ прикрытіемъ бѣлаго знамени, которыя неслись, какъ волны морскія, гонимыя сильнымъ вѣтромъ во время прилива; куда ни бросались они, вездѣ производили губительное пораженіе; Ли-цзы-чэнъ обратился въ бѣгство; Лю-цзунъ-минь, безпримѣрно храбрый военачальникъ его, тяжело раненый, тоже бѣжалъ.

21-го числа мятежники стали лагеремъ въ Юнъ-пинъ-фу. У-сань-гуй отправилъ человѣка для перего-

воровъ съ Ли-цзы-чэномъ о мирѣ и требовалъ, дабы онъ, въ доказательство искренняго желанія мира, прислалъ къ нему наслѣдника; Ли-цзы-чэнъ обрадовался такой благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ и немедленно отправилъ наслѣдника въ станъ У-сань-гуя. Съ той и другой стороны остановлены были военныя дѣйствія. Но У-сань-гуй только того и желалъ, чтобъ выручить наслѣдника; какъ скоро онъ достигъ желаемой цѣли, тотчасъ послалъ сказать Ли-цзы-чэну, чтобъ онъ шелъ обратно съ своими войсками и какъ можно скорѣе удалился изъ столицы, потому что я, говорилъ У-сань-гуй, немедленно возведу на престолъ наслѣдника. Къ несчастію онъ ошибся въ расчетѣ—престолъ достался не хозяину, а гостямъ.

Ли-цзы-чэнъ немедленно отправился обратно съ войсками и прибылъ въ столицу 26-го числа. 27-го, въ злобѣ на неудачу и невозможность долго держаться въ столицѣ, онъ далъ полную волю войскамъ своимъ грабить и безчинствовать. Въ тотъ же день пришло извѣстіе отъ У-сань-гуя; онъ объявлялъ жителямъ о скоромъ прибытіи въ столицу защитниковъ праваго дѣла, предлагалъ всѣмъ надѣть трауръ по прежнемъ государѣ и приготовиться къ встрѣчѣ законнаго наслѣдника.

Видя совершенную невозможность удержать за собою столицу, Ли-цзы-чэнъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ,

совершить въ ней торжество восшествія на престолъ и эта церемонія отправлена была 29 числа, въ залѣ Ву-инъ-дянь; предковъ своихъ въ 7-ми поколѣніяхъ по прямой родословной линіи онъ назвалъ императорами и императрицами, государству далъ названіе Дашунь-го (великое покорное небу государство), свое правленіе назвалъ Юнъ-чанъ (вѣчно свѣтлое). Мятежникамъ показалось не совсѣмъ законнымъ восшествіе на престолъ безъ особенной воли неба; для этого они прибѣгли къ обману, изготовили чашу, вырѣзали на ней годъ правленія, мѣсяцъ и день, и тайно поставили ее во дворцѣ,—тамъ она была найдена, какъ бы чудомъ и этотъ хитрый обманъ былъ принятъ за предзнаменованіе. Одной лжи имъ показалось недостаточно и они придумали другую, — нарядили нѣсколько человѣкъ въ одежду западныхъ Ламъ и научили ихъ говорить, что они изъ западныхъ странъ изъ такого-то государства, узнали о восшествіи на престолъ новаго сына неба и явились принести ему поздравленіе.

Между тѣмъ въ тотъ же памятный для себя день, Ли-цзы-чэнъ готовилъ столицѣ новыя бѣдствія, которыми хотѣлъ увѣнчать здѣсь свои злодѣйства и утолить хотя нѣсколько злобу свою на превратность судьбы. Послѣ полудня со всѣхъ пригородныхъ мѣстъ привозили во дворецъ солому, которою и наполнили весь дворецъ.

30-го числа на разсвѣтѣ Ли-цзы-чэнъ въ обыкновенномъ костюмѣ своемъ, только съ прибавленіемъ зонта — императорской принадлежности, въ сопровожденіи многочисленнаго войска, выѣхалъ изъ столицы воротами Цянь-мынь и направился на западъ; всѣ сообщники его слѣдовали за нимъ; для чиновниковъ, давно къ нему передавшихся, назначены были охранительныя войска, прочіе не имѣли этого преимущества; чиновникамъ столичнымъ приказано было собраться у городскихъ воротъ, — они совершили здѣсь колѣнопреклоненіе предъ мятежникомъ и получили приказаніе не провожать далѣе; народу велѣно было тоже выйти за городъ; — беззащитные люди повиновались; когда уже мятежники отошли отъ города на нѣсколько десятковъ китайскихъ верстъ, вдругъ напали на народъ, кого изрубили, кого увлекли съ собою. Во дворцѣ прежде всего зажгли главныя зданія и храмъ предковъ: уцѣлѣла одна только зала Ву-инъ-дянь; обывательскіе дома также преданы пламени. Изъ всѣхъ улицъ и воротъ уцѣлѣли отъ пожара только тѣ, которыя идутъ отъ воротъ Цянь-мынь и самые эти ворота, улицы Дунъ-цзянъ-мп-сянъ и Сп-цзянъ-мп-сянъ съ окружными строеніями. Эти улицы и ворота пощажены были мятежниками только для того, чтобъ оставить поджигателямъ дорогу для выхода изъ города. Когда уже всѣ мѣста были подожжены, 2,000 человѣкъ

мятежниковъ, оставшихся въ городѣ для этой цѣли, скакали изъ города и убивали народъ; у жителей истощилось наконецъ терпѣніе переносить эти кровавыя забавы, почти всякій изъ нихъ вооружился чѣмъ могъ и старался вредить мятежникамъ; улицы, гдѣ имъ надобно было проѣзжать, завалены были столами, стульями и разною рухлядью, чтобъ остановить бѣгство этой вооруженной горсти, и къ вечеру ни одного изъ нихъ не осталось въ живыхъ. За городомъ всѣ дома и стоги были также преданы огню, такъ что Пекинъ съ окрестностями представлялъ одно огненное озеро; говорятъ, что вопли и крики, слышны были на нѣсколько десятковъ китайскихъ верстъ.

Съ этого времени начинается новый рядъ событій въ исторіи Китая. Маньчжурскій князь, приказалъ У-сань-гую преслѣдовать бунтовщиковъ, 3-го числа 5-й луны занялъ Пекинъ, принялъ на себя права временнаго правителя и своими благоразумными мѣрами основалъ въ Китаѣ новую Династію въ пользу старшаго Маньчжурскаго князя, который еще прежде объявилъ себя императоромъ въ Маньчжуріи.

ЗАМѢЧАНІЯ

О СОЛЯНОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ ВЪ КИТАѢ.

(ЗАИМСТВОВАНЫ ИЗЪ КИТАЙСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ: *Ху-бу-цзэ-ли, Янь-Хуай-янь-фа-чжи* и *Хуанъ-чао-цзинъ-ши-вэнь-бянь.*)

Соляное производство съ незапамятныхъ временъ составляетъ предметъ особенной заботливости китайскаго правительства. Нужно замѣтить, что и въ отдаленныя времена соляная промышленность была уважаема въ Китаѣ наравнѣ съ земледѣліемъ. При открытіи работъ въ соловарняхъ ежегодно присутствовали сами князья и принимали личное участіе въ первой вываркѣ соли. Неудивительно, что при такомъ вниманіи и поощреніи со стороны князей соляные промыслы, какъ увѣряютъ китайскіе историки, не замедлили принять обширные размѣры и служили важнымъ источникомъ государственнаго богатства. Въ древности соль добывали въ Китаѣ преимущественно посредствомъ выварки морской воды. Въ послѣдующее время, и именно при династіи Танъ (съ 620 года по Р. Х.), начали получать соль изъ озерной воды посред-

ствомъ высушки на солицѣ. Способъ высушки былъ очень простъ. По берегамъ озеръ вскапывали землю и устроивали резервуары, въ которые особыми каналами проводили озерную или морскую воду. Когда вода въ резервуарахъ высыхала, оставался на землѣ соляной осадокъ. Впрочемъ большинство соловаровъ въ то время слѣдовало прежней системѣ добыванія соли чрезъ выварку. Но такъ какъ успѣхъ въ полученіи соли выварною главнымъ образомъ зависитъ отъ качества и благовременнаго заготовленія разсола: то представители китайской соляной промышленности и начали въ послѣдствіи, время отъ времени, изобрѣтать для полученія разсола различныя средства. Съ начала правленія Шао-синъ-сунской династіи (съ 1132 г. по Р. Х.) былъ введенъ въ употребленіе слѣдующій способъ для заготовленія разсола. Все прибрежное пространство близъ приморскихъ промысловъ межевали и дробили на множество небольшихъ правильныхъ четыреугольниковъ. Въ каждомъ четыреугольникѣ вскапывали верхній слой земли и выносили въ особое мѣсто. За тѣмъ устилали дно четыреугольниковъ соломой, а сверху засыпали вскопанной землей. Это называлось тогда токомъ (лю). Самый большой токъ имѣлъ не больше 2 футовъ въ вышину и сажень въ окружности. По сторонамъ токовъ устроивали небольшія ямы для стока разсола. Устроивъ такимъ обра-

зомъ токъ, приступали къ поливанію его морской водой. Обязанность поливать, какъ легкая работа, была предоставлена женщинамъ и дѣтямъ. Въ непродолжительномъ времени разсолъ мало помалу образовывался внутри тока и стекалъ въ бассейны. Для узнанія степени густоты разсола бросали въ него особаго рода камешки. Если эти камешки оставались на поверхности разсола: то разсолъ считался лучшимъ; а если тонули, то признавался прѣснымъ. Въ послѣднемъ случаѣ оставляли токи и избирали другія мѣста съ болѣе выгодной почвой. Разсолъ, годный къ вываркѣ, немедленно сливали въ ведра и отправляли на заводскіе горны. При горнахъ вмазывались для выварки соли котлы большихъ размѣровъ. Каждый токъ имѣлъ таковыхъ котловъ отъ 3-хъ до 5-ти. Выварка производилась скоро и безостановочно. Готовую соль тотчасъ выгребали изъ котловъ и наполняли ихъ новымъ разсоломъ, такъ что въ продолженіи сутокъ выварнвалось соли до 5-ти котловъ. При этомъ каждый котелъ давалъ чистой соли отъ 3-хъ до 5-ти даней (до 18-ти пудовъ). Съ 15-го вѣка по Р. Х. на всѣхъ приморскихъ промыслахъ былъ употребляемъ также и слѣдующій способъ добыванія разсола. На берегу морскомъ рыли ямы, на которыя сверху клали перекладины изъ бамбуковъ, накрывали ихъ циновками и сверху насыпали пескомъ. При каждомъ утреннемъ и

вечеромъ приливѣ морскомъ, песчаная насыпь орошалась и соляная жидкость проходила внутрь ямы. Когда прибылая вода удалялась отъ береговъ, соловары съ пуками зажженной соломы выходили свидѣтельствовать соляную влагу. Они не прежде убѣждались въ ея доброкачественности, какъ когда соляной паръ, устремившись изъ ямы на огонь, потушитъ его. Образовавшійся такимъ образомъ разсолъ сливали въ ушаты и отправляли на заводы. Изъ этого разсола соль получалась весьма скоро. Около того же времени на сѣверныхъ заводахъ признано удобнымъ получать соль способомъ провѣтриванія и высушиванія на солнцѣ.

Въ нынѣшнее время, какъ и прежде, соляная промышленность занимаетъ почетное мѣсто въ ряду главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Безчисленное множество соловареній, разсѣянныхъ въ различныхъ пунктахъ внутренняго Китая, предоставлено, по распоряженію правительства, частнымъ лицамъ,— но завѣдываніе ими, равно какъ надзоръ за самою распродажею соли, возложены на особыхъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ Палатою Финансовъ. Эти блюстители соляпаго производства выдаютъ частнымъ откупщикамъ казенные билеты на закупку и продажу соли и принимаютъ отъ нихъ опредѣленныя правительствомъ пошлины. Каждый откупщикъ обязанъ съ

своей стороны строго наблюдать за порядкомъ и правильнымъ ходомъ работъ на заводахъ. Для этой послѣдней цѣли при каждыхъ 10-ти горнахъ приставленъ особый старшина, которому поручено, кромѣ присмотра за рабочими, вести ежедневныя вѣдомости и помѣчать: когда и кто именно добылъ извѣстное количество соли и сколько поступило въ расходъ. По окончаніи каждаго мѣсяца вѣдомости старшинъ ревизуются особыми лицами, избранными мѣстнымъ начальствомъ изъ сословія купцовъ. Эти лица обязываются также содѣйствовать всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами къ преслѣдованію и искорененію контрабанды.

Въ настоящее время соль въ Китаѣ трехъ видовъ: морская, озерная и колодезная. Морская соль вываривается или просушивается во всѣхъ приморскихъ областяхъ, а именно: въ Чжи-лй, Шань-дунѣ, по берегамъ рѣкъ Хуай и Чже-цзянъ. въ Фу-цзянѣ и Гуанъ-дунѣ. Озерная соль добывается въ областяхъ Ша́нь-си, Гань-су и Ша̄нь-си, и частію доставляется изъ за-границы: изъ Чахарскихъ кочевьевъ, Ордоса и Хухэнора. Колодезная добывается въ Гань-су, Сычуани и въ Юнь-нани. Продажа соли производится по билетамъ, выдаваемымъ правительствомъ. Въ Чжилійской области, по уложенію Палаты Финансовъ, ежегодно предназначается къ продажѣ 1,160,046 би-

летовъ. Каждый билетъ даетъ право на полученіе 300 гиновъ соли (*). Въ Шань-дунскую область отпускается 804,920 билетовъ, изъ которыхъ каждый въ 225 гиновъ. Въ соляныхъ заводахъ по берегамъ рѣкъ Хуай и Чже-цзянъ расходъ билетовъ ежегодно простирается до 2,690,889. Каждый билетъ отъ 335 до 400 гиновъ соли. Въ Фу-цзяньской области расходуется 1,069,485 билетовъ; каждый отъ 100 до 675 гиновъ. Въ Гуандунскую область, вмѣстѣ съ Гуансійскою, отпускается 864,510 билетовъ; каждый отъ 235 до 322 гиновъ. Въ Сы-чуань назначается число билетовъ сообразно съ требованіями предъидущаго года; тамъ существуютъ два сорта билетовъ. Одни—въ 5000 гиновъ каждый, для сплава соли на судахъ, а другіе—въ 400 гиновъ — для вывоза ея по сухому пути. Въ провинціи Гань-су ежегодно расходуется 72,688 билетовъ; каждый отъ 178 до 200 гиновъ. Откупщики, при принятіи казенныхъ билетовъ, обязываются продавать соль только въ опредѣленныхъ правительствомъ округахъ, которыхъ всего девять; въ противномъ случаѣ подвергаются суду, и самая соль отбирается въ казну. Правительство, ограничивъ такимъ образомъ способъ продажи соли, съ тѣмъ вмѣстѣ снабжаетъ откупщиковъ установленною таксою, сообразно съ ко-

*) Китайскій гинъ равняется 1 фунту, 36 золотникамъ и 39 $^{21}/_{29}$ дол.

торою они обязываются производить эту продажу. Таксы эти не одинаковы. Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ солянымъ заводамъ цѣны на соль ниже, а по мѣрѣ отдаленія отъ заводовъ—повышаются. Вообще можно положить казенныя цѣны на соль въ Китаѣ среднимъ числомъ по 40 чоховъ за пинъ, или 2 копѣйки серебромъ за фунтъ. Колодезная соль, получаемая въ Юнь-нани и другихъ мѣстахъ, предоставлена также откупщикамъ изъ мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ, со взносомъ въ казну опредѣленныхъ пошлинъ. Для сбыта этой соли не существуетъ указанныхъ правительствомъ таксъ, и продажа производится всегда по цѣнамъ случайнымъ. Казенныя пошлины по всѣмъ отраслямъ соляной промышленности подчинены постановленіямъ, одинаковымъ съ поземельнымъ сборомъ; онѣ составляютъ въ настоящее время важную статью въ государственномъ бюджетѣ. Общая сумма годовыхъ доховъ съ соляныхъ билетовъ и проч. простирается ежегодно до 5,745,000 ланъ серебра (т. е. свыше 12 милліоновъ рублей серебромъ), что̀ составляетъ $^1/_4$ всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Мы ужъ сказали выше, что въ настоящее время у Китайцевъ употребляется соль морская, озерная и колодезная. Въ самомъ большомъ количествѣ добывается соль морская; по этому о производствѣ ея встрѣ-

чается много описаній въ китайскихъ сочиненіяхъ. Заимствуемъ изъ нихъ нѣсколько подробностей.

Соловарни расположены на всемъ протяженіи приморскихъ береговъ Китая. По качеству соли, одинѣ изъ нихъ считаются лучшими, а другія худшими. На всѣхъ заводахъ добываніе соли производится въ опредѣленную пору, освященную обычаями и временемъ. По соображеніямъ Китайцевъ, выгоднымъ для добыванія соли временемъ считаются 3, 4, 5 и 6 луны (соотвѣтствующія русскимъ мѣсяцамъ: Апрѣлю, Маю, Іюню и Іюлю). Они увѣряютъ, что въ это время, когда пары земли поднимаются вверхъ, — вмѣстѣ съ ними приходитъ въ движеніе и соляная влага. Осенью пары мало помалу остываютъ, а потому и соляная влага постепенно умаляется; зимою же отъ морозовъ пары совершенно прекращаются, а вмѣстѣ съ ними исчезаетъ и соляная влага. На этомъ основаніи работы на заводахъ производятся только въ теплое время, а зимою бо̀льшею частію прекращаются. Для полученія морской соли Китайцы употребляютъ два способа: или вываривaютъ разсолъ въ горшахъ, или просушиваютъ соляной осадокъ на солицѣ.

Въ выварнѣ соли Китайцы отличаютъ три періода, называемые технически Шай-хой — высушиваніемъ золы, Линь-лу—протеченіемъ разсола и Фу-хо—вареніемъ. Предварительный пріемъ (Шай-хой) высуши-

ваніемъ золы состоитъ въ слѣдующемъ: съ перваго же дня по открытіи работъ на заводахъ очищаютъ прибрежныя площади отъ различныхъ растеній и потомъ начинаютъ вскапывать и разрыхлять верхній слой земли; эту разрыхленную землю мѣшаютъ потомъ бамбуковыми палками дотолѣ, пока она сдѣлается мелкою и ровною. За тѣмъ приносятъ морскую воду изъ искусственныхъ резервуаровъ, наполненныхъ водой во время морскихъ приливовъ, и слегка орошаютъ ею землю, какъ дождемъ. При этомъ стараются, чтобы вся масса земли пропитана была водою одинаково. Въ такомъ видѣ оставляютъ ее для просушки до 5-ти часовъ по полудни. Подъ вечеръ сгребаютъ землю въ сторону и образуютъ изъ нея длинный рядъ холмовъ, въ предохраненіе отъ ночнаго дождя. На другой день эти кучи снова разгребаютъ въ одну ровную массу, мельчатъ ее, мѣшаютъ палками, орошаютъ водой, и переносятъ въ особый резервуаръ для храненія. При ясной погодѣ время отъ времени выносятъ эту землю снова для просушки на заводскихъ площадкахъ. Просушка продолжается обыкновенно съ ранняго утра никакъ не далѣе 3-хъ часовъ по полудни и именно до толѣ, пока соляныя частицы всосутся внутрь земли. Для удобнѣйшаго приготовленія и поддерживанія этой земли требуются благовременные дожди и хорошая погода. Иначе отъ продолжительныхъ засухъ соляная

влага въ удобренной землѣ испаряется или опадаетъ внизъ. Равнымъ образомъ и отъ частыхъ дождей площади на заводахъ напитываются прѣсной влагой; отъ чего въ удобренной землѣ при высушкѣ соль разлагается и убываетъ.

Приготовивши такимъ образомъ землю, соловары сносятъ ее въ токи. Эти токи имѣютъ форму поднятыхъ ящиковъ въ длину до 9-ти, въ вышину до 2-хъ, въ ширину до 6-ти, въ глубину 3 фута, и называются по Китайски *Лю*. Сбоку Лю вырываютъ колодцы глубиною футовъ въ 8-мь. Дно Лю устилаютъ деревянными поленьями, на которыя кладутъ слой тонкихъ бамбуковъ, слой хворосту и сверху засыпаютъ растительной золой. Въ эту яму, такимъ образомъ устроенную и приготовленную, ссыпаютъ удобренную землю. Насыпавъ землю въ яму, плотно убиваютъ ее бамбуковыми палками и накрываютъ сверху рисовой соломой. За тѣмъ льютъ на траву морскую воду, которая, проходя чрезъ внутренніе слои земли, золы и соломы, стекаетъ въ колодцы въ видѣ солянаго разсола (Лу). Въ продолженіи сутокъ съ каждаго тока получается чистаго разсола болѣе 20-ти даней (около 60 пудовъ). Чтобы опредѣлить достоинство разсола, бросаютъ въ колодцы камешки разныхъ тяжестей. Лучшимъ разсоломъ считается тотъ, въ которомъ тяжелые камешки не тонутъ, среднимъ тотъ въ которомъ камешки то-

нутъ на половину, а прѣснымъ и неспособнымъ къ выварк‍ѣ соли тотъ, въ которомъ даже легкіе каменки опускаются на дно колодца. Первые два сорта разсола вычерпываются изъ колодцевъ и отправляются на горны для выварки. Въ нѣкоторыхъ соловарняхъ получаютъ разсолъ болѣе простымъ и легкимъ способомъ. Послѣ приливовъ морскихъ сгребаютъ почву съ поемнаго мѣста и просушиваютъ на солицѣ; потомъ переносятъ ее въ особые резервуары, пропускаютъ чрезъ нея морскую воду и такимъ образомъ получаютъ разсолъ.

Выварка соли производится на заводскихъ горнахъ безостановочно въ продолженіи всего срочнаго періода работъ. При каждомъ горнѣ находится по нѣскольку котловъ различныхъ величинъ. Каждый котелъ держится на четырехъ ушахъ, сверху обернутъ тростникомъ и кругомъ обмазанъ глиной, добытой изъ пережженыхъ морскихъ раковинъ. Котлы расположены такъ, что при двухъ большихъ, непремѣнно находится вблизи одинъ средней величины. Въ первыхъ двухъ производится самая выварка соли, а подъ послѣднимъ никогда не разводится огня, и въ него наливаютъ прямо изъ колодцевъ холодный разсолъ, который, будучи здѣсь предварительно подогрѣтъ, поступаетъ въ большіе котлы. Это придумано для сбереженія топлива. Каждый пріемъ выварки соли начинается съ 11-ти часовъ

по полудни и продолжается до 10-ти часовъ слѣдующаго вечера, т. е. цѣлыя сутки. Въ продолженіи этого времени успѣваютъ вываривать соль 6 разъ. При вываркѣ строго наблюдаютъ за ходомъ работъ. Какъ скоро соль начинаетъ подсыхать, тотчасъ бросаютъ въ котлы стручки съ дерева Цзао-цзіо (gleditschia Chinensis) для скорѣйшаго соединенія соляныхъ частицъ. Очередные изъ соловаровъ, обутые въ непромокаемые башмаки, стоятъ на горнахъ и извѣщаютъ въ свое время другихъ рабочихъ о времени готовности соли, и тотчасъ же выгребаютъ ее изъ котловъ, которые наполняются новымъ разсоломъ. Изъ 600 гиновъ лучшаго разсола получается посредствомъ выварки чистой соли круглымъ числомъ 140 гиновъ. Этого рода соль, добываемая вываркою, называется Китайцами огненною солью (Хо-янь). Она бываетъ трехъ качествъ и различается по цвѣтамъ— бѣлому, темному и желтоватому. Бѣлая соль есть самая лучшая, темная хуже, а желтоватая еще хуже и горька на вкусъ.

Второй способъ добыванія соли состоитъ въ провѣтриваніи и высушкѣ на солнцѣ соляныхъ осадковъ морской воды, и отличается отъ перваго способа тѣмъ, что приготовленный разсолъ не вывариваетcя, а вливается въ особые резервуары, выложенные кирпичемъ или камнемъ. Въ ясные дни переносятъ изъ

особыхъ хранилищъ въ эти резервуары заготовленный разсолъ и оставляютъ на солнцѣ и на вѣтрѣ. Для полной высушки лѣтней порой достаточно 2-хъ, а въ другое время года 3-хъ и 4-хъ дней. Опытами дознано, что сѣверо-западный вѣтеръ благопріятствуетъ высушкѣ соли не менѣе лучей солнца. Надобно впрочемъ замѣтить, что болѣе или менѣе успѣшная высушка зависитъ отъ своевременной ясной погоды и благопріятствующихъ вѣтровъ: при продолжительныхъ дождяхъ и ненастьѣ нельзя получить нисколько соли.

Добываніе озерной соли не представляетъ ни какихъ особенностей. По этому мы скажемъ только еще о соли колодезной.

Въ юго-западныхъ областяхъ Китая извлекаютъ соль изъ нѣдръ земли, пробивая для того въ почвѣ глубокіе колодцы. Такого рода колодцы устраиваются въ горныхъ мѣстахъ. Разсолъ вычерпываютъ изъ нихъ посредствомъ бамбуковыхъ трубъ и проводятъ чрезъ каменные водопроводы въ соловарни. Устройство колодцевъ при заводахъ, равно какъ и способъ добыванія колодезнаго разсола довольно замѣчательны.

Буреніе колодезной ямы производится деревяннымъ стержнемъ, снабженнымъ съ одного конца желѣзомъ, а съ другаго веревкой. Держа стержень за

веревку, пробиваютъ имъ землю, смачивая по временамъ яму водой для легчайшаго буренія. Такимъ образомъ доходятъ до солянаго ключа глубиною на нѣсколько десятковъ, а иногда и сотню саженей. Когда колодезь готовъ, близъ него устраиваютъ во̀ротъ для спуска и вытаскиванія бадьи или трубы, сдѣланной изъ бамбука, очищеннаго отъ перепонокъ. Эта труба внутри пустая, сверху открыта, а снизу оканчивается кожанымъ клапаномъ, который открывается для впуска соленой воды на днѣ колодца и закрывается самъ собою при подъемѣ. Во̀ротъ и труба соединены между собою толстыми веревками черезъ вертящуюся перекладину. Во̀ротъ приводится въ движеніе обыкновенно валами, которые ходятъ кругомъ въ ту или другую сторону, скоро или медленно, смотря потому нужно ли спускать, или поднимать бадью. Всѣ пріемы при вычерпываніи совершаются по сигналамъ, или ударамъ въ деревянныя доски. Добываемый такимъ образомъ колодезный разсолъ поступаетъ чрезъ водопроводы прямо въ заводскіе котлы и тамъ вываривается и превращается въ чистую соль. Вмѣсто топлива при вываркѣ соли чаще всего пользуются газовыми истеченіями изъ земли, которыя добываются тоже посредствомъ колодцевъ и бываютъ не одинаковой силы; отъ газовыхъ колодцевъ проведены бамбуковыя трубы къ соловареннымъ

котламъ, гдѣ газъ, выходя изъ отверстій, зажигается. Соляной колодезный разсолъ бываетъ бѣлый и красноватый. Бѣлый, или самый чистый, даетъ соль бѣлую, на вкусъ крѣпко соленую и въ большомъ количествѣ; изъ краснаго получается меньше соли и притомъ же она нѣсколько прѣсновата. Количество соли зависитъ также отъ грунта земли и отъ погоды.

Такъ какъ въ Китаѣ множество праздныхъ рукъ, то при колодезныхъ соловарняхъ, какъ и при всякомъ китайскомъ промышленномъ заведеніи вообще, находится многочисленный комплектъ рабочихъ; каждому изъ нихъ поручается какая нибудь обязанность при заводѣ. Тамъ особые люди завѣдуютъ колодцами, скотомъ, воротомъ, веревками, сигнальной доской, водопроводами, соловарнями, котлами, огнемъ, пищею и кормомъ для скота; есть также врачи, плотники, кузнецы и другіе ремесленники. Весь этотъ народъ подчиненъ заводскимъ откупщикамъ, приставленнымъ для мѣстной распродажи соли и для вывоза ея въ отдаленныя мѣста. Для этой послѣдней цѣли выдаются тамъ особые билеты на провозъ соли сухимъ и водянымъ путями. Кромѣ мѣстныхъ жителей Юнь-нани, Сы-чуани и Гань-су, колодезною солью пользуются также обитатели Ху-чжоу, Ху-нани и Ху-бэя и частію инородцы, извѣстные подъ названіемъ *Фань* и *Мань*.

Колодезная соль, по наблюденіямъ Китайцевъ, по временамъ сырѣетъ и сохнетъ, можетъ твердѣть и разлагаться, сообщаетъ и отнимаетъ вкусъ пищи, потребляетъ мокроту и производитъ ее. Эта соль сжимаетъ внутренности и производитъ сухотку; иногда отъ чрезмѣрнаго употребленія ея образуются завалы въ желудкѣ. Инородцы употребляютъ красную соль, и отъ этого многіе изъ нихъ страдаютъ зобами (struma).

О РАЗВЕДЕНИИ ШАНЬ-ЯО (DIOSCORACA ALATA`L) (КАРТОФЕЛЬ).

О РАЗВЕДЕНІИ ШАНЬ-ЯО (DIOSCORACA ALATA L.) (КАРТОФЕЛЬ).

Шань-яо есть растеніе, принадлежащее къ VI классу (Dioecia) по Линнеевой системѣ. Я не имѣлъ случая разсмотрѣть его надлежащимъ образомъ: сколько мнѣ извѣстно, это растеніе віющееся съ листьями сидящими (sessilia) и имѣющими по сторонамъ большіе приростки. Цвѣты (мужескіе?) находятся на концахъ вѣтокъ и расположены въ видѣ грозда. На нѣкоторыхъ вѣткахъ между листками и стеблемъ образуются небольшія шишки, похожія на картофель, посредствомъ которыхъ можно разводить это растеніе. Корень его бѣлый, нѣжный, занимаетъ въ китайской кухнѣ одно изъ почетныхъ мѣстъ и входитъ въ составъ многихъ блюдъ; даже просто отваренный въ водѣ составляетъ вкусную и здоровую пищу.

Шань-яо любитъ почву легкую, рыхлую и глубокую. Китайцы большею частію садятъ его въ огородахъ, гдѣ земля бываетъ глубже вскопана и лучше

унавожена. Назначенную для посадки Шань-яо землю въ началѣ весны вспахиваютъ или перекапываютъ заступомъ глубиною въ футъ и потомъ унавоживаютъ. Унавоживаніе производится точно также, какъ и для посѣва другихъ растеній: или разровнявши землю посыпаютъ навозомъ и потомъ запахиваютъ, или сыплютъ навозъ подъ соху, т. е. одинъ человѣкъ пашетъ глубиною не болѣе двухъ дюймовъ, а другой, вслѣдъ за нимъ, сыплетъ навозъ въ борозду. Послѣдній способъ предпочитается, потому что навозъ такимъ образомъ весь будетъ лежать на одной глубинѣ. Для унавоживанія Китайцы вообще употребляютъ скотскіе пометы въ видѣ порошка.

Къ посадкѣ Шань-яо приступаютъ тогда, когда уже нельзя ожидать морозовъ: здѣсь это бываетъ въ послѣдней половинѣ Марта. Если во время выхода ростковъ случится морозъ, то растеніе хотя и не погибнетъ, но можетъ много пострадать и сборъ будетъ не такъ обиленъ. Садятъ обыкновенно корнями. Для сего разрѣзываютъ корень на куски длиною въ полфута, проводятъ бороздку и кладутъ эти куски въ ней разстояніемъ одинъ отъ другаго на полфута же. Бороздки должны быть такъ глубоки, чтобы положенные въ нихъ корни были покрыты землею не болѣе какъ на полдюйма и должны находиться въ разстояніи одна отъ другой дюймовъ на восемь. Можно садить и ниш-

ки, растущія на стебляхъ растенія, но въ такомъ случаѣ корни выростутъ небольшіе. Послѣдній способъ употребляется только при первоначальномъ разведеніи Шань-яо; при чемъ корни, выросшіе въ первый годъ, въ слѣдующую весну сажаются цѣликомъ.

Когда растенія выйдутъ и выростутъ величиною въ люймъ, тогда выпалываютъ около нихъ негодную траву и сламываютъ лишніе ростки, если случится что изъ одного корня выдетъ ихъ нѣсколько и въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ это же время ставятъ и тычинки; для чего употребляется обыкновенно солома хлѣба *гаолянъ* (Барбатское сѣмя). У насъ съ выгодою можно замѣнить ее обыкновеннымъ тростникомъ. Чтобы вѣтеръ не повалилъ тычинокъ, ихъ связываютъ вверху по четыре вмѣстѣ.

За тѣмъ до самой осени растеніе не требуетъ никакого ухода, кромѣ поливки, если случится слишкомъ сухое лѣто. Для этого проводятъ между рядами растеній небольшія канавки и отъ времени до времени наполняютъ ихъ водою. Корни выкапываются осенью, когда листья начинаютъ желтѣть и вянуть. Это самая трудная работа при воздѣлываніи Шань-яо Корни его въ самый обыкновенный урожай бываютъ длиною до трехъ футовъ; а при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на хорошей глубокой почвѣ, по увѣренію здѣшнихъ

земледѣльцевъ, выростаютъ до *семи* футовъ и болѣе. Такъ какъ они довольно ломки, то и нужно бываетъ рыть до такой глубины, до какой они достигаютъ. Начинаютъ копать обыкновенно съ одного края и постепенно перекапываютъ все засаженное мѣсто.

Это перекапываніе земли бываетъ полезно для слѣдующихъ посадокъ Шань-яо, такъ какъ замѣчено, что его можно садить на одномъ и томъ же мѣстѣ нѣсколько лѣтъ сряду.

На зиму сохраняютъ Шань-яо въ большихъ ямахъ, сверху накрываютъ соломою и насыпаютъ землю небольшимъ возвышеніемъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ИЛИ БЛАГОВОННОЕ ПШЕНО (СКОРОСПѢЛОЕ).

ЮЙ-ДАО МИ ИЛИ СЯНЪ-ДАО МИ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ИЛИ БЛАГОВОННОЕ ПШЕНО (СКОРОСПѢЛОЕ).

ЮЙ-ДАО-МИ ИЛИ СЯНЪ-ДАО-МИ.

—

Этотъ родъ сарачинскаго пшена случайно открытъ императоромъ Кан-си. Католическіе миссіонеры, обозрѣвъ, по его желанію, окрестности загороднаго дворца *Юань-минъ-юань*, нашли возможность провести туда посредствомъ каналовъ значительное количество воды и устроить такимъ образомъ поля для посѣва сарачинскаго пшена. «Разъ»—пишетъ императоръ въ своихъ запискахъ — «въ послѣднихъ числахъ шестой луны «прогуливался я по полямъ, засѣяннымъ сарачинскимъ «пшеномъ, которое должно было созрѣть въ девятой «лунѣ и въ это время еще только-что колосилось. «Вдругъ я замѣтилъ одинъ стебель повыше всѣхъ «прочихъ съ прекраснымъ совершенно созрѣвшимъ «уже колосомъ. Я сохранилъ его съ тѣмъ, чтобы

«узнать, такъ же ли скоро созрѣетъ онъ въ слѣдую-
«щемъ году. Дѣйствительно, когда на слѣдующій годъ
«сѣмена его были посѣяны, то опять достигли совер-
«шенной зрѣлости въ шестой лунѣ. Такимъ образомъ
«этотъ родъ пшена годъ отъ году довольно размно-
«жился и вотъ уже болѣе сорока лѣтъ употребляется
«при моемъ столѣ. Зерна его продолговаты, отлича-
«ются красноватымъ цвѣтомъ, имѣютъ довольно нѣж-
«ный запахъ и чрезвычайно пріятны на вкусъ. Его
«называютъ *Юй-дао-ми* (то есть императорскимъ пше-
«номъ), потому что прежде всего это пшено стали сѣять
«на моихъ поляхъ. Его можно сѣять два раза въ
«годъ и два раза оно успѣетъ дать жатву; а за сѣ-
«верною стѣною, гдѣ никакое пшено не успѣваетъ
«созрѣть по причинѣ ранняго наступленія морозовъ,
«одинъ только этотъ родъ по своей скороспѣлости
«можетъ быть разводимъ» *). Вскорѣ послѣ того, сѣ-
мена этого пшена, по повелѣнію императора, посланы
были въ Цзянънаньскую и Чжэцзянъскую губерніи и
розданы жителямъ. Но нынѣ преимущественно и едва
ли не исключительно разводится оно въ окрестностяхъ
дворца *Юань-минъ-юань*. Оно составляетъ принадлеж-
ность императорскаго стола и богатыми людьми упо-
требляется только изрѣдка какъ роскошь. Можетъ

*) Изъ земледѣльческой книги: *шоу-ти шунъ-као*. Гл. 20.

быть оно не столь плодородно, какъ прочіе роды, и не потому ли мало разводятъ его. Касательно этого предмета я не могу сказать ничего утвердительнаго. При обработкѣ его не требуется никакого особеннаго ухода противъ обыкновеннаго сарачинскаго пшена; и даже по своей скороспѣлости оно можетъ, кажется, родиться у насъ въ Россіи сѣвернѣе тѣхъ мѣстъ, гдѣ до сихъ поръ сѣютъ обыкновенное сарачинское пшено.

ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ БОЛЕУТОЛИТЕЛЬНЫХЪ СРЕДСТВЪ ПРИ ОПЕРАЦІЯХЪ И О ВОДОЛЕЧЕНІИ (ГИДРОПАТІЯ) ВЪ КИТАѢ.

Въ послѣднее время, когда возбуждено общее вниманіе европейскихъ врачей на открытіе средствъ, уничтожающихъ боль при операціяхъ, такъ называемыхъ анестетическихъ, французскій синологъ *Ст. Жульенъ* отыскалъ въ китайскихъ книгахъ подобныя же средства, извѣстныя китайскимъ врачамъ съ давняго времени.

Съ перваго взгляда открытіе ученаго оріенталиста кажется завлекательнымъ, тѣмъ болѣе, что въ Европѣ анестезированіе сдѣлалось извѣстнымъ въ послѣднее десятилѣтіе. *Ст. Жульенъ* ссылается на древнюю исторію Китая, свидѣтельствующую, что приведеніе больныхъ въ безчувственное состояніе не было новостью въ Китаѣ уже въ III вѣкѣ по Р. Х. Для достиженія означенной цѣли, говоритъ онъ, знаменитый китайскій врачъ *Хуа-то* употреблялъ препаратъ конопли (cannabis indica), *Ма-яо*.

Врачь *Хуа-то* дѣйствительно существовалъ въ III вѣкѣ по Р. Х. и былъ знаменитъ въ особенности какъ хирургъ, дѣлавшій по разсказамъ самой исторіи необыкновенныя операціи: вырѣзываніе (?) костей, отсѣченіе членовъ, вскрытіе (?) полостей черепа, если причина болѣзни заключалась въ мозгу, откуда нужно было удалить ее и проч. и проч. Всё это записано въ китайской исторіи! Но въ китайской исторіи, преимущественно же въ біографіи *Хуа-то* разсказывается много чудеснаго, а потому заслуживающаго мало вѣроятія. *Хуа-то* никогда не могъ хорошо знать анатоміи, потому что во всей китайской медицинѣ не находимъ и слѣдовъ анатомическихъ познаній, или они до того слабы, что не заслуживаютъ никакого вниманія. Безъ знанія же анатоміи едва ли можно допустить возможность успѣха даже и въ операціи не довольно смѣлой. И если въ біографіи *Хуа-то* упоминается о разныхъ, произведенныхъ имъ операціяхъ, то едва ли онѣ были важны на самомъ дѣлѣ, или же ихъ назвали таковыми другіе, по незнанію, можетъ быть также и по указанію самаго знаменитаго хирурга, желавшаго тѣмъ придать бо́льшую особенность и славу своему искусству. Это тѣмъ болѣе неоспоримо, что всѣ операціи, дѣланныя *Хуа-то*, не только ни въ одной медицинской книгѣ, но даже и въ біографіи этого врача, гдѣ исключительно о нихъ упоминается, не описаны под

робно; а только перечислены. Можетъ быть даже, что славные подвиги *Хуа-то* вошли въ исторію уже послѣ его смерти и повторены послѣдователями его въ чудесныхъ разсказахъ.

Я не думаю, чтобы анестетическія (производящія безчувственность) средства *Хуа-то* были на самомъ дѣлѣ такъ дѣйствительны, какъ о нихъ повѣствуется. Современники *Хуа-то* не могли поразиться эффектомъ безболья при операціяхъ, если его не выручало послѣдующее за тѣмъ счастливое изцѣленіе, которое въ десяти случаяхъ трудно встрѣтить однажды, если врачь только безсознательно рѣжетъ больнаго, какъ поступалъ при своихъ операціяхъ, по всему вѣроятію, *Хуа-то* не знавшій анатоміи. Анестезированіе больныхъ, по этому, въ успѣшныхъ дѣйствіяхъ *Хуа-то*, было дѣломъ второстепеннымъ. Притомъ же, мы не находимъ нигдѣ указаній, чтобы оно въ самомъ дѣлѣ было употребляемо имъ при всѣхъ операціяхъ постоянно, систематически.

Успѣшное дѣйствіе анестезированія не могло быть оставлено безъ вниманія современниками *Хуа-то*. Весьма естественно было найтись множеству послѣдователей его способа. Между тѣмъ неизвѣстно, чтобы кто нибудь въ то время, тѣмъ болѣе въ послѣдующія столѣтія, употреблялъ какія нибудь средства для уничтоженія болей при операціяхъ. Въ такомъ случаѣ по

необходимости надобно допустить какую-то таинственность въ дѣйствіяхъ *Хуа-то*, въ которой не могло обойтись безъ шарлатанства и обмана.

Что *Хуа-то* никому не открывалъ своего способа обезчувствлять больныхъ, это доказываетъ сохраненіе имъ въ тайнѣ всѣхъ своихъ врачебныхъ познаній до самаго конца трагической смерти, разсказанной въ той же біографіи, гдѣ описана его хирургическая слава. *Хуа-то* былъ казненъ по повелѣнію полководца *Цао-Цао* въ 250 году по Р. Х. за смѣлое предложеніе, принятое за злонамѣренность, уничтожить болѣзнь (головную многолѣтнюю, постоянную боль) этого знаменитаго воина, вскрытіемъ черепа и удаленіемъ изъ мозга причины недуга. Только за день до смерти, *Хуа-то* рѣшился, въ благодарность за услуги во время заточенія, отдать тюремному стражу сокровище своихъ медицинскихъ познаній, заключавшееся въ двухъ свиткахъ. Признательное потомство, вѣроятно, воспользовалось-бы съ умѣньемъ наставленіями *Хуа-то*, если бы жена стража, узнавъ, что излишняя смѣлость въ операціяхъ довела этого знаменитаго врача до позорной кончины, не бросила въ огонь завѣщаннаго имъ наслѣдія, изъ боязни подобной же участи для своего мужа. Такъ погибли, можетъ быть, великія медицинскія истины и драгоцѣнныя для страждущаго человѣчества средства! Отъ сгоренія, и то по

случаю возвращенія домой мужа неосторожной женщины, была спасена только часть сочиненій *Хуа-то*, именно — ветеринарная медицина, сохранившаяся, будто бы, до сего времени и напоминающая отчасти *Хуа-то* своими операціями.

Съ уничтоженіемъ произведеній *Хуа-то*, слава его искусства осталась только въ отрывочныхъ запискахъ, попавшихъ въ государственную исторію между біографическими свѣдѣніями о *Хуа-то*, какъ о человѣкѣ, составлявшемъ знаменитость своего времени. Въ медицинѣ, въ медицинскихъ книгахъ, даже самыхъ близкихъ ко времени *Хуа-то*, только изрѣдка можно встрѣчается это имя и то, когда нужно бываетъ сказать, что хирургомъ могъ быть одинъ только *Хуа-то*. Но не менѣе того имя этого врача и въ новомъ поколѣніи китайскихъ врачей — славно; а память — боготворима. Въ числѣ знаменитыхъ мужей, удостоенныхъ почести по смерти, въ извѣстныхъ капищахъ находится лѣпное изображеніе *Хуа-то*, предъ которымъ каждый китайскій врачь почитаетъ священною обязанностью сожигать въ извѣстное время года (день рожденія *Хуа-то*) благовонія.

Ма-ло (москотильное вещество, лекарство конопли, какъ переводитъ это *Жульенъ*), употребляемое, будтобы *Хуа-то*, едвали есть препаратъ *конопли* (cannabis indica). *Ст. Жульенъ* самъ говоритъ, что это выраже-

ніе не ясно, не точно. Къ сожалѣнію я не имѣю подъ руками книги, изъ которой заимствовалъ *Жульенъ* свѣдѣнія о *Хуа-то*. Здѣсь есть, кажется, ошибка въ созвучіи словъ: *ма* — конопля и *ма* — онѣмѣлость, безчувственность. Выраженіе *ма-яо* скорѣе означаетъ лекарство онѣмѣвающее, а не лекарство конопли, въ какомъ случаѣ была-бы погрѣшность противъ китайскаго языка. Притомъ, въ китайской медицинѣ нѣтъ почти простыхъ формъ лекарствъ; а всегда, можно сказать безъ исключенія, — сложныя. Знаменитый *Боергавъ* говорилъ: «Simplicitas-sigillum veri», а китайскіе врачи говорятъ: «чѣмъ больше средствъ (народу, войска), тѣмъ скорѣе побѣждается непріятель (болѣзнь)». И если конопля (cannabis indica) употреблялась когда нибудь въ Китаѣ, какъ анестетическое средство, доказательствомъ чего, кромѣ біографіи *Хуа-то*, могутъ служить весьма немногіе рецепты, уцѣлѣвшіе въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ, то всегда въ соединеніи съ другими средствами, имѣющими по понятію китайцевъ подобныя же свойства. Изъ числа такаго рода лекарствъ болѣе извѣстныя, суть: плоды Muriscia cochinchinensis, корни разныхъ видовъ ari, какъ-то: ari macrouri, ari polyphylli, цвѣты (?) daturis, цвѣты (?) hyosciami, корни разныхъ видовъ aconiti, пигментъ (жирное вещество), вывариваемое изъ бородавчатой лягушки (rana pipa) и многія другія.

Рѣже всѣхъ въ смѣси съ сказанными лекарствами встрѣчается конопля (cannabis indica). Изъ нѣсколькихъ десятковъ рецептовъ, извѣстныхъ за средства, производящія нечувствительность, какія мнѣ удавалось прочитывать, только одинъ, или два, въ составѣ своемъ содержатъ коноплю, которая сама по себѣ никогда не употреблялась съ подобною цѣлію. Вообще ни одна часть этого растенія, или препараты его, никогда не почиталась въ Китаѣ, какъ въ другой части Востока, за одуряющее, наркотическое вещество и персидскій *Хашхашъ* никогда не входилъ у китайцевъ въ предметъ курительнаго наслажденія, какъ въ послѣднее время оній, скорое, почти повсюдное распространеніе котораго при такомъ соперничествѣ едвали могло бы совершиться.

Даже какъ лекарство онѣмѣвающее употреблялась, нельзя сказать употребляется, одна только извѣстная часть конопли — цвѣты. Ни экстрактъ, ни сгущенный сокъ ея не былъ совсѣмъ извѣстенъ китайцамъ, какъ и вообще въ китайской фармаціи почти нѣтъ лекарствъ, приготовленныхъ искусственно, химически. Самое назначеніе сложныхъ онѣмѣвающихъ средствъ было чаще наружное, рѣдко внутреннее, напримѣръ, при вскрытіи нарывовъ, опухолей, или при излишней чувствительности ихъ, какъ чисто наружное болеутоли-

тельное лекарство, съ какою цѣлію они и до сихъ поръ употребляются.

Нельзя думать, чтобы хирургія когда нибудь процвѣтала между китайскими врачами. Это противно и характеру народа и самымъ медицинскимъ познаніямъ, какія существуютъ у него. Китаецъ не изнѣженъ, но трусливъ и малодушенъ и, боясь боли и смертельныхъ послѣдствій, никогда не рѣшится на операцію, даже самую маловажную; а потому въ настоящее время въ Китаѣ хирургія почти неизвѣстна. Я не знаю ни одного врача въ Пекинѣ, который бы славился, какъ хорошій, смѣлый хирургъ и, глядя на жалкіе хирургическіе инструменты китайцевъ, отъ древности и до сихъ поръ одинаково дурно и однообразно приготовляемые, трудно неусумниться, чтобы когда нибудь въ Китаѣ были хорошіе хирурги и процвѣтала хирургія. Начиная съ первыхъ столѣтій по Р. Х. включительно до настоящаго времени, ни въ преданіяхъ, ни въ исторіи, мы не встрѣчаемъ другой хирургической знаменитости, кромѣ *Хуа-то*. И мнѣ кажется самая слава этого человѣка возвышена и распространена больше воображеніемъ потомства, судившаго о его заслугахъ и знаніяхъ по весьма немногимъ и—то тёмнымъ, неопредѣленнымъ сказаніямъ, безъ сравненія ихъ съ дѣйствіями другихъ, жившихъ послѣ того врачей. Нельзя сказать, чтобы *Хуа-то* не былъ

хирургомъ и даже славнымъ въ свое время; но всячески позволительно сомнѣваться въ его анатомическихъ познаніяхъ и въ самыхъ операціяхъ, имъ предпринимавшихся. Я незнаю до какой степени по одному примѣру, переданному искаженно, можно судить, что анестезированіе было давно извѣстно китайцамъ и употреблялось ими съ незапамятныхъ временъ. По крайней мѣрѣ послѣ *Хуа-то* ненаходимъ подобныхъ примѣровъ ни въ исторіи, ни въ преданіяхъ, тѣмъ болѣе въ настоящее время. И почему же успѣшное дѣйствіе анестезированія, какъ оно, надо предполагать, было у *Хуа-то*, не сберегло этого способа до сихъ поръ, чего бы, кажется, можно ожидать въ народѣ склонномъ къ чудесному, въ государствѣ, гдѣ новизны всякаго рода не проявляются ни однажны въ цѣлыя столѣтія, гдѣ старое и давно извѣстное повторяется буквально во всемъ и вездѣ!

Можно, впрочемъ, согласиться съ показаніемъ, что *Хуа-то* умѣлъ анестезировать своихъ больныхъ, даже посредствомъ конопли (cannabis indica); но дѣйствія его въ этомъ случаѣ, вѣроятно, далеко не были такъ поразительны, какъ предполагается, что̀ подтверждаютъ и самые разсказы о хирургическихъ подвигахъ третьяго вѣка, облеченные какою-то таинственностью и, слѣдовательно, незаслуживающіе полнаго довѣрія. Но во всякомъ случаѣ весьма интересно и утѣшительно

найти въ глубокой древности, хотя и одинъ примѣръ того великодушнаго стремленія на пользу страждущаго человѣчества, какое обнаруживаютъ въ послѣднее время европейскіе ученые врачи.

Правда, въ китайской литературѣ можно находить много любопытныхъ повѣствованій, въ которыхъ попадаются иногда идеи, достойныя и народа вполнѣ образованнаго и времени близкаго къ намъ; но нужно быть строго разборчивымъ, чтобы не принять въ такомъ случаѣ, чистой повѣсти за истину. Безъ подобной осторожности можно порекомендовать нѣсколько средствъ, славящихся въ Китаѣ, какъ болеутолительныя. Растительный воскъ, напримѣръ (бай-ла), получаемый с Myrica cerifera (восконосная мирика), или с crotone sebifero (сальный кротонъ), выдается китайскими фокусниками за средство, которымъ они доставляютъ своему тѣлу безчувственность, необходимую при разныхъ фокусахъ. Но едвали этому веществу можно приписать подобное свойство.

Что *Хуа-то* существовалъ и былъ славный хирургъ своего времени — неоспоримо; но что онъ былъ вмѣстѣ и гидропатъ — не утверждаю. Отъ частности не всегда можно переходить къ общему и по одному примѣру нельзя заключать, что гидропатія была издавна въ употребленіи у китайскихъ врачей. Правда *Хуа-то* испыталъ однажды съ успѣхомъ надъ одною

женщиною обливаніе холодною водою противъ болѣзни горячаго (воспалительнаго) свойства, при острóмъ ревматизмѣ, говоритъ *Ст. Жульенъ*, продолжавшемся, однако, нѣсколько уже лѣтъ; но послѣ этого, ни самъ *Хуа-то*, никто другой не повторялъ подобнаго леченія, которое вѣроятно и *Хуа-то* употребилъ не съ особою цѣлію, не какъ новое средство; а по общей теоріи китайской медицины: уничтожать жаръ холодомъ, огонь — водою. Употребленіе средствъ болеутолительныхъ, особенно же наружное можно еще находить и теперь въ китайской практикѣ, водолеченіе же показалось бы китайскимъ врачамъ бóльшею, нежели для насъ новостью. Какъ хирургическая слава *Хуа-то* распространена по всему Китаю, такъ, напротивъ, совершенно безъизвѣстно его гидропатическое леченіе.

Мнѣ кажется, общее вниманіе, какое существуетъ въ послѣднее время въ Европѣ къ гидропатіи, а въ особенности — анестезированію, было причиною, что въ глазахъ ученаго оріенталиста, древнія заслуги китайцевъ по этимъ двумъ важнымъ медицинскимъ пособіямъ, заняли видное мѣсто и возбудили собою удивленіе тогда, какъ въ существѣ дѣла онѣ — только просто любопытны!

ЗАПИСКИ КИТАЙЦА О НАНГАСАКИ.

150,000 душъ. Въ слѣдующемъ году Бабанъ разбилъ *Ибрагима*, сына *Гета*. Въ томъ же году, подъ предлогомъ дружбы и мира, *Давунъ* и *Шапухъ* измѣнически убили Стефана, прозваннаго *Абласадъ*, который привелъ Бабана, разбившаго Балаканцевъ, и опустошили область *Берцоръ* и мѣстечки *Урьяцъ*, *Карнаакшъ Гакари* и *Тафатъ*. Возмутившись снова противъ Бабана, они укрѣпились въ *Горозъ*, и 12 лѣтъ владѣли областями: *Веринъ-Вайкунихъ*, *Берцоръ*, *Сисаканъ*, *Габандъ*, *Амарасъ*, *Пасканъ*, *Мханъ* и *Тригаваръ*. Послѣ того, убійцы Абласада были казнены и *Исай*, прозванный *Абу-Мусе*, племянникъ Абласада, захвативъ этѣ области, повелѣвалъ надъ ними. Въ этомъ же году Бабанъ изъ Персіи, перешедъ чрезъ Араксъ, поселился въ области Амарасъ. Сначала всѣ было ему подчинились; но, впослѣдствіи, бывъ обмануты, снова возмутились. Бабанъ возвратился въ Атрпатаканъ, оставивъ начальникомъ войскъ нѣкоего *Ростома*, которому приказалъ дѣйствовать мѣрами кротости.

Но Ростомъ, пренебрегая приказомъ Бабана, сталъ воевать съ укрѣпившимися въ крѣпости. Тогда жители крѣпости нанесли ему страшное пораженіе и разсѣяли войско Персидское.

Глава IX. *Пораженіе Мамуна.*

Въ 280 году арм. эры, Таджикъ *Мамунъ* устроилъ 100 кораблей, посадилъ въ нихъ 100,000 войска и предпринялъ осаду Константинополя. Но Греки переправились на ту сторону моря и поразили враговъ до послѣдняго. Въ этомъ дѣлѣ самъ *Маймунъ* лишился жизни.

По прошествіи трехъ лѣтъ, нѣкто, *Бадсли Амира*, полководецъ Халифа Амиръ Маменина, достигъ г. Нахичевана. Тутъ замучилъ онъ ради вѣры отрока *Іоанна*.

По прошествіи двухъ лѣтъ, вступилъ въ Арменію *Хазепатхосъ*, мужъ жестокій, который былъ умерщвленъ въ томъ же году. Сынъ его отомстилъ страшными опустошеніями. Прибывъ вторично съ повелѣніемъ Халифа и казной, онъ выстроилъ городъ *Ганцагъ*, [103]) въ области *Аршакашенъ*. По-

никѣ (*Чжао-дай-цунъ-шу*), записки эти въ первый разъ появились въ китайской литературѣ.

На китайскомъ языкѣ не только нѣтъ особыхъ сочиненій о Японіи, но даже и частныхъ указаній довольно мало; поэтому нельзя не цѣнить разсказовъ автора о Нангасаки.

И такъ нашъ авторъ начинаетъ свои разсказы описательнымъ повѣствованіемъ нангасакскаго китайскаго подворья, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ.

Китайское подворье, говоритъ онъ, называемое *Танъ-гуань* *), со всѣхъ сторонъ окружено горами и заселено безчисленнымъ множествомъ жителей. Какъ поражаютъ эти горы! Какъ разноцвѣтна ихъ шелковая ткань! При входѣ въ гавань особо возвышается, какъ щитъ, одинокая скала; она грозно воздымается надъ волнами и подобна тѣмъ блаженнымъ, баснословнымъ островамъ, которыми можно восхищаться только издали, но къ которымъ нельзя приблизиться. Дѣйствительно, скала эта величественна и не походитъ на виды, доступные смертнымъ.

Самое подворье въ своей окружности имѣетъ въ пространствѣ полторы ли; оно обнесено земляной стѣной, покрытой мелкимъ бамбукомъ и колючимъ терномъ.

---

*) Подворье танское. Японцы называютъ китайцевъ людьми Танъ, по имени династіи Танъ, нѣкогда царствовавшей въ Китаѣ.

Тамъ купеческихъ магазиновъ около 20-ти, и одна большая улица, раздѣленная (по древнему обычаю) на три дороги. Подлѣ магазиновъ стоятъ и простые дома, *пынъ-цзы*. Магазины имѣютъ надстройки для жилья, или мезонины (*лоу*), а пынъ-цзы одноэтажны. Въ каждомъ изъ магазиновъ устроено по нѣскольку отдѣльныхъ помѣщеній, въ которыхъ имѣютъ жительство хозяева судовъ и завѣдывающіе конторскими капиталами и товарами. Каждый жилецъ занимаетъ половину помѣщенія; внизу же распредѣлены по квартирамъ матросы. Устройство простыхъ домовъ (пынъ-цзы) обязано здѣсь своимъ началомъ пріѣзжимъ китайскимъ купцамъ. Вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторые и изъ служащихъ здѣсь моряковъ, нажившіи небольшое состояніе, отдѣльно начали строить таковые же для собственнаго помѣщенія; въ настоящее время многіе изъ нихъ имѣютъ дома чрезвычайно опрятные и въ два этажа. Магазины же теперь расширены съ сѣвера и юга пристройками, а съ востока и запада — террасами. Эти помѣщенія убраны весьма богато, такъ что съ прежними нѣтъ никакого сравненія. Каждымъ магазиномъ завѣдуетъ японскій чиновникъ *чженъ-бань*, у котораго въ распоряженіи трое солдатъ, называемыхъ *тоу-фань*. Пынъ-цзами же, или простыми домами, чженъ-бани не завѣдуютъ.

Островъ Чанъ-ци состоитъ изъ 72-хъ большихъ

улицъ; каждая улица носитъ особое названіе; онѣ называются такъ же *тинъ*, какъ въ старину въ Китаѣ. При каждомъ тинѣ есть свой старшина, называемый *тинъ-чжанъ*. Каждое китайское судно, по прибытіи своемъ на нангасакскій рейдъ, тотчасъ же поручается вѣдѣнію одного изъ сказанныхъ офицеровъ. Всякаго рода вещи, употребляемыя внутри подворья, какъ-то: мебель, провизія и пр. пріобрѣтаются не иначе, какъ чрезъ посредство тинъ-чжановъ. При каждомъ выпускѣ и пріемѣ товаровъ они такъ же бываютъ надсмотрщиками. Каждое китайское судно, предъ наступленіемъ времени отплытія въ Китай, поручаетъ своему тинъ-чжану составить полный отчетъ въ расходахъ и остаткахъ размѣненныхъ товаровъ, и при этомъ никогда не бываетъ съ его стороны случаевъ къ начетамъ, оскорбленіямъ и обманамъ. Всякій разъ, когда предстоитъ надобность открывать кладовыя съ товарами, матросы угощаютъ тинъ-чжана обѣдомъ, а иногда притомъ отсылаютъ ему небольшіе денежные подарки, чѣмъ тотъ остается весьма доволенъ. Названіе тинъ-чжанъ значитъ уличный надзиратель.

Кладовыя съ товарами находятся въ весьма близкомъ разстояніи отъ китайскаго подворья. Коль скоро вновь прибывшее судно пристанетъ къ берегу, то назначаемый ежегодно японскій *сы-ши* (директоръ)

объявляетъ *шанъ-баню* о срокѣ для выгрузки товаровъ въ кладовую. При этомъ онъ выдаетъ купцамъ за крупные товары квитанціи, а къ нѣкоторымъ только прикладываетъ казенныя пломбы; особо прикладываются пломбы исключительно на вещи мелочныя и только для памяти, съ тѣмъ, чтобы послѣ, при первомъ же требованіи, эти вещи были выданы купцамъ. Шанъ-бань, по китайски *дао-бань* (очередной), исключительно распоряжается мѣновой торговлей извѣстнаго китайскаго судна. Поэтому часто говорится: судно, состоящее подъ управленіемъ такого-то шанъ-баня, или такого-то *фань-цзы* (инородца). Китайскія суда считаются японцами по порядку времени прибытія. Такъ, напримѣръ, судно, пришедшее въ годъ *шэнь* (въ 1764 году, или въ 29-е лѣто правленія въ Китаѣ государя Цянь-луна), называется первымъ инородцемъ (фань-цзой) подъ цикломъ шэнь; второе судно называется вторымъ фань-цзой подъ цикломъ шэнь, и т. д. Японцы и внутри самаго подворья величаютъ китайцевъ этими же именами. Мѣста, гдѣ имѣютъ жительство японскіе шанъ-бани, носятъ названіе (*ку*) кладовыхъ. Выраженіе *цинъ-ку* (очистка кладовыхъ) означаетъ слѣдующее: сы-ни (директоръ) вмѣстѣ съ купцами собираются въ кладовыя, гдѣ перегруженныя предварительно шанъ-банемъ товары и вещи — каждую порознь — свидѣтельствуютъ, и запи-

сываютъ названіе каждой вещи, такъ что ничего не можетъ быть потеряно. Вмѣстѣ съ тѣмъ они въ точности взвѣшиваютъ и самую обертку товаровъ для того, чтобы послѣ, при выдачѣ ихъ, легче и яснѣе можно было сдѣлать вычетъ изъ вѣса. Въ японской торговлѣ принято такъ же выраженіе: *ванъ-цюй* — удѣлять лучшіе товары для представленія ко двору. Для этого *ши-юань* (губернаторъ) самъ выбираетъ ихъ и оставляетъ у себя для храненія. Эти вещи не вносятся купцами въ общій балансъ мѣновыхъ товаровъ. Есть еще японское коммерческое выраженіе — *чжа-фань*, которымъ означается слѣдующее: сы-ши (нангасакскій директоръ), принявъ отъ японскихъ и иноземныхъ купцевъ образцы, приказываетъ открыть кладовыя, для разсмотрѣнія вновь полученныхъ товаровъ. На этотъ разъ они сортируютъ товары. Здѣсь китайскіе купцы, хоть и имѣютъ случай лично видѣться съ японскими, но разговаривать между собою не имѣютъ права; объясненіе же между ними составляетъ обязанность особеннаго посредника (*чуань*), который и называется у японцевъ словомъ: *чжа*. Наконецъ *цзянъ-цзя*, или установленіе цѣнъ на товары происходитъ слѣдующимъ образомъ: японскій переводчикъ (*тунъ-ши*), пришедши въ китайское подворье, собираетъ всѣхъ торгующихъ купцевъ, садитъ ихъ по порядку, и вручаетъ имъ запись: для

означенія на ней цѣнъ на товары. Здѣсь обыкновенно разсуждаютъ о цѣнѣ и время отъ времени о прибавкѣ и убавкѣ ея. Эти переторжки часто доходятъ до шумныхъ споровъ, такъ что не одинъ день нуженъ для рѣшенія означеннаго вопроса. Когда же наконецъ обѣ стороны согласятся на принятіе извѣстныхъ цѣнъ, тогда переводчикъ на верхней сторонѣ обертки каждаго сорта товара пишетъ букву *май* (продано), и прикладываетъ печать. Этимъ оканчиваются предварительныя условія мѣновой торговли китайскихъ купцевъ съ японскими; за тѣмъ ожидаютъ времени выпуска товаровъ.

Когда цѣны на вновь привезенные на китайскихъ судахъ товары опредѣлятся, японскіе купцы, собравшись вмѣстѣ, приходятъ въ залъ подворья (*хой-гуань*), для того, чтобы посмотрѣть на выставленныя тамъ деревянныя табели, и узнать какіе именно товары вновь предназначены къ продажѣ и сколько ихъ. Относительно же высокаго или низкаго достоинства товаровъ они не безпокоятся, потому что сами разсматривали ихъ во время процесса чжа-фань. Осмотрѣвши доски, каждый японскій купецъ записываетъ свои крайнія цѣны на особомъ листѣ бумаги, и, тайно запечатавъ его, бросаетъ въ ящикъ, называемый *дю-пяо*. А потомъ китайскіе купцы, избравъ выгодныя для себя цѣны, уступаютъ имъ свой товаръ, такъ

что вовсе не нужно безпокоиться вести объ этомъ съ ними переговоры. Этотъ способъ мѣновой торговли есть одинъ изъ лучшихъ.

Тамъ есть ши-юань (губернаторъ), который по званію своему равняется высшимъ китайскимъ сановникамъ. Онъ командируется въ Нангасаки изъ столицы Японіи, по назначенію государя. Ши-юань главнымъ образомъ завѣдуетъ торговлей, и вмѣстѣ управляетъ островомъ Чанъ-ци. Онъ только одинъ годъ состоитъ въ этой должности и потомъ смѣняется. На основаніи японскихъ законовъ ши-юань не можетъ болѣе трехъ разъ занимать это мѣсто, но бо́льшею частію ограничиваются порученіемъ извѣстному лицу такого поста только на одинъ годъ. Власть его чрезвычайно важна; поэтому всѣ величаютъ его не иначе, какъ императорскимъ посланникомъ.

Гао-му-ванъ, наслѣдственный князь и владѣтель собственныхъ земель, опредѣляется часто помощникомъ ши-юаню въ управленіи дѣлами. Родъ его занятій при губернаторѣ состоитъ въ содѣйствіи относительно пріобрѣтенія для двора разнаго рода шелковыхъ тканей.

Въ Японіи всѣ вообще вассалы, управляющіе островами архипелага, принадлежатъ къ числу родовыхъ князей, и похожи на древнихъ китайскихъ удѣльныхъ князей (*чжу-хоу*). Отъ величины управляемыхъ

земель зависитъ назначеніе жалованья и выдача риса отъ казны; самый высшій окладъ риса простирается до милліона мѣшковъ.

Въ зависимости отъ шп-юаня состоятъ слѣдующіе чиновники: чиновникъ, погодно завѣдывающій переводными дѣлами (*тунъ-ши-гуань*), судья (*ань-ча*), драгоманы (*да-тунъ*), переводчики (*фу-тунъ*), нѣсколько малыхъ чиновниковъ (*мо-си*) и писцевъ (*зцичу*). Внутри китайскаго подворья живутъ казенные служители (*тунъ-тоу*), зависящіе такъ же отъ шп-юаня. Кромѣ того при особѣ шп-юаня состоитъ одно довѣренное лицо, которое считается его совѣтникомъ. Вообще высшіе чины этого штата отличаются особенною строгостью къ своимъ подчиненнымъ, а низшіе чины служатъ съ примѣрнымъ усердіемъ. Мѣсто, куда переводчики вмѣстѣ съ китайскими купцами собираются для коммерческихъ разсужденій, называется *гунъ-танъ* (общій залъ). Здѣсь приготовляется для нихъ табакъ и чай; однажды посѣщать ежедневно этотъ залъ собранія поставляется въ обязанность. Въ новый же годъ даютъ въ немъ обѣды въ продолженіи трехъ дней, что̀ называется по японски: *сагуанъ-чжи-ги*, т. е. просить на вино.

Внѣ зала собранія находится *цзъ-гуань-фанъ*, полицейское отдѣленіе, въ которомъ каждый день по очереди долженъ быть неотлучно одинъ изъ трехъ чинов-

никовъ. При немъ находятся пять полицейскихъ солдатъ, на отвѣтственности которыхъ лежитъ присматривать и защищать китайское подворье отъ ночныхъ воровъ. Предметы отопленія и стола, какъ-то: дрова, овощи, рыба, хлѣбъ и пр. такъ же подвергаются непремѣнному ихъ осмотру. Китайскіе купцы, желающіе пріобрѣсти на рынкахъ мѣдныя, лаковыя, позолоченныя вещи или шелковыя ткани, обязываются предъявлять самыя покупки сказаннымъ чиновникамъ, такъ что при подобныхъ покупкахъ не можетъ быть никакой ошибки.

Если кому нибудь изъ купцевъ предстоитъ дѣйствительная нужда выйти изъ своего подворья, въ такомъ случаѣ онъ заблаговременно сказываетъ объ этомъ переводчику. Переводчикъ докладываетъ ши-юаню. Ши-юань пишетъ на особомъ листѣ бумаги форменное разрѣшеніе отлучиться извѣстному числу иностранцевъ и на извѣстный срокъ изъ своего подворья; и не раньше, какъ по полученіи отъ ши-юаня разрѣшенія, иностранцы могутъ выходить изъ своихъ квартиръ. Японскіе переводчики, если нѣтъ казеннаго дѣла, тоже не имѣютъ права ходить къ китайскимъ купцамъ.

Каждый японскій чиновникъ, занимающій должность, непремѣнно носитъ саблю, а высшіе чиновники — двѣ сабли.

Китайцы, по прибытіи въ танское подворье, по принятому обычаю, угощаютъ *шоу-фанеи* — надзирателей кладовыхъ. Для этого въ одной изъ квартиръ приготовляется полный обѣденный столъ; въ опредѣленный часъ являются три шоу-фанія въ парадныхъ одеждахъ. Хозяинъ судна обноситъ ихъ виномъ однажды. Шоу-фани кланяются, благодарятъ за вниманіе и тотчасъ же уходятъ, унося съ собой приготовленный для нихъ столъ. Кромѣ того, получивъ отъ хозяина судна ведро вина, нѣсколько десятковъ отборныхъ блюдъ и свѣчи для освѣщенія, они избираютъ особое просторное мѣсто, и приглашаютъ къ этому столу и другихъ своихъ сослуживцевъ. Во время обѣда они громко поютъ пѣсни, пьютъ вино съ наслажденіемъ, и играютъ въ *цзіб-цаи*, раздѣлившись по-парно. Пирушка продолжается до самой полуночи. При этомъ никогда не бываетъ буйства и другихъ безпорядковъ.

Кромѣ китайскихъ судовъ, пріѣзжаютъ въ Нангасаки для мѣновой торговли и европейскіе корабли. По трактату приходятъ сюда съ товарами только два голландскіе корабля. Въ послѣднихъ числахъ 7-й луны (въ концѣ августа) они являются на нангасакскій рейдъ, а въ послѣднихъ числахъ 9-й луны (въ концѣ октября) возвращаются назадъ. Они приходятъ и уходятъ, слѣдуя направленію пассатныхъ вѣтровъ,

и всегда такъ точно, что никогда не ошибаются во времени ни на одинъ день. Начальниковъ голландскихъ кораблей зовутъ *ге-би-дань* (капитанами), которые считаются въ ихъ государствѣ чиновниками. Прибывшій въ нынѣшнемъ году начальникъ корабля возвращается съ судами въ свое государство непремѣнно въ слѣдующемъ году, и такимъ образомъ одинъ смѣняется другимъ. Голландцы имѣютъ въ Нангасаки свое отдѣльное подворье, гдѣ ихъ зданія устроены великолѣпно. Съ давнихъ лѣтъ голландцы дѣлаютъ честь японскому двору, являясь туда съ дарами въ 1-й день новаго года. По принятымъ правиламъ, они ежегодно весною къ 1-й лунѣ (къ февралю) отправляются въ столицу Японіи для представленія государю, а въ 4-й лунѣ (въ маѣ) возвращаются въ Нангасаки. При своемъ представленіи они подносятъ дары съ почтеніемъ, и получаютъ взаимно богатые подарки.

За тѣмъ авторъ записокъ знакомитъ читателей съ подробностями частной, внутренней жизни проживающихъ въ Нангасаки китайскихъ купцевъ. Въ китайскомъ подворьѣ, говоритъ онъ, очень часто бываютъ общія собранія купцевъ, гдѣ даются пиры съ обѣдами, за которыми члены собранія угощаютъ другъ друга. Бываютъ особые пиры при складкѣ товаровъ, при началѣ и концѣ торга, особые пиры во время его, особые пиры по случаю домашнихъ празд-

никовъ и наступленія весны, особые пиры для угощенія пѣвицъ и особые пиры въ магазинахъ, по случаю очистки торговыхъ дѣлъ. Впрочемъ китайскіе торговцы и въ обыкновенное время общими силами устраиваютъ вечерніе пиры, на которыхъ происходятъ обильныя попойки. При этомъ являются на столахъ богатыя яства, а вечеромъ подворье освѣщается фонарями и множествомъ красивыхъ свѣчъ; такого рода пиры, можно сказать, продолжаются ежедневно. Вино, употребляемое по случаю приглашенія въ подворье пѣвицъ, извѣстно подъ японскимъ названіемъ *са-гэнъ* (*сакки*). Китайскіе купцы, принимающіе къ себѣ въ квартиру пѣвицъ, обязаны дать богатое угощеніе; на этотъ пиръ приглашаются всѣ товарищи, равно и множество другихъ пѣвицъ; гдѣ оба пола пируютъ цѣлую ночь. Гости никогда не возвращаются къ себѣ домой трезвыми. Это истинно поводъ къ расточенію богатствъ и къ излишней роскоши.

Торговые гости, посѣщающіе островъ Чапъ-ци, обыкновенно погружаются въ развратъ; обольщенные хитрыми красавицами, они пьютъ смертоносной ядъ. Каждый роскошный пиръ стоитъ торговцамъ полугодовыхъ средствъ пропитанія. Чтобы пріобрѣсти отъ пѣвицы улыбку, платятъ они за это цѣлый мѣшокъ золота, такъ что подобная трата стоила бы нашему бѣдному ученому жалованья за нѣсколько лѣтъ. Положимъ, что

эти богатые гости обладаютъ цѣлыми горами золота, но не должно ли это богатство рано или поздо истощиться? Объясняя о своихъ единоземцахъ подобныя вещи, нельзя не чувствовать крайняго о нихъ сожалѣнія.

Пѣвицы вообще весьма умны, имѣютъ даръ слова, умѣютъ быстро отвѣчать на вопросы и прилагаютъ особенное стараніе о нарядахъ. На головѣ у нихъ большой уборъ; брови выведены тонко, платье изъ разноцвѣтнаго шелку съ вышитыми рукавами; онѣ весьма уважаютъ черепаховыя гребенки, такъ что одна стоитъ иногда сто ланъ золота. Въ 14 и 15 лѣтъ такого рода дѣвицы достигаютъ полнаго развитія, на 25 году, по принятымъ правиламъ, онѣ ищутъ себѣ жениховъ; въ 30 же лѣтъ онѣ уже старѣютъ. Гости, принимая къ себѣ таковыхъ въ наложницы, даютъ имъ японское названіе *тай-ю*, что по китайски значитъ—*дай-фу* (госпожа). Дома тай-ю занимаются приготовленіемъ чая, обѣда, овощей и плодовъ, онѣ могутъ такъ же весьма точно расчитывать приходы и расходы семейныхъ издержекъ, и вообще держатъ себя такъ, какъ будто имъ вѣкъ жить вмѣстѣ. Выходятъ изъ нихъ и честныя хозяйки и неблагоразумныя; бываютъ такъ же между ними гордыя и своенравныя. Вообще—когда пѣвица живетъ въ подворьѣ гостя, то пользуется правами законной жены.

Пѣвицы, проживающія въ Цвѣточной улицѣ, отличаются такъ же пріятными голосами, искусствомъ въ пѣніи и пляскѣ, какъ и тонкимъ станомъ. Японскіе богатые купцы — постоянные поклонники ихъ искусства. Въ китайское подворье входятъ ихъ весьма не много; онѣ не иначе имѣютъ сюда входъ, какъ въ 3 часа по полудни, и съ заявленіемъ имени посѣтительницы. Это заявленіе называется *шн-бань*. Выходъ изъ подворья совершается по тѣмъ же правиламъ.

Въ Нангасаки, среди самого устья залива, есть гора, по формѣ своей похожая на кулакъ, и извѣстная въ народѣ подъ названіемъ горы измѣненія души (*Хуань-синь-шань*); а передъ китайскими кладовыми красуется одинъ знаменитый мостъ, носящій названіе *Ло-хунь-цяо* (мостъ потери разсудка). Названія этихъ замѣчательныхъ мѣстъ объясняются такъ: китайскіе купцы, проходя тѣми мѣстами, вдругъ измѣняются въ душѣ, теряютъ разсудокъ и сыплютъ золотомъ, какъ землей.

Далѣе, авторъ записокъ переходитъ къ описанію нангасакскихъ знаменитыхъ кумпенъ, и проч., и бросаетъ взглядъ на состояніе просвѣщенія японцевъ вообще, съ присовокупленіемъ замѣтокъ объ ихъ нравахъ и обычаяхъ.

Японія, продолжаетъ онъ, есть богатое и сильное государство на Восточномъ морѣ. Островъ же Чанъ-

ци (Нангасаки) составляетъ отдѣльный и отдаленный морской уголокъ. Въ народѣ онъ слыветъ бѣднымъ островкомъ; однакожъ бѣдныхъ и нищихъ тамъ очень мало. Каждый домъ, имѣющій 10-ть ваней (100,000 ланъ) серебра, по ночамъ освѣщаетъ свои ворота однимъ фонаремъ; обладатели же двойной суммы, т. е. 20-ти ваней (200,000 ланъ) украшаютъ свои ворота двумя фонарями. Этимъ они хотятъ показать, что не скрываютъ своего богатства.

Въ Нангасаки есть великолѣпная кумирня, посвященная духу *Тянь-хоу* (морской богинѣ). Каждогодно, въ день рожденія духа, приносится въ жертву множество разнородныхъ вещей и бываетъ освѣщеніе фонарями. Здѣсь, въ продолженіи трехъ дней праздника, приготовляются обѣды для посѣтителей. Проживающіе въ китайскомъ подворьѣ купцы, вмѣстѣ съ пѣвицами, собираются сюда на ужинъ и вино, и не раньше, какъ передъ разсвѣтомъ оканчиваютъ свой веселый пиръ и съ пѣснями возвращаются домой.

Позади тяньхоуской кумирни устроенъ небольшой садикъ, засѣянный по всѣмъ направленіямъ прекрасными цвѣтами. Здѣсь гости съ удовольствіемъ проводятъ небольшой промежутокъ времени, остающійся послѣ обѣдовъ.

Есть тамъ такъ же и другая кумирня, посвященная мѣстному духу *Ту-ди-сы*, съ дворомъ и зданіями

очень малыми. Передъ самой кумирней находится озеро, черезъ которое переброшенъ мостъ. Кумирня эта обнесена бѣлой каменной стѣной и находится противъ китайскаго подворья. Ежегодно 2-й луны (въ мартѣ) 2-го числа, въ день рожденія мѣстнаго духа — *Ту-ди* здѣсь бываетъ такой же праздникъ, какъ и въ кумирнѣ Тянь-хоу-гунъ.

Существуетъ тамъ и буддійскій храмъ *Гуань-инь-танъ*, который построенъ на отвѣсной скалѣ въ нѣсколько ярусовъ; изъ него можно любоваться видомъ дикой природы. Подлѣ него есть зданіе, посвященное *Гуань-ди*. Жаль, что, по недостатку мѣста, нельзя расширить этого зданія. Передъ террассой храма густо растетъ бамбукъ, и слышно журчаніе ручья. Это возноситъ духъ посѣтителя за предѣлы міра. Тамъ есть два отдѣльные источника чрезвычайно холодной воды, которой пользуется также китайское подворье для чая. Она вытекаетъ изъ горъ по каплямъ; но за то льется неистощимо. По истинѣ это замѣчательное по красотѣ мѣсто! Тамъ устроена бесѣдка, въ которой могутъ помѣститься 50 человѣкъ. Сюда, во время раскрытія цвѣтовъ, стекаются многіе изъ гуляющихъ съ виномъ или чаемъ, и пріятно проводятъ время въ бесѣдѣ съ друзьями, или въ игрѣ въ шахматы; каждый изобрѣтаетъ забавы по своей волѣ.

Я слышалъ, что внутри китайскаго подворья въ

прежнія времена покланялись духу — покровителю актеровъ, и что занимавшіеся театромъ общими силами воздвигли храмъ въ честь *Сянъ-гуна*. Преданіе о Сянъ-гунѣ обязано своимъ началомъ фу-цзяньскимъ купцамъ. Сянъ-гунъ, по другому сказанію тоже, что *Лэй-хай-цинъ* — лице, извѣстное по своимъ доблестямъ и заслуживающее чести быть удостоеннымъ храма для приношенія ему жертвъ. Неудивительно, что и актеры считаютъ его покровителемъ. У насъ въ Китаѣ актеры приносятъ жертвы *Лао-лянъ-шэню*, разумѣя подъ нимъ Танской династіи государя *Минъ-хуана*, и весьма несправедливо, потому что тѣмъ оказывается крайнее неуваженіе къ имени этого государя. Въ недавнее время и именно (въ 1762 году) въ 27-е лѣто правленія въ Китаѣ государя Цянь-луна, случилось въ китайскомъ подворьѣ слѣдующее обстоятельство: общество фуцзяньцевъ изъ-за споровъ между собою произвело буйство; сами же ударили тревогу, — и множество народа сбѣжалось въ подворье. Немедленно донесено объ этомъ происшествіи губернатору (шиюаню), который и приказалъ схватить возмутителей и изслѣдовать дѣло по законамъ. Были опрошены всѣ подсудимые по одиночкѣ, и всѣ оказались принадлежащими къ труппѣ актеровъ. По этой причинѣ всѣ актеры были выгнаны изъ подворья, а храмъ раз-

рушенъ. Теперь на мѣстѣ исчезнувшаго храма уже положено основаніе новой кладовой (ку).

Близъ китайскаго подворья — на лѣвой сторонѣ стоитъ кумирня, посвященная духу лисицы. Говорятъ, что на этомъ мѣстѣ была когда-то ея нора; по этому и устроена на немъ кумирня. Духу лисицы приносятъ жертвы исключительно одни пѣвицы.

Въ 50-е лѣто правленія въ Китаѣ государя Ка-нси (въ 1711 году) воздвигнуто при китайскомъ подворьѣ капище въ честь Конфуція (*шэнъ-мяо*). Съ того времени и японцы начали приносить жертвы, употреблять жертвенные сосуды при обрядахъ и вообще мало по малу слѣдовать правиламъ религіи китайскихъ ученыхъ. При капищѣ находится особый жертвоприноситель (*сыдо*), котораго величаютъ *шэнъ-мяо-сянь-шэнъ*. По принятымъ правиламъ, всѣ купцы, проживающіе въ китайскомъ подворьѣ, ежегодно 2-й луны (въ мартѣ) въ день, означенный въ календарѣ подъ первымъ цикломъ, собираются въ это капище для принесенія жертвы. На этотъ разъ жертвоприноситель (сыдо) приготовляетъ вино и яства для принесенія ихъ въ жертву. Капище и дворъ не велики, но внутреннее устройство чисто и красиво. Передъ воротами протекаетъ потокъ, который, обвившись вокругъ капища, течетъ далѣе на западъ. Лицемъ оно обращено на югъ, а на сѣверѣ примыкаетъ къ горамъ. Это мѣ-

стечко устроено самой природой. Всѣ, пріѣзжающіе сюда изъ далекихъ странъ иностранцы, смотрятъ на него съ особеннымъ уваженіемъ. Каждый разъ, когда китайскіе купцы привозятъ съ собой новыя книги, всѣ онѣ сначала отдаются на разсмотрѣніе жертвоприносителя, и потомъ уже возвращаются владѣтелямъ. Эта мѣра принята изъ опасенія, чтобы въ числѣ ученыхъ китайскихъ книгъ не прошли и сочиненія христіанскаго ученія. Христіанскіе проповѣдники нѣкогда распространили свое ученіе въ Японіи, и японцы совершенно были увлечены ими. Государство какъ будто обезумѣло; они начали уже составлять политическіе замыслы. Впослѣдствіи, когда эти замыслы были обнаружены, проповѣдники отплыли на судахъ; но, когда отомъ узнали туземцы, тотчасъ отправили за ними погоню. Въ числѣ бѣжавшихъ было болѣе половины японцевъ — послѣдователей; всѣ они или были умерщвлены стрѣлами или побиты камнями. Тогда родъ христіанскій былъ совершенно истребленъ. Нынѣ запрещено навсегда проповѣдывать христіанское ученіе. По принятымъ теперь правиламъ, китайскіе купцы, по прибытіи въ Нангасаки, обязаны предварительно прочесть объявленіе и попереть посами мѣдную доску. Въ объявленіи вкратцѣ обнаруживаются неправильныя внушенія христіанскихъ проповѣдниковъ и хитрыя средства ихъ для обращенія другихъ. Это

дѣлается изъ опасенія, чтобы китайцы на своихъ судахъ тайно не привозили съ собой книгъ и христіанъ. Подъ мѣдной доской разумѣется изображенный на доскѣ ликъ *Тянь-чжу* (Господа). Попираніе же этого изображенія показываетъ отверженіе отъ этой вѣры. Кстати замѣтить, что теперешнее китайское подворье (танъ-гуань) находится на сторомъ мѣстѣ христіанскаго храма, называвшагося *Ши-шань-ши* (монастыремъ 10-ти добродѣтелей или заповѣдей).

Есть тамъ еще одна замѣчательная кумирня, называемая *Цзю-ши-мяо*. По устройству своему она великолѣпна и въ большихъ размѣрахъ; всѣ религіозные обряды исполняются въ ней строго. Говорятъ, что духъ, которому посвящена кумирня, былъ родомъ изъ Фу-чжоу (фу-цзяньской области), по фамиліи *Линь*, но, сколь древне начало жертвоприношенія этому духу, не извѣстно. Кумирня эта управляется даосами. Въ китайскомъ подворьѣ существуетъ обычай отправлять по временамъ въ эту кумирню деньги на благовонныя свѣчи. Даосы же съ своей стороны приглашаютъ такъ же китайскихъ купцевъ въ свою кумирню на прогулку.

Обители китайскаго подворья посѣщаютъ такъ же для принесенія жертвъ слѣдующія три большія кумирни, называемыя *Сиъ-фу*, *Чунъ-фу* и *Фу-цзи*. Всѣми этими кумирнями управляютъ буддійскіе отшельники

изъ китайцевъ. Цже-цзянскіе и чзянь-панъскіе хэшаны завѣдуютъ кумирнею Синъ-фу, фу-цзянскіе буддисты — кумирнею Чунъ-фу, а кумирня Фу-цзи отдана въ распоряженіе буддистовъ изъ фу-цзянской области, уроженцевъ городовъ Чжанъ-чжоу и Цюань-чжоу. Существуетъ неизмѣнное правило — въ эти дни совершенія торжественныхъ службъ и принесенія благодарственныхъ жертвъ, а такъ же и въ день рожденія Тянь-хоу, всѣмъ китайцамъ посѣщать всѣ три кумирни, и тамъ проводить время по цѣлымъ днямъ. Со стороны кумиренъ бываетъ такъ же особое приглашеніе китайскихъ купцевъ полюбоваться цвѣтами. Кромѣ того существуютъ еще и слѣдующія кумирни: *Да-дэ*, *Да-гуанъ*, *Чженъ-цзіо*, *Хунъ-цзи*, *Цинъ-шуй*, *Мяо-сянъ*, *Чжу-линъ* и *Линъ-юань*, всѣхъ вообще числомъ не менѣе 20-ти. Всѣ онѣ занимаютъ превосходныя мѣста и служатъ пріютомъ, гдѣ можно предаваться духовнымъ мыслямъ. Цвѣты и деревья растутъ густо; кругомъ одни голые камни да одинокія облака. Красоты встрѣчаютъ васъ нечаянно. Длинныя галлереи и извилистыя аллеи огибаютъ скалы. Когда по ступенямъ пройдете ворота, то предъ вами открываются новыя картины дикой красоты. По истинѣ эти мѣста составляютъ райскія жилища и одну изъ прелестныхъ морскихъ картинъ.

Напротивъ китайскаго подворья на берегу есть

гора *Тао--цзо-шань*; на ней находится кумирня *У-жень-сы* — тоже замѣчательное священное мѣсто. Позади этой кумирни находится ровной земли нѣсколько десятинъ. Нѣкогда китайскіе купцы купили эту землю съ мыслію устроить здѣсь кладбище. Много прошло времени, а эта земля оставалась пустыремъ. Только (въ 1754 году) въ 19-е лѣто правленія государя Цянь-луна одинъ изъ купцевъ, по фамиліи *Цянь*, по имени *Хой-ши*, уроженецъ мѣстечка Тяо-ци, пріѣхавши въ Нангасаки, первый началъ благое дѣло устройства кладбища. Для этого онъ привезъ моремъ на своемъ суднѣ камни, и уже хотѣлъ приступить къ сооруженію возвышенной площади (*тань*), на которой предполагалъ устроить башню, но, за скорою кончиною, не успѣлъ привести своихъ плановъ въ исполненіе. И уже впослѣдствіи общество китайскихъ купцевъ общими силами окончило начатую постройку. На этомъ кладбищѣ предаются теперь погребенію всѣ умирающіе въ Нангасаки матросы и работники китайскіе. Надъ каждою могилой ставится каменный памятникъ, и имена умершихъ вносятся въ особую книгу. Ежегодно весною и осенью метутъ это кладбище и приносятъ жертвы, и эти обряды совершаются неотмѣнно.

Наконецъ есть тамъ еще одна буддійская кумирня *Жо-ао-сы*. Отшельники этой кумирни постоян-

но занимаются разведеніемъ знаменитыхъ цвѣтовъ — *цзюй-хуа* (осеннихъ астръ), которыхъ насчитываютъ до 100 слишкомъ корней. Во время цвѣтенія ихъ буддисты готовятъ обѣдъ и приглашаютъ китайскихъ купцевъ. Тамъ гости, полюбовавшись цвѣтами, при уходѣ берутъ съ собой цвѣтокъ, какой имъ понравится. Это со стороны буддистовъ весьма любезно.

Есть въ Нангасаки одна замѣчательная гора, называемая *Бань-пянь-шань*. По старому преданію, когда знаменитый пиратъ Чженъ-чэнъ-гунъ былъ еще ребенкомъ, мать его внезапно скрылась и пришла въ Японію. Впослѣдствіи Чэнъ-гунъ, снарядивъ суда въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, прибылъ съ ними къ японскимъ берегамъ для отысканія своей матери. Такъ какъ мать его можно было узнать по чернымъ зубамъ, то японки нангасакскія, узнавъ объ этомъ, всѣ очернили себѣ зубы. Чэнъ-гунъ, проведши три дня въ напрасныхъ поискахъ, предъ отправленіемъ показалъ японцамъ свою силу. Онъ началъ стрѣлять въ гору изъ большихъ пушекъ, и разрушилъ ее до того, что гора съ громомъ на половину упала. Тогда жители Нангасаки покорились ему. На этой горѣ доселѣ сохранились слѣды огненнаго разрушенія. Она имѣетъ видъ висячаго и обожженнаго котла. Растенія и деревья на ней такъ же неодинаковы съ другими горами.

Нангасаки иначе называется *Цюнъ-пу* (прекрасною пристанью). Мѣстность тамъ прекрасна; видъ горъ блестящій; шумъ водъ очаровательный. Самые обитатели — разумный и проницательный народъ — нисколько не уступаютъ въ образованіи китайцамъ. Мужчины и женщины не любятъ праздности, и каждый занимается своимъ дѣломъ. Они расположены къ многостороннему образованію. Народъ неуклонно слѣдуетъ чистымъ правиламъ глубокой древности. Если бы притомъ они уразумѣли древнія гражданскія постановленія династіи *Чжоу* и изучали книги конфуціанскаго ученія, то сущность законовъ была бы имъ ясна, установился бы правильный порядокъ въ семейныхъ и гражданскихъ отношеніяхъ, дѣла пошли бы еще успѣшнѣе, и правленіе было бы мудрѣе; тогда они не уступили бы никому. Изъ пяти главныхъ нравственныхъ обязанностей японцами съ особенною строгостію соблюдается только одна, а именно объ отношеніи государя къ своимъ вассаламъ, и господъ къ своимъ рабамъ; а объ остальныхъ обязанностяхъ они нерадѣютъ.

Китайскіе купцы ежегодно привозятъ въ Нангасаки въ большомъ количествѣ китайскія сочиненія. Японцы, преданные наукѣ, не жалѣютъ высокихъ цѣнъ для пріобрѣтенія этихъ книгъ, и потомъ свертываютъ ихъ въ футляры и прячутъ, какъ рѣдкость. Часто многіе

стараются нагрузить цѣлые возы китайскими книгами и наполняютъ ими свои библіотеки до самаго потолка. Но бо̀льшею частію они не понимаютъ того, что читаютъ. Для нихъ книги тоже, что для насъ сосуды древнихъ династій, которые не имѣютъ никакого приложенія.

Въ Японіи нѣтъ ученыхъ экзаменовъ; по этому тамъ словесность не уважается. Иногда являются между японцами два — три человѣка, которые заботятся объ образованіи самихъ себя, такъ что въ состояніи читать сочиненія мудрецовъ, классическія и историческія книги, и изучаютъ китайскіе стихи. Такъ наприм.: вельможа *Хэ-цюань* очень уважалъ сочиненія писателей Суиской и Юаньской династій. Онъ часто обращался къ китайскимъ купцамъ, и чрезъ посредство ихъ пріобрѣлъ одинъ или два экземпляра этихъ сочиненій. Были въ Японіи *Сунъ-янъ-сянь*, *Линъ-мэй-цинъ* и *Людэ-фу*, — ученые люди, превосходившіе образованіемъ своихъ соотечественниковъ. Кромѣ того у нихъ есть извѣстныя собранія сочиненій *Тань-цзинъ*, *Сянь-шэнцзи* и *Шэнъ-цзо-фэй-цзи*. Эти сочиненія составляютъ значительное изданіе. Въ сочиненіи стиховъ они подражаютъ тону стиховъ временъ Танской династіи, и въ нихъ нѣтъ легкости стиховъ династій *Сунъ* и *Юань*. Такъ же былъ въ Японіи *Шиъ-цзы-синъ*, по прозванію

Сань-сы, отличившійся искусствомъ писать скорописью (или буквами *цао-цзы*).

Въ Японіи тушь, представляемая ко двору, замѣчательна своими достоинствами. Она приготовляется на казенный счетъ исключительно фамиліею *Хэ-цюань-юаня* въ мѣстечкѣ *Гу-мэй-юань.* Чтобы составить эту тушь, берутъ вѣтки съ сосноваго дерева, растущаго на южныхъ горахъ и обращеннаго къ солнцу, и, сжегши ихъ, сбираютъ сажу. Потомъ эту сажу смѣшиваютъ съ клеемъ, извлеченнымъ изъ оленьихъ костей, и выходитъ тушь, которая по вѣсу легка и нѣжна, цвѣтъ ея черенъ и блестящъ, какъ лакъ. По внѣшнему виду плитки этой туши походятъ на древнія. Туши даютъ безчисленное множество разныхъ формъ; для того есть особыя описанія, гдѣ всѣ эти формы означены. Простымъ японцамъ не легко достать такой туши; а если и добудутъ, то не смѣютъ употреблять ее.

Японцы сидятъ на полу, на цыновкахъ. Этотъ обычай существуетъ по всему государству. Внутреннія комнаты устилаются коврами, по которымъ они и ходятъ; на нихъ же и спятъ. Гости, при входѣ въ комнату, не дѣлаютъ почтительныхъ изъявленій руками. Когда усядутся, хозяинъ ставитъ передъ гостемъ поднось съ курительнымъ табакомъ, и предоставляетъ его въ полное распоряженіе гостя. На подносѣ разложены: маленькая жаровница, ящикъ съ табакомъ и плеваль-

ница. Слово табакъ японцы произносятъ *Тань-ба-гу*, а трубку называютъ *ги-ши-лю*. Внутри каждой комнаты расположено нѣсколько подставокъ, такъ что на каждаго человѣка предлагается по особой подставкѣ. Ихъ столовая посуда, какъ то: тарелки, блюда и проч., вся бываетъ съ ножками, какъ столики, величиною съ футъ. У нихъ есть сосудъ для нагрѣванія вина—вещь легкая и удобная для употребленія. Онъ мѣдный, внутри обложенный оловомъ. Этотъ сосудъ ставится на подставку; на нижнихъ же двухъ полкахъ подставки разставляется разная посуда. Онъ называется по японски *бянь-дао*. Есть такъ же у нихъ одинъ снарядъ, употребляемый во время прогулокъ за городъ. Это одна по наружности посудина, состоящая внутри изъ 4-хъ штукъ. Снаружи она бываетъ вызолочена съ изображеніемъ разныхъ узоровъ и весьма тонкой отдѣлки, внутреннія же пустоты наполняются съѣстными припасами. Эта вещь называется *шоу-бо-го*. Чайныя чашки у нихъ походятъ на наши столовыя, расписаны золотомъ и красками; фарфоръ, изъ котораго онѣ сдѣланы, необыкновенно легокъ. Чашки ставятся на блюдечки изъ тамошняго дерева *кунъ-силь-му*; хозяинъ, взявшись за блюдечки обѣими руками, подноситъ чай гостямъ. Чайная чашка у японцевъ весьма велика, а между тѣмъ налпвается въ нея чаю полчашки, или треть чашки. Винныя чапечки ихъ величиною

съ китайскія чайныя чашки. Гостю наливаютъ вина черезъ край; иначе хозяинъ выразитъ неуваженіе къ нему. При угощеніи виномъ, хозяинъ самъ прежде выпиваетъ вино, а потомъ уже наливаетъ гостю. Они изъ одной посуды двое не ѣдятъ, и потомъ посуды не перемѣняютъ. Двое при третьемъ свидѣтелѣ не рѣшатся совѣтоваться. Кто увидитъ предъ дверью комнаты пару башмаковъ, тотъ отнюдь не позволитъ себѣ войти въ этотъ домъ. Восточная сторона считается у японцевъ болѣе почтенною. Японцы, вмѣсто того, чтобы позвать слугъ для отданія приказаній, хлопаютъ въ ладоши, и на эти звуки слуги тотчасъ отзываются. Вообще японцы правомъ миролюбивы и медлительны. Даже въ сильномъ гнѣвѣ японецъ не измѣняется ни въ рѣчахъ, ни въ лицѣ.

Въ комнатахъ вообще не бываетъ убранства. Но въ домахъ значительныхъ лицъ бываютъ иногда низенькіе, искривленные стулья, охватывающіе станъ сидящаго и имѣющіе видъ развернутаго китайскаго вѣера или сѣдалищъ, на которыхъ у насъ сидятъ три даоскія божества. Книжныя ихъ подставки похожи на китайскіе туалетные ящики. На эту подставку кладутъ книгу, и, сидя на полу, читаютъ ее, какъ будто передъ зеркаломъ. Верхнюю одежду японцы носятъ чрезвычайно широкую; полы ея запахиваются одна на другую; рукава шириною въ 2 фута, а въ

длину доходятъ до локтя. Она шьется изъ холста, и бываетъ съ вытканными четыреугольниками, или разводами. Бываетъ такъ же платье изъ гладкой ткани, крепа и флера, съ вышитыми или отпечатанными на немъ узорами. У мужчинъ и женщинъ равно воротники стоячіе; нѣтъ ни пуговицъ, ни особыхъ поясовъ; для опоясыванія же употребляютъ кусокъ ткани, во все полотнище, длиною въ 10 футовъ, а шириною отъ 6 до 7 вершковъ. Зимою эти пояса бываютъ на ватѣ, а лѣтомъ шьются на подкладкѣ изъ холста, или шелковой матеріи. Они называются *яо-бянь*. Спереди на груди платье подбирается вверхъ, такъ что образуется пространная пазуха, въ которую помѣщаютъ кисетъ съ табакомъ, свертокъ съ писчей бумагой, ножикъ, ножницы, гребни и другія вещи. Постельнаго прибора, какъ то: кроватей, диванов, одѣялъ, тюфяковъ у нихъ вовсе нѣтъ: они спятъ на полу на цыновкахъ, Есть у нихъ особое спальное платье. Лѣтомъ оно безъ подкладки, и шьется изъ холста во весь ростъ; отъ комаровъ употребляются пологи изъ легкаго прозрачнаго пеньковаго холста (*ма-бу*). Зимняя же спальная одежда шьется въ полтора раза больше роста, и подкладывается хлопчатой бумагой. У нихъ нѣтъ особой опочивальни. Во время сна ихъ ограждаютъ только низкія ширмы въ 6-ть полотнищъ. Подъ голову кладутъ деревянную подушку въ 4 дюйма, стоймя, подъ заты-

локъ. Подушка эта называется у нихъ *ма-гу-ла*, и кладется такъ, чтобъ уши нисколько не касались ея. Отъ этого у японцевъ развитъ слухъ гораздо лучше, чѣмъ у китайцевъ.

Японская женщина, желая выразить расположеніе къ своему частному любимцу, на обратной сторонѣ руки накалываетъ условные знаки, и потомъ замазываетъ ихъ тушью. Такимъ образомъ, когда накопляется много любимцевъ, то всѣ пальцы на рукахъ остаются навсегда почернѣвшими. При рожденіи дѣтей мужескаго и женскаго пола, не соблюдается у японцевъ нашего обычая брить имъ голову. Мужчины, достигнувшіе совершеннолѣтія, брѣютъ маковку на головѣ, оставляя волосы на вискахъ и затылкѣ. Оставленные волосы зачесываются вверхъ подъ гребенку въ одинъ пучекъ и намазываются особенной помадой; они завиваются въ бѣлую бумагу. Въ Японіи только лекаря и слѣпцы имѣютъ право брить всю голову, подобно буддійскимъ хэшанамъ.

Умершихъ своихъ японцы не полагаютъ въ гробы, и нѣтъ у нихъ погребальнаго одѣянія. Они употребляютъ вмѣсто гроба деревянную кадку, въ средину которой сажаютъ трупъ съ поджатыми ногами. Пустыя пространства въ кадкѣ устилаютъ ароматами. На другой день послѣ смерти погребаютъ. Богачи и бѣдные поступаютъ въ этомъ случаѣ одинаково. Сынъ и жена

покойнаго носятъ трауръ по отцѣ и мужѣ только 25 дней, а за тѣмъ всѣ траурные обряды оканчиваются.

Если въ семействѣ сначала родится дочь, а потомъ сынъ, то зять считается старшимъ сыномъ, а меньшой сынъ внукомъ. Семейства, имѣющія трехъ сыновей, всегда отпускаютъ одного, и даже двухъ, на усыновленіе въ чужой домъ. Отъ этого трудно найти людей, которые, будучи единоутробными братьями, не носили бы разныхъ фамилій.

Обитатели Нангасаки, когда случится прибѣгнуть къ пособію лекарствъ, принимаютъ ихъ не болѣе какъ въ 1 *) или 2 фына вѣсомъ; лекарства же въ 3 и 4 фына считаются уже изъ рода важныхъ. Такъ дѣлается тамъ, потому, что японцы и въ употребленіи обыкновенной пищи весьма умѣренны. Отъ того вообще между ними мало болѣзней, а напротивъ бо́льшая часть отличается крѣпостію и дородностію. Страсти развиваются въ японцахъ слишкомъ рано; отъ этого многіе умираютъ въ лѣтахъ юношества и первой молодости, а достигающихъ глубокаго долголѣтія мало. Тамъ шестидесятилѣтніе считаются самыми преклонными стариками, и я не слышалъ, чтобы кто либо изъ японцевъ доживалъ до 80 или 90 лѣтъ.

---

*) Одинъ китайскій фынъ равенъ $7^{9}/_{10}$ слишкомъ русскимъ долямъ, или, проще, въ 1 фынѣ безъ малаго 8 долей.

Наконецъ нашъ авторъ заключаетъ свои записки краткими замѣчаніями о Нангасаки въ естественномъ отношеніи.

Горы, окружающія китайское подворье, говоритъ онъ, кажутся близкими. Узкія тропинки вьются по нимъ во всѣхъ направленіяхъ до облаковъ. Поля представляютъ живую картину; тамъ и зимней порой не опадаютъ листья на деревьяхъ. Весенніе пары разстилаются тканью. Отъ всѣхъ посѣвовъ на поляхъ получаются хлѣбныя произрастенія два и три раза въ годъ. Изъ числа хлѣбовъ суходольный рисъ (*дао-ми*) есть самый лучшій. Тамошняя пшеница нѣжна и лучше цзянъ-наньской, чже-цзянской, фу-цзянской и гуанъ-дунской; земледѣльцы всегда во время запахиваютъ свои поля и сѣятъ, чрезъ что мало страдаютъ загаромъ кожи на тѣлѣ. Они также садятъ и огородныя овощи. Хотя земля тамъ и плодоносна, но такъ какъ, кромѣ несмѣтнаго количества мѣстныхъ жителей, собираются туда во множествѣ изъ другихъ странъ купцы и торговцы, то продовольствіе оказывается недостаточнымъ. По этому провіантъ доставляется съ окрестныхъ острововъ. Во время привоза хлѣба, для надзора назначается особый чиновникъ.

Въ Нангасаки снѣгъ падаетъ всегда хлопьями, которыя при паденіи издаютъ звукъ и не пристаютъ къ

платью. Снѣгъ этотъ покрываетъ горы перламутровою пеленою; тогда бываетъ весьма холодно.

Кромѣ этого времени въ Нангасаки вообще тепло. Дожди тамъ падаютъ безвременно; всякій разъ за дождемъ слѣдуетъ восточный вѣтеръ. Припоминаю стихъ изъ классической книги *Ши-цзинъ*: «Не успѣли пройти дожди, какъ на высокомъ небѣ показалось солнце». Этотъ стихъ какъ будто указываетъ на здѣшнюю страну.

Я слышалъ, что японцы во время траура не употребляютъ мяса и не пьютъ вина. Теперь же я самъ видѣлъ, что они вообще ѣдятъ мяса очень мало; они любятъ употреблять въ пищу постныя блюда, и всегда изъ свѣжихъ овощей. Утки у нихъ жирны, но курицы тощи; свиньи и бараны походятъ на китайскихъ, только тощѣе; оленье мясо слабо. Тамошнія горы изобилуютъ очень хорошими птицами, которыхъ родовъ такъ же много.

Изъ огородныхъ растеній родится тамъ бѣлая и зеленая капуста, *нэнъ-хао-цай* (chrysanthemus coronarium), шпинатъ, лебеда, горчица, рѣдька, лукъ, чеснокъ, (*цзю-цай*) лукъ полевой и имбирь. Вообще овощи, какіе есть въ Китаѣ, находятся и въ Японіи. Тамошняя рѣдька считается превосходною.

Изъ рыбъ водятся тамъ *цзинь-сы-юй*, *хуанъ-шанъ-юй*, попугай-рыба, лещъ, окунь, *ма-цзяо-юй*

камбала, *у-цзэ-юй*, *жоу-юй* (нѣжная рыбка), бѣлуга, *хань-цзы* (особый родъ устрицъ), улитки, *цзянъ-яо-чжу* (особый родъ устрицъ), *чо-ао* (большіе морскіе раки), устрицы, *дань-цай* (продолговатыя морскія устрицы, черепашьи лапы), *лунъ-ся* (особый родъ морскихъ раковъ), каракатицы, акулины перья, морская капуста, *ши-хуа* (dianthus) и многія другія. Всѣ онѣ раждаются и водятся въ морской соленой водѣ. Изъ нихъ, какъ товаръ, привозятся въ Китай слѣдующія: каракатицы, акулины перья, бѣлуга, *хай-дай* (водоросль), нѣжная рыбка и *цю-мао-цай*. Есть такъ же знаменитая рыба *цзя-цзы-юй*, которую разрѣзываютъ на части и сушатъ. Она составляетъ такъ же статью торговли.

Въ небольшихъ рѣкахъ и горныхъ протокахъ водятся караси, угри, черепахи, малыя бѣлыя рыбки (*сяо-бо-юй*) и различнаго вида большіе раки. Всѣ эти произведенія нисколько не отличаются отъ китайскихъ. Маленькая бѣлая рыбка носитъ такъ же названіе *юй-динъ-юй* (нефритовый гвоздь). Она длиною не болѣе дюйма, тоненькая, но жирная, сладкая и вкусная до такой степени, что во рту таетъ. Выводится она въ 11 лунѣ (въ декабрѣ), а послѣ весенней поры ее уже нельзя употреблять въ пищу. Названіе рыбки нефритовымъ гвоздемъ недавнее; по этому я для памяти и помѣщаю его здѣсь.

Въ Нангасаки есть цвѣты всѣхъ временъ года: *му́-дань* (poenia mutan), *шао-яо* (poenia trichocarpa), *инъ-тао* (вишневые цвѣты), *гуй-хуа* (olea flagrans), *цзюй-хуа́* (осеннія астры); — всѣ эти и многіе другіе цвѣты составляютъ украшеніе гостиныхъ. Изъ нихъ цвѣты *шань-ча* (дикая камелія), *ду-цзюань* (azalea) и *инъ-тао* (вишневые цвѣты) самые лучшіе. Инъ-тао сравнительно съ китайскимъ *си-фу-хай-таномъ* (hypericum monogynum) нѣсколько блѣдиѣе. Этого рода вишневыхъ цвѣтовъ (инъ-тао) въ Китаѣ нѣтъ. Во время цвѣта они слегка покрываются зелеными листочками и походятъ на кучку снѣга съ алымъ отливомъ. Они нѣжны, но не блестящи. Есть еще другой родъ инъ-тао, который относится къ роду цвѣтовъ чисто бѣлыхъ. Этотъ родъ даетъ цвѣты, но зеренъ не имѣетъ. Бываетъ еще особый родъ инъ-тао, у котораго лепестки не махровые, этотъ инъ-тао даетъ зерна.

Изъ плодовъ: *мэй* (кислые абрикосы), простые абрикосы, грушн, смоквы. *инъ-цинъ* (красныя яблоки), *бо-хэ* (lilium tigrinum), апельсины, бадрянки и померанцы — самые лучшіе. Персики же и сливы жестки, какъ дерево; впрочемъ и ихъ употребляютъ для приправъ къ кушаньямъ. Каштаны тамъ велики, но не вкусны. Ненюфаровые корни тонки и слишкомъ жестки. *Янъ-мэй* (arbutus) и самыя вишни бываютъ величиною

съ пуговицу, на вкусъ отлично-сладки и безъ малѣйшей кислоты. Это уже зависитъ отъ тамошней почвы.

Въ вазахъ, какъ игрушки, растутъ тамъ прекрасныя деревья, называемыя *у-жчень-сунъ* (сосна о 5-ти иглахъ). Въ Китаѣ съ давнихъ лѣтъ старались пріобрѣсти это растеніе, но не могли. Его до крайности искривляютъ и даютъ видъ сидящаго льва или лежащаго тигра. Есть тамъ такъ же множество родовъ и видовъ клена (*фынъ-шу*); есть кленъ и съ красноватыми листьями, и съ полынными листьями, съ разноцвѣтными каймами на листьяхъ, съ 5-ти угольными, 7-ю и 9-ю угольными листьями. Замѣчательны такъ же вишневыя деревья и *цзю-цзы-мэй* (абрикосы о 9-ти зернахъ). На деревѣ цзю-цзы-мэй красные цвѣты; оно имѣетъ множество лепестковъ, и на каждой вѣткѣ по 9-ти зеренъ. Всего чаще бываетъ по 4 и 5-ти зеренъ, а если больше, то они останавливаются въ ростѣ.

Въ Нангасаки много большихъ орловъ, которые ловятъ морскую рыбу и питаются ею. Тамъ есть такъ же и галки, величиною съ гуся, которыя всегда летаютъ стадами штукъ по 100, и нисколько не боятся людей. Онѣ вьютъ гнѣзда и живутъ подъ крышами жилыхъ домовъ, гдѣ всего больше народа. Птицеводы весьма стѣсняются ихъ присутствіемъ. Случается, что у повара, лишь только онъ не досмотритъ, во мгновеніе ока галками похищаются мелкія зарѣзанныя птицы. Я

когда-то, живя въ городѣ *Цзинь-тань* (Цзянь-наньской области), часто видѣлъ галокъ, летавшихъ такими густыми стадами, что онѣ закрывали собою небо, а отвратительнымъ крикомъ заглушали слухъ. Я тогда думалъ, что нигдѣ больше неувижу птицъ въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, теперь же убѣжденъ, что въ Нангасаки галокъ больше и притомъ онѣ крупнѣе; если же въ городѣ ихъ такъ много, то, можно себѣ представить, какое невѣроятное число галокъ должно окружать рыбные рынки.

О ХРИСТІАНСТВѢ ВЪ КИТАѢ.

О ХРИСТІАНСТВѢ ВЪ КИТАѢ.

(Изъ книги *Хай-хо-ту-чжи*).

—

Въ книгахъ новой Танской династіи (*Синь-танъ-шу*) находятся слѣдующія сказанія: государство *Фо-линь*, въ древности называвшееся *Да-цинь* *), находится при Западномъ морѣ, почему оно и называется Западно-морскимъ государствомъ. Оно отстоитъ отъ столицы Китая въ 40,000 *ли*, отъ *Шаньи* на сѣверо-западъ — прямо противъ дунгаскаго поколѣнія *Кэ-са;* съ западной стороны граничитъ съ моремъ. Есть тамъ городъ *Чисань,* который на юговостокѣ граничитъ съ *Босы* и содержитъ въ себѣ до 10,000 ли пространства. Городовъ считается до 400, отборнаго войска милліонъ. На каждыхъ 10 ли есть военный постъ (*дянъ*); три таковые поста подчинены одному чиновнику. Мелкихъ владѣній, зависящихъ отъ него, считается до нѣсколь-

*) Римская имперія.

кихъ десятковъ; изъ нихъ извѣстныя по имени называются *Цзэ-сань* и *Люй-фынь*. Отъ Цзэ-сани прямо на сѣверовостокъ дороги неизвѣстны; но на востокѣ въ 2,000-хъ ли за моремъ можно найти государство Люй-фынь. Столичный городъ въ Фо-лини обведенъ каменною стѣною, которая въ окружности простирается на 80 ли. Восточныя ворота вышиною въ 20 саженей и украшены нынѣ золотой рѣзьбой. Въ самый дворецъ государя ведутъ особыя трое воротъ съ различными драгоцѣнными украшеніями. На среднихъ воротахъ находятся большіе золотые вѣсы; на коромыслѣ поставленъ золотой пстуканъ и 12 шариковъ; по прошествіи часа одинъ шарикъ упадаетъ. Столбы во дворцѣ изъ мрамора, матицы изъ горнаго хрусталя и цвѣтныхъ стеколъ, перекладины изъ пахучаго дерева, полъ изъ чистаго золота, а перегородки изъ слоновой кости. Въ этомъ государствѣ находится 12 вельможъ, которые участвуютъ въ государственномъ управленіи. При выходѣ государя изъ дворца одинъ человѣкъ слѣдуетъ за нимъ съ мѣшкомъ (*нанъ*), въ который кладутъ письменныя жалобы; по возвращеніи своемъ государь разсматриваетъ эти жалобы и полагаетъ рѣшенія. Въ случаѣ великихъ несчастій въ государствѣ оставляютъ государя и на мѣсто его избираютъ другаго, лучшаго. Вѣнецъ государя походитъ на птичьи крылья и унизанъ жемчугомъ; верхняя

одежда изъ шелковой цвѣтной матеріи спереди не застегивается; сѣдалище украшено золотыми цвѣтами, подлѣ сѣдалища сидитъ птица зеленаго цвѣта похожая на гуся; если случится, что государю подадутъ вредное кушанье, то эта птица кричитъ. Женой черепицы тамъ нѣтъ, а зданія покрываются бѣлымъ камнемъ, твердымъ и глянцовымъ, какъ нефритъ. Во время жаровъ проводятъ воду на кровли домовъ, отъ чего въ воздухѣ дѣлается нѣсколько прохладнѣе. Мужчины стригутъ волосы и носятъ верхнее платье изъ цвѣтныхъ матерій; надѣвая его на одну лѣвую руку. Ѣздятъ въ малыхъ повозкахъ (*сяо-чо*), покрытыхъ бѣлой матеріей, при выходѣ и входѣ употребляютъ знамена и бьютъ въ бубны. Женщины ходятъ подъ шелковыми покрывалами. Владѣтели огромныхъ богатствъ считаются высшими сановниками. У нихъ есть обычай во время пиршествъ употреблять вино; любятъ сухой хлѣбъ. Много у нихъ фокусниковъ, которые могутъ изъ лица испускать пламя, изъ руки потоки воды, изо рта, зрачковъ и ногъ разсыпать жемчугъ и нефритовые камни. Есть искусные доктора, которые могутъ вскрывать мозгъ для вынутія насѣкомыхъ, чтобъ излечить глазную темноту. Въ нѣдрахъ земли много золота и серебра. Есть камни, ночью блестящіе (*п-гуань-би*). свѣтлолунный жемчугъ (*мин-юэ-чжу*). большіе черепахи (*да-бэй*) и раковины

(*чэ-цзюй*), агатъ, мунань, изумрудъ (*куй-цюй*) и янтарь (*хупо*). Ткутъ изъ пуха водяныхъ овецъ (*шуй-янъ*) полотна, которыя называются западно-морскими полотнами (*хай-си-бу*). Въ морѣ водятся кораллы. Приморскіе жители ловятъ ихъ съ большихъ лодокъ, опуская желѣзныя сѣти на морское дно. Кораллы въ началѣ растутъ на камняхъ и бываютъ бѣлаго цвѣта, какъ грибы; черезъ годъ они дѣлаются желтыми, а по прошествіи трехъ лѣтъ краснѣютъ. Они вѣтвеобразно переплетаются и бываютъ въ вышину отъ 3 до 4 аршинъ. Когда сѣть опутаетъ коралловое деревцо и оторветъ его отъ корня, то ловцы вытаскиваютъ. По прошествіи извѣстнаго времени коралловое растеніе разлагается. На Западномъ морѣ есть рынокъ, гдѣ заочно производится торговля посредствомъ мѣны равноцѣнныхъ вещей. Этотъ рынокъ носитъ названіе *Гуй-ши* (чертовскій). У нихъ водится звѣрь, называемый *юань-да*, ростомъ съ собаку, но весьма свирѣпый и сильный (гіена). На сѣверѣ водятся у нихъ овцы (*янь*), рождающіяся въ землѣ (*шэнъ-ту-чжунъ*), пупы которыхъ касаются земли. Отъ порчи пупа онѣ умираютъ. Обыкновенно за ловлею ихъ отправляются верхами на коняхъ и пугаютъ барабанными звуками. Отъ этихъ звуковъ ихъ пупы лопаются, и онѣ по одиночкѣ разбѣгаются — кто въ воду, кто въ траву. Въ 17-е лѣто правленія *Чжень-гуаня* (643 г.) присланъ былъ

посолъ изъ *Дацини*, который представилъ государю красное стекло и *лу-цзинь-цзинъ*. Государь приказалъ отдарить его. Когда владѣтель *Да-ши* *) мало по малу усилился и объявилъ войну Фо-лини, то фолиньскій государь заключилъ миръ, обязавшись быть въ зависимости отъ *Да-ши* (666 — 719 г.). Со временъ правленія *Цзянь-фына* до *Да-цзу* снова было посольство съ дарами. Въ 7-е лѣто правленія *Кай-юаня* (719 г.) съ главнымъ тухолоскимъ старѣйшиною присланы изъ Фо-лини левъ и *минъ-янь* (каменный баранъ).

Въ исторіи *Суйской* династіи написано: *Фулиньское* царство граничитъ къ юговостоку съ *Мо-ли-ша*, а къ сѣверу съ моремъ. На этомъ пространствѣ находится 40 станцій. Къ западу такъ же съ моремъ, гдѣ имѣется 30 станцій; къ востоку съ западнымъ владѣніемъ *Да-ши*, *Юй-тяньмъ* (Хо-танъ), *Гуй-хэ*, *Цинь-лю* и наконецъ съ Китаемъ. При прежнихъ династіяхъ не было посольствъ отъ фо-линьскихъ государей. И ужъ въ 10-й лунѣ 4-го года правленія *Юань-фына* въ первый разъ владѣтель Фо-лини прислалъ своего вельможу (*да-шоу-линъ*), который представилъ ко двору сѣдла, коней, сабли, кинжалы и настоящій жемчугъ. Посолъ этотъ разсказывалъ, между прочимъ, что въ ихъ государствѣ чрезвычайно холодно, домы строятся

*) Даши — Аравитяне.

изъ глиняныхъ кирпичей, нѣтъ жженой черепицы; водится золото, серебро, жемчугъ, западныя шелковыя цвѣтныя матеріи (*си-цзинь*), коровы, овцы, лошади, одногорбые верблюды, груши, абрикосы, тысячелѣтніе финики (*цзао-рѣ*), маслины (*гань-лань*), рисъ и пшеница; изъ винограда дѣлаютъ вина; есть и музыкальные инструменты — гитары (*кунь-хоу*), скрипки (*ху-цынь*), малыя флейты, кларнеты (*сяо-дянь-ли*) и бубны (*пянь-гу*); государь ихъ носитъ платье желтаго и краснаго цвѣтовъ; голову обертываетъ кускомъ золотошвейной матеріи; онъ каждогодно въ 3-й лунѣ выѣзжаетъ въ кумирню приносить жертву своему идолу (*фо*); его носятъ люди въ красныхъ носилкахъ; сановники носятъ платье, одинаковое съ государемъ, темнаго, зеленаго, пурпуроваго, бѣлаго, алаго, желтаго и темнокоричневаго цвѣтовъ и такъ же обертываютъ голову; ѣздятъ верхомъ; многолюдныя (торговыя) мѣста въ городахъ такъ же, какъ и малонаселенныя (пустынныя) управляются особыми чиновниками; чиновникамъ производится жалованье только дважды въ годъ, лѣтомъ и осенью, и раздается деньгами, цвѣтными и гладкими шелковыми матеріями, и рисомъ неодинаково, а смотря по степени занимаемой каждымъ чиновникомъ должности; есть и мѣры наказаній: за легкое преступленіе виновные наказываются нѣсколькими десятками ударовъ палками, а за болѣе

важное полагается имъ до 200 ударовъ, за уголовныя преступленія виновныхъ сажаютъ въ мѣшокъ и бросаютъ въ море; не любятъ вести войнъ; если открываются съ сосѣдними владѣніями (*го*) какія либо неважныя непріятности, то стараются посредствомъ письменныхъ сношеній примириться, и только въ случаѣ важныхъ причинъ выходятъ на войну; льютъ монету изъ золота и серебра, но безъ скважинъ въ срединѣ, на лицевой сторонѣ монеты изображаютъ своего истукана (*ми-ло-фо*), а на противоположной сторонѣ выбиваютъ имя государя; частнымъ лицамъ воспрещается чеканить монету. Въ 6-е лѣто правленія *Юань-ю* было (изъ Фо-линя) два посольства. Государемъ приказано (въ оба раза) отдарить посланниковъ нефритовыми вещами, 200 кусками шелковыхъ матерій, вазами изъ бѣлаго золота (*бо-цзинь*), платьемъ и золотыми поясами.

Примѣч. Въ Вэнь-сянь-тунъ-хао сказано: въ исторіи Танской династіи упоминаемое государство *Фу-линь* есть одно и тоже съ древнимъ государствомъ *Да-цинь*. Это послѣднее сдѣлалось извѣстнымъ Китаю въ первый разъ при послѣдней Ханьской династіи (Хоу-хань). При послѣдующихъ Цзиньской и Танской династіяхъ непрерывно являлись изъ этого государства послы съ данью; но въ исторіи 4-хъ правленій Сунской династіи, въ статьѣ о государствѣ *Фу-линь* говорится, что это

государство въ продолженіи упомянутыхъ правленій вовсе неприсылало дани. Сунской династіи въ правленіе *Юань-фэна* въ первый разъ были присланы ко двору тамошнія вещи. Въ преданіяхъ Танской династіи говорится, что это государство къ западу граничитъ съ великимъ моремъ (океаномъ), а сунская исторія гласитъ, что оно къ западу отстоитъ отъ моря въ 3,000 ли, а съ прочихъ сторонъ границы его неизвѣстны; мѣстныя произведенія и обычаи ихъ неодинаковы съ нами. По этому государства *Фу-линь* и *Да-цинь*, упоминаемыя въ исторіи Танской династіи одно и тоже, а *Фу-линь* (сунской исторіи) есть отдѣльное государство того же имени. Думаю, что государство *Фу-линь* Танской исторіи не одно и тоже съ государствомъ Да-цинь, упоминаемымъ въ исторіи послѣдней Танской династіи, а *Фу-линь* сунской исторіи не одно и тоже съ государствомъ Фу-линь танской исторіи. При прежнихъ династіяхъ любили сближаться съ обитателями отдаленныхъ странъ и нерѣдко приписывали этимъ странамъ ошибочныя названія.

По исторіи Минской династіи, государство *Фулинь* тоже самое, что въ ханьской исторіи государство *Да-цинь*. Въ правленіе государя *Хуань-ди* въ первый разъ оно сдѣлалось извѣстными Китаю. Во времена династій *Цзинь* и *Вэй* его называли *Да-цинь* и постоянно получали съ него дань. Во времена правленія Тановъ

и Суновъ называли его *Фу-линь* и такъ же нѣсколько разъ принимали дань ко двору. Но суиская исторія утверждаетъ, что въ преемственныя правленія этой династіи вовсе не было изъ этого государства пословъ съ данью; по этому сомнительно, чтобы оно было тоже, что *Да-цинь*. При концѣ Юаньской династіи пріѣзжалъ изъ этого государства нѣкто *Ин-гу-лунь* для торговли въ Китаѣ, который до самой перемѣны династіи не могъ возвратиться въ свое отечество. Государь *Тай-цзу*, изъ новаго дома *Минъ*, узналъ объ немъ, и въ 8-й лунѣ 4-го года правленія *Хунъ-ву* Нѣ-гулунь былъ призванъ ко двору и получилъ высочайшій приказъ возвратиться въ отечество и донести объ этомъ своему государю. Вскорѣ послѣ того по повелѣнію государя былъ отправленъ чиновникъ *Пула* со свитою въ Дацинъское государство съ полномочною граматою и разнаго рода шелковыми матеріями отъ казны для приглашенія жителей Дацинъ. Въ слѣдствіе этого изъ того государства было посольство съ данью, но послѣ уже никто не являлся. Наконецъ въ правленіе *Вань-ли* явился въ столицу одинъ человѣкъ изъ великаго Западно-морскаго государства, который разсказывалъ, что Господь Іисусъ родился въ Іудеѣ, или въ древнемъ государствѣ *Да-цинь*. Это государство ведетъ свое начало отъ сотворенія міра и насчитываетъ 6 тысячь лѣтъ своему существованію. Въ его

историческихъ книгахъ описаны послѣдовательно родословія всѣхъ царствовавшихъ государей, разсказаны основательно всѣ происшествія и все, что случилось и существуетъ въ мірѣ, — и все это изображено ясно и подробно. Онъ говорилъ, что Богъ въ въ началѣ произвелъ родъ человѣческій въ этомъ государствѣ. Всѣ эти разсказы очевидно несправедливы, и имъ не должно вѣрить. Ихъ страна производитъ много драгоцѣнныхъ вещей, но объ этомъ уже мы знаемъ изъ вышеприведенной исторіи.

Въ книгѣ *Кунь-юй-ту*—географіи сказано: на западѣ Азіи находится именитое государство, называемое *Іудея*. Въ его историческихъ книгахъ очень подробно описаны всѣ происшествія глубокой древности отъ начала рода человѣческаго до настоящаго времени, въ продолженіи болѣе 6-ти тысячь лѣтъ. Въ нихъ преемственно описаны всѣ родословія до самаго времени разсѣянія народовъ, всѣ происшествія и всѣ предметы въ мірѣ отъ самаго ихъ начала,—и все это изображено ясно и непогрѣшительно. Богъ, сотворившій міръ и воплотившійся въ этомъ государствѣ, называется людьми Святымъ Господомъ. Во времена *Чунь-цю* (весна и осень) тамъ жили два государя: отца звали Давидомъ, а сына Соломономъ. Послѣдній построилъ храмъ Господу изъ золота и нефрита и украсилъ его драгоцѣнными камнями. Этотъ храмъ былъ невыразимой кра-

соты. На устройство его израсходованы безчисленные милліоны (Сань-шп-вань-вань). Соломонъ отличался многосторонними добродѣтелями и высокою мудростію. Слава о его мудрости гремѣла въ странахъ отдаленнѣйшихъ. Китай въ то время зналъ, что въ западныхъ странахъ живетъ святой человѣкъ; но сомнительно, чтобы подъ именемъ святаго человѣка разумѣли тогда Соломона.

Примѣч. Если Господь родился во времена правленія *Юань-шоу* Ханьской династіи: то можно ли повѣрить, чтобы во времена *Чунь-цю* могъ существовать государь, построившій храмъ Ему? Положимъ даже, что этотъ древній храмъ былъ посвященъ небу, и въ немъ приносились жертвы *Шанъ-ди*, а не Іисусу: то какъ согласить это съ преданіемъ о святомъ человѣкѣ западныхъ странъ? Если подъ именемъ этого человѣка разумѣть Шанъ-ди, то какъ ошибочно понятіе о Шанъ-ди у народовъ западныхъ странъ?

Изъ государства, въ древности называвшагося *Да-цинь*, въ правленіе *Чжэнь-Гуаня* Танской династіи являлись (въ Китай) гости и привозили съ собой свои св. книги и образа́. Доселѣ существуетъ оставленный ими памятникъ Цзинъ-цзяо-ли-синъ бэй — вѣро-ученія, вырѣзанный на камнѣ, который можно читать (изслѣдывать-*као*). Къ западу отъ Іудеи есть государство, называемое *Дамаскъ*, изобилующее шелковыми и бу-

мажными тканями, бархатомъ, коврами и другими превосходными вещами. Стѣны тамъ строятся не изъ кирпичей, или камней, а изъ деревянныхъ брусьевъ, плотно связанныхъ между собою безъ щелей, чрезвычайной толщины, и столь высокихъ, что нельзя ни руками ухватиться, ни влѣзть на нихъ. Въ поднебесной нѣтъ такихъ стѣнъ.

Въ запискахъ *Чжи-фанъ-вай-цзи* говорится: на западѣ Азіи близъ Средиземнаго моря есть именитое государство, называемое Іудеею. Здѣсь Господь, въ началѣ по сотвореніи вселенной, произвелъ родъ человѣческій. Во всѣхъ государствахъ въ поднебесной ведутся историческія записи, въ которыхъ повѣствуется о дѣлахъ глубокой древности, но событія въ этихъ запискахъ приближаются къ нашимъ временамъ на 1000 лѣтъ и не восходятъ далѣе 3 или 4 тысячь лѣтъ; въ повѣствованіяхъ же дальнѣйшей древности находится много темнаго, непонятнаго, противорѣчащаго и неосновательнаго. Только іудейскія историческія книги отъ самаго начала рода человѣческаго до нашихъ дней, въ продолженіи 6 тысячь лѣтъ, изображаютъ непрерывный рядъ поколѣній временъ патріархальныхъ и доводятъ свои повѣствованія до временъ разсѣянія народовъ по вселенной. Вообще каждое происшествіе и каждый историческій случай изложенъ въ нихъ подробно и непогрѣшительно. Всѣ увѣряютъ и доказываютъ, что

это — важное государство, что земля тамъ велика, плодоносна и населенна. И такъ Господь, по сотвореніи въ началѣ человѣка, поселилъ его въ прекрасной землѣ. Въ этомъ государствѣ, въ началѣ, былъ великій святой человѣкъ по имени Авраамъ. Думаю, что онъ былъ современникъ китайскому государю *Юй-шую*. У него было 12-ть внуковъ, отъ которыхъ произошло безчисленное племя. Богъ раздѣлилъ это племя на 12-ть колѣнъ, отъ которыхъ впослѣдствіи произошли святые мужи и непрерывный рядъ государей. И такъ этотъ народъ, въ продолженіи безчисленныхъ лѣтъ своего существованія (бай-цянь-нянь — 100.000 лѣтъ), искренно чтилъ и вѣровалъ во Единаго Бога, не вдаваясь въ ереси и заблужденія. Многіе изъ государей этого царства отличались святостію и добродѣтелями, ибо во всемъ слѣдовали повелѣніямъ Бога. Во времена *Чунь-цю* тамъ жили два государя; отца звали Давидомъ, а сына Соломономъ. Послѣдній соорудилъ храмъ Господу изъ золота и нефрита и украсилъ его драгоцѣнными камнями. Храмъ этотъ былъ невообразимой красоты и стоилъ (Сань-ши-вань-вань) огромные милліоны. Этотъ государь былъ добродѣтельнѣйшій и мудрѣйшій; молва о немъ гремѣла въ отдаленнѣйшихъ концахъ вселенной. По китайскимъ преданіямъ извѣстно, что въ то время здѣсь знали о существованіи святаго человѣка въ

западныхъ странахъ; но сомнительно, чтобы это преданіе указывало на Соломона. Въ этой землѣ въ древности являлось много святыхъ мужей, строгихъ исполнителей заповѣдей Божіихъ, которые знали все прошедшее и предсказывали будущее. Государи, въ сомнительныхъ случаяхъ, всегда обращались къ нимъ за совѣтами. Эти святые мужи всецѣло были преданы истинѣ, молитвѣ и благоговѣйному созерцанію Бога; всѣ свои пророчества они подробно изобразили въ священныхъ книгахъ, и впослѣдствіи каждое изъ нихъ предсказаній исполнилось. Въ этихъ священныхъ книгахъ первая и главная мысль слѣдующая : Господь нѣкогда сойдетъ съ небесъ для того, чтобы спасти человѣка отъ грѣха и открыть всѣмъ земнороднымъ путь къ восшествію на небо. По предсказаніямъ, изложеннымъ Пророками очень явственно, впослѣдствіи дѣйствительно Господь воплотился въ іудейскомъ городѣ Вѳлеемѣ и былъ названъ Іисусомъ, что значитъ Спаситель міра—Господь (*Цзю-ши-чжу*). Онъ жилъ въ мірѣ 33 года, училъ народъ, и открылъ людямъ безчисленныя знаменія своего всемогущества и благости (слѣды своей духовности, разума и святости). Такъ напримѣръ Онъ, по одному глаголу, слѣпымъ даровалъ прозрѣніе, глухимъ—слухъ, нѣмымъ—даръ слова, хромымъ—хожденіе, больнымъ—здоровье, мертвымъ—жизнь. Нельзя выразить словомъ Его безчисленныхъ

чудесъ. У Него были 12-ть человѣкъ учениковъ (Апостоловъ). Всѣ они слою Господа Іисуса, а не путемъ мірскаго ученія, разумѣли рѣчь и письменность каждаго государства. По вознесеніи Іисуса съ плотію на небеса, Его ученики разошлись по всѣмъ государствамъ для объясненія своихъ священныхъ книгъ и истолкованія ученія. Каждый изъ нихъ обладалъ даромъ дѣлать чудеса. Въ то время всѣ государства въ поднебесной (по всей вѣроятности), были вовлечены демонами въ заблужденія и чтили ложныхъ боговъ; вездѣ преемственно передаваемы были свои правила богопознанія и богопочтенія. Только со времени воплощенія Господа установилось такое ученіе, которое въ первый разъ объяснило истинный законъ; оно, отвергая всѣ ложныя вѣроисповѣданія, проповѣдуетъ вѣру во Единаго Бога. Изъ всѣхъ обращенныхъ въ христіанство государствъ и странъ Іудея прежде всѣхъ приняла это новое ученіе; потомъ постепенно оно перешло въ Европу, Азію и распространилось въ слишкомъ тысячи государствъ большихъ и малыхъ. Съ того времени до сихъ поръ — въ продолженіи слишкомъ 1600 лѣтъ—всѣ эти государства наслаждаются постояннымъ спокойствіемъ и долголѣтними правленіями своихъ государей; всѣ подданные тамъ преданы престолу, почтительны къ старшимъ, справедливы и честны. Сущность всего христіанскаго ученія заключается главнымъ образомъ

въ слѣдующихъ нѣсколькихъ выраженіяхъ : 1) на небѣ и землѣ есть великій Отецъ—истинный Господь людей и всей твари—достопокланяемый и безпредѣльный. Онъ Единъ, и нѣтъ двухъ. Единъ Господь (Шань-ди) Высочайшій Владыка. Онъ всевѣдущъ, всемогущъ, всеблагъ, великъ и безпредѣленъ. Всѣ духи, люди и твари Имъ сотворены. Онъ постоянно промышляетъ о нихъ, сохраняетъ, поддерживаетъ, успокоиваетъ и питаетъ. Всѣ вообще люди престарѣлые и молодые, счастливые и несчастные чтутъ Его, какъ своего Господа. И такъ всѣ они обязаны благоговѣть, бояться и любить только Единаго Господа. Кромѣ Бога — существуютъ ангелы и люди; они могутъ учить людей благоговѣйному почитанію Бога, и за это получаютъ названіе благочестивыхъ людей и ангеловъ. Но тѣ, которые, слѣдуя внушеніямъ язычниковъ, обращаются съ молитвою къ ложнымъ богамъ о ниспосланіи мірскаго счастія и удаленіи несчастій, оскорбляютъ тѣмъ самымъ величіе Господа и явно похищаютъ его божественную власть. Таковые, безъ всякаго сомнѣнія, относятся къ числу злыхъ духовъ и нечестивыхъ. Вѣра и жертвы таковыхъ не загладятъ ихъ грѣховъ; 2) на небѣ и землѣ только одинъ Господь есть истинный Богъ. По этому и Святое ученіе (христіанское) одно есть истинное ученіе. Слѣдуя ему, человѣкъ долженъ дѣлать добро и избѣгать совершен-

но зла. И только при этихъ условіяхъ онъ можетъ вознестись въ небесный храмъ (получить царство небесное) и избавиться отъ вѣчныхъ мученій ада. Всѣ прочія религіи суть установленія человѣческія. И потому подъ вліяніемъ ихъ нельзя творить истинныхъ добродѣтелей и избѣжать грѣховъ, а слѣдовательно нельзя и получить царства небеснаго и избѣжать ада; 3) человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Тѣло его подвержено разрушенію, а душа неразрушима. Человѣкъ въ продолженіе всей своей жизни въ мірѣ долженъ упражняться въ дѣлахъ добродѣтели и удаляться зла, потому что вмѣстѣ со смертію ему опредѣляется извѣстное состояніе, въ которомъ онъ находится вѣчно и неизмѣнно до тѣхъ поръ, пока Господь со временемъ на страшномъ судѣ воздастъ ему награду или наказаніе. Человѣкъ, всею душею почитающій Господа и любящій ближнихъ, какъ самаго себя, непремѣнно вознесется на небо и, соединившись съ ангелами и всѣми святыми, будетъ наслаждаться безконечнымъ, истиннымъ блаженствомъ. Но нелюбящій Господа и невѣрующій въ него и неслѣдующій заповѣдямъ ученія будетъ низверженъ въ адъ на вѣчныя и тяжкія мученія. Эти мученія, равно какъ и блаженство, будутъ вѣчны и неизмѣняемы. Тамъ нѣтъ перемѣщеній изъ одного состоянія въ другое, нѣтъ языческихъ перерожденій. И такъ, кто истинно желаетъ небеснаго блаженства,

тотъ въ продолженіи жизни напередъ долженъ заслужить этой чести дѣлами добродѣтели и удаленіемъ отъ зла; другаго способа нѣтъ; 4) человѣческія прегрѣшенія всѣ вообще—великія и малыя—оскорбляютъ Бога; по этому только одинъ Богъ и можетъ прощать ихъ. Ни ангелъ, ни человѣкъ не можетъ этого сдѣлать. Никакія пѣснопѣнія, ни дѣла милосердія не могутъ искупить человѣка отъ грѣховъ. Но можетъ ли человѣкъ прожить безъ грѣха? По этому каждый, желающій получить прощеніе въ своихъ грѣхахъ, необходимо долженъ сердечно каяться въ содѣянныхъ прежде проступкахъ съ непреклоннымъ намѣреніемъ исправиться. На этомъ основаніи вступающіе въ христіанское ученіе, напередъ обязываются принести раскаяніе во грѣхахъ и потомъ уже приступаютъ къ таинству крещенія. Потомъ во вновь содѣланныхъ прегрѣшеніяхъ они приносятъ покаяніе, для чего существуетъ у нихъ таинство исповѣди. Сообразно съ духомъ святаго ученія они даютъ обѣты, молятся и получаютъ прощенія во грѣхахъ. Безъ этихъ средствъ нѣтъ возможности отрѣшиться отъ своихъ прегрѣшеній и избѣгнуть ада. По этому въ ученіи христіанскомъ главная мысль та, чтобы человѣкъ искренно перемѣнилъ свой грѣховный образъ жизни и обратился на путь добродѣтели, и въ этомъ только случаѣ онъ разрѣшается отъ грѣховъ и получаетъ надежду на небесное бла-

женство. Объ этомъ много есть объясненій въ особыхъ книгахъ.

Къ западу отъ Іудеи есть государство, называемое Дамаскъ. Оно особенно замѣчательно своими шелковыми тканями, бархатомъ, коврами, ножами, саблями и рисовальными красками превосходныхъ качествъ. Стѣны въ домахъ тамъ двойныя и строятся не изъ кирпича или камня, а изъ деревянныхъ досокъ, соединенныхъ между собою тѣсно, безъ щелей, и до такой степени толсты и высоки, что нельзя ни руками ухватиться, ни подняться на нихъ. Въ Китаѣ нѣтъ такихъ стѣнъ. Туземцы обладаютъ однимъ дорогимъ лекарствомъ, называемымъ *ди-ли-я-цзя*, которое излечиваетъ множество болѣзней и дѣйствуетъ противъ всѣхъ ядовъ. Чтобы испытать это лекарство, нужно напередъ дозволить какому нибудь ядовитому насѣкомому ужалить себя до того, чтобы ужаленное мѣсто отъ яда распухло; и отъ небольшаго пріема этого лекарства, болѣзнь тотчасъ изчезаетъ. Оно въ большомъ уваженіи во всѣхъ государствахъ.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе надписи съ несторіанскаго памятника 7-го вѣка *).

И такъ мы выше изложили, продолжаетъ авторъ, надпись съ памятника, оставленнаго въ Китаѣ послѣ-

*) См. объ этой надписи слѣдующую статью, стр. 207.

дователями свѣтлаго (христіанскаго) ученія. Подъ именемъ свѣтлаго ученія разумѣется религія, исповѣдуемая обитателями государства *Да-цинь* въ западныхъ странахъ. *Шу-юань-юй* упоминаетъ также о памятникѣ, находившемся въ кумирнѣ *Чжунъ-янь-сы*.

НЕСТОРІАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ VII ВѢКА.

НЕСТОРІАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ VII ВѢКА.

—

Ученые несогласны между собою въ томъ, точно ли Евангеліе было возвѣщено китайцамъ отъ временъ апостольскихъ. Извѣстно, что Св. Апостолъ Ѳома распространялъ ученіе Христово въ Еѳіопіи, Персіи и многихъ странахъ индѣйскихъ, но что̀ оно проповѣдано имъ и въ Китаѣ, на это нѣтъ другого доказательства, кромѣ свидѣтельства одной древней богослужебной книги Церкви Малабарской, написанной на халдейскомъ языкѣ. Во многихъ мѣстахъ этой книги говорится, что Св. Ѳома пронесъ христіанство въ Еѳіопію, Персію, индѣйскія страны и Китай. Такъ же въ 19-й главѣ Соборныхъ постановленій упоминается объ епископскихъ каѳедрахъ въ Китаѣ. Положимъ, что это было такъ, но первые миссіонеры, проникнувшіе въ эту имперію въ половинѣ XII вѣка, не нашли тамъ ни малѣйшихъ слѣдовъ христіанства.

Въ 1625 году близъ города Синь-аня—Шаньсійской области случайно вырыли изъ земли мраморную доску —въ 10 аршинъ длины и 5 ширины, имѣющую форму памятника. На верхней части этого памятника изображенъ крестъ, весьма правильно вырѣзанный, а немного пониже креста слѣдуетъ надпись китайскими буквами, смѣшанными съ сирійскими. Содержаніе надписи таково: Ангелъ возвѣстилъ, что Мессія родился отъ Дѣвы въ Іудеѣ, что это рожденіе было ознаменовано явленіемъ новой звѣзды на небѣ, что цари восточные узнали объ этомъ событіи по явленію звѣзды и принесли дары Божественному Младенцу, и что наконецъ законъ и предсказаніе Пророковъ исполнились, что *Оло-бэнь* пришелъ въ Китай въ 636 году по Р. Х. и что императоръ китайскій, испытавъ ученіе христіанское, увѣровалъ въ истину и издалъ указъ въ защиту христіанъ. На основаніи этой надписи слѣдуетъ допустить, что христіанство процвѣтало въ Китаѣ съ 636 по 782-й годъ, т. е. до того самаго года, когда сооруженъ былъ этотъ памятникъ.

Императоръ *Шень-яо-ди*, царствовавшій въ Китаѣ въ эпоху открытія памятника въ 1625 г., издалъ указъ, чтобы этотъ памятникъ былъ тщательно хранимъ въ особомъ храмѣ, гдѣ онъ находится и доселѣ въ четырехъ верстахъ отъ города Синь-ань-фу. О. Кирхеръ помѣстилъ переводъ надписи съ памятника въ своемъ *Иллюстри-*

рованномъ Китаѣ; но болѣе исправленный и точный переводъ сдѣланъ *о. Видэлу* — іезуитомъ, впослѣдствіи епископомъ клавдіопольскимъ — мужемъ ученымъ и глубоко знакомымъ съ китайской литературой, которому наслѣдный принцъ императора Кансія подарилъ вѣрнѣйшій манускриптъ съ этого памятника. Этотъ манускриптъ былъ помѣщенъ въ свое время въ ученыхъ французскихъ журналахъ въ 1760 году, съ присоединеніемъ превосходныхъ записокъ о подлинности памятника.

Самымъ любопытнымъ и достойнымъ вниманія считался такъ же одинъ снимокъ съ этого памятника, во всѣхъ подробностяхъ соотвѣтствовавшій оригиналу; вверху его былъ видѣнъ такъ же крестъ, а внизу надпись, но одними китайскими буквами, а не китайско-сирійскими, какъ увѣряетъ о. Леконтъ (Mémoires, стр. 130). Между іероглифами видѣлись, помѣстамъ, пробѣлы и подлинность повѣствуемаго китайскими буквами на камнѣ засвидѣтельствована подписью христіанскихъ священниковъ. Драгоцѣнный этотъ снимокъ находился въ рукахъ Дезотерая, профессора королевской коллегіи въ Парижѣ, который овладѣлъ такъ же и подлиннымъ манускриптомъ о. Видэлу.

Дезотерай говоритъ, что этотъ знаменитый памят-

никъ сооруженъ несторіанскими священниками, бывшими во главѣ одной миссіи, предназначенной для проповѣданія христіанства въ Китаѣ. Въ немъ упоминается съ уваженіемъ объ одномъ вельможѣ *Го-цзэй*, котораго почиталъ государь *Фэнь-янъ*. Этотъ государь имѣлъ при себѣ во время своей экспедиціи въ страну *Су-фанъ* одного несторіанца по имени *Ису*. *Ису* пришелъ въ Китай изъ города *Вэнь-чжо*. Вотъ сущность всего, что мы знаемъ объ этомъ прекрасномъ памятникѣ:

Одинъ епископъ, называвшійся *Олобэнь*, пришелъ изъ Дацинькаго государства въ Китай въ царствованіе Тай-цзуна, 2-го императора изъ дома *Танъ*. Этотъ государь издалъ указъ, покровительствующій христіанству, въ 7 лунѣ 638 года, и основалъ христіанскую церковь. Его преемникъ приказалъ строить таковые храмы во всѣхъ провинціяхъ Китая. Въ 698 году буддійскіе монахи воздвигли жестокое преслѣдованіе на христіанъ въ царствованіе *У-хоу*, жены Тай-цзуна, похитившаго престолъ по смерти Гао-цзуна; но въ 742 году, въ царствованіе *Сюань-цзуна*, христіанство снова стало терпимо въ Китаѣ при покровительствѣ государемъ этой религіи. Преемникъ его, *Су-цзунъ* въ 756 году приказалъ строить новые храмы, а *Тай-цзунъ*, царствованіе котораго начинается съ 763 года,

посылалъ даже въ христіанскіе храмы благовонныя куренія. Наконецъ *Дэ-цзунъ*, въ правленіе котораго вырѣзана надпись на памятникѣ, продолжалъ покровительствовать христіанамъ, по примѣру своихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ вотъ краткая исторія христіанства въ Китаѣ въ продолженіе 146 лѣтъ. Но мы впали бы въ заблужденіе, если бы вздумали изъ этого заключить, что христіанство незнакомо было Китаю ранѣе эпохи 635 года. Буддизмъ проникъ въ Китай изъ Индіи и другихъ странъ, расположенныхъ къ западу отъ Китая (въ I вѣкѣ), вслѣдъ за нимъ явилось сюда и христіанство.

Тѣ, которые дерзнутъ утверждать, что этотъ памятникъ есть плодъ хитрости и благочестиваго искусства послѣдующихъ миссіонеровъ, тотчасъ разочаруются въ своемъ предположеніи, если обратятъ вниманіе на надпись памятника со стороны слога и формы китайскихъ письменъ. Кромѣ того самый мраморъ такой громадной величины даетъ разумѣть, что онъ не походитъ на какую нибудь медаль, или другую мелкую вещь, которую можно подбросить. И наконецъ—какъ такой подлогъ могъ укрыться отъ изслѣдованій и критики китайскихъ ученыхъ, которые въ свое время незамедлили представить ко двору строгій критическій обзоръ надписи этого памятника? Чтобы убѣдиться въ

подлинности (неподложности) этого памятника, нужно только пробѣжать его комментарій, изданный въ самой столицѣ Китая.

ДОМАШНІЕ ОБРЯДЫ КИТАЙЦЕВЪ.

ДОМАШНІЕ ОБРЯДЫ КИТАЙЦЕВЪ.

Извлечено изъ книги *Вэнь-гунъ-цзя-ли*.

—

ОБРЯДЪ НАДѢВАНІЯ ШАПКИ (ГУАНЬ-ЛИ).

Чэнъ-цзы сказалъ: «Обрядъ надѣванія шапки совершается исключительно надъ совершеннолѣтними; если отвергнуть этотъ обрядъ, то свѣтъ не будетъ знать о вступленіи молодыхъ людей въ періодъ юношескаго возраста.» *Чжу-цзы* говоритъ: «Изъ всѣхъ древнихъ церемоній самая легкая для совершенія есть обрядъ надѣванія шапки.» Далѣе онъ продолжаетъ: «Этотъ обрядъ есть чисто домашнее дѣло. Что за трудъ, затворить двери и возложить на своего сына или меньшаго брата шапку? Слово *гуань* нужно произносить подъ *цюй-шэномъ*.» Эти мысли извлечены изъ сочиненія *Цзя-ли-цзи-яо — Цай-вэнь-чжи Сянь-шэна*.

Всѣ молодые люди отъ 15 до 12 лѣтъ имѣютъ право на обрядъ надѣванія шапки. Но при этомъ необ-

ходимо требуется, чтобы обрядъ не былъ совершаемъ въ періодъ траура по отцѣ, матери или предкамъ. Для совершенія обряда избирается счастливый день. Этотъ день бываетъ всегда въ 1-й лунѣ; онъ въ календарѣ отмѣченъ исключительнымъ днемъ, въ который можно совершать обрядъ надѣванія шапки. За три дня до обряда, хозяинъ дома представляетъ молодаго человѣка въ храмъ предковъ для испрошенія отъ нихъ благословенія. Хозяиномъ въ этомъ случаѣ можетъ быть дѣдъ, отецъ или кто либо изъ старшихъ въ родѣ.

Чэнь-шэ — расположеніе вещей при этой предварительной церемоніи.

Предъ представленіемъ предкамъ, въ одной изъ залъ предъ домашнею божницею ставится столъ или жертвенникъ (*сянь-ань*), на который полагаются кадильницы, курительныя свѣчи и рюмки, а подъ столъ особо ставится глубокій сосудъ (*дянь-чи*); на правой сторонѣ лѣстницы, ведущей въ залу, разставляются сосуды для омовенія рукъ. Если же въ домѣ есть особый храмъ предкамъ, то всѣ приготовленія при настоящей жертвѣ, равно какъ и при другихъ домашнихъ церемоніяхъ, совершаются въ немъ.

При настоящей церемоніи въ древности употребля-

ли вино, перегнанное изъ благовоннаго растенія *ючанъ*, которое возливали на землю предъ сошествіемъ духовъ; и духи, почуя винный ароматъ, тотчасъ нисходили на жертву. Впослѣдствіи вмѣсто вина начали устилать полъ чистой травой и пескомъ. Въ настоящее же время въ домахъ ученыхъ и вельможъ принято ставить подъ жертвенникъ небольшой оловянный сосудъ для возліянія въ него вина; этотъ сосудъ носитъ такъ же названіе *дянь-чи*. Вообще обрядъ этотъ не многосложенъ и простъ; но долженъ быть непремѣнно исполняемъ.

Самый обрядъ (и-цзи). Хозяинъ дома избираетъ изъ своихъ родственниковъ и друзей двоихъ, изъ которыхъ бы одинъ участвовалъ въ самой церемоніи, а другой читалъ молитвы. Эти обязанности могутъ иногда исполнять дѣти и племянники хозяина.

Гости и всѣ члены семейства становятся на указанныхъ имъ мѣстахъ. Хозяинъ открываетъ шкафъ и, вынувъ оттуда табели предковъ, полагаетъ ихъ на столъ передъ божницей, или, не вынимая табелей, оставляетъ шкафъ раствореннымъ. По возвращеніи на мѣсто онъ въ ожиданіи сошествія духовъ дѣлаетъ, вмѣстѣ съ другими, четыре поясные поклона съ четырьмя же колѣнопреклоненіями; за тѣмъ отходитъ въ извѣстное мѣсто для омовенія рукъ. Омывши руки, онъ подходитъ къ жертвеннику, кланяется въ землю

и приступаетъ къ возжиганію куренія и возліянію вина. *Примѣч.* При процессѣ возліянія, вино переливается изъ рюмокъ въ сосудъ, называемый *дянь-чи*. Этимъ обрядомъ хозяинъ проситъ духовъ, обитающихъ въ области противодѣйствующей силы въ природѣ (*инь*), охранять жизнь принимающаго обрядъ надѣванія шапки. Потомъ онъ кланяется въ землю, поднимается, выпрямляется и отходитъ на свое мѣсто. Далѣе начинается актъ представленія духамъ. При этомъ хозяинъ снова дѣлаетъ четыре поясные поклона съ четырьмя колѣнопреклоненіями; потомъ, ставъ на колѣна предъ табелями духовъ приноситъ имъ въ жертву вино, возливая его по каплп въ *дянь-чи*. Эта жертва приносится отъ лица ближайшихъ предковъ отдаленнѣйшимъ. Затѣмъ разливается вино по сосудамъ предъ табелями духовъ и читается молитва (чтецъ становится по правую сторону стола). Послѣ молитвы хозяинъ кланяется въ землю, встаетъ, выпрямляется и возвращается на свое мѣсто. Наконецъ начинается актъ провожанія (благодаренія) духовъ. Хозяинъ начинаетъ этотъ процессъ четырьмя малыми и большими поклонами, и потомъ, выпрямившись, сожигаетъ молитву и убираетъ въ шкафъ табели предковъ; этимъ и оканчивается церемонія.

Примѣчаніе. Во времена, къ намъ близкія, начали пренебрегать сказанными церемоніями; въ домахъ

рѣдко устрояются храмы предкамъ, и даже предварительный обрядъ испрашиванія благословенія у предковъ не всегда соблюдается. Всѣ нижеизложенныя церемоніи нужно начинать точно такъже. Если же кто не въ состояніи исполнить сказанный обрядъ, тотъ пусть ограничится только двумя колѣнопреклоненіями и произнесеніемъ молитвы.

Молитва. Ниже излагается молитва предкамъ. Въ вышеизложенной церемоніи, какъ и во всѣхъ нижеслѣдующихъ она составляется по одному образцу, — съ тою только разницею, что приноситель жертвы долженъ въ ней подробно объяснить кто онъ таковъ, съ краткимъ описаніемъ своего родословія, и въ чемъ состоитъ сущность дѣла, на которое онъ испрашиваетъ благословенія отъ предковъ.

Форма молитвы. Въ такое-то лѣто правленія такого-то государя, 1-й луны такого-то числа, воспитанный въ правилахъ почтенія къ старшимъ младшій внукъ мой, по имени такой-то, осмѣливается торжественно испросить благословенія у свѣтлѣйшаго прапрадѣда такого-то, нашего дома государя (если прапрадѣдъ былъ сановникъ, то прибавляютъ и названіе его чина; а если нѣтъ, титулуютъ его посмертнымъ, изображеннымъ на табели, именемъ), или свѣтлѣйшей прабабки, съ прибавленіемъ ея имени и чина, или почтеннѣйшаго дѣда и бабки, отца и мате-

рн. Такой-то сынъ или родственникъ такого-то, достигшій совершеннолѣтія и разсчитывающій въ такой-то день возложить на свою главу форменную шапку, съ благоговѣніемъ предлагаетъ вино и плоды и имѣетъ счастіе почтеннѣйше донести объ этомъ. *Примѣч.* Эта жертва приносится только предкамъ послѣднихъ четырехъ колѣнъ.

Хозяинъ дома изъ числа своихъ родственниковъ и друзей избираетъ трехъ благонадежнѣйшихъ лицъ, изъ которыхъ одинъ называется *бинь* (участникъ при церемоніи), а другіе двое *шь-цзань* и *тунъ-цзань* — содѣйствователи при совершеніи церемоніи.

Примѣч. Бинь участвуетъ при троекратномъ обрядѣ надѣванія шапки, а изъ двухъ содѣйствователей при церемоніи на одного возлагается обязанность подводить молодаго человѣка для принятія обряда, а на другаго — читать молитвы. Хозяинъ самъ лично отправляется къ нимъ заблаговременно для приглашенія къ занятію этихъ обязанностей, и только въ случаѣ отдаленнаго мѣста пхъ жительства ограничивается посылкою къ нимъ просительныхъ писемъ.

Въ самый день совершенія обряда, въ домѣ всѣ пробуждаются раннимъ утромъ и внѣ главной залы сортируютъ на особыхъ столахъ шапки и костюмы.

Примѣч. При этомъ употребляются парадная новая шапка и новый кафтанъ, шапка, украшенная шари-

комъ и птичкой, и верхній студенческій кафтанъ, называемый *лань-шань*, и придворная шапка съ придворной курмой. Всѣ эти вещи заблаговременно располагаются на особыхъ столахъ на правой сторонѣ лѣстницы.

Чэнь-цзы сказалъ: «Въ настоящее время церемонія надѣванія шапки совершается по древнимъ правиламъ относительно платья и шапки. Но нарядиться однажды въ шапку и не имѣть впослѣдствіи права на подобный нарядъ, — поистинѣ ложное установленіе. Безъ всякаго сомнѣнія, приличнѣе употреблять при этомъ обрядѣ обыкновенную одежду».

Хозяинъ и гости занимаютъ свои мѣста на правой сторонѣ гостиной, обратившись лицемъ на востокъ. Вдругъ входитъ бинь. Хозяинъ выходитъ къ нему для встрѣчи. Бинь по восточной лѣстницѣ восходитъ въ залъ собранія и становится на восточной сторонѣ гостиной, обратившись лицемъ на западъ. За тѣмъ бинь и хозяинъ раскланиваются другъ другу, и каждый изъ нихъ садится на свое мѣсто.

Примѣч. Сы-ма-вэнь-гунъ говоритъ: «Въ древности обрядъ надѣванія шапки совершался въ храмахъ предковъ; но такъ какъ въ настоящее время почти не существуетъ домашнихъ храмовъ, то этотъ обрядъ можетъ быть исполняемъ во внѣшней залѣ, а обрядъ украшенія дѣвицъ женскимъ головнымъ уборомъ —

во внутренней залѣ. При внѣшней залѣ не можетъ быть двухъ лѣстницъ; по этому можно раздѣлить въ средниѣ одну лѣстницу на двѣ, и восточную назвать лѣстницею хозяина, а западную — лѣстницею бина. По понятіямъ сѣверныхъ народовъ, правая сторона считается почетною; по этому лѣстница на правоі сторонѣ должна быть предназначена для бина, а лѣвая — для хозяина; но въ южныхъ странахъ лѣвая сторона въ почетѣ; тамъ лѣстница съ лѣвоі стороны должна быть отведена для бина, а правая для хозяина».

За тѣмъ слуги разстилаютъ ковры краснаго цвѣта: одинъ по лѣвую сторону залы, обращенный на западъ и предназначенный для бина; а другоі—по правую сторону залы, обращенный къ востоку и предназначенный для принимающаго обрядъ.

Бинь дѣлаетъ поясный поклонъ принимающему обрядъ, который и уходитъ въ особую комнату для перемѣны платья.

Примѣч. Тамъ онъ надѣваетъ новое платье, оставляя на себѣ старую шапку, и сопровождаемый инъцзанемъ (одинъ изъ участниковъ при церемоніи), является снова въ залъ.

Правила принятія церемоніи и-цзя. За тѣмъ тунъцзань (другоі изъ участниковъ при церемоніи) приглашаетъ бина занять свое мѣсто, и вслѣдъ за тѣмъ

бинь, сдѣлавъ поясный поклонъ принимающему церемонію, приглашаетъ его стать на коверъ. Потомъ начинается начальный актъ церемоніи надѣванія шапки. Бинь отходитъ для омовенія рукъ въ особое мѣсто, находящееся на правой сторонѣ лѣстницы, и, омывшись, становится на свое мѣсто. Между тѣмъ слуги выносятъ въ залъ на блюдѣ новую шапку. Бинь, принимая эту шапку обѣими руками, подходитъ съ нею для возложенія къ готовящемуся принять обрядъ. За тѣмъ они оба становятся на колѣна, и совершается первоначальный актъ надѣванія шапки. Онъ состоитъ въ снятіи старой шапки и украшеніи себя новою шапкою. Потомъ бинь читаетъ ему нравственныя правила (*чжу-сы*) относительно исполненія обязанностей къ родителямъ и вообще старшимъ и вящшаго преуспѣянія въ наукахъ, выражая ихъ простой разговорной рѣчью. Кончивъ рѣчь, бинь поднимается и отходитъ на свое мѣсто; молодой человѣкъ такъ же встаетъ съ колѣнъ. Бинь дѣлаетъ ему поясный поклонъ, и принимающій обрядъ удаляется снова въ особую комнату для перемѣны платья.

Примѣч. Тамъ онъ, оставаясь въ прежней шапкѣ, надѣваетъ на себя студенческій кафтанъ, называемый *лань-шань*, и въ сопровожденіи *цзе-цзаня* выходитъ въ залъ. Здѣсь бинь встрѣчаетъ его малымъ поклономъ и предлагаетъ занять снова свое мѣсто на коврѣ. За

тѣмъ начинается второй актъ надѣванія шапки. Слуга выноситъ на блюдѣ въ залъ вторую шапку, украшенную металлическимъ шарикомъ и птичкой. Бинь, принявъ ее, подходитъ къ принимающему обрядъ, и оба по прежнему становятся на колѣна. Далѣе, по снятіи прежней шапки, возлагается бинемъ на молодаго человѣка вторая шапка съ шарикомъ и птичкой и читаются ему дальнѣйшія наставленія о заботливости въ усовершенствованіи себя въ наукахъ, о миролюбіи съ своими сверстниками и объ избраніи ближайшихъ и благонравнѣйшихъ изъ нихъ себѣ въ друзья. Бинь поднимается съ колѣнъ и становится на свое мѣсто, за нимъ встаетъ принимающій обрядъ. Бинь откланивается ему въ поясъ, послѣ чего молодой человѣкъ снова выходитъ въ особую комнату для перемѣны платья. Тамъ онъ наряжается въ новую курму съ придворными украшеніями, не скидая прежней шапки. Но выходѣ въ залъ, бинь привѣтствуетъ его поясным поклономъ и указываетъ снова занять мѣсто на коврѣ. Тотчасъ же начинается третій актъ надѣванія шапки. Слуга выноситъ въ залъ на блюдѣ придворную шапку. Бинь, принявши ее, отходитъ къ принимающему обрядъ; этотъ послѣдній тотчасъ становится на колѣна; бинь такъ же становится на колѣна и совершаетъ обрядъ надѣванія третьей шапки, т. е. скидается прежняя съ шарикомъ и птичкой и возла-

гается придворная. Потомъ бинь обращается къ принимающему обрядъ съ окончательными наставленіями о заботливости относительно сохраненія жизни и исполненія правилъ добродѣтели, какъ средствѣ заслужить благоволеніе отъ предковъ и сдѣлаться знаменитымъ. Послѣ этого бинь поднимается и занимаетъ свое мѣсто; вслѣдъ за нимъ встаетъ съ колѣнъ и принимающій обрядъ. Въ заключеніе совершается обрядъ питья вина. Онъ при настоящемъ случаѣ дозволяется исключительно одному принимающему обрядъ надѣванія шапки, въ знакъ его совершеннолѣтія, и совершается слѣдующимъ образомъ: слуга, внесши въ залъ вино, подноситъ его биню, который, принявъ вино, предлагаетъ его принимающему обрядъ, а тотъ тотчасъ же становится на колѣна; бинь вслѣдъ за нимъ такъ же колѣнопреклоняется. Затѣмъ молодой человѣкъ, принявъ вино, приноситъ его сначала въ жертву, возливая нѣсколько капель на землю, и потомъ понемногу выпиваетъ. По окончаніи этого бинь поднимается и отходитъ на свое мѣсто; а принявшій обрядъ встаетъ съ колѣнъ и дѣлаетъ два малыхъ поклона и два колѣнопреклоненія биню, который съ своей стороны отвѣчаетъ ему такими же поклонами. При этомъ бинь назначаетъ имя принявшему обрядъ. *Примѣч.* Если бинь человѣкъ грамотный, то при назначеніи именнаго іероглифа, онъ объясняетъ ему значеніе

имени. Если же принимающій обрядъ имѣетъ уже имя, то бинь при настоящемъ случаѣ только повторяетъ его прежнее имя. Наконецъ, принявшій обрядъ выражаетъ свою благодарность биню двумя малыми и двумя большими поклонами, на что бинь отвѣчаетъ ему такими же поклонами, — и церемонія оканчивается. Такимъ же точно образомъ онъ благодаритъ и двухъ содѣйствователей при церемоніи (инь-цзана и тунъ-цзана), которые въ свою очередь отплачиваютъ ему тѣмъ же.

Примѣч. Все вышеизложенное заимствовано изъ книги *Цзя-ли-цзи-яо.*

Цай-вэнь-чжи Сянь-шэнь сказалъ: «Даже въ домахъ князей и вельможъ не мѣшало бы ограничиться однимъ пріемомъ надѣванія шапки, употребляя при этомъ шапку съ шарикомъ и птичкой и студенческій кафтанъ *лань-шань.* Относительно же дѣтей купцовъ и поселянъ нужно замѣтить, что имъ приличнѣе всего употреблять при этомъ случаѣ простой новый костюмъ и новую шапку, а въ числѣ наставленій нужно главнымъ образомъ внушать имъ обязанности о почтеніи къ родителямъ и всѣмъ старшимъ, о трудолюбіи и умѣренности. «*Чжу-цзы* сказалъ:» При исполненіи обрядовъ надѣванія шапки и брака, принимающимъ эти церемоніи нужно явственнѣе внушать содержаніе предлагаемыхъ имъ наставленій, — и въ такомъ только

случаѣ поученія эти могутъ быть для нихъ полезны. Но если, напр. молодому человѣку, принимающему трехактовый обрядъ надѣванія шапки, или дѣвицѣ, выходящей замужъ, предложить наставленія на древнемъ іероглифическомъ языкѣ, то, очевидно, они ничего не поймутъ. По этому въ настоящее время нужно непремѣнно предлагать подобныя поученія на живомъ, современномъ языкѣ, — и только при этомъ условіи они могутъ быть воспринимаемы и съ пользою прилагаемы къ дѣлу.»

Бинь и двое соучастниковъ при церемоніи занимаютъ мѣста между прочими гостями во внѣшней залѣ, между тѣмъ какъ хозяинъ дома представляетъ принявшаго обрядъ въ храмъ предковъ.

Правила и-цзи. Обрядъ представленія совершается по изложенному выше. Въ молитвѣ къ предкамъ хозяинъ читаетъ: такого-то сынъ такой-то сегодня принялъ обрядъ надѣванія шапки; по этому осмѣливаюсь представить его при семъ лично. Кончивши молитву, хозяинъ становится по правую сторону, а принявшій обрядъ дѣлаетъ четыре малые и четыре земные поклона. По окончаніи поклоненія, хозяинъ занимаетъ свое мѣсто въ храмѣ и приноситъ окончательно благодарность духамъ.

Потомъ принявшій обрядъ представляется своимъ родителямъ, почетнымъ членамъ своего рода и всѣмъ

вообще родственникамъ. Если кого изъ важныхъ родственныхъ лицъ небываетъ при этой церемоніи, молодой человѣкъ посѣщаетъ ихъ особо на другой день. При представленіи къ каждому члену семейства онъ раскланивается по обычаю, принятому при обыкновенномъ свиданіи младшаго съ старшими.

Наконецъ хозяинъ проситъ бинія и двухъ соучастниковъ при обрядѣ на обѣдъ съ вномъ, и даритъ ихъ при этомъ деньгами и вещами, смотря потому, въ какой степени богатъ или недостаточенъ домъ. Прочихъ же родственниковъ и друзей дома, пришедшихъ посмотрѣть на церемонію, приглашаютъ запросто къ домашнему столу. Послѣ обѣда бинь возвращается домой, и церемонія оканчивается. На другой день послѣ обряда молодой человѣкъ отправляется съ визитами иногда и въ сосѣднія деревни къ своимъ наставникамъ, или друзьямъ своего отца.

цзи-ли или обрядъ украшенія дѣвицъ женскимъ головнымъ уборомъ (иглой).

Обрядъ надѣванія шапки часто не исполняется; но обрядъ украшенія дѣвицъ головной женской иглой повсюду соблюдается до сихъ поръ. При этомъ ненужно стѣсняться пятнадцатилѣтнимъ возрастомъ дѣвицы. Въ настоящее время въ обычаѣ, предъ выдачею невѣсты

въ замужество, выбирать въ домѣ жениха счастливый день и сообщать объ этомъ въ невѣстинъ домъ для того, чтобы обрядъ украшенія головной иглой былъ совершенъ неотмѣнно въ избранный женихомъ день. Этотъ обрядъ должно исполнять именно въ показанный день.

Невѣста, предъ вступленіемъ въ бракъ, обязывается въ избранный женихомъ счастливый день принять обрядъ украшенія головы женской иглой. Наканунѣ дня этого обряда приглашаютъ въ домъ невѣсты ближайшихъ родственницъ, и на способнѣйшую изъ нихъ возлагаютъ обязанность бинія—распорядительницы при церемоніи. Въ самый же день обряда, по прибытіи распорядительницы, хозяйка дома выходитъ къ ней на встрѣчу и сопутствуетъ ей до внутренняго зала, гдѣ онѣ взаимно раскланиваются. При настоящей церемоніи не принято *цза-цей*—другихъ помощницъ. За тѣмъ устилаются коврами особыя мѣста для распорядительницы и невѣсты,—и тотчасъ же выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ невѣста. Распорядительница дѣлаетъ ей привѣтствіе и возводитъ на коверъ, потомъ совершаетъ обрядъ возложенія на нея женскихъ головныхъ украшеній (по образцу церемоніи перваго акта надѣванія шапки на юношей); далѣе она читаетъ невѣстѣ простымъ разговорнымъ языкомъ наставленія о почтеніи свекра съ свекровью, о подчиненіи мужу, о

миролюбіи со всѣми членами ея будущаго дома, — и въ заключеніе проситъ ее пить вино. Невѣста выпиваетъ нѣсколько вина и дѣластъ двоекратное колѣнопреклоненіе распорядительницѣ, которая въ свою очередь отвѣчаетъ ей тѣмъ же числомъ поклоновъ. Наконецъ хозяйка дома сопровождаетъ невѣсту для представленія въ храмъ предковъ. Способъ представленія слишкомъ кратокъ. Даже нѣтъ и молитвы къ духамъ. Туда слѣдуютъ такъ же всѣ члены семейства и почетныя гостьи, — и вся эта церемонія оканчивается угощеніемъ распорядительницы обряда.

Примѣч. Изъ дома жениха назначаютъ счастливый день, для совершенія настоящаго обряда, — на что̀ домъ невѣсты испрашиваетъ благословенія въ храмѣ своихъ предковъ (объ этомъ, впрочемъ, увидимъ ниже въ брачной церемоніи, между правилами въ день сговора). Въ старину было въ обычаѣ, при обрядѣ украшенія дѣвицъ женскими головными иглами, давать имъ имена, но въ настоящее время принято тщательно скрывать имена дѣвицъ; по этому и правило относительно назначенія при настоящемъ случаѣ имени невѣстѣ можно оставить.

О БРАКѢ.

По объясненіямъ ученыхъ подъ словомъ *хунь* разумѣется свадебный обрядъ; но такъ какъ бракъ совер-

шался въ древности исключительно во время сумерекъ, по этому онъ и назвалъ *хунь* (сумерки). Съ этимъ словомъ необходимо соединяли ту мысль, что во время сумерекъ *янъ* (дѣйствующая сила въ природѣ) удаляется, а *инь* (противодѣйствующая сила) приходитъ. *Цю-цюнъ-шань* говоритъ: «Простой народъ нисколько не понимаетъ смысла названія брака; поэтому, часто стѣсняясь и боясь *иня* и *яна*, онъ избираетъ свой счастливый часъ для совершенія брачнаго обряда, не разбирая, выйдетъ ли этотъ часъ на зарѣ, утромъ, въ полдень, или вечеромъ; это нововведеніе весьма ошибочно. И совершенно справедливо. Въ древности брачному обряду предшествовало гаданіе о счастливомъ днѣ, а теперь эти гаданія отмѣнены, а избираютъ только счастливый день и часъ для совершенія брачной церемоніи. Слѣдовать этому принятому обычаю должно и въ настоящее время.

Примѣч. По древнимъ церемоніямъ, въ домѣ вступившаго въ бракъ три дня не бывало музыки; но теперь музыка въ повсемѣстномъ обыкновеніи при сватьбахъ, такъ что если бы кто вздумалъ измѣнить этому обычаю, его тотчасъ сочлибы нарушителемъ общественнаго правила. Впрочемъ этотъ обычай можно допустить.

Примѣч. Въ древности брачный обрядъ слагался изъ шести актовъ. *Вэнь-гунъ* въ своемъ сочиненіи

Цзя-ли уничтожилъ акты спрашивать объ имени невѣсты и ея матери, отправлять въ домъ невѣсты счастливые результаты гаданія на счетъ ея и просить о назначеніи дня свадьбы, оставивъ только три акта — сговоръ, посылку даровъ къ невѣстѣ и день встрѣчи невѣсты (день свадьбы), какъ немногосложные и легкіе для выполненія. Но впослѣдствіи *Цю-цюнъ-шань* включилъ актъ спрашивать объ имени невѣсты и ея матери въ составъ акта сговорнаго, а акты сообщенія невѣстѣ счастливыхъ результатовъ гаданія и назначенія дня свадьбы соединилъ съ дѣйствіемъ о посылкѣ невѣстѣ даровъ, и такимъ образомъ удержалъ въ своемъ сочиненіи о бракѣ всѣ древніе шесть актовъ. *Цзянъ-лунань* говоритъ: «Выраженіе *спрашивать имя*—значитъ распрашивать объ имени невѣсты и ея матери для приложенія этихъ свѣдѣній при гаданьяхъ; но обязанность, лежащая на *мэй* (сватѣ или свахѣ) состоитъ во взаимной передачѣ вѣстей изъ дома жениха въ домъ невѣсты. Значитъ, если невѣста согласна на вступленіе въ замужество, то можно чрезъ свата или сваху, узнать честнымъ образомъ и ея имя. Слѣдовательно актъ — спрашивать ея имя совершенно лишній; но выраженіе *па-цзи-чо* (посылать счастливые результаты гаданія въ домъ невѣсты) означаетъ слѣдующее: по полученіи свѣдѣній объ имени невѣсты, гадаютъ объ ней въ храмѣ предковъ, — и если выйдетъ

счастливый результатъ, тотчасъ же посылаютъ его въ домъ невѣсты и утверждаютъ обоюдныя условія брака, но (по Цюцюнъ-шаню) гаданіе производится послѣ актовъ сговора и спрашиванія имени невѣсты; а если при гаданіи выйдетъ несчастный результатъ, то неужели изъ за этого нужно уничтожить уже утвержденный брачный договоръ? И такъ актъ — посылать составные результаты гаданія невѣстѣ—совершенно такъ же лишній. *Чжанъ-сянь-юань* говоритъ, что брачнымъ обрядомъ обыкновенно распоряжается домъ жениха, а *Цюцюнъ-шань*, соединивъ акты о назначеніи дня сватьбы съ посылкою даровъ невѣстѣ, подчиняетъ всю брачную процессію распоряженіямъ невѣстина дома. Въ настоящее время принято только извѣщать домъ невѣсты о днѣ сватьбы, — и это весьма основательно. И такъ, по Пэнъ-лугану и Чжанъюаню, прибавку Цюцюнъ-шаня можно оставить безъ вниманія. Достаточно руководствоваться указаніями *Цзяли* и ограничиться только извѣщеніемъ дома невѣсты о днѣ сватьбы.

Брачныя условія вообще могутъ быть приводимы въ исполненіе только въ случаѣ обоюднаго согласія между женихомъ и невѣстою и ихъ родителями, и если оба дома свободны отъ годоваго или трехлѣтняго траура. Для этого избираются изъ родственниковъ или друзей дома честные и осторожные люди въ зва-

ніе *мэя* (свата или свахи), на которыхъ возлагается обязанность передавать всѣ распоряженія между обоими домами и, по отобраніи отъ невѣсты полнаго согласія на бракъ, утверждать брачный договоръ. *Примѣч.* Главы обоихъ домовъ въ этомъ обрядѣ занимаютъ одинаковое положеніе съ хозяиномъ дома при церемоніи надѣванія шапки.

Примѣч. Въ древности мужчины вступали въ бракъ 30-ти лѣтъ, а дѣвицы выходили замужъ 20-ти. По книгѣ *Цзя-ли*, молодой человѣкъ можетъ жениться съ 16-ти до 30-ти лѣтъ, а дѣвица выходить замужъ съ 14-ти до 20-ти лѣтъ. Въ настоящее же время въ народѣ принято заключать брачныя условія тогда, когда ихъ дѣти питаются еще молокомъ, или находятся въ состояніи первыхъ лѣтъ дѣтства; таковыя условія такъ же падаютъ на дѣтей, не одинаковыхъ между собой лѣтъ. Вообще разсуждать объ этихъ вещахъ нужно съ чрезвычайною осторожностью. *Сы-ма-вэнь-гунъ* говоритъ: «Предъ заключеніемъ брачныхъ условій, нужно предварительно изслѣдывать положеніе жениха, характеръ и поведеніе невѣсты и весь вообще домашній бытъ обоихъ брачущихся семействъ. При этомъ не нужно обольщаться богатствомъ и знатностью жениха, — былъ бы онъ только умный зять. Положимъ, что онъ теперь бѣденъ; но кто знаетъ, что онъ на будущее время не будетъ богатъ и славенъ?

Кромѣ того нужно, чтобы женихъ отличался доброй нравственностью; въ противномъ случаѣ, хотя бы онъ въ настоящее время и обладалъ громадными богатствами, трудно поручиться, что онъ въ будущемъ не дойдетъ до состоянія крайней нищеты. При сватаніи невѣсты обыкновенно обращаютъ вниманіе на благосостояніе, или недостаточность ея дома. Часто берутъ невѣсту потому, что увлекаются современною роскошью и знатностью ея дома. Отъ этого происходитъ то, что невѣста, хвастаясь богатствомъ и знатностью своего рода, не питаетъ никакого уваженія къ своему мужу, гордится предъ свекромъ и свекровью и постоянно поддерживаетъ въ домѣ духъ гордости и ненависти. Въ случаѣ же несчастныхъ обстоятельствъ въ семействѣ, она приходитъ въ состояніе изступленной злости. Случается иногда, что на приданое жены мужъ пріобрѣтаетъ себѣ богатства, или чрезъ связи съ родственниками жены онъ достигаетъ высшей степеней славы, — но не постыдны ли всѣ эти средства для мужа съ благороднымъ самолюбіемъ? — Простой народъ любитъ такъ же легкомысленно сговаривать своихъ дѣтей еще въ состояніи ихъ первыхъ лѣтъ младенчества и дѣтства и даже самыхъ зародышей, находящихся еще въ утробѣ матерей. Когда эти дѣти выростаютъ, то многіе изъ нихъ оказываются или безнравственными, или злыми,

или съ физическими недостатками и болѣзнями, или до такой степени бѣдными, что не во что одѣться и нечего ѣсть, или въ непрерывномъ траурѣ по своимъ родственникамъ, или наконецъ бываютъ посылаемы на службу въ далекія страны, отъ чего многіе бываютъ доводимы до крайности уничтожить заключенные брачные договоры и измѣнить своимъ клятвамъ, — а это доводитъ многихъ до тюрьмы и процессовъ въ гражданскихъ судахъ. Дѣдъ Вэнь-гуна, бывшій первымъ министромъ, часто говаривалъ: «въ моемъ домѣ всѣ молодые люди и дѣвицы, не ранѣе полнаго совершеннолѣтія, женились и выходили за мужъ. Не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ брачныхъ условій, какъ совершался и самый свадебный обрядъ. Отъ этого четы жили согласно до самой смерти своей, нисколько не разочаровываясь въ удовольствіяхъ брачной жизни. Настоящій обычай долженъ сдѣлаться руководительнымъ правиломъ для моихъ дѣтей и внуковъ». Эти слова *Вэнь-гуна* достаточно доказываютъ безнравственность обычая простаковъ — сочетавать брачными условіями дѣтей. Не смотря на то, весьма многіе придерживаются до сихъ поръ этихъ вредныхъ правилъ. Странно, почему, съ одной стороны, не воспретятъ этихъ нравственныхъ безпорядковъ, а съ другой, не пугнутъ виновниковъ ихъ страхомъ правосудія.

Въ книгѣ *Дацинъ-мой-ли*, составленной при настоя-

щей династіи, сказано: «Прежде заключенія брачнаго договора между молодой четой, нужно всѣми силами стараться объяснить подробно обоимъ договаривающимся домамъ о физическихъ недостаткахъ, о степени старости или молодости жениха и невѣсты, отъ кого они рождены — не отъ наложницы ли, или служанки, и не пріемыши ли въ домѣ, — и послѣ этого, если каждая сторона согласится на бракъ, дозволяется утверждать брачныя условія. Это правило весьма необходимо при настоящихъ случаяхъ».

Сговоръ (пацаи). Обрядъ посылать вещи въ домъ невѣсты — въ настоящее время въ народѣ извѣстенъ подъ названіемъ утверждать брачный договоръ. При этомъ случаѣ оба дома передаютъ взаимно свѣдѣнія о лѣтахъ жениха и невѣсты. Въ народѣ принято обычаемъ приглашать на этотъ разъ музыку, — но можно обходится и безъ нея.

Наканунѣ условія, отецъ жениха проситъ свата или сваху сообщить въ домъ невѣсты о предстоящемъ днѣ брачнаго сговора. Въ самый же день условія онъ приготовляетъ письмо.

Примѣч. По принятому обычаю, въ домѣ жениха къ этому случаю приготовляются два листа бумаги — краснаго и зеленаго цвѣтовъ. На красномъ листѣ отецъ жениха пишетъ о годѣ, мѣсяцѣ, числѣ и часѣ рожденія жениха; въ концѣ письма прибавляетъ: такого-

то года, мѣсяца и числа изъ такого-то дома такой-то кланяется и вполнѣ соглашается на заключеніе брачнаго условія. Зеленый листъ бумаги сватъ или сваха передаетъ въ домъ невѣсты. Отецъ невѣсты въ отвѣтъ пишетъ на этой бумагѣ о годѣ, мѣсяцѣ, числѣ и часѣ рожденія невѣсты, и въ концѣ дѣлаетъ точно такія же прибавленія. Эти письма запечатываются въ красные конверты. На конвертѣ изъ дома жениха сверху надписываютъ: родственникъ, а внизу: изъ такого-то мѣста такого-то сынъ поимени такой-то, омывшись ароматной влагой, съ глубокимъ почтеніемъ кланяется и представляетъ при семъ просительное письмо. Изъ дома невѣсты отвѣчаютъ по такой же точно формѣ особымъ посланіемъ; на этомъ невѣстиномъ письмѣ дѣлаютъ надпись сверху: родственница, а внизу: поимени такая-то вмѣстѣ съ своею матерью такою-то, благоговѣйно, опустивши рукава, кланяются. Эта надпись вмѣстѣ съ отвѣтнымъ письмомъ пересылается чрезъ сваху въ домъ жениха.

На другой день рано утромъ отецъ жениха доноситъ въ храмѣ предковъ о полученіи отъ невѣсты согласія на бракъ.

Примѣч. Церемонія при этомъ случаѣ одинакова съ испрошеніемъ благословенія у предковъ на надѣваніе шапки; и самая молитва, изображаемая на доскѣ, составляется по той же формѣ, съ слѣдующимъ

прибавленіемъ: такого-то сынъ поимени такой-то, еще не пріобщившійся браку, сосваталъ такого-то господина такую-то дочь; сегодня будетъ заключено условіе брачное, на что осмѣливаюсь испросить благословенія отъ предковъ. Окончаніе молитвы одинаково съ молитвой при надѣваніи шапки.

Замѣчаніе о второбрачіи. Въ книгѣ *Бянь-минъ-цзя-ли* написано: «Каждый, вступающій во второй разъ въ бракъ съ дѣвицею, долженъ исполнять брачный обрядъ со всѣми подробностями и всею пышностію перваго брака. При актѣ же брачнаго условія и другихъ — можно посылать дары невѣстѣ въ меньшемъ, противъ перваго брака, числѣ и меньшей цѣнности. Кто вступаетъ въ бракъ со вдовою, тотъ освобождается отъ сказанныхъ выше свадебныхъ церемоній, потому что вдова, посягая на второбрачіе, нарушаетъ тѣмъ самымъ правила цѣломудрія; не слѣдуетъ даже и имени ея доводить до свѣдѣнія умершихъ предковъ». Впрочемъ въ настоящее время при бракахъ со вдовами исполняютъ всѣ шесть актовъ брачной церемоніи. Какъ же выпустить одинъ изъ важныхъ актовъ — испрошенія благословенія отъ предковъ на сожительство съ нею?

Чжу-цзы сказалъ: «Разведенную жену, по смерти ея, ни въ какомъ случаѣ не дозволяется включать въ число ея предковъ въ храмѣ прежняго мужа. Если же она оставила въ его домѣ дѣтей и внуковъ, то эти

послѣдніе могутъ исполнять обрядъ поклоненія ей по смерти, въ ея домашнемъ храмѣ». На этомъ основаніи, если разведенная жена вступитъ снова въ бракъ съ другимъ, то по смерти ей приносится жертва въ храмѣ ея втораго дома. По этому вступающему въ бракъ со вдовою, должно непремѣнно исполнять обрядъ испрошенія благословенія отъ умершихъ предковъ.

О бракѣ съ наложницею. Въ книгѣ *Бянь-минъ-цзялю* говорится: «Всѣ вообще бездѣтные мужья имѣютъ право на бракъ съ наложницами. Нужно только предварительно изслѣдывать ея родопроисхожденіе и личный характеръ. Въ самый день брака съ нею, мужъ вмѣстѣ съ законною женою испрашиваютъ благословенія отъ умершихъ предковъ, выставляя причиною этого брака продолженіе своего рода. За тѣмъ мужъ и жена занимаютъ почетныя мѣста въ одной изъ залъ своего дома, и приказываютъ наложницѣ сдѣлать имъ должныя колѣнопреклоненія. Потомъ мужъ вмѣстѣ съ наложницею пьетъ сочетальную чашу, — и назначаетъ ей имя, которымъ должны называть ее всѣ остальные члены дома. Впослѣдствіи же, когда она родитъ дитя, ей дозволяется вмѣстѣ съ главной женой вести хозяйственныя дѣла. Но кто женится на наложницѣ, имѣя жену и дѣтей, тотъ поступаетъ вопреки принятымъ церемоніямъ».

По случаю прихода свахи, въ домѣ жениха приготовляется для нея почетное мѣсто на коврѣ въ гостиной. Отецъ жениха, взявъ заблаговременно написанныя письма, укладываетъ ихъ въ ящикъ и обертываетъ шелковыми матеріями.

Примѣч. При этомъ посылаются въ ящикѣ два куска матеріи — краснаго и зеленаго цвѣта. По окончаніи церемоніи, эта матерія назначается въ даръ свахѣ. Въ настоящее время принято поступать съ матеріей точно такъ же, выражая чрезъ то, согласно съ книгою *Цзяли*, благодарность свахѣ. Люди небогатые посылаютъ только одни письма, не влагая матерій въ ящикъ, — и особо впослѣдствіи благодарятъ сваху, пригласивъ ее на вино и обѣдъ.

Сваха, принявъ письма, въ сопровожденіи слугъ отправляется въ домъ невѣсты. Отецъ невѣсты выходитъ на встрѣчу и проситъ ее войти и занять почетное мѣсто въ гостиной. Принявъ письмо, онъ доноситъ объ этомъ своимъ умершимъ предкамъ.

Примѣч. Правила при этомъ донесеніи одинаковы съ вышеизложенными правилами въ домѣ жениха. Принявъ письмо, онъ полагаетъ его на жертвенникъ и читаетъ молитву, по вышесказанной формѣ съ прибавленіемъ: такого-то отца такая-то дочь, по имени такая-то, достигнувъ полнаго совершеннолѣтія, изъявляетъ свое согласіе сочетаться бракомъ съ проживаю-

щимъ въ такомъ-то мѣстѣ, такого-то господина сыномъ, по имени такимъ-то; они сегодня желаютъ утвердить брачное условіе; о чемъ благоговѣйно доношу. Остальное излагаетъ по сказанной формѣ.

По выходѣ изъ храма предковъ, отецъ невѣсты, приготовивъ отвѣтное письмо, вручаетъ его свахѣ; это письмо такъ же полагается въ ящикъ и обертывается матеріями.

Сваха, сопровождаемая слугами, представляетъ отцу жениха отвѣтное письмо, о которомъ онъ снова докладываетъ въ храмѣ своимъ предкамъ. *Примѣч.* При этомъ нечитается молитвы.

За тѣмъ слѣдуетъ угощеніе свахи виномъ и обѣдомъ. Послѣ обѣденной церемоніи, всѣ куски шелковыхъ матерій, которыя находились въ ящикахъ съ письмами, посылаются въ даръ въ домъ свахи.

Примѣч. Въ настоящее время принято изъ дома жениха отправлять письма невѣстѣ со слугами; точно такъ же и изъ дома невѣсты посылаются отвѣтныя письма. При этомъ въ обоихъ домахъ дарятъ слугамъ значительную сумму денегъ. Кромѣ того въ тотъ же день изъ дома жениха посылаютъ къ свахѣ дары, состоящіе изъ съѣстныхъ припасовъ, а изъ дома невѣсты — головной женскій уборъ. Но всѣ эти расходы поистинѣ напрасны. Достаточно бы въ обоихъ домахъ поподчивать сваху виномъ и обѣдомъ и по-

дарить ей, по случаю такой радости, немного денегъ. При этомъ награда со стороны жениха, безъ сомнѣнія, должна быть цѣннѣе.

Актъ отправленія даровъ въ домъ невѣсты (на-би). *На-би* есть актъ отправленія даровъ въ домъ невѣсты. По книгѣ *Цзя-ли*, подъ словомъ *би* разумѣются разноцвѣтныя шелковыя матеріи. Бѣдные и богачи должны исполнять этотъ актъ сообразно съ степенью своего состоянія. Самая меньшая сумма даровъ должна стоить не менѣе 100 тысячъ, а большая—не выше милліона. Современники прибавляютъ къ этому женскія головныя украшенія, браслеты, посылаютъ свиней, барановъ, гусей, вина и разнаго рода плоды. Конечно, при этомъ случаѣ каждый долженъ сообразоваться съ своими мѣстными обычаями, не вдаваясь въ излишніе расходы.

Подъ вліяніемъ современныхъ народныхъ обычаевъ, многіе требуютъ при этомъ случаѣ изъ дома жениха всѣхъ видовъ женскихъ костюмовъ, головныхъ украшеній и браслетовъ; для чего сваха безпрестанно переходитъ изъ дома жениха въ домъ невѣсты и передаетъ словесно всѣ возраженія и отвѣты. Не рѣдко возникаютъ при этомъ споры и выходятъ сцены, противныя правиламъ приличія и вредныя для доброй нравственности. А того люди не думаютъ, что ихъ дочь скоро сдѣлается женою сватающагося жениха, и всѣ

ея костюмы и украшенія скоро поступятъ въ число имѣнія ея мужа. Простой народъ толкуетъ: посылаемыя передъ свадьбою въ домъ невѣсты вещи опять возвращаются въ домъ жениха. Изъ-за чего же выходятъ жестокіе споры? часто случается слышать, что невѣста объявляетъ жениху претензіи на большіе дары, и чрезъ то насильственно вводитъ его въ убытки, принуждаетъ занимать деньги, принимать на себя отвѣтственность должника, и низводитъ его на степень крайней бѣдности и нищеты, а потомъ сама же, сдѣлавшись его женою, терпитъ вмѣстѣ съ нимъ горькія лишенія. И такъ — требовать отъ жениха несоразмѣрныхъ съ его состояніемъ даровъ — не только не приноситъ невѣстѣ ни малѣйшей пользы, но напротивъ существенно вредитъ ей же самой. Почему не воспретить подобнаго злоупотребленія? нужно распоряжаться въ такихъ случаяхъ согласно съ степенью богатства или бѣдности обоихъ домовъ.

Предъ временемъ отправленія даровъ, отецъ жениха приготовляетъ письма, съ приложеніемъ денегъ и вещей и, независимо отъ этого, проситъ сваху сообщить въ домъ невѣсты о времени отправленія туда даровъ, т. е. извѣстить о самомъ днѣ отправленія даровъ. Деньги при этомъ случаѣ посылаются вмѣсто гусей и вина. Письмо пишется на красной бумагѣ; содержаніе его слѣдующее: Съ давнихъ поръ наши

домы находились въ дружескихъ между собою отношеніяхъ; но теперь они еще крѣпче связываются узами родства; съ благоговѣніемъ избравъ такой-то луны такой-то день для покорнѣйшаго отправленія къ вамъ даровъ, такой-то день для совершенія надъ невѣстою обряда украшенія женскимъ головнымъ уборомъ и такой-то день для совершенія брака, покорнѣйше просимъ васъ принять къ исполненію назначенные дни и тѣмъ обрадовать насъ радостію невыразимою. Подъ этимъ письмомъ отецъ жениха подписываетъ мѣсто своего жительства и свое народное прозвище. Кромѣ того на отдѣльномъ листѣ онъ пишетъ особо въ домъ невѣсты просительный адресъ (*бай-шу*), по вышеизложенной формѣ.

Примѣч. Въ книгѣ *Цзя-ли* выпущенъ актъ испрашивать въ домѣ невѣсты назначенія дня сватьбы, такъ что тамъ почти вовсе нѣтъ рѣчи о днѣ встрѣчи невѣсты (днѣ сватьбы). Все, прибавленное по этому предмету *Цю-цюнь-шанемъ*, такъ же неудобно. Должно слѣдовать существующему обычаю — извѣщать домъ невѣсты о назначенномъ уже днѣ отправленія даровъ.

Приготовивъ письма, отецъ жениха испрашиваетъ на посылку даровъ благословеніе въ храмѣ своихъ умершихъ предковъ.

Примѣч. Правила и молитвы при этомъ случаѣ оди-

наковы съ изложенными выше въ день брачнаго условія; въ молитвѣ прибавлено: такого-то сынъ, по имени такой-то, вступаетъ въ бракъ съ дочерью проживающаго въ такомъ-то мѣстѣ такого-то; сегодня, такого-то числа, отсылаются въ домъ невѣсты дары, такой-то день назначенъ на совершеніе надъ невѣстой обряда украшенія головы женскимъ уборомъ и такой-то день для совершенія брака.

Сваха, принявъ письмо, отправляется съ нимъ въ домъ невѣсты, гдѣ, по полученіи, представители невѣстина дома тотчасъ же доносятъ объ этомъ въ храмѣ своимъ предкамъ.

Примѣч. Эта церемонія совершается по вышеизложеннымъ въ сговорномъ актѣ правиламъ. Въ молитвѣ прибавлено: такого-то дочь, по имени такая-то, изъявляетъ согласіе выйти въ замужество за сына такого-то, по имени такого-то, проживающаго въ такомъ-то городѣ; сегодня такого-то числа и пр.

Домъ невѣсты вручаетъ свахѣ отвѣтное письмо, въ которомъ, между прочимъ, выражается благоговѣйная готовность исполнить въ точности приказанія женихова дома; письмо это сваха доставляетъ отцу жениха.

Въ самый день отправленія подарковъ отецъ жениха готовитъ письма. *Примѣч.* Онъ составляетъ реестръ посылаемымъ подаркамъ и на особомъ листѣ просительное письмо о благосклонномъ принятіи вещей.

При этомъ посылаются бараны, вино, плоды и разнаго рода вещи, женскіе наряды всѣхъ четырехъ временъ года, головные уборы и браслеты; всѣ эти вещи укладываются въ отдѣльныхъ ящикахъ. Сваха въ сопровожденіи слугъ доставляетъ ихъ въ домъ невѣсты. По пріѣздѣ свахи, отецъ невѣсты выходитъ къ ней на встрѣчу и принимаетъ денежные дары и вещи. За тѣмъ онъ вручаетъ отвѣтное письмо, угостивъ ее обѣдомъ; слуги же, между тѣмъ, съ отвѣтнымъ письмомъ возвращаются домой. Все это совершается по церемоніи заключенія брачнаго условія. *Примѣч.* Объ этомъ не докладываютъ въ храмѣ предкамъ, и не употребляется музыка.

Примѣч. Согласно современному обычаю, любители пышныхъ свадебныхъ церемоній—при отправленіи изъ дома жениха даровъ и изъ дома невѣсты приданаго—приглашаютъ многочисленный оркестръ музыки и толпу нанятой прислуги для внѣшняго блеска. Эта прислуга, если сопровождаетъ процессію не далеко отъ города, или какого-либо торговаго пункта, то тотчасъ же, получивъ за труды вознагражденіе, расходится. Если же она сопровождаетъ процессію въ отдаленныя деревни, то требуетъ себѣ насильственно, кромѣ условленной платы, пищи и напитковъ и, объѣвшись до пресыщенія, разбрасываетъ, подобно дикимъ волкамъ, остатки пищи по землѣ. Такой безпорядокъ нисколько

не согласенъ съ правилами приличій, и потому любители церемоній напрасно расточаютъ на излишнюю прислугу свои деньги и богатства. Все это дѣлается съ тщеславною мыслію ослѣпить зрѣніе и слухъ простаго народа. И такъ на исполнителяхъ брачныхъ церемоній лежитъ непремѣнный долгъ изъ уваженія къ собственному достоянію уничтожать излишнія издержки.

Примѣч. По древнимъ церемоніямъ, воспрещено при сватьбахъ употребленіе музыки. Въ настоящее же время принято приглашать многочисленную толпу для составленія церемоніальнаго кортежа, съ оркестромъ музыки и пр. Впрочемъ все это можно дозволить, лишь бы сумма издержекъ на этотъ предметъ была умѣренная и сообразная съ чинами домовъ, вступающихъ въ родство.

За нѣсколько дней до сватьбы, изъ дома невѣсты посылаются мамки съ приданымъ для размѣщенія его въ комнатахъ жениха.

Примѣч. По принятому обычаю, посылаемое отъ невѣсты приданое состоитъ преимущественно изъ вещей, принадлежащихъ къ постельному прибору. При этомъ прилагаются и другаго рода вещи, въ бо́льшемъ, или мéньшемъ количествѣ, смотря по избранію невѣстина дома.

Сы-ма-вэнь-гунъ сказалъ: «На молодую чету, соеди-

няющуюся узами брака, возлагаются двѣ обязанности, изъ которыхъ главная состоитъ въ служеніи въ домашнемъ храмѣ своихъ предковъ, а вторая — меньшая — въ умноженіи потомства. Въ настоящее время существуетъ корыстный и безчестный обычай — передъ бракомъ развѣдывать о количествѣ приданаго невѣсты, а въ домѣ невѣсты стараются напередъ узнать о цѣнности и количествѣ даровъ, которые имѣютъ быть присланы въ день заключенія брачнаго условія. Доходитъ дѣло до составленія формальныхъ контрактовъ, въ которыхъ подробно объясняется, сколько нужно вещей и какой цѣнности для того, чтобы купить себѣ жену. Эти обѣщанія по контрактамъ, конечно, тотчасъ же послѣ сватьбы оставляются безъ вниманія и не выполняются. Такого рода поступки похожи на дѣйствія тѣхъ грубыхъ купцевъ, которые покупаютъ малолѣтныхъ дѣвочекъ для того, чтобы съ выгодою перепродать ихъ въ служанки. Неужели могутъ существовать такого рода браки между учеными и чиновниками? Отъ этого между сочетавшимися домами часто тотчасъ же послѣ брака возникаетъ непримиримая вражда; и такъ сватовство, основанное на корыстныхъ видахъ, не должно быть допускаемо до совершенія самаго брака.»

Встрѣча невѣсты, день сватьбы (*цинь-инь*). Въ самый день сватьбы отецъ жениха докладываетъ о предстоя-

щемъ бракѣ въ храмѣ своимъ умершимъ предкамъ. *Примѣч.* Церемонія совершается по сказанному выше образцу. Въ доносительной молитвѣ предкамъ читается: такого-то сынъ, по имени такой-то, намѣревается нынѣ совершить обрядъ законнаго брака; о чемъ осмѣливаюсь донести.

Затѣмъ онъ занимаетъ мѣсто среди гостиной на сѣдалищѣ и, призвавъ сына, дастъ ему слѣдующее наставленіе: «ты теперь долженъ отправиться для встрѣчи своей жены; тебѣ же предстоитъ быть преемникомъ обязанностей, лежащихъ на мнѣ по отношенію къ предкамъ; старайся же украсить себя добродѣтелями, и будь въ этомъ отношеніи примѣромъ для своей будущей жены.» Случается, что отецъ передаетъ въ эти минуты своему сыну и другаго рода назиданія, не придерживаясь вышеизложенной формѣ наставленій.

Сынъ, выслушавъ наставленія, дѣлаетъ отцу два колѣнопреклоненія, и выходитъ изъ дома для встрѣчи невѣсты. *Примѣч.* Если домъ невѣсты близко, то онъ отправляется для встрѣчи въ ея домъ; а если далеко, то встрѣча происходитъ въ нанятой на полудорогѣ отдѣльной квартирѣ въ гостинницѣ.

Въ домѣ невѣсты устроиваютъ шатеръ на дворѣ, на случай пріѣзда жениха. Иногда онъ останавливается въ одной изъ внѣшнихъ комнатъ невѣстина дома,

а иногда въ библіотекѣ; если квартира тѣсна, занимаютъ для этого случая комнату у сосѣдей.

Отецъ невѣсты испрашиваетъ предварительно благословенія на выдачу въ замужество своей дочери въ храмѣ предковъ.

Примѣч. По прежнимъ правиламъ въ молитвѣ читается: такого-то господина такая-то дочь, по имени такая-то, сегодня намѣревается вступить въ бракъ съ такимъ-то господиномъ; на что̀ осмѣливаюсь испросить благословенія.

Затѣмъ отецъ съ матерью невѣсты занимаютъ мѣста на срединѣ залы. Дочь кланяется имъ въ ноги и прощается. При этомъ отецъ читаетъ ей слѣдующее наставленіе: «ты сегодня переходишь въ свой домъ; будь же трудолюбива, умѣренна, осторожна, почитай свекра съ свекровью и будь подпорою своего мужа.» Затѣмъ преподаетъ онъ ей и другія назиданія. По книгѣ *Цзя-ли*, отецъ съ матерью и всѣ старшіе родственники долго и много читаютъ ей разнаго рода житейскія правила. По книгѣ же *Сы-ли-чу-гао*, только наставленія отца имѣютъ при этомъ случаѣ особенную важность.

Женихъ, при подъѣздѣ къ воротамъ, встрѣчается съ своимъ будущимъ тестемъ, который проситъ его въ назначенную комнату и предлагаетъ вино и обѣдъ.

Послѣ обѣда женихъ входитъ въ главный залъ и совершаетъ поклоненія предъ журавлями.

Примѣч. Для этого приготовляется пара журавлей (черныхъ гусей), которые, будучи связаны разноцвѣтнымъ шелкомъ, обращены головами на лѣвую сторону. Слуга выноситъ на блюдѣ журавлей и передаетъ жениху; женихъ ставитъ ихъ на землю, слуга наблюдаетъ за ними; женихъ дважды колѣнопреклоняется предъ журавлями; отецъ невѣсты молча слѣдитъ за церемоніею.

Въ древности при брачныхъ обрядахъ — во всѣхъ шести актахъ употребляли журавлей; но по книгѣ *Цзя-ли,* употребленіе ихъ оставлено только въ день (встрѣчи невѣсты) сватьбы для удобнѣйшаго исполненія. Право употреблять при этомъ случаѣ журавлей, по книгѣ *Ши-хунь-ли*, предоставлено теперь всѣмъ. Въ древности только одни вельможи имѣли обычай съ журавлями являться въ первый разъ предъ лице государя. И такъ относительно употребленія журавлей въ народѣ нужно замѣтить, что этотъ обычай въ старину составлялъ исключительную принадлежность однихъ вельможъ, отъ которыхъ мало помалу перешелъ онъ къ ученымъ и ко всѣмъ низшимъ сословіямъ. По книгѣ *Вэнь-гунъ-шу-а*, употребленіе журавлей заключаетъ въ себѣ соединенія *инь* и *янь*, а *Чэнъ-цзы* находитъ въ этомъ обычаѣ нравственную причину, утвер-

ждая, что пара журавлей есть символъ вѣчной, нераздѣлимой дружбы. И такъ, по книгѣ *Хунь-ли*, процессъ поклоненія журавлямъ есть церемонія, принятая при представленіи жениха старшимъ въ домѣ невѣсты; а по книгѣ *Шу-и* и по словамъ *Чэнъ-цзы*, съ поклоненіемъ журавлямъ соединяется идея брачнаго соединенія мужа съ женой. По книгѣ *Цзя-ли* этотъ актъ совершается теперь только въ день сватьбы (встрѣчи невѣсты) и соединяетъ въ себѣ обѣ сказанныя мысли. Впрочемъ если объяснять этотъ обычай тѣмъ, что онъ въ древности употреблялся при представленіи государю и вообще старшимъ, то и въ настоящемъ случаѣ, т. е. при представленіи жениха представителямъ невѣстина дома, онъ можетъ быть допущенъ. Но ужъ никакъ не слѣдуетъ объяснять этотъ обычай мыслію брачнаго соединенія мужа съ женой, потому что женихъ въ моментъ представленія въ домъ невѣсты одинъ кланяется журавлямъ. Въ настоящее время существуетъ слѣдующій обычай: во время выниванія молодыми сочетальной чаши, слуга подноситъ молодымъ пару журавлей — самца и самку съ связанными крыльями. При этомъ новая чета дважды колѣнопреклоняется предъ ними. Здѣсь очень ясно видѣнъ символическій смыслъ брачнаго соединенія мужа съ женой. Такъ же принято теперь — въ день встрѣчи невѣсты — жениху одному въ домѣ ея кланяться предъ журавлями, согласъ-

но съ книгою *Цзя-ли*; при этомъ употребляется пара журавлей; а во время акта сочетальной чаши, согласно съ обычаемъ, допускается снова поклоненіе журавлямъ, и употребляется при этомъ такъ же пара сказанныхъ птицъ. Если же женихъ самъ не встрѣчаетъ невѣсты, то первый актъ поклоненія журавлямъ оставляется, а совершается только въ моменты выпиванія сочетальной чаши.

По выходѣ жениха, нянька сопровождаетъ невѣсту до экипажа; женихъ же отправляется впередъ до своего дома.

Примѣч. Если женихъ самъ не встрѣчаетъ невѣсты, то, отъ наставленій отца къ сыну до сихъ поръ—все вышеизложенное оставляется.

По пріѣздѣ невѣсты, ее встрѣчаютъ и сопровождаютъ въ комнаты, гдѣ женихъ и невѣста колѣнопреклоняются другъ предъ другомъ, а потомъ совершаютъ отдѣльное поклоненіе предъ журавлями.

Примѣч. Женихъ при этой церемоніи становится на лѣвой, а невѣста на правой сторонѣ. Слуга выноситъ и держитъ предъ ними двухъ журавлей; молодые, ставъ другъ противъ друга, два раза колѣнопреклоняются предъ журавлями.

Сочетальная чаша. Взявъ двѣ рюмки, наливаютъ въ нихъ вино и, переливъ его изъ одной рюмки въ другую, подносятъ молодымъ. Мужъ и жена выпиваютъ вино. По окончаніи этой сцены, молодые снова, ставъ

другъ противъ друга, совершаютъ двукратное колѣнопреклоненіе. Дальнѣйшія подробности совершаются по обыкновеннымъ принятымъ обычаямъ.

За тѣмъ хозяинъ дома проситъ всѣхъ сопровождавшихъ невѣсту мужчинъ на обѣдъ во внѣшній залъ, а хозяйка дома приглашаетъ къ обѣденному столу всѣхъ пріѣхавшихъ женщинъ въ средній залъ (гостиную).

Потомъ хозяинъ и хозяйка сопровождаютъ молодую чету для представленія въ храмъ предковъ.

Примѣч. Если сочетальную чашу пили утромъ, то въ тотъ же день совершается обрядъ представленія молодыхъ въ храмъ предковъ, — а если вечеромъ, то отлагается до слѣдующаго дня.

Въ храмѣ хозяинъ и хозяйка становятся впереди, а мужъ съ молодой женой занимаютъ мѣсто позади ихъ; мужчины стоятъ на лѣвой, а женщины на правой сторонѣ. Хозяинъ омываетъ руки и приступаетъ къ открытію ящика; вынувъ изъ него табели предковъ, онъ разставляетъ ихъ по мѣстамъ. За тѣмъ начинается первый актъ низведенія духовъ на жертву. Всѣ присутствующіе въ храмѣ дѣлаютъ четыре поясные и столько же земныхъ поклоновъ, встаютъ, выпрямляются; потомъ хозяинъ дома отходитъ къ жертвеннику, гдѣ съ колѣнопреклоненіемъ возжигаетъ благовонныя куренья и возливаетъ вино, потомъ кланяется въ землю и, поднявшись, отходитъ на свое мѣсто.

Второй актъ представленія духамъ состоитъ въ слѣдующемъ: снова дѣлаютъ всѣ присутствующіе въ храмѣ четыре малые и четыре большіе поклона, потомъ хозяинъ дома отходитъ къ жертвеннику съ табелями и, ставъ на колѣни, дѣлаетъ возліяніе вина и ставитъ особо на жертвенникъ сосуды съ виномъ; затѣмъ читаетъ молитву къ духамъ, послѣ которой снова кланяется въ землю, встаетъ, выпрямляется и отходитъ на свое мѣсто. Третій актъ благодаренія духовъ состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ молящіеся въ храмѣ четыре раза кланяются въ поясъ и столько же до земли, потомъ хозяинъ дома подходитъ къ жертвеннику, сожигаетъ прочитанную молитву и вслѣдъ за тѣмъ убираетъ табели предковъ въ ящикъ,—чѣмъ церемонія и оканчивается.

Форма молитвы при настоящей церемоніи: Такого-то года, мѣсяца и числа, такой-то сынъ, или внукъ, осмѣливается откровенно донести такому-ту умершему предку о важнѣйшемъ обрядѣ брачнаго союза, составляющемъ единственный источникъ для поддержанія нашего потомства. Мой родной сынъ, по имени такой-то, вступилъ такого-то числа въ законный бракъ;—и его молодую жену, по имени такую-то, осмѣливаюсь представить при семъ на воззрѣніе предковъ. Благоговѣйно умоляю обратить на нее милостивое вниманіе и благословить ее счастіемъ и долгоденствіемъ.

хранить ея домъ и родственниковъ, и возвеселить ее видѣніемъ многочисленнѣйшаго потомства. О чемъ смиренно доношу.

Примѣч. При всѣхъ вообще брачныхъ церемоніяхъ бываютъ представителями или дѣдъ, или отецъ семейства. Если дѣдъ скончался, а бабка жива, въ такомъ случаѣ занимаетъ мѣсто представителя отецъ жениха. Въ храмѣ отецъ съ матерью обыкновенно занимаютъ мѣсто въ срединѣ, а бабка впереди ихъ, на особомъ коврѣ, обращенномъ нѣсколько на правую сторону. Обязанности же возжигать благовонныя куренья, дѣлать возліяніе вина и проч. лежатъ на отцѣ. Если же у жениха нѣтъ отца, а одна вдовствующая мать, въ такомъ случаѣ мѣсто представителя при церемоніи занимаетъ дядя или братъ, а самые обряды совершаются по вышеизложенному.

Примѣч. По древнимъ церемоніямъ, молодыхъ чрезъ три мѣсяца представляли въ храмъ предковъ, но на основаніи книги *Цзя-ли* этотъ обычай измѣненъ; принято на другой же день представляться къ свекру съ свекровью, а на третій — въ храмъ предковъ. Въ сочиненіи же *Сы-ли-чу-гао* — снова измѣненъ этотъ обычай; здѣсь совѣтуется на другой день послѣ брака представлять молодую чету сначала въ храмъ предковъ, а потомъ уже свекру съ свекровью. Слѣдуетъ такъ же обратить вниманіе на самое время совершенія

Для того навозъ кладутъ, *чтобы хлѣба больше родилось*, а полбу сѣютъ, *чтобы людямъ годилась*. (*Послов.*)

Если когда-нибудь придется вамъ быть въ Нижнемъ Новгородѣ, сходите поклониться Печерскому Монастырю. (*Гр. Солог.*)

4. Второстепенныя части предложенія сами-по-себѣ обозначаютъ понятія или о предметѣ, или о признакѣ: дополненіе преимущественно обозначаетъ понятіе о предметѣ, а опредѣленіе понятіе о признакѣ. Поэтому они въ свою очередь также могутъ имѣть при себѣ поясняющія слова,—опредѣлительныя и дополнительныя. Н. п. *къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе русскаго игумена Даніила къ святымъ мѣстамъ, уже завоеваннымъ тогда крестоносцами.*

Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюмени до шумной Улеи въ бурное, военное время и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. (*Бат.*)

5. Слова, къ которымъ относятся опредѣленія, называются *опредѣляемыми*; слова, къ которымъ относятся дополненія, называются *дополняемыми*. Опредѣлительныя слова вмѣстѣ съ своимъ опредѣляемымъ выражаютъ одно понятіе о предметѣ; дополнительныя слова вмѣстѣ съ своимъ дополняемымъ выражаютъ одно понятіе о признакѣ.

§ 7.

Простое предложеніе.

Предложеніе, въ которомъ каждое понятіе выражено отдѣльнымъ словомъ, называется *простымъ*. Оно бываетъ *нераспространенное*, когда при подлежащемъ и сказуемомъ его нѣтъ второстепенныхъ частей, и *распространенное*, когда при подлежащемъ и сказуемомъ его есть второстепенныя части.

Бѣдность не порокъ.—Добрыя слова лучше мягкаго пирога. (*Пословицы*)

§ 8.

Полное составное предложеніе.

1. Когда въ какой нибудь-части предложенія должно обозначить отношеніе понятія къ лицу говорящему, т. е. наклоненіе, время и лицо; тогда это понятіе выражается не отдѣльнымъ словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ. Такое предложеніе, составляющее часть другаго предложенія, называется *придаточнымъ*; а предложеніе, въ которомъ одно, или нѣсколько понятій выражены предложеніями придаточными, имѣющими свои подлежащія и сказуемыя, называется *полнымъ составнымъ* предложеніемъ. Н. п. предложеніе: *мой десятильтній братъ хорошо учится*, простое, потому-что въ немъ каждое понятіе выражено отдѣльнымъ словомъ. Но если въ понятіи: *десятильтій*, должно обозначить н. п. прошедшее время, или сослагательное наклоненіе, то мы скажемъ: «мой братъ, *которому тогда было десять лѣтъ*, хорошо учился», или «мой братъ, *которому*

кровью, домъ новобрачной готовитъ большой обѣдъ, который приносятся въ домъ зятя и накрывается въ въ среднемъ залѣ. За столъ садится свекоръ съ свекровью. При этомъ невѣстка дѣлаетъ предъ ними два колѣнопреклоненія и предлагаетъ вино, горячія блюда и прочія обѣденныя кушанья. Послѣ обѣда, кушанья переносятся въ комнаты невѣстки, гдѣ она, окруженная родственными женщинами, открываетъ особый обѣденный столъ.

Примѣч. Этотъ обычай, совершенный въ третій день брака, называется попросту угощеніемъ свекра съ свекровью чаемъ. Кто не въ состояніи приготовить къ этому случаю обѣда, тотъ можетъ ограничиться угощеніемъ плодами и закуской.

Спустя нѣсколько дней послѣ сватьбы, зять отправляется одинъ съ визитомъ къ своему тестю и тещѣ. Тесть выходитъ на встрѣчу и провожаетъ его по правиламъ принятія гостя. Зять при свиданіи хочетъ поклониться тестю въ ноги, становясь на колѣни, — но тесть не допускаетъ его къ тому руками. За тѣмъ онъ представляется тещѣ; въ обоихъ случаяхъ онъ даритъ ихъ атласными матеріями и разными вещами, смотря по достатку своего дома. Потомъ тесть сопровождаетъ зятя въ храмъ своихъ предковъ. Здѣсь онъ, возжегши куренья на жертвенникѣ, становится на колѣни и читаетъ слѣдующую молитву: моей такой-то

дочери мужъ, по имени такой-то, явился сюда для представленія; о чемъ осмѣливаюсь донести. Зять дѣлаетъ четыре земные поклона. По выходѣ изъ храма, готовится для зятя обѣдъ съ виномъ, послѣ котораго тесть и теща дарятъ его взаимно разными матеріями и вещами, которыя, согласно обычаю, выдаются ему въ моменты изъявленія имъ благодарности за обѣдъ. Наконецъ представляютъ зятя и всѣмъ остальнымъ членамъ женина дома. При этомъ уже не требуется подарковъ.

Примѣч. По теперешнему обычаю теща часто сама провожаетъ свою дочь до дому ея мужа, и зять при этихъ случаяхъ всегда представляется ей. Если ихъ домы близки по разстоянію, то зять чрезъ нѣсколько дней послѣ сватьбы встрѣчаетъ въ своемъ домѣ тестя и угощаетъ его обѣдомъ. При этомъ онъ снова имѣетъ случай видѣться съ нимъ. Спустя нѣсколько времени послѣ сватьбы, невѣстка отправляется погостить въ свой отчій домъ,—и это попросту называется возвращеніемъ домой. Если же домы новобрачныхъ на далекомъ одинъ отъ другаго разстояніи, въ такомъ случаѣ не стѣсняются выборомъ времени для посѣщеній. Зять часто ѣздитъ въ домъ тестя и взаимно проситъ его къ себѣ въ гости. Впрочемъ и это обыкновеніе не вездѣ одинаково. Каждый, не стѣсняя себя,

поступаетъ въ этомъ случаѣ согласно съ мѣстными обычаями.

ЦЕРЕМОНІЯ ПОГРЕБЕНІЯ УМЕРШИХЪ (САНЪ-ЛИ).

Конфуцій сказалъ: «При отправленіи погребенія вообще замѣтно обиліе внѣшнихъ церемоній и опутителенъ недостатокъ въ плачѣ объ умершихъ.» Онъ же сказалъ: «Погребеніе должно быть совершаемо сообразно съ степенью достаточности, или недостаточности дома покойнаго, и при томъ такъ, чтобы пышность при этомъ случаѣ не переходила за черту положенныхъ церемоній. Несостоятельныхъ же умершихъ, обернувъ холстомъ руки, ноги и прочія части тѣла, можно прямо хоронить, опустивъ гробъ на веревкахъ въ землю и сдѣлавъ на поверхности могилы земляную насыпь. Ни кто не будетъ возражать противъ такого простаго обычая.» Смотря съ этой точки на обрядъ погребенія, только и нужно заботиться о пріобрѣтеніи необходимѣйшихъ вещей, относящихся къ одеждѣ покойнаго и гробу, нисколько не стѣсняясь при этомъ отсутствіемъ дорогихъ нарядовъ и изящныхъ украшеній. Въ книгѣ *Вэнь-гунъ-цзялн* погребальныя церемоніи изложены кратко и удобоисполнимо, — но, къ несчастію, исполненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ неблаговременно. А *Цю-цюнъ-шань* въ своемъ сочиненіи снова

прибавилъ много пышныхъ и мелкихъ подробностей. Такъ напр. умирающаго больнаго онъ совѣтуетъ переносить на новое мѣсто, обративъ его головой на востокъ (для воспринятія жизненнаго эѳира), — что̀ не приноситъ больному ровно никакой пользы, закрывать ротъ и ноздри умершему (*шу-куанъ*), для узнанія— дѣйствительно ли онъ умеръ, снова перемѣщать на полъ и громкими воззваніями имени возвращать его къ жизни (*юй-фу*), всѣ эти совѣты далеки отъ правды и безполезны. Кромѣ того — обычай *сѣ-чи* т. е. полагать вилку (*куай-цзу*) въ ротъ умершему для того, чтобы ротъ его оставить навсегда открытымъ, и *чжуй-цзу* т. е. связывать веревками ноги умершаго, чтобы онъ не ушелъ, — такъ же слишкомъ жестоки. Равнымъ образомъ, наполнять ротъ умершему кашей, кусочками благородныхъ металловъ и драгоцѣнными камнями — совершенно безполезная вещь. Обычаи: малое омовеніе (*сяо-лянь*), большое одѣваніе (*да-лянь*) и положеніе послѣ трехъ дней во гробъ—весьма непріятны по многосложности церемоній и не своевременности. Заставить переносить трупъ по прошествіи трехъ дней послѣ смерти — очевидно вещь тяжелая для выполняющихъ. Употребленіе при устроеніи гроба желѣзныхъ гвоздей и скобокъ (ручекъ) не приноситъ для долговѣчности гроба никакой пользы; обычаи — хоронить въ могилѣ умершаго разнаго рода бумаж-

ныя вещи (*минъ-ци*) и вѣшать надъ гробомъ бумажный пологъ, зарывать въ землю при гробѣ (*бао*) круглыя корзины, наполненныя мясомъ, (*сяо*) корзины съ рисомъ и пшеницей, (*утъ*) глиняные сосуды съ виномъ, сухимъ мясомъ; (*сы*) уксусомъ и (*хай*) мясными супами, и черныя шелковыя матеріи — слишкомъ вредны для самаго трупа усопшаго. Было много и другихъ церемоній, какъ напримѣръ: семейству умершаго три дня не принимать пищи и предаваться постоянному сѣтованію, нанимать вмѣсто себя способныхъ для исполненія обряда плача съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи періода плача, самимъ хвастаться предъ другими строгостью исполненія этого обряда, обращаться всѣмъ посѣтителямъ умершаго къ носящему большой трауръ съ словами утѣшенія, хотя бы эти слова на самомъ дѣлѣ были одни пустые звуки. Вообще всѣ эти похоронные обычаи истолкователи церемоній объясняли съ различныхъ сторонъ. Въ настоящей же книгѣ помѣщены только самонужнѣйшія правила изъ лучшихъ толкователей похоронныхъ церемоній, исполненіе которыхъ сообразно съ временемъ, все лишнее опущено и оставлено только существенное. Авторъ при составленіи настоящаго по преимуществу руководствовался книгами *Чу-гао*, *Цзи-ліо*, *Цзи-яо* и другими.

Тотчасъ же послѣ смерти, всѣ члены семейства одѣваются въ трауръ и не принимаютъ пищи.

Примѣч. Дѣти покойнаго расплетаютъ при этомъ волосы и оставляютъ ноги не покрытыми; жены и наложницы отлагаютъ головные уборы и надѣваютъ трауръ. Вообще всѣ члены семейства, мужчины и женщины, облекаются въ траурныя одежды, изгнавъ изъ дома все цвѣтное и блестящее.

Мужчины и женщины предаются плачу и воплямъ неутѣшнымъ. Дѣти со дня смерти отца спятъ на соломѣ, имѣя подъ головой вмѣсто подушки кусокъ земли.

Примѣч. Ночью они спятъ по обѣимъ сторонамъ покойника на соломѣ и кускѣ земли; въ случаѣ же болѣзни кого либо изъ нихъ, могутъ спать на снопахъ травы.

Для этой церемоніи избираются *санъ-чжу* — распорядитель погребенія и *чжу-фу* — распорядительница.

Примѣч. Распорядителемъ обыкновенно бываетъ старшій сынъ покойнаго, а за непмѣніемъ дѣтей, отправляетъ эту важную обязанность старшій внукъ. Онъ одинъ приноситъ жертвы предъ прахомъ умершаго каждое утро и вечеръ, и возливаетъ вино. Распорядительницею бываетъ жена покойнаго, или жена распорядителя.

Если отецъ семейства надѣваетъ трауръ по своей женѣ, тогда онъ отправляетъ обязанность — приносить предъ прахомъ покойницы жертвы и возливать вино, дѣлая при этомъ ей поклоненіе только въ поясъ; а его дѣти при приношеніи жертвы производятъ плачъ и колѣнопреклоненія.

Мужъ, при погребеніи своей жены и дѣтей, такъ же бываетъ исполнителемъ жертвъ; вообще на такіе случаи избирается кто либо изъ старшихъ въ родѣ. Если дѣдъ семейства еще живъ, то онъ бываетъ *санъ-чжу*; только его обязанности ограничиваются встрѣчею и провожаніемъ посѣтителей. При обрядѣ погребенія жены, мужъ обыкновенно отправляетъ должность приносителя жертвъ и вина съ поясными поклонами, заставляя при этомъ своихъ дѣтей плакать и кланяться въ землю предъ усопшей.

Братья, при погребеніи своихъ женъ и дѣтей, если у нихъ нѣтъ въ живыхъ родителей, каждый въ своемъ семействѣ отправляетъ должность *санъ-чжу*, вмѣстѣ ли они живутъ, или порознь.

При смерти малолѣтнихъ дѣтей у братьевъ не бываетъ распорядителя; даже мать не можетъ быть распорядительницей. Обязанность же приносить жертву и возливать вино лежитъ на братьяхъ.

По случаю смерти одного изъ братьевъ, если у него нѣтъ ни отца съ матерью, ни дѣтей и внуковъ,

избирается въ санъ-чжу старшій изъ братьевъ; а если нѣтъ и родныхъ братьевъ, то приглашается для исполненія этой обязанности одинъ изъ братьевъ дальнихъ колѣнъ, который обязывается находиться неотлучно въ домѣ покойнаго и, не смотря на свое отдаленное родство, приносить каждодневно жертвы до самаго окончанія большаго траура (т. е. 100 дней).

Если умретъ женщина вдовая и бездѣтная, въ такомъ случаѣ распорядителемъ при ея погребеніи бываетъ деверь; если нѣтъ въ живыхъ ни одного деверя, то избирается въ санъ-чжу однофамилецъ ея мужа; если же не отыщется и однофамильца, распорядителемъ избирается одинъ изъ родственниковъ покойницы. По книгѣ *Цзю-ли*, если нѣтъ однофамильца, то должно избрать въ санъ-чжу ближайшаго сосѣда, — но родственникамъ жены, хоть они и ближе къ покойной, отнюдь нельзя поручать этой обязанности. *Чжу-кэтинъ Сянь-шэнъ* сказалъ: «При погребальной церемоніи, хоть и нѣтъ въ домѣ умершей потомковъ, не слѣдуетъ обходиться безъ распорядителя; если нѣкому изъ родственниковъ поручить эту обязанность, нужно пригласить для этого изъ короткихъ сосѣдей, или родственниковъ покойной — людей совершенно сторонннхъ. Родственниковъ умершей, по моему, удобнѣе избирать въ санъ-чжу, потому что только происходящіе изъ дома ея мужа въ отношеніи къ покойной

считаются чужими, а происходящіе изъ ея дома по отношенію къ ней — прямые родственники. Для чего же послѣ этого избирать сосѣдей? при томъ же — при исполненіи сосѣдомъ обязанности распорядителя — въ домѣ покойной, изъ подозрѣнія къ нему, какъ человѣку постороннему, могутъ произойти безпорядки. И такъ, только въ случаѣ отсутствія однофамильцевъ мужа и родственниковъ умершей, право распорядителя можно поручить сосѣду.»

Для исполненія нѣкоторыхъ экономическихъ обязанностей при церемоніи погребенія избирается *хо-санъ*— закупщикъ.

Приличь. Этимъ званіемъ облекается способнѣйшій изъ родственниковъ или друзей дома покойнаго; ему вмѣняется въ долгъ найти и пріобрѣсти всѣ вещи, необходимыя при обрядахъ погребенія.

Такъ же точно избирается изъ родственниковъ и друзей дома особа, коротко знакомая съ подробностями отечественныхъ церемоній, называемая *сянъ-ли* — уставщикомъ или законовѣдцемъ. На сянъ-ли лежитъ обязанность передавать носящему большой трауръ всѣ мелкія обрядовыя правила погребенія.

Сверхъ того избираются еще три лица, участвующія при церемоніи погребенія, а именно: *сы-хо*—расходчикъ, *сы-шу*— писецъ и *сы-чжу* — чтецъ молитвъ при жертвахъ. Сы-хо завѣдуетъ всѣми входящими и выходя-

щими суммами. Сы-шу вписываетъ каждую приходо-расходную статью въ отдѣльную книгу. Сы-чжу отправляетъ нѣкоторыя обязанности при жертвахъ, вмѣсто главы дома, носящаго трауръ. Онъ долженъ быть непремѣнно въ маломъ траурѣ и избирается обыкновенно изъ родственниковъ или друзей дома умершаго. Онъ обязанъ носить темное платье и отнюдь не являться въ парадномъ нарядѣ. Впрочемъ званіе сычжу только тогда приложимо, когда распорядителемъ при погребеніи бываетъ или сынъ, или внукъ покойнаго; но когда мужъ или братья при погребеніи членовъ своего семейства сами бываютъ санъ-чжу, тогда обязанность сы-чжу совершенно линяя. Сынъ покойнаго, въ продолженіи всего траурнаго періода, предается постоянному плачу и сѣтованіямъ; очень естественно, что онъ не въ силахъ выполнить самъ всѣ подробности церемоній и поставляется въ необходимость сложить часть своихъ обязанностей на помощника. Всѣ поименованныя выше лица занимаются или приготовленіемъ всѣхъ вообще вещей, нужныхъ при совершеніи погребальныхъ обрядовъ, или изъясненіемъ церемоніальныхъ уставовъ. Такъ напр. на сяньли лежитъ долгъ предварительно объяснять всѣ тонкости предстоящей церемоніи; хо-санъ и сы-хо заботятся о приготовленіи матеріальныхъ вещей, чтобы во время акта совершенія церемоній не оказалось въ

чемъ либо недостатка. Въ званіе помощника распорядителя при церемоніяхъ и прочихъ соучастниковъ непремѣнно должны приглашать только богатые домы; а въ домахъ небогатыхъ—два трп пріятеля дома безъ затрудненія могутъ совмѣстить всѣ вышесказанныя обязанности.

Ниже слѣдуетъ описаніе вещей, необходимыхъ при погребальной церемоніи и пріобрѣтаемыхъ распорядительностью хо-сана и сы-хо.

Примѣч. Богачи непремѣнно должны приготовлять эти вещи ко времени церемоній, а люди недостаточные могутъ ограничиться только пріобрѣтеніемъ вещей, относящихся къ устройству гроба и погребенію, на столько, на сколько позволяютъ ихъ денежныя средства; остальное все можно оставлять.

Вещи, нужныя при перенесеніи умершаго. Одръ безъ ножекъ, цыновка, одѣяло, подушка. *Примѣч.* Всѣ эти вещи изъ числа употребляемыхъ въ обыкновенное время въ домѣ.

Вещи для омовенія умершаго. Теплая вода; два сосуда для воды: водою изъ одного сосуда омываютъ верхнюю часть трупа, а водою изъ другаго нижнюю; два холщевыя полотенца: однимъ отираютъ верхнюю часть тѣла, а другимъ нижнюю.

Вещи, употребляемыя при одѣваніи умершаго. Хлопчатая бумага, шелкъ, желтая шелковая матерія, бу-

мажный холстъ для пеленокъ. *Примѣч.* Для пеленокъ приготовляются три полотнища изъ холста поперегъ и столько же вдоль; продольный холстъ долженъ быть вдвое длиннѣе трупа; концы этихъ полотнищъ — поперечныхъ и продольныхъ связываются съ двухъ сторонъ, а оконечности каждаго полотнища снова разрѣзываются на три ленты. Тюфякъ, набитый хлопчатой бумагой; онъ въ длину и ширину бываетъ больше тѣла умершаго; если нѣтъ ваты, тюфякъ набивается грубой древесной бумагой. Ватное одѣяло по длинѣ и ширинѣ гроба. Подушка, набитая тростникомъ, въ видѣ конскаго сѣдла.

Вещи для устройства гроба. Сырой лакъ, фарфоровый порошокъ, измельченный и просѣянный чрезъ сито; въ крайности сказанный составъ замѣняется порошкомъ изъ новой черепицы. Каменное масло (*ши-гао*), составъ *ли-цинъ*. Для этого состава требуется немного порошка изъ устричныхъ раковинъ и воску; эти два вещества въ соединеніи съ постнымъ масломъ кипятятся на огнѣ. Когда этотъ составъ, вскипѣвши, будетъ готовъ,— имъ заливаютъ четыре угла во внутренности гроба. Если гробъ внутри и извнѣ обитъ холстомъ и нѣсколько разъ былъ натираемъ лакомъ и фарфоровымъ порошкомъ, въ такомъ случаѣ можно обходиться и безъ состава *ли-цинъ*. Дно гроба насти-

лаютъ древесною бумагой *пи-чжи* и ею же закладываютъ трещины во гробѣ.

Вещи, полагаемыя въ ротъ умершему. Жемчугъ, драгоцѣнные камни, порошокъ изъ золота и серебра, или вмѣсто всего вышесказаннаго одинъ порошокъ изъ серебра, или даже два зерна растенія *ши-цзюнь-цзы*.

Вещи для жертвоприношенія умершему. Столъ, курительныя свѣчи, рюмки для вина, чайныя чашки, плоды, приправы къ кушаньямъ, сухія мяса, супы изъ мяса (все это раскладывается на столѣ, по волѣ распорядителя) и скатерть для покрытія жертвенныхъ вещей. *Примѣч.* Скатерть сплетается изъ бамбуковаго дерева въ видѣ квадратной крыши и обертывается сверху флеромъ, или другою шелковою матерією. Ея единственное приложеніе — накрывать собою вино и жертвенныя вещи на столѣ.

Вещи, нужныя для спальница души. Кукла мертвеца изъ бѣлой шелковой матеріи (*хунь-бо*), именное знамя умершаго (*минъ-цзинъ*), стулъ, столъ, подушка для сидѣнья, полный костюмъ платья, сосудъ для омовенія, полотенце, кровать для души, снабженная пологомъ, одѣяломъ, тюфякомъ, подушкой, цыновкой и башмаками, т. е. вещами, употреблявшимися въ обыкновенное время умершимъ.

Вещи для траурнаго платья. Пеньковый холстъ раз-

ныхъ сортовъ отъ грубѣйшаго до тонкаго, для пяти костюмовъ, употребляемыхъ во время траура. Пеньковыя веревки для траурныхъ шапокъ и поясовъ, башмаки, сплетенные изъ травы, и палка. *Примѣч.* Въ траурѣ по отцѣ, наслѣдникъ употребляетъ бамбуковую палку, а по матери — *утуповую*, вверху нѣсколько круглую, а внизу квадратную, корнемъ обращенную внизъ, длиною по грудь.

Вещи, нужныя при опущеніи гроба въ могилу. Известь, мелкій песокъ, рисовый отваръ, памятникъ, воздвигаемый на мѣстѣ погребенія, и порошокъ древеснаго угля. *Примѣч.* Если есть возможность приготовить составъ изъ извести, мелкаго песку и глины, то можно обойтись безъ угольнаго порошка.

Вещи, нужныя при выносѣ покойнаго на кладбищѣ. Большія носилки, балдахинъ, похоронныя регаліи, въ формѣ опахалъ, хоругви на палкахъ, табель умершаго, ящикъ для табели, носилки съ куренъями, столы для жертвенныхъ вещей и особый экипажъ — носилки для души.

По книгѣ *Цзяли-ту*, положены, согласно съ обычаемъ древнихъ, особыя носилки для бумажныхъ вещей (*минъ-ци*), зарываемыхъ въ могилу, но по мнѣнію автора сказанной книги, минъ-ци располагаются на одрѣ умершаго, а не на особыхъ носилкахъ. Впрочемъ теперь уже вовсе не употребляютъ минъ-ци — а слѣдовательно нѣтъ надобности и въ носилкахъ.

Объ устройствѣ гроба. Устройство гроба требуетъ особеннаго вниманія; въ древности люди, достигшіе шестидесяти лѣтъ, каждогодно подвергали свой гробъ тщательному осмотру; достигшіе семидесяти лѣтъ осматривали гробъ въ каждое изъ четырехъ временъ года, а восьмидесятилѣтніе старики каждый мѣсяцъ. Люди съ состояніемъ должны заблаговременно приготовить его для себя. Для устройства гроба употребляется лучшее словое дерево. Нѣтъ нужды сколачивать его изъ четырехъ цѣльныхъ досокъ; онъ можетъ быть сдѣланъ и изъ десяти кусковъ ели; гробъ, по своей формѣ, долженъ быть квадратный, прямой, толстый, не слишкомъ громадный; внутренность его должна быть на столько мала, чтобы достаточна была для помѣщенія тѣла покойнаго; лишнихъ карнизовъ и высокихъ ножекъ отнюдь не нужно. Въ сѣверныхъ областяхъ Китая устроиваютъ гробы такъ, чтобы самый гробъ и крыша были одинаковы по величинѣ. Гвозди для этого употребляются изъ Бразильскаго дерева. При открытіи внутренности гроба, онъ совершенно отдѣляется отъ крыши; съ правой и лѣвой сторонъ просверливаютъ по два отверстія: внутри широкія, а снаружи узкія, для того, чтобы во время окончательнаго закрѣпленія гроба гвозди своимъ остріемъ прошли прямо въ средину. Этимъ способомъ гробъ бываетъ закупориваемъ весьма крѣпко. Въ оставшіеся

на поверхности гроба пазы и дыры втираютъ составъ сыраго лака, смѣшаннаго съ каменнымъ масломъ (ши-гао) и фарфоровымъ порошкомъ, или употребляютъ вмѣсто этого порошокъ изъ новой черепицы. Но предварительно внутреннюю и внѣшнюю стороны гроба покрываютъ толстыми слоями состава фарфороваго порошка, или новой черепицы, соединенной съ сырымъ лакомъ. Вообще, если окажутся гдѣ либо на гробѣ небольшія трещины, ихъ такъ же залпваютъ лакомъ и фарфоромъ. Въ обыкновенное время гробъ нѣсколько разъ подвергается операціи покрытія лакомъ, но при наступленіи времени похоронъ, его тщательнымъ образомъ свидѣтельствуютъ и снова обмазываютъ внутри и внѣ лакомъ съ фарфоровымъ порошкомъ. Кромѣ того обливаютъ внутренность гроба вскипяченнымъ на огнѣ составомъ ли-цинъ, толщиною болѣе чѣмъ на полдюйма, и все протяженіе внутри гроба оклеиваютъ лучшей древесной бумагой. Потомъ внизъ гроба полагаютъ слой мягкаго тростника, на поверхность котораго особо настилаютъ слой нѣжной лучшей бумаги вышиною на 2 или на 3 слишкомъ дюйма. Наверхъ этой постилки кладутъ семизвѣздную доску. Вообще внутри гроба вовсе не употребляютъ извести. Въ минуты запечатанія гроба заливаютъ на поверхности пазы и дыры лакомъ съ известью. Если гробъ внутри и внѣ обитъ прозрачнымъ холстомъ

и налакированъ, то нѣтъ надобности прибѣгать къ составу ли-цинъ. Равнымъ образомъ, по волѣ распорядителей, часто не полагается въ гробъ семизвѣздная доска. Случается, что при скоропостижныхъ кончинахъ покупаютъ гробы, устроенные несообразно съ принятыми правилами; въ такомъ случаѣ, ко времени положенія умершаго въ гробъ, необходимо требуется предварительно обмазать его внутри и внѣ лакомъ съ известью; потомъ покрыть его большими мокрыми холщевыми простынями и поставить подъ дно гроба большіе сосуды съ водой,— въ самое короткое время лакъ и известь высохнутъ. За тѣмъ нужно натереть гробъ составомъ ли-цинъ, по вышеизложенному способу, и гробъ будетъ крѣпокъ и надеженъ. Бѣдныя семейства часто покупаютъ готовые гробы, съ внутренними и внѣшними трещинами. Для законопаченія ихъ сначала употребляютъ паклю съ известью, а потомъ нѣсколько разъ снова обмазываютъ гробъ составомъ порошка новой черепицы съ кровью свиньи. При послѣднемъ способѣ гробъ немного стоитъ издержекъ и выходитъ проченъ.

Въ погребальной церемоніи устройство гроба занимаетъ самое почетное мѣсто, потому что умершій одинъ только гробъ можетъ взять и употребить на себя, больше ничего; остальныя церемоніальныя принадлежности для мертваго не составляютъ предмета

крайней необходимости. Въ наше время есть люди, нисколько не заботящіеся объ устройствѣ гробовъ для своихъ умершихъ; многіе простираютъ свое нерадѣніе по этому предмету до того, что при выносѣ покойника равнодушно смотрятъ на вытекающую изъ гроба кровь и выскакивающихъ червей. Они обыкновенно, въ оправданіе свое, говорятъ: книга *Цзя-ли* трудна для выполненія, — и слагаютъ свою вину на буддійскихъ и даосскихъ монаховъ, не сознаваясь въ своей крайней безпечности при исполненіи обязанностей по отношенію къ праху и гробу покойнаго. Кто не замѣтитъ въ такихъ поступкахъ гнусныхъ примѣровъ непочтенія къ родителямъ? Почему бы имъ, вмѣсто пустыхъ тратъ на предметы безполезные, не озаботиться пріобрѣтеніемъ самонужнѣйшихъ вещей, требуемыхъ правилами погребальной церемоніи.

Въ домѣ умершаго приготовляется одръ (*ши-чуанъ*), для перенесенія на него тѣла покойнаго.

Примѣч. Этотъ одръ бываетъ обыкновенно безъ ножекъ и ставится передъ кроватью умершаго; на него постилаютъ цыновку и кладутъ подушку, для удобнѣйшаго исполненія процесса омовенія и малаго одѣванія.

Омовеніе. Для омовенія приготовляется свѣжая теплая вода и два полотенца: однимъ полотенцемъ отираютъ верхнюю часть тѣла, а другимъ нижнюю. Му-

жчинъ омываютъ мужчины, а женщинъ женщины. По окончаніи омовенія, полотенцы и вода зарываются въ землю.

Вещи, полагаемыя въ ротъ умершему. Въ богатыхъ домахъ, въ ротъ умершему кладутъ жемчугъ, драгоцѣнные камни, золото и серебро въ порошкахъ, и по преимуществу, одинъ серебряный порошокъ. *Сунъ-ми-ань* по этому случаю сказалъ: «Людямъ несостоятельнымъ достаточно класть въ ротъ своимъ умершимъ три зерна растенія шп-цзюнь-цзы, какъ вещь ѣдомую и имѣющую свойство умерщвлять въ разлагающемся организмѣ насѣкомыхъ.»

Малое одѣваніе (сяо-лянь). Послѣ омовенія, тотчасъ надѣваются на умершаго чистыя рубаха и исподницы. Потомъ начинаютъ обертывать каждый палецъ руки покойника слоемъ шелковой ваты; затѣмъ, снова окутавъ ватой всѣ пять пальцевъ, продолжаютъ такимъ образомъ далѣе вверхъ до ручной кисти и локтя; ноги крѣпко завертываютъ въ полотняные треугольники (опучи); остальныя же части тѣла покрываютъ слоемъ шелковой ваты, въ сгибахъ между костями обертываютъ особенно толстыми слоями. Затѣмъ изъ сырцовой шелковой матеріи сшиваютъ три длинные мѣшка. Два изъ нихъ надѣваютъ на руки до локтя; оставшіеся отъ мѣшковъ концы разрѣзываютъ на ленты шириною слишкомъ въ дюймъ,

и ими, начиная отъ ручной кисти, пеленаютъ руки до самыхъ плечъ и потомъ, перекрестивши ими спину, завязываютъ ихъ на груди. Такъ же точно и ноги они кладутъ сначала въ мѣшокъ и, потомъ разрѣзавъ концы мѣшка на ленты, шириною въ три слишкомъ дюйма, обертываютъ, начиная съ подошвъ ногъ до лядвій, и завязываютъ правые концы лентъ съ лѣвыми. Кромѣ того берутъ цѣльное полотнище той же матеріи, длиною вдвое больше тѣла покойнаго, и имъ окутываютъ тѣло, начиная съ плечъ и нисходя до заднихъ частей; оставшіеся два конца матеріи разрѣзываютъ на три ленты и подстилаютъ подъ спину. Двѣ крайнія ленты верхняго конца опускаютъ съ плечъ внизъ, а двумя крайними лентами нижняго конца обертываютъ задніе части, и затѣмъ верхніе и нижніе концы соединяютъ на поясницѣ. Среднею верхнею лентою иногда покрывается голова, и тогда обѣ среднія — верхняя и нижняя идутъ въ дѣло, а иногда онѣ обрѣзываются, какъ ненужныя. Подъ продольныя полотнища матеріи предварительно подстилаютъ два поперечныя полотнища той же матеріи; концы съ обѣихъ сторонъ разрѣзываются на три ленты; ими пеленаютъ грудь и брюхо. При этомъ если встрѣтится на матеріи прорѣха, то она немедленно должна быть зашита шелкомъ. Наконецъ облекаютъ умершаго въ новую одежду и надѣваютъ парадную шапку, вы-

прямивъ у покойника ноги и руки. Такъ въ настоящее время производится процессъ малаго одѣванія! Онъ кратокъ, удобоисполнимъ и надеженъ. Въ домахъ людей несостоятельныхъ употребляютъ на этотъ предметъ немного шелковой ваты, а бѣлый холстъ замѣняетъ при этомъ все остальное. И это средство такъ же достаточно для сохраненія праха покойнаго.

По окончаніи малаго одѣванія, приносится большое одѣяло, набитое мягкой древесной бумагой, длиною вдвое больше тѣла покойнаго, и на столько широкое, чтобъ достаточно было обернуть и накрыть трупъ. За тѣмъ поднявъ трупъ, постилаютъ это одѣяло на поверхности одра и полагаютъ трупъ въ выпрямленномъ положеніи на средину одѣяла. Потомъ покрываютъ его со всѣхъ сторонъ одѣяломъ и оставляютъ въ такомъ видѣ до времени большаго одѣванія.

Приготовленія къ жертвѣ возліянія вина (длиь).

Предварительное приготовленіе къ этой жертвѣ. По окончаніи малаго одѣванія, ставится столъ предъ одромъ умершаго, на которомъ въ порядкѣ располагаются курильницы, свѣчи, рюмка для вина и чайныя чашки; такъ же — особо ставятъ на столѣ оставшіяся отъ покойнаго любимыя его яства; прибавляются къ этому и вновь купленныя жертвенныя вещи.

Процессъ жертвоприношенія. Сы-чжу подходитъ къ столу и, ставъ на колѣни, возжигаетъ куренье и возливаетъ вино на столѣ; за тѣмъ, поклонившись въ землю, поднимается. Носящій большой трауръ (*сяоцзы*) позади его стоитъ на колѣняхъ, и только, падая на землю, производитъ плачъ; онъ не дѣлаетъ земныхъ поклоненій. Слѣдующіе за нимъ младшіе члены семейства дважды кланяются въ землю. Такъ оканчивается жертва дянь, и жертвенныя вещи накрываются скатертью. Если мужъ распорядителемъ при похоронахъ своей жены, или братъ по своемъ братѣ, то въ первомъ случаѣ — мужъ, стоя, приноситъ жертву и возливаетъ вино, дѣлая при этомъ поклоны въ поясъ, — а въ послѣднемъ случаѣ братъ такъ же самъ совершаетъ этотъ обрядъ, стоя на колѣняхъ. При этихъ случаяхъ не бываетъ сы-чжу. Вообще обрядъ дянь совершается по вышеизложенному способу.

Жертва дянь есть какъ бы основанное на простомъ законѣ по отношенію къ ближнимъ служеніе своему ближайшему предку; въ этомъ актѣ ему подносятся съѣстныя вещи, какъ бы живому. По этому при жертвѣ дянь не бываетъ возліянія вина на землю и не читается молитвъ. Только носящій большой трауръ (сяоцзы) производитъ плачъ, а сы-чжу вмѣсто него возжигаетъ куренья и возливаетъ вино. И, въ самомъ дѣлѣ сяо-цзы въ эти минуты бываетъ пресс-

полненъ грусти, потому онъ не въ силахъ самъ выполнить обрядныя правила. Существуетъ обычай въ день смерти умершаго совершать жертву дянь, когда сяо-цзы самъ совершаетъ всѣ подробности этого обряда и даже читаетъ молитву. Но таковыя дѣйствія обличаютъ въ совершителѣ нетерпѣливое желаніе — скорѣе водворить умершаго въ числѣ умершихъ предковъ. А съ другой стороны — должно ли въ такія критическія минуты заводить въ домѣ совершенно напрасно такъ много лишняго?

Одръ переносится съ прахомъ умершаго на средину зала и ставится рядомъ съ гробомъ.

Примѣч. По окончаніи жертвы дянь гробъ вносится въ средину залы; вслѣдъ за тѣмъ переносится и одръ съ умершимъ и ставится рядомъ съ гробомъ для удобнѣйшаго совершенія процесса большаго одѣванія.

Большое одѣваніе и положеніе во гробъ.

Если семизвѣздная доска не полагается во гробъ, то на поверхности постланной туда мягкой бумаги, раскладываютъ перевязки, сдѣланныя изъ толстаго бумажнаго холста, вдоль гроба — въ одно полотнище, а поперегъ—въ три. Каждое полотнище съ обоихъ концевъ разрѣзывается на три ленты. Поперечныя настилаются внутри гроба сначала, а на верхъ ихъ по-

лагается продольное полотнище, концы котораго выпускаются по краямъ гроба. Потомъ, взявшись за одѣяло, которымъ покрытъ умершій еще во время малаго одѣванія, общими силами приподнимаютъ его и полагаютъ въ гробъ; при этомъ расправляютъ одѣяло, чтобы не оставить на немъ складокъ. Потомъ раскрывъ одѣяло, подкладываютъ подъ голову подушку, съ боку которой кладутъ выпавшіе зубы и вылѣзшіе волосы покойнаго. За тѣмъ ощупываютъ во гробѣ незанятыя пустоты и закладываютъ ихъ мягкою бумагою (*мянь-чжи*). Въ настоящее время принято обычаемъ: одному изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго, сбрасывать съ себя платье для прикрытія имъ пустотъ гроба. Мысль, конечно, хороша, но необходимо нужно, чтобы это платье было вымыто, чисто и сухо. Такого рода жертвователи обыкновенно разрываютъ свое платье на куски и ленты, и, смотря по величинѣ и малости пустоты, замѣщаютъ ихъ. При этомъ наблюдаютъ, чтобы прахъ умершаго лежалъ во гробѣ въ прямомъ и невозмутимомъ положеніи. Далѣе накрываютъ умершаго малою простынею, выкроенной по величинѣ гроба, — и, свернувши одѣяло сверху и снизу и прикрывши лѣвою стороною правую, производятъ окончательный процессъ пеленанія. Сначала связываютъ продольные концы полотнищъ, а потомъ поперечные. Кончивъ обрядъ большаго одѣянія,

тотчасъ же закрываютъ гробъ крышей. Открывшіеся при этомъ на поверхности гроба пазы и трещины заливаютъ сырымъ лакомъ съ фарфоромъ и известью, и запечатываютъ деревянными гвоздями, а отнюдь не желѣзными. При этомъ строго запрещается влагать въ гробъ металлы, драгоцѣнныя и рѣдкія вещицы, чтобы не привлечь чрезъ то вниманія татей?

Есть люди, которые сомнѣваются въ существованіи у древнихъ обычая — при одѣваніи пеленать умершаго. Они увѣряютъ, что въ настоящее время обыкновенно, облачивъ умершаго, оставляютъ непокрытымъ его тѣло; но употреблять при этомъ такой нескромный способъ пеленанія, что совершенно закрывать голову и ноги умершаго — никакъ не слѣдуетъ. Способы пеленанія, употребляемые при большомъ и маломъ одѣваніи умершаго, имѣютъ цѣлію — сохраненіе въ цѣлости всѣхъ частей его тѣла. Пусть упрекаютъ насъ въ томъ, что посредствомъ пеленанія мы закрываемъ фигуру умершаго; но развѣ крыша гроба не закрываетъ такъ же фигуры покойнаго? Кромѣ того извѣстно, что мертвое тѣло весьма легко подвергается разложенію. Въ былое время слышалъ я отъ однаго почтеннаго господина разсказъ о похоронахъ знакомаго ему человѣка, въ жаркую пору скончавшагося и ранѣе мѣсяца послѣ смерти погребеннаго; когда процессія погребальная дошла до неровныхъ мѣстъ, вдругъ

носилки обломились, гробъ упалъ, крышка его открылась и всѣ увидѣли, что голова умершаго лежитъ подлѣ ногъ; а можно бы избѣжать такого несчастія, если бы умершій былъ окутанъ пеленами. Глубока мысль древнихъ, опредѣлившихъ правила пеленанія умершихъ!

Въ древности, при большомъ одѣваніи, надѣвали сначала на умершаго нѣсколько десятковъ костюмовъ, а потомъ уже закрывали его одѣяломъ и пеленами. Но, по книгѣ *Цзя-ли*, процессъ малаго одѣванія вовсе оставленъ; въ то время не пеленали вовсе покойника и не закрывали ему лица. Въ день же положенія во гробъ въ первый разъ накрывали его и пеленали. Такимъ образомъ обрядъ малаго одѣванія и пеленанія соединенъ съ большимъ одѣваніемъ, совершаемымъ въ день положенія умершаго во гробъ. Правила для этого не многосложны и удобны для выполненія. *Цюцюнъ-шанъ* непремѣнно совѣтуетъ въ своихъ сочиненіяхъ держаться обоихъ обрядовъ одѣванія умершаго, согласно съ древними преданіями; но его правила слишкомъ тяжелы и неудобны.

Приготовленія къ жертвоприношенію (дянь) умершему. По окончаніи процесса большаго одѣванія, тотчасъ приносится скончавшемуся жертва дянь, за которою уже слѣдуетъ положеніе тѣла умершаго во гробъ.

Правила при жертвѣ одинаковы съ церемоніею,

изложенною при маломъ одѣваніи. Сы-чжу, возжегши куренья и разливши вино въ рюмки, читаетъ во всеуслышаніе доносительную рѣчь. Въ этой рѣчи говорится: (Сяо-цзы) сынъ въ большомъ траурѣ, по имени такой-то, осмѣливается выразить скорбныя чувства предъ прахомъ своего отца по имени такого-то. Избытокъ содѣланныхъ имъ неправдъ разразился несчастіемъ на тебѣ—его родителѣ, такомъ-то. Обязанный тебѣ рожденіемъ, воспитаніемъ и безчисленными благодѣяніями, онъ вдругъ лишился тебя навѣки. И вотъ теперь предстоитъ совершить надъ тобою обрядъ положенія во гробъ. Ужъ не услышитъ онъ больше твоихъ отеческихъ наставленій и не увидитъ тебя! Увы! его сѣтованія ужасны! Зачѣмъ такъ внезапно онъ доведенъ до такого крайняго несчастія? О чемъ съ благоговѣніемъ доношу.

Въ книгѣ *Цзя-ли* вовсе не упомнается о доносительной рѣчи *(гао-сы)*. Въ настоящее же время введена она между народомъ, только самая церемонія при этомъ совершается по правиламъ простаго возліянія вина предъ прахомъ предковъ *(дянь-ли)*, а не совершается полной жертвы предкамъ — по правиламъ *Цзи-ли*. Нѣкоторые увѣряютъ, что если этотъ актъ совершается не по церемоніямъ полной жертвы предкамъ *(Цзи-ли)*, то не нужно совершенно при этомъ и доносительной рѣчи. Но при процессѣ большаго

одѣванія и положенія во гробъ родственнаго тѣла, съ которымъ уже больше нельзя увидѣться, естественно рождается у ближайшихъ родственниковъ умершаго опасеніе насчетъ спокойствія и безмятежности души новойнаго. По этому доносительная рѣчь произносится съ цѣлію успокоить душу умершаго. Ясно, мысль этого прибавленія вытекаетъ изъ родственныхъ благожеланій душѣ покойнаго. Впрочемъ доносительная рѣчь (гао-сы) не одно и то же съ молитвой *(чжу-вэнь)*. Она подобна тѣмъ рѣчамъ, которыя читаются послѣ жертвоприношеній предкамъ, извѣстнымъ подъ именемъ *цзу-дянь* и *и-дянь,* и такъ же, по видимому, нисколько непротиворѣчитъ сущности церемоніи. Доносительная рѣчь (гао-сы) произносится устно и не предается сожженію; а чжу-вэнь—молитва всегда излагается на бумагѣ и по прочтеніи сожигается. Доносить что либо устно—значитъ служить предкамъ, по обыкновенному человѣческому закону; а процессъ сожженія молитвы — выражаетъ служеніе предкамъ—какъ духамъ. Послѣ погребенія, жертвою *юй-цзи* начинается уже совершеніе полныхъ жертвъ предкамъ, при чемъ сожигаются и доносительныя молитвы.

Объ устройствѣ холщеваго занавѣса. Въ залѣ, гдѣ лежитъ умершій, устроиваютъ холщевой занавѣсъ, который ставятъ предъ гробомъ; онъ отдѣляетъ приходящихъ посѣтителей отъ членовъ семейства.

О приготовленіи хунь-бо (куклы для души). Въ томъ же залѣ становятъ куклу души. Ее обыкновенно сшиваютъ изъ пяти аршинъ бѣлой шелковой матеріи. Этотъ кусокъ матеріи свертываютъ въ одну длинную трубку и на самой срединѣ завязываютъ узломъ; изъ верхняго отъ узла конца выходитъ голова, а изъ двухъ сторонъ узла — уши; изъ висящаго же внизъ, втораго отъ узла конца, дѣлаютъ двѣ ноги. Эта фигура человѣческая предназначается для обиталища въ ней души покойнаго.

Объ устройствѣ линъ-цзо (сѣдалища для души). Вмѣстѣ съ тѣмъ устрояваютъ сѣдалище для души (*линъ-цзо*).

Передъ гробомъ, внѣ занавѣса, становятъ кресло съ подушкой; на эту подушку размѣщаютъ оставшуюся послѣ покойнаго одежду. Потомъ вносятъ въ комнату сколоченный на этотъ случай изъ бамбука человѣческій скелетъ и, облачивъ его въ одежду покойнаго, сажаютъ въ кресло, какъ живаго человѣка, съ сложенными благоговѣйно у груди руками. Поверхъ одежды скелета подшиваютъ шелкомъ куклу души. За тѣмъ предъ кресломъ скелета ставятъ столъ, на которомъ разставляютъ куренья, свѣчи, и проч. вещи, нужныя для жертвы дянь. *1-е примѣч.* Жертва дянь приносится при этомъ случаѣ по изложеннымъ выше правиламъ. *2-е примѣч.*

Оставшуюся послѣ покойнаго одежду располагаютъ такъ же и на отдѣльномъ креслѣ, куклу души ставятъ особо на подушку кресла.

Приготовленіе къ жертвѣ дянь.

Правила при этой жертвѣ одинаковы съ вышеизложенными. Въ доносительной рѣчи прибавляется: Непочтительный сынъ, по имени такой-то, осмѣливается во всеуслышаніе объявить предъ прахомъ своего родителя, по имени такого-то, слѣдующее: глубоко скорбитъ онъ о потерѣ своего родителя, по имени такого-то; ужъ запечатанъ твой гробъ, и онъ внезапно лишился тебя навсегда; благоговѣйно приготовивъ сѣдалище для твоей души, онъ, исполненный скорбныхъ чувствъ, со слезами подноситъ тебѣ въ жертву вино; о чемъ осмѣливаюсь донести.—Остальное такъ же по прежнему.

Примѣч. Случается, что нѣкоторые умираютъ на чужбинѣ; въ такомъ случаѣ члены семейства, получивъ объ этотъ извѣстіе, тотчасъ устроиваютъ линъ-цзо (сѣдалище для души) и совершаютъ обрядъ дянь. Въ доносительной рѣчи умершему, вмѣсто словъ: *ужъ запечатанъ гробъ, и мы внезапно лишились тебя навсегда*, говорятъ: Хоть ты скончался и далеко, въ такомъ-то мѣстѣ, но когда скорбная вѣсть о твоей

кончинѣ достигла нашего дома, мы осмѣлились устроить сѣдалище для твоей души, и пр.

Именное знамя (минъ-цзинъ) устроивается изъ шелковой матеріи фіолетоваго цвѣта и бываетъ шириною въ цѣльное полотнище матеріи. У чиновниковъ первыхъ трехъ классовъ оно бываетъ длиною до девяти аршинъ, пятаго класса и ниже восемь аршинъ, шестаго класса и ниже по семи аршинъ. На знамени дѣлается надпись: *Гробъ такого-то чиновника, по имени такого-то.* Если умершій не чиновникъ, то на знамени пишутся его родовая фамилія и имя. Именное знамя привѣшивается къ крючку, который въ свою очередь прикрѣпляется къ древку, подобно обыкновенному вопискому знамени, только нѣсколько длиннѣе сего послѣдняго. Къ верхнему концу знамени придѣлывается треугольный вѣнчикъ, а къ нижнему деревянный пьедесталъ, который соединенъ во всю длину знамени съ вѣнчикомъ посредствомъ бамбуковаго столбика. Это знамя ставится въ залѣ, по правую сторону, рядомъ съ сѣдалищемъ души (линъ-цзо). На именномъ знамени не слѣдуетъ выставлять посмертное имя умершаго и жалуемый государемъ по смерти умершему чинъ, не нужно тоже прибавлять въ концѣ заимствованныя имена и прозванія славныхъ мужей.

По книгѣ *Цзя-ли* устроивается кукла для водворенія въ ней души умершаго и именное зна-

мя (мпиъ-цзииъ) для того, чтобы знать народу, кто таковъ умершій. Но въ настоящее время въ народѣ, сверхъ сказанныхъ двухъ вещей, еще прибавляютъ *лиъ-сэй* — табель умершаго. Церемонія приготовленія этой послѣдней вещи не для всѣхъ удобна. Въ такомъ случаѣ вмѣсто именнаго знамени достаточно употреблять табель. Хотя ученые и вельможи, кромѣ куклы души (лпиъ-хунь) и именнаго знамени (мпиъ-цзииъ), употребляютъ при настоящемъ случаѣ особо табель умершаго, но это незаконно.

Въ домѣ умершаго приготовляютъ кровать для души, которую и ставятъ въ залѣ на восточной сторонѣ отъ гроба.

Примѣч. Эта кровать снабжается пологомъ, подушкою и одѣяломъ. На ней совершается каждодневное отдохновеніе души во время ночи, подобно тому, какъ умершій спалъ при жизни въ обыкновенное время. По случаю же тѣсноты комнатъ, кровать души не всегда употребляется.

За тѣмъ въ домѣ умершаго приготовляются пригласительные билеты къ родственникамъ и друзьямъ.

Примѣч. Хо-санъ и сы-шу, вмѣсто носящаго большой трауръ, отправляютъ билеты. Форма билетовъ должна быть сообразна съ мѣстными обычаями. На каждомъ билетѣ выставляется имя чжу-сана (распорядителя).

Въ книгѣ *Ли-цзи*, въ отдѣлѣ *Сан-ли*, носящій большой трауръ называется при настоящемъ случаѣ *ай-цзы* или *ай-сунь-цзы*, сыномъ или внукомъ, оплакивающимъ смерть отца или дѣда. При похоронныхъ жертвахъ онъ носитъ названіе *сяо-цзы* или *сяо-сунь*, почтительнаго сына или внука, а на пригласительныхъ билетахъ, если скончался отецъ, его называютъ *гуа-цзы*—сиротой, а если скончалась мать *ай-цзы*—плачущимъ сыномъ. Если умерли отецъ и мать вмѣстѣ, его величаютъ на билетахъ *гуа-ай-цзы*—осиротѣвшимъ, плачущимъ сыномъ. Впрочемъ это непмѣетъ основанія въ древнихъ церемоніяхъ и выдумано народомъ время отъ времени. Вещь, конечно, не необходимая, но для исполненія удобная.

На третій день послѣ смерти, въ домѣ умершаго облекаются въ траурное платье. Существуетъ для этого пять видовъ траурныхъ одеждъ. Каждый членъ семейства умершаго надѣваетъ свою одежду.

Примѣч. По древнимъ церемоніямъ, послѣ акта малаго одѣванія умершаго, всѣ члены семейства держались правила не застегивать платья, не заплетать волосъ и носить на головѣ бѣлую холщевую повязку. Но на четвертый день каждый изъ нихъ одѣвался въ свой трауръ. *Сы-ма-вэнь-гунъ* говоритъ: «Съ минуты положенія умершаго во гробъ до конца плача протекаетъ времени слишкомъ много. Еслибы всѣ не-

ріодъ траура не надѣвали парадной шапки, а ходили въ незастегнутомъ платьѣ и бѣлыхъ повязкахъ, то они естественно возбудили бы къ себѣ страхъ въ народѣ. И такъ каждому достаточно носить во время траура положенную по похоронным церемоніямъ одежду.» Въ настоящее время обыкновенно на третій день надѣваютъ трауръ. Этому правилу нужно слѣдовать. Но бродить разстегнутымъ, распускать волосы и носить бѣлыя повязки на головѣ — трудно для простаго народа.

Пять видовъ траурнаго платья.

Первый видъ платья называется *чжань-цуй* — неподрубленнымъ холщевымъ платьемъ, въ которое облекаются на три года.

Примѣч. Этотъ видъ платья приготовляется изъ самаго грубаго пеньковаго холста. Слово *чжань* значитъ неподрубленный. Вообще у этого платья полы и подолъ не подрублены.

Второй видъ траурнаго платья называется *цзи-цуй* — съ подрубленными полами и подоломъ; при этомъ платьѣ вмѣняется въ обязанность носить посохъ; въ него облекаются на одинъ годъ.

Есть траурное платье *цзи-цуй* безъ посоха, го-

довое, за тѣмъ есть *цзи-цуй* пятимѣсячное и трехмѣсячное.

Примѣч. Слово *цзи* значитъ подрубленный. Платье цзи-цуй приготовляется изъ довольно ровнаго пеньковаго холста, съ подрубленными подоломъ и полами.

Въ книгѣ *Цзю-ли* упоминается о платьѣ *цзи-цуй* трехгодовомъ, въ которое облекаются дѣти по смерти матери своей. По правиламъ же, принятымъ въ настоящее время, при трехлѣтнемъ траурѣ всѣ надѣваютъ платье *чжань-цуй* и тѣмъ самымъ отвергаютъ сказаніе книги *Цзю-ли*.

Третій видъ траурнаго платья называется *да-гунъ*; въ него облекаются на девять мѣсяцевъ.

Примѣч. Одежда дагунъ получила свое названіе отъ способа приготовленія холста грубаго и рѣдкаго. Покрой этого наряда одинаковъ съ одеждою *цзи-цуй*, онъ приготовляется непремѣнно изъ грубаго, выбѣленнаго холста.

Четвертый видъ траурнаго платья называется *сяо-гунъ*. Его носятъ только пять мѣсяцевъ.

Примѣч. Одежда сяо-гунъ такъ названа по способу приготовленія холста тонкаго и частаго. Покрой этого платья одинаковъ съ покроемъ *да-гунъ*; шьется изъ довольно тонкаго, выбѣленнаго холста.

Пятый видъ траурнаго платья, сшиваемаго изъ тонкаго пеньковаго полотна, называется *сы-ма*—трехмѣсячный.

Примѣч. Слово *сы* съ словомъ *са* шелкъ — синонимы. Нити изъ лучшей пеньки выходятъ въ полотнѣ тонкія, какъ шелкъ. Пеньковыя лучшія полотна моютъ и пропариваютъ въ кипяткѣ; они идутъ на устройство траурныхъ повязокъ и поясовъ; по этому этотъ видъ пеньковаго холста и называется *сы-ма*. Покрой пятаго вида траурнаго платья одинаковъ съ покроемъ сяо-гунъ; матеріалъ для него самый тонкій, выбѣленный холстъ.

О различіи между траурными одеждами. Изъ пяти видовъ траурныхъ одеждъ чжань-цуй занимаетъ самое почетное мѣсто, а слѣдующіе за нимъ наряды цзы-цуй, да-гунъ, сяо-гунъ и сы-ма постепенно одинъ за другимъ исходятъ на меньшую степень важности. По правиламъ древнихъ, одежда цзы-цуй различно употреблялась при трехлѣтнихъ, однолѣтнихъ съ посохомъ и безъ посоха, пятимѣсячныхъ и трехмѣсячныхъ траурахъ.

По нынѣшнимъ же правиламъ, при трехлѣтнихъ траурахъ носятъ одежду чжань-цуй; такимъ образомъ она есть единственный трехлѣтній траурный нарядъ. Но одежды цзы-цуй, употребляемыя при однолѣтнихъ съ посохомъ и безъ посоха, пяти— и трехмѣсячныхъ траурахъ, всѣ одинаковы. Одежды же да-гунъ, сяо-гунъ и сы-ма имѣютъ каждая свое отличіе. Это непзмѣнный въ настоящую пору, опредѣленный законъ. Правда есть трауры, которые въ своей формѣ имѣютъ

нѣкоторыя особенности, а именно къ нимъ пришиваются на груди и спинѣ по куску холста и трехсоставные воротники. Объяснители церемоній часто называли наряды чжань-цуй и цзы-цуй одинаковыми, но между ними нельзя не замѣтить различія. Въ объясненіяхъ на книгу *Ли* говорится: «Носящій большой трауръ пришиваетъ на поверхности траурнаго платья къ груди лоскутъ холста, называющійся *цуй*, и такой же лоскутъ къ спинѣ, называемый *фу-бань*, правую и лѣвую сторону шеи защищаетъ воротникомъ, называющимся *пи-линъ*. Эта прибавка соединяетъ въ себѣ ту мысль, что сердце сяо-цзы (носящаго большой трауръ) до такой степени пропитнуто скорбію, что куда онъ ни обращается, нигдѣ ненаходитъ себѣ успокоенія. Ясно, что цуй, фу-бань и пи-линъ суть особенныя принадлежности одежды сяо-цзы, и такого рода платье исключительно должно быть употребляемо дѣтьми при траурахъ по отцѣ или матери.» *Цюцюнъ-шань* въ объясненіи на книгу *Цзя-ли* увѣряетъ, будто всѣ пять видовъ траурнаго платья цзы-цуй должны имѣть цуй, фу-бань и пи-линъ; но объ этомъ нужно внимательнѣе поразсудить. Одежда цзы-цуй годовая съ посохомъ, употребляется сыномъ при жизни отца по случаю смерти своей матери; трехлѣтній нарядъ цзы-цуй носитъ мать семейства по случаю смерти своего мужа. Однолѣтній и безъ посоха на-

рядъ цзы-цуй носятъ, какъ трауръ, по дѣдѣ и бабкѣ, по дядяхъ и теткахъ; пятимѣсячный трауръ цзы-цуй носятъ по прадѣдѣ и прабабкѣ, а трехмѣсячный нарядъ цзы-цуй по прапрадѣдѣ, прапрабабкѣ и по старшихъ родственникахъ въ домѣ отчима, когда въ семъ послѣднемъ случается девятимѣсячный трауръ да-гунъ. Такимъ образомъ *Цю-цюнъ-шань,* украсивши трауръ цзы-цуй цу-емъ, фу-ба-немъ и пи-ли-номъ, поставилъ его самовольно въ ровень съ костюмомъ чжань-цуй. Онъ далѣе продолжаетъ: «Въ такого рода трауры имѣютъ право облекаться только младшіе по смерти старшихъ.» Между тѣмъ въ числѣ годовыхъ трауровъ цзы-цуй съ посохомъ и безъ посоха, у него помѣщены трауры по братьяхъ, женѣ, дѣтяхъ, дочеряхъ, племянникахъ и даже внукахъ, и при всѣхъ этихъ случаяхъ онъ совѣтуетъ употреблять костюмы съ цуемъ, фу-ба-немъ и пи-ли-номъ. Не противорѣчатъ ли такого рода трауры старшихъ по младшихъ вышеприведенной его мысли? Души скончавшихся младшихъ членовъ семейства не имѣютъ нужды въ такой чести отъ старшихъ. Такимъ образомъ, по объясненію *Цю-цюнъ-шаня*, всѣ трауры цзы-цуй должны быть снабжены подшивками на груди, спинѣ и воротникомъ. Ужъ слишкомъ много прибавилъ онъ несообразнаго съ принятыми правилами о траурахъ. Въ настоящее же время принято, при трехлѣтнихъ только траурахъ,

употреблять нарядъ чжань-цуй, а одежда *цзы-цуй* не считается принадлежностью трехлѣтняго траура. Изъ соображенія церемоній, принятыхъ въ домѣ *Вэнь-гуна*, съ повѣствованіями *Янъ-фу* открывается, что цуй, фу-бань и пи-линъ составляютъ исключительную принадлежность одежды чжань-цуй. Относительно же костюмовъ цзы-цуй нужно замѣтить, что если трауръ въ домѣ совершается въ честь старшихъ родственниковъ, то можно и къ этому платью пришивать цуй, фу-бань и пи-линъ, а если трауръ въ память равныхъ или младшихъ родственниковъ, то не слѣдуетъ употреблять платья съ пашивками. Шапки при костюмахъ цзы-цуй въ годовыхъ съ посохомъ или безъ посоха, пятимѣсячныхъ и трехмѣсячныхъ траурахъ, одинаковой формы. Все здѣсь сказанное, повидимому, согласно съ духомъ принятыхъ церемоній, но я все таки съ почтеніемъ повергаю свои мнѣнія на судъ мудрецовъ, знатоковъ отечественныхъ церемоній.

Въ самый день облаченія въ траурныя одежды, въ домѣ умершаго дѣлаются приготовленія къ жертвѣ (дянь) возліянія вина, которая совершается при настоящемъ случаѣ съ большею пышностію, чѣмъ въ другое время.

Правила жертвенныя. Сяо-цзы (носящій большой трауръ) занимаетъ свое мѣсто; за нимъ и всѣ остальные члены семейства становятся на свои мѣста. Це-

ремонія начинается плачемъ и громкими рыданіями, во время которыхъ дѣлаются 4 поясные поклона и 4 колѣнопреклоненія. Потомъ сы-чжу отходитъ въ особое мѣсто для умовенія рукъ и, подошедши къ сѣдалищу души, становится предъ нимъ на колѣни. Здѣсь три раза возжигаетъ онъ благовонныя куренья и три раза приноситъ въ жертву вино. Сдѣлавъ обычныя земныя поклоненія, онъ встаетъ и знакомъ руки останавливаетъ плачъ сѣтующихъ. За тѣмъ онъ произноситъ доносительную рѣчь умершему. По окончаніи рѣчи сяо-цзы и присутствующіе при церемоніи падаютъ на землю, потомъ, вставши, дѣлаютъ 4 поясные поклона и 4 колѣнопреклоненія. Въ заключеніе снова начинается плачъ и раздаются громкія рыданія, — чѣмъ церемонія и оканчивается.

Когда мужъ, при похоронахъ своей жены, или братъ по братѣ, бываютъ сами распорядителями (санъ-чжу), въ такомъ случаѣ къ правиламъ настоящей церемоніи прибавляется особое для нихъ мѣсто. Мужъ самъ совершаетъ весь обрядъ, дѣлая при этомъ только поясные поклоны, а братъ совершаетъ обрядъ, стоя на колѣняхъ. При этомъ доносительная рѣчь можетъ быть произнесена чрезъ сы-чжу.

Доносительная рѣчь. Такого-то года, мѣсяца и числа, сяо-цзы, по имени такой-то, осмѣливается явственно донести предъ прахомъ (гаосы) своего пред-

ка, по имени такого-то, слѣдующее: глубока его скорбь о потерѣ тебя, его родителя, по имени такого-то. Уже запечатанъ твой гробъ, и ты такъ внезапно удалился изъ нашего круга. Удручаемый печалью, онъ отложилъ свои украшенія и превратился въ неутѣшно плачущаго, потому что твои благодѣнія къ нему необъятны и велики, какъ небо. Вотъ уже сегодня онъ и всѣ члены семейства облеклись каждый въ свой трауръ и исполнились скорби невыразимой. О чемъ почтеннѣйше доношу.

Въ книгѣ *Цзюли* вовсе не упоминается о доносительной рѣчи. Но теперь многими принято произносить рѣчи, и даже совершаютъ при настоящемъ случаѣ полную жертву (цзи-ли) умершему, какъ предку, — чего вовсе не слѣдуетъ. Въ настоящее время обыкновенно совершаютъ въ это время обрядъ дянь—принесенія въ жертву вина, съ присовокупленіемъ и доносительной при этомъ рѣчи.

Облекшись въ траурное платье, члены семейства совершаютъ предъ гробомъ умершаго каждое утро и вечеръ жертву дянь (возліянія вина), а во время обѣда подносятъ ему яства.

Правила жертвенныя. Каждый день рано утромъ приготовляется передъ кроватью души (лянъ-чуанъ) сосудъ съ водой и полотенце; носящій трауръ (сяоцзы) снимаетъ съ постели куклу души (хунь-бо) и

переноситъ ее на сѣдалище души (линъ-цзо). За тѣмъ разставляются передъ ней въ жертву закуски, плоды, сухія мяса и мясныя супы; послѣ чего сы-чжу, ставъ на колѣни, зажигаетъ благовонныя свѣчи и возливаетъ вино, а сяо-цзы, упавши на землю, производитъ плачъ. Этимъ жертва дянь оканчивается, — и всѣ жертвенныя вещи на столѣ накрываются скатертью. Во время обѣда убираютъ утреннія жертвенныя вещи и подносятъ въ жертву обыкновенныя, ежедневно въ домѣ употребляющіяся, приправы къ кушаньямъ и самыя блюда. Правила принесенія этой жертвы одинаковы съ утренней жертвой. Вечерняя жертва равнымъ образомъ совершается по образцу утренней жертвы, съ тою только разницею, что по окончаніи жертвы возліянія вина, сяо-цзы относитъ куклу души на ея духовную кровать. Этого рода церемоніи неизмѣнно повторяются каждый день. Въ первыя и пятнадцатыя числа каждаго мѣсяца приправы къ кушаньямъ и число блюдъ бываютъ въ бо̀льшемъ обиліи. Эти домашнія церемоніи оканчиваются тотчасъ послѣ погребенія умершаго и принесенія ему жертвы *юй*.

Если, по тѣснотѣ дома, неустроено кровати для души (линъ-чуань), то при каждой утренней и вечерней жертвѣ совершается только обрядъ дянь (возліянія вина), и ужъ нѣтъ необходимости вносить и выносить куклу души (хунь-бо).

Принято даже при каждой утренней и вечерней жертвѣ читать доносительную рѣчь умершему; но эта затѣя до крайности безполезна и лишня; не нужно ей подражать.

По книгѣ *Цзю-ли*, при каждой вообще жертвѣ дянь непремѣнно долженъ быть сы-чжу. А если нѣкому поручить эту обязанность, то онъ необходимо долженъ быть употребляемъ по крайней мѣрѣ со дня смерти покойнаго до времени облаченія въ трауръ. Послѣ же облаченія въ трауръ всѣ утреннія и вечернія жертвы, а равно подносимыя въ жертву яства сяо-цзы можетъ выполнить одинъ, безъ участія сычжу. И меньше церемоніальности въ домѣ, и удобнѣе для выполненія. Но въ самый день погребенія, церемоніальныхъ правилъ положено чрезвычайное множество; по этому случаю необходимо нужно приглашать сычжу.

Перваго числа каждой луны во время утренняго жертвеннаго возліянія вина предлагаются въ жертву яства.

Если случаются въ эту пору вновь созрѣвшіе плоды, то предлагаютъ и ихъ въ жертву.

Примѣч. Разнаго рода приправы и плоды могутъ красоваться на столѣ въ числѣ жертвенныхъ вещей,

какъ и въ обыкновенное время при жертвѣ: днянь. Если къ этому времени поспѣютъ хлѣбныя произрастенія, то отъ каждаго сорта хлѣба подносится въ жертву и новина, которая присовокупляется къ числу снѣдныхъ блюдъ.

Прибавленіе о семи жертвахъ чрезъ семь и сто дней послѣ смерти. Въ книгѣ *Цзя-ли-цзунъ* говорится: «Государю приносится жертва юй девять разъ, въ каждый девятый день со дня его кончины, удѣльнымъ князьямъ семь разъ—въ каждый седьмый день, простымъ вельможамъ пять разъ — въ каждые пять дней, ученымъ три раза—въ каждые три дня.» Впослѣдствіи народъ, по смерти своихъ родственниковъ, чрезъ каждые семь дней поставилъ необходимостью приносить въ своихъ домахъ жертвы Буддѣ и приглашать для совершенія этихъ жертвъ буддійскихъ монаховъ, которые объясняютъ народу, будто въ продолженіи каждой своей службы они постоянно видятъ исходящаго изъ земли одного изъ десяти правителей духовъ. Ужасное заблужденіе! По книгѣ *Хуйдянь* Минской династіи, по кончинѣ супругъ государя, великихъ князей, гуновъ и хоу—семь разъ, чрезъ каждые семь дней, и въ сотый день особенно, были отправляемы государемъ чиновники для жертвоприношенія. Въ домахъ же ученыхъ и вельможъ чрезъ каждые семь дней приносили своимъ умершимъ въ

жертву животныхъ и вино. По книгѣ же *Хуйдянь*, составленной при нынѣшней династіи *Цинъ*, государь *Канси* въ седьмое лѣто своего правленія, прибавилъ и утвердилъ разные роды жертвоприношеній, на случай кончины старшихъ принцессъ своего дома и ихъ мужей, а равно и для выслужившихся изъ простаго званія гуновъ, всѣхъ низшихъ чиновниковъ и всего вообще народа. Тамъ опредѣлено приносить въ сотый день по смерти, при годовой жертвѣ и при всѣхъ обыкновенныхъ жертвахъ вдвое мéньшее количество жертвенныхъ вещей, чѣмъ при жертвахъ *чу-цзи* и *да-цзи*. Въ настоящее время приняты слѣдующія правила: семь разъ чрезъ каждые семь дней, во время утренней жертвы дянь предлагается жертвенныхъ съѣстныхъ вещей несравненно больше, чѣмъ въ другіе дни. Если въ сказанные дни случатся 1-е и 15-е числа мѣсяца, то жертва совершается по особымъ правиламъ, положеннымъ для первыхъ и пятнадцатыхъ чиселъ мѣсяца.

Правила о жертвѣ въ сотый день увидимъ ниже.

Вообще по случаю прихода посѣтителей, сяо-цзы за занавѣсомъ падаетъ на землю, а всѣ его племянники или внуки выходятъ изъ-за занавѣса и падаютъ на земь. По окончаніи плача посѣтителями, сяо-цзы съ своими племянниками или внуками кланяются имъ въ ноги и благодарятъ за посѣщеніе.

Черезъ сто дней оканчивается періодъ плача и убираются вещи, ежедневно употреблявшіяся при утреннихъ и вечернихъ жертвахъ (дянь). Съ этого дня сяо-цзы получаетъ разрѣшеніе спать на цыновкѣ, подкладывать подъ голову деревянную подушку и вкушать постную пищу.

Цань-вэнь-чжи Сянь-шэнъ сказалъ: «Въ древности чрезъ три мѣсяца совершали обрядъ погребенія; при погребеніи приносили умершему жертву юй. Съ принесеніемъ этой жертвы періодъ плача оканчивался. Въ настоящее же время по разнымъ обстоятельствамъ не успѣваютъ иногда приготовить приличное мѣсто для погребенія; въ такомъ случаѣ, по правиламъ стодневнаго плача, должно прекратить большой трауръ.»

По древнимъ церемоніямъ, жертва, приносимая по окончаніи періода плача, совершалась послѣ троекратнаго повторенія жертвы юй. И въ настоящее время кто можетъ въ продолженіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ совершить обрядъ погребенія, тотъ поступаетъ по точному смыслу книги *Цзя-ли*. Но случается, что многіе изъ низшаго сословія, ненашедши въ продолженіи трехмѣсячнаго срока удобнаго для кладбища мѣста, впослѣдствіи цѣлые годы проводятъ въ этомъ изслѣдованіи, между тѣмъ жертва юй вовсе не приносится умершему. Спрашивается, слѣдуетъ ли въ это время

прекращать утреннія и вечернія жертвы дянь? Слѣдуетъ по обилію обрядовъ исполненныхъ въ продолженіи ста дней плача. И на оборотъ есть люди, которые или потому, что заблаговременно избрали и приготовили себѣ счастливое мѣсто для кладбища, или по причинѣ крайней бѣдности не въ состояніи долго держать умершихъ въ своихъ домахъ, погребаютъ ихъ ранѣе трехмѣсячнаго періода, а весьма многіе даже въ продолженіи первыхъ десяти дней предаютъ ихъ погребенію и приносятъ жертвы юй. Въ такомъ случаѣ нужно ли имъ прекращать утреннія и вечернія жертвы дянь? Нѣтъ, иначе ясно выразится недостатокъ терпѣнія и вниманія къ памяти умершихъ. Въ настоящее время принято погребать умершихъ по прошествіи трехмѣсячнаго срока, и за тѣмъ чрезъ сто дней прекращать плачъ и ежедневныя утреннія и вечернія жертвы дянь. Тотчасъ послѣ погребенія приносятъ умершему жертву юй. Если умершій похороненъ до положеннаго срока, въ такомъ случаѣ послѣ погребенія совершается жертва юй, но ежедневныя утреннія и вечернія жертвы дянь продолжаются въ домѣ до трехъ мѣсяцевъ. По окончаніи же стодневнаго плача приносится окончательная полная жертва. *Прим. 1-е.* Изложенные выше три случая, могущіе встрѣтиться при обрядѣ погребенія, могутъ быть съ пользою приложены къ дѣлу. *Прим. 2-е.* Пра-

вила при жертвѣ, приносимой по окончаніи ста дней плача, и форма молитвы при этой жертвѣ одинаковы съ жертвою юй.

Прибавленіе объ обрядѣ задержанія гроба. Въ настоящее время между многими существуетъ обычай, по случаю непмѣнія счастливаго для кладбища мѣста, удерживать гробъ съ прахомъ покойнаго въ своемъ домѣ. Для бо̀льшаго удобства, гробъ обводятъ особою кирпичною стѣною. Но чтобы утвердить гробъ въ этой стѣнѣ, очевидно, предполагается перемѣщеніе его изъ зала въ другое мѣсто. Это перемѣщеніе соединено у китайцевъ съ особыми церемоніями. Правила этихъ церемоній слѣдующія:

Сяо-цзы и прочіе члены семейства занимаютъ свои мѣста и производятъ плачъ. По окончаніи плача, сяоцзы дѣлаетъ четыре поясные и столько же земныхъ поклоновъ, выпрямляется и отходитъ къ сѣдалищу души. Тамъ онъ, ставъ на колѣни, произноситъ доносительную рѣчь, по окончаніи которой снова кланяется въ землю, встаетъ, выпрямляется и, при участіи другихъ, переноситъ гробъ въ опредѣленное для него мѣсто. Утвердивъ гробъ, каждый изъ членовъ семейства снова занимаетъ свое мѣсто и производитъ громкія рыданія. Послѣ рыданій, сяо-цзы опять кланяется четыре раза въ поясъ, и столько же въ землю, выпрямляется и отходитъ въ особое мѣсто для омо-

венія рукъ. Омывъ руки, онъ подходитъ къ сѣдалищу души и, отложивши посохъ, становится на колѣни. Здѣсь онъ возжигаетъ куренья и возливаетъ вино; потомъ, взявъ посохъ, снова кланяется въ землю, встаетъ, выпрямляется и возвращается въ залъ на свое мѣсто; въ залѣ снова дѣлаетъ четыре малые и четыре земные поклона, выпрямляется и сожигаетъ доносительную рѣчь. Этимъ церемонія и оканчивается.

Въ доносительной рѣчи говорится : Глубоко скорблю я о потерѣ тебя, такого-то. Уже запечатанъ твой гробъ, и ты такъ внезапно удалился изъ нашей среды. Искалъ, но не нашелъ счастливаго мѣста для твоей могилы; по этому разсудилъ за благо заключить въ отдѣльномъ мѣстѣ твой гробъ и удержать его на недолгое время въ нашемъ домѣ. Съ благоговѣніемъ поднося тебѣ малую жертву дянь, я чувствую, что не въ силахъ перенести всѣхъ постигшихъ меня несчастій. О чемъ осмѣливаюсь донести.

Бываютъ случаи, что до погребенія умершаго переносятъ гробъ его для сохраненія на недолгое время въ загородныя мѣста.

Начиная съ обряда *чао-цзу* (представленія умершаго въ храмъ предковъ) до обряда *фа-чи* (выноса тѣла), всѣ обрядовыя подробности одинаковы съ церемоніею погребенія; только во время совершенія жертвы дянь измѣняется нѣчто въ молитвѣ. Она читается

такъ : Я пораженъ скорбію о потерѣ тебя, такого-то. Уже запечатанъ твой гробъ, и ты такъ внезапно удалился отъ насъ. Искалъ счастливаго мѣста для твоей могилы, и не могъ отыскать. Принимая предосторожности противъ неожиданно могущихъ случиться въ нашемъ домѣ грустныхъ причинъ, я рѣшаюсь сегодня перенести твой гробъ на недолгое время въ такое-то мѣсто. Благоговѣйно простираюсь предъ твоей высокой душой и умоляю ее неотлучно сопутствовать гробу. О чемъ осмѣливаюсь донести.

Распоряженія при похоронахъ. Въ домѣ умершаго дѣлаются распоряженія относительно погребенія.

Примѣч. По принятымъ церемоніямъ, погребеніе должно быть совершаемо чрезъ три мѣсяца послѣ смерти умершаго. Въ настоящее время многіе не могутъ такъ скоро исполнить этотъ обрядъ. Въ такомъ случаѣ самыя поздніе похороны должны быть совершены никакъ не послѣ трехлѣтняго траура.

Предъ временемъ похоронъ , избираютъ мѣсто, удобное для кладбища.

Примѣч. Народъ часто обращается по этому предмету за совѣтами къ *фынъ-шуямъ* (смотрителямъ кладбищъ) и во многомъ довѣряетъ имъ. Но наслѣдники умершихъ должны быть слишкомъ съ ними осторожны; не нужно ослѣпляться ихъ лживыми предреканіями о томъ, что извѣстныя мѣста принесутъ наслѣдни-

камъ богатство и славу, а другія повергнутъ ихъ въ крайнюю нищету. Многолѣтніе опыты показываютъ, что фынъ-шуи предлагаютъ иногда такія мѣста, что впослѣдствіи приходится нѣсколько разъ переносить гробъ изъ могилы въ могилу.

Нашедши мѣсто для кладбища, опредѣляютъ время погребенія и извѣщаютъ объ этомъ письменно родственниковъ и друзей.

Примѣч. Форма писемъ обыкновенная; только въ нихъ не нужно прибавлять, въ какой именно день будетъ приноситься жертва въ домашнемъ храмѣ (*танъ-цзи*).

На камнѣ умершаго вырѣзывается эпитафія.

Примѣч. Для этого употребляютъ два большіе камня. На одномъ вырѣзываютъ : *могила такого чиновника, по фамиліи такого-то.* Простой народъ обыкновенно пишетъ свое имя, прибавляя фамилію и какимъ умершій былъ по счету въ своемъ семействѣ; на второмъ камнѣ вырѣзываютъ фамилію и имя умершаго, изъ какой онъ области, какого уѣзда, чей сынъ, когда родился, когда умеръ и сколькихъ лѣтъ, похороненъ около такой-то деревни, улицы, или горы и на какую изъ странъ свѣта обращенъ гробъ его; вырѣзывается и имя жены умершаго, и чья она дочь, сколько было дѣтей и кто они именно, чиновники или простолюдины, взрослыя дочери за

кого выданы замужъ. Если камни готовятся для умершей женщины, то ее называютъ по фамиліи мужа, а остальное по вышеизложенному. Эти два камня, обративши письменами одинъ на другой, соединяютъ вмѣстѣ, и, скрѣпивши ихъ желѣзною цѣпью, обертываютъ сверху корою изъ дерева *цзунъ*.

За тѣмъ устроиваютъ табель души умершаго.

Примѣч. По книгѣ *Цзя-ли*, табель устроивается послѣ погребенія, и именно на мѣстѣ могилы. А теперь въ обычаѣ приготовлять табель до совершенія обряда принятія посѣтителей (*кай-дяо*). Съ правилами объ устройствѣ табели познакомимся послѣ.

За нѣсколько дней до выноса тѣла умершаго, родственники и друзья собираются въ домъ покойнаго и приносятъ ему вспомоществованіе.

Слово *фу* — вспомоществованіе въ устахъ народа извѣстно подъ названіемъ кай-дяо — принимать посѣтителей. При этомъ каждый, по своему состоянію и принятымъ правиламъ, приноситъ въ домъ умершаго извѣстную сумму денегъ или вещи.

Объясненіе жертвы, совершаемой въ домашнемъ храмѣ (танъ-цзи).

Существуетъ обычай, наканунѣ выноса тѣла умершаго, совершать въ домашнемъ храмѣ полную жерт-

ву. *Чжу-кэ-тинъ Сянь-шэнъ* говоритъ: «Предъ выносомъ тѣла покойнаго совершается обрядъ возліянія вина предкамъ (цзу-дянь) и другой обрядъ возліянія вина по случаю перенесенія праха умершаго. Но обѣ эти церемоніи называются дянь, а не полными жертвами. Въ народѣ существуетъ теперь обычай, при совершеніи жертвенной церемоніи въ домашнемъ храмѣ, употреблять многочисленный оркестръ музыки. Во время акта жертвеннаго три раза возливаютъ вино и много толкуютъ о предстоящемъ окончаніи большаго траура; во время чтенія молитвъ вздыхаютъ и смѣются, забывая, что умершій еще не преданъ погребенію, и что рано еще совершать по немъ обряды, какъ уже о водворившемся въ области духовъ (гуевъ). При этомъ грамотные, но нисколько не знакомые съ церемоніями, наскоро пишутъ сочиненія о жертвѣ въ храмѣ предковъ, и печатаютъ ихъ въ особыхъ изданіяхъ. Жаль, что подобныя сочиненія не доходятъ, хотя бы для потѣхи, до мудрецовъ, знающихъ церемоніи. И такъ, прежде погребенія умершаго, вовсе нельзя приносить ему полныхъ жертвъ (цзи-лп). Въ настоящее время принято непремѣннымъ правиломъ, если погребеніе по умершемъ совершится въ продолженіи трехмѣсячнаго срока, въ такомъ случаѣ въ домѣ покойнаго до конца большаго траура производятся утреннія и вечернія жертвы дянь; а если

погребеніе совершено послѣ трехмѣсячнаго срока, то въ періодъ до принятія посѣтителей кай-дяо — слѣдуетъ приносить въ домѣ только жертвы дянь.»

Правила при жертвѣ тань-цзи. Сяо-цзы занимаетъ свое мѣсто; за нимъ каждый изъ остальныхъ членовъ дома становится на свое мѣсто. Начинаются рыданія. По окончаніи плача дѣлаютъ четыре поясные и четыре земные поклона и, вставши, выпрямляются. За тѣмъ сяо-цзы отходитъ въ особое мѣсто для омовенія рукъ. Омывшись, онъ подходитъ къ сѣдалищу души, и, ставъ на колѣни, отлагаетъ свой посохъ и производитъ троекратное возженіе благовонныхъ куреній и троекратное же возліяніе вина. Потомъ, взявъ обратно посохъ, онъ произноситъ во всеуслышаніе доносительную рѣчь, послѣ чего благоговѣйно простирается долу, потомъ поднимается, выпрямляется и отходитъ на свое мѣсто, при этомъ всѣ вообще дѣлаютъ четыре малые и четыре большіе заключительные поклона, выпрямляются и приказываютъ убрать жертвенныя вещи, чѣмъ церемонія и оканчивается.

Доносительная рѣчь (гаосы). Такого-то года, мѣсяца и числа сяо-цзы, по имени такой-то, осмѣливается донести своему предку, по имени такому-то, слѣдующее: велика моя скорбь о потерѣ тебя, моего родственника, такого-то. Уже запечатанъ твой гробъ, и ты такъ

внезапно скрылся изъ нашего круга. Вотъ ужъ незамѣтно протекло столько-то времени послѣ кончины. Нынѣ я избралъ для твоего кладбища равнину подлѣ такой-то горы. Съ благоговѣніемъ предлагая теперь обычную жертву дянь, я умоляю тебя благосклонно снизойти на жертву и съ веселіемъ вкусить ее. О чемъ почтеннѣйше доношу.

Примѣч. Если гробъ задерживается въ собственномъ домѣ умершаго, въ такомъ случаѣ, прежде жертвы танъ-цзи, почью совершается обрядъ поднятія гроба (*ци-цзю*). Правила этого обряда одинаковы съ жертвою танъ-цзи. Въ доносительной молитвѣ читается: Сокрушаюсь исключительно о тебѣ моемъ родственникѣ, такомъ-то. Вотъ ужъ прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ ты покинулъ насъ. Счастливаго мѣста для твоей могилы я не нашелъ, и счелъ за лучшее удержать твой гробъ при нашемъ домашнемъ храмѣ. Теперь же, предъ наступающимъ временемъ погребенія, намъ нужно на самое краткое время поднять твой гробъ и снова опустить на мѣсто. Благоговѣю предъ твоей почтенной душой и прошу ее, при поднятіи гроба, не бояться и не трепетать. О чемъ почтеннѣйше доношу.

Если же, для удержанія гроба, потребуется перенести его въ загородное мѣсто, въ такомъ случаѣ, руководствуются тѣми же самыми правилами, какія употре-

бляются при обрядѣ поднятія гроба. Только въ доносительной рѣчи слова: *мы удерживаемъ твой гробъ при нашемъ домашнемъ храмѣ* — измѣняются такъ: мы удерживаемъ твой гробъ въ такомъ-то мѣстѣ. Остальное—по вышеизложенному.

Наканунѣ дня погребенія предъ разсвѣтомъ, представляютъ куклу души умершаго въ храмъ предковъ.

Правила. Сяо-цзы и всѣ присутствующіе въ залѣ занимаютъ свои мѣста и производятъ плачъ. По окончаніи плача дѣлаютъ четыре малые и четыре земные поклона и выпрямляются. За тѣмъ сяо-цзы отходитъ къ сѣдалищу души и становится тамъ на колѣни. Сыжчу, ставъ на колѣни на правой сторонѣ, провозглашаетъ: прошу представить душу умершаго предкамъ. Сяо-цзы въ это время падаетъ ницъ и поднимается. Потомъ сы-чжу, взявъ ящикъ съ душою, подноситъ его предъ табели предковъ. Сяоцзы и прочіе члены дома, рыдая, слѣдуютъ за нимъ. Они ставятъ ящикъ съ душою на цыновку, обративъ его лицемъ на сѣверъ. При этомъ сяо-цзы снова дѣлаетъ четыре малыя и четыре большія поклоненія, встаетъ, выпрямляется и производитъ плачъ. Вмѣстѣ съ рыданіями оканчивается и обрядъ представленія души предкамъ. Душа благоговѣйно переносится обратно на свое сѣдалище. По книгѣ *Цзя-ли*,

послѣ обряда представленія души предкамъ бываетъ процессъ перенесенія гроба въ средній залъ, послѣ чего приносится жертва дянь духу дорогъ. Но въ настоящее время этотъ обрядъ оставленъ.

Вечеромъ наканунѣ погребенія, приготовляются вещи для принесенія жертвы дянь духу дорогъ.

Правила. Для этой жертвы приготовляются точно такія же жертвенныя вещи, какъ и при обрядѣ представленія души предкамъ, — только нѣсколько по-больше количествомъ. Правила жертвоприношенія одинаковы съ жертвой *тянъ-цзи*. При этой церемоніи сы-чжу на колѣняхъ произноситъ слѣдующую рѣчь: Обрядъ преданія праха умершаго землѣ непзмѣнимъ; душа его неудержима въ здѣшнемъ домѣ. Теперь, предъ перемѣщеніемъ гроба въ траурную колесницу, мы, съ почтеніемъ предлагая жертву духу дорогъ, проспмъ его руководительства во время пути на кладбище. О чемъ почтеннѣйше извѣщаю.

Въ день погребенія, рано утромъ приносится жертва духу траурной колесницы.

Примѣч. Колесница запрягается за воротами. Передъ нею ставится столъ съ благовонными куреньями, и особо располагаются вина и мяса трехъ жертвенныхъ животныхъ: быка, свиньи и барана.

Правила. Чжу-жень, распорядитель погребальной церемоніи, занимаетъ свое мѣсто и всѣ остальные

члены дома становятся на свои мѣста и дѣлаютъ два малые и два большіе поклона. За тѣмъ чжу-жень отходитъ къ столу съ куреньями и становится на колѣни, за нимъ и всѣ прочіе колѣнопреклоняются. Отложивши посохъ, чжу-жень возжигаетъ куренья и возливаетъ вино; потомъ, взявши посохъ, онъ читаетъ доносительную рѣчь, поклоняется до земли, поднимается и отходитъ на свое мѣсто. Здѣсь онъ снова дѣлаетъ два малые и два большіе поклона и сожигаетъ прочитанную рѣчь. Этимъ церемонія оканчивается,—и столъ съ куреньями убирается.

Примѣч. При настоящемъ актѣ сожигается рѣчь потому, что жертва приносится духу колесницъ..

Рѣчь. Такого-то года, мѣсяца и числа, сяо-цзы, по имени такой-то, со всѣми остальными членами семейства осмѣливается явственно донести духу траурныхъ колесницъ слѣдующее: гробъ моего родственника скоро поставится на траурную колесницу. Прошу осторожнѣе сопровождать его во время пути; только одинъ духъ колесницъ можетъ охранить его отъ всякихъ несчастій. Веревки колесницы, которыми имѣетъ быть привязанъ гробъ, крѣпки; запряженные волы сильны. Прахъ моего родственника спокоенъ; боязнь и опасенія недоступны ему. О чемъ съ почтеніемъ доношу.

Предъ самымъ перенесеніемъ гроба приносятся жертвы.

Примѣч. Послѣ жертвы духу колесничному (юй), всѣ присутствующіе подходятъ къ сѣдалищу души, и начинается обрядъ, совершаемый предъ самымъ перенесеніемъ гроба. При этомъ сяо-цзы и прочіе присутствующіе въ домѣ занимаютъ свои мѣста и съ рыданіями дѣлаютъ четыре малые и большіе поклона. Потомъ сяо-цзы возжигаетъ куренья и возливаетъ вино. Сычжу, ставъ на колѣни, произноситъ рѣчь. За тѣмъ сяо-цзы и всѣ остальные простираются до земли, поднимаются и снова дѣлаютъ четыре малыя и четыре большія поклоненія.

Рѣчь сы-чжу. Такого-то года, мѣсяца и числа, сяо-цзы, по фамиліи такой-то, осмѣливается явственно донести предъ душою и прахомъ своего отца слѣдующее: глубоко опечаленъ онъ потерею тебя, по имени такого-то, его отца. Уже запечатанъ твой гробъ, и ты навсегда оставилъ его, такого-то. Сегодня онъ предполагаетъ, поднявши душу и гробъ твой, осторожно перевести ихъ для погребенія подлѣ такой-то горы, въ такомъ-то мѣстѣ, обращенномъ къ солнцу (яну—гдѣ рождается эонръ). Уже траурная колесница покрыта балдахиномъ и готова отправиться въ путь. Мы ясно объяснили всѣмъ, имѣющимъ участвовать при переносѣ твоего гроба, обращаться съ нимъ съ

должнымъ уваженіемъ. И такъ, во время слѣдованія колесницы по дорогамъ, да не смущается душа и прахъ твой страхомъ и опасеніями. О чемъ осмѣливаюсь донести.

Сы-чжу, съ почтеніемъ взявши душу усопшаго, устанавливаетъ ее въ особомъ экипажѣ. *Прим.* Позади ставится ящикъ съ табелью умершаго.

За тѣмъ убирается въ домѣ оставшаяся послѣ умершаго одежда, которая прячется для храненія. Остающіеся дома нѣкоторые изъ членовъ семейства при этомъ прощаются съ гробомъ. Когда перенесенный изъ дома гробъ поставятъ на колесницу, тотчасъ дѣлаются приготовленія относительно напутственной жертвы дянь.

Примѣч. Простившись съ гробомъ, тотчасъ убираютъ въ домѣ столы съ куреньями и всѣ жертвенныя вещи, приносимыя при жертвѣ дянь. Приказываютъ носильщикамъ войти въ залъ; поднявши руками гробъ, они осторожно переносятъ его въ колесницу, гдѣ привязываютъ шелковою матерією къ колесничнымъ палкамъ, потомъ толстыми веревками окончательно прикрѣпляютъ гробъ. При этомъ особенно приказываютъ связывать узлы, сколько возможно, крѣпче. Потомъ на переднихъ частяхъ колесницы ставятъ столъ съ куреньями, по правиламъ, при-

нятымъ при жертвѣ цзу-дянь (духу дорогъ), съ прибавленіемъ къ числу жертвенныхъ вещей одного большаго блюда съ сухимъ мясомъ. При этомъ сычжу, ставъ на колѣни, произноситъ слѣдующую рѣчь: Экипажи для перенесенія души и праха твоего уже заложены и готовы двинуться въ путь до самаго избраннаго тебѣ мѣста упокоенія; но мы снова приносимъ тебѣ прощальный обрядъ, потому что разстаемся съ тобою вѣчно—до скончанія нашей жизни. Этимъ церемонія и оканчивается. Сы-чжу, взявши большое блюдо съ мясомъ, полагаетъ его на столѣ вмѣстѣ съ другими ѣдомыми жертвенными вещами; столъ съ куреньями убирается, а экипажъ съ гробомъ трогается съ мѣста.

Шествіе гроба. Впереди, по обѣимъ сторонамъ дороги, разставляется погребальный кортежъ. Первый рядъ по дорогѣ занимаютъ столы съ благовонными куреньями, второй рядъ—столы съ ѣдомыми жертвенными вещами, далѣе слѣдуетъ именное знамя умершаго, потомъ экипажи съ душою; еще далѣе, рядъ прислужниковъ съ знаменами въ рукахъ и наконецъ уже большая колесница, окруженная съ правой и лѣвой сторонъ слугами съ церемоніальными опахалами въ рукахъ. Носящій большой трауръ (сяо-цзы), рыдая, слѣдуетъ за гробомъ; за нимъ рядъ родственниковъ умершаго въ траурныхъ

одеждахъ; наконецъ шествіе заключается рядомъ провожающихъ родственниковъ и знакомыхъ умершаго, одѣтыхъ въ простое, темнаго цвѣта платье.

Чжу-кэ-тинъ Сянь-шенъ говоритъ: «Слѣдуя правиламъ книги *Цзя-ли*, начиная съ бумажныхъ вещей (минь-цы), зарываемыхъ при гробѣ въ землю и далѣе—до подвижныхъ палатокъ *чжань* (въ которыхъ китайскія женщины сопровождаютъ своихъ умершихъ до кладбища), корзинъ съ разными вещами, и сосудовъ съ винами, *фанъ-сяна* съ копьемъ и *дунь-цзой* въ рукахъ, костюмовъ и шапокъ, принадлежностей лица (мянь-цзюй какъ напр. очковъ, серегъ и проч.), шелковыхъ матерій чернаго и краснаго цвѣтовъ и разрумяненныхъ прислужниковъ фанъ-сяна, отнюдь не должно употреблять при погребальной процессіи. Въ нынѣшнее время многими принято устроивать фанъ-сянь изъ бамбука, оклеивая его сверху бумагой. Все это можно позволить только домамъ чиновниковъ, но людямъ простымъ и бѣднымъ достаточно ограничиваться нѣсколькими опахалами при церемоніальномъ выносѣ своихъ умершихъ.

Случается по дорогѣ на кладбище перевозить гробъ водянымъ путемъ; въ такомъ случаѣ на берегу предварительно приносится жертва духу рѣки *Цзянъ* или другихъ рѣкъ.

Примѣч. Гробъ, достигши берега рѣки *Цзянъ*, пе-

реносится въ ладью. Между тѣмъ на берегу приготовляются столы съ куреньями, мясомъ жертвенныхъ животныхъ и виномъ; при этомъ сяо-цзы приглашаетъ кого нибудь изъ старшихъ родственниковъ или друзей дома быть распорядителемъ при жертвѣ. Впрочемъ и самъ сяо-цзы можетъ быть жрецемъ при настоящей жертвѣ.

Правила. Три раза ударяютъ въ бубны, и каждый изъ участвующихъ при жертвоприношеніи обращается къ своему дѣлу. Распорядитель при жертвѣ занимаетъ свое мѣсто, сяо-цзы становится на колѣни; а совершающій жертву, сдѣлавъ четыре малыя и четыре большія поклоненія, отходитъ къ столу съ куреньями, становится на колѣни, возжигаетъ куренья, возливаетъ вино и читаетъ доносительную рѣчь; послѣ рѣчи онъ падаетъ на землю, встаетъ и отходитъ на свое мѣсто, гдѣ дѣлаетъ четыре малые и большіе поклона, встаетъ, выпрямляется, и церемонія оканчивается. За тѣмъ Сяо-цзы кланяется въ ноги и благодаритъ главнаго жреца и всѣхъ участвовавшихъ при жертвѣ.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа, такой-то чиновникъ осмѣливается явственно донести такому-то духу водъ слѣдующее: ты, величайшій изъ духовъ, правишь водами, вытекающими изъ духовныхъ источниковъ; всѣ обитающіе при берегахъ твоихъ

утоляютъ свою жажду твоими животворными струями. Наша траурная колесница хочетъ переплыть чрезъ твои воды для скорѣйшаго достиженія цѣли своего далекаго путешествія. Нынѣ нашъ умершій, по имени такой-то, желаетъ предать погребенію свой прахъ при такой-то горѣ въ странѣ яна, и уже гробъ его поставленъ въ ладью на такомъ-то берегу рѣки Цзяна. Вмѣсто сяо-цзы благоговѣйно принося доносительную жертву и желая благополучно переправиться чрезъ эту великую рѣку, я простираюсь долу и умоляю *Шуй-бо* успокоить воды и приказать нашимъ малымъ ладьямъ переплыть чрезъ нихъ безъ малѣйшихъ опасностей. Укроти только волны рѣки Цзяна, и тогда наши экипажи съ душою и прахомъ умершаго переправятся въ совершенномъ спокойствіи. О чемъ съ почтеніемъ доношу высокому духу. *Примѣч.* Если сяо-цзы самъ совершаетъ эту жертву, въ такомъ случаѣ въ молитвѣ вмѣсто словъ: *такой-то чиновникъ*, онъ читаетъ: Сяо-цзы, поименн такой-то, нынѣ предпринимаетъ путешествіе для погребенія своего отца, по имени такого-то, въ такомъ-то мѣстѣ. Слова *ти-ли-эль (вмѣсто Сяо-цзы благоговѣйно)* онъ измѣняетъ въ *цзинъ-шень* (съ благоговѣніемъ). Сяо-цзы, при принесеніи жертвы, снимаетъ съ себя трауръ и одѣвается въ простое, темнаго цвѣта платье.

По пріѣздѣ экипажа съ душою на кладбище, сы-чжу

тотчасъ принимаетъ куклу души умершаго и сажаетъ ее въ нарочно устроенной палаткѣ. Ящикъ же съ табелью умершаго полагается позади куклы. За тѣмъ слѣдуютъ приготовленія къ совершенію обряда дянь.

Примѣч. 1-е. Предварительно разбиваютъ палатку на кладбищѣ или устроиваютъ одинъ большой шатеръ, покрытый соломой. Полъ въ шатрѣ устилается цыновками и ставится сѣдалище для отдохновенія. Самый же гробъ ставится особо предъ могилой и покрывается здѣсь именнымъ знаменемъ (минъ-цзиномъ), послѣ чего и начинается жертва дянь, которая совершается по обыкновеннымъ правиламъ.

Примѣч. 2-е. Дорога до кладбища можетъ быть далека и близка; по этому для преданія тѣла землѣ назначаются извѣстные дни и часы. Нѣтъ необходимости, по прибытіи погребальной процессіи на мѣсто, тотчасъ опускать гробъ въ могилу. Часто бываетъ, что на сосѣднемъ кладбищѣ собираются толпы посѣтителей для плача; отъ этого предстоитъ необходимость поставить гробъ на нѣсколько времени около могилы, чтобы отдохнуть. Между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени удобнѣе выбросить землю изъ приготовленной могилы и обложить кирпичемъ ея дно.

По пріѣздѣ на кладбище, приносятъ жертву духу земли и открываютъ могилу, т. е. всѣ сопровождаю-

щіе гробъ окружаютъ могилу, по лѣвую сторону которой ставится столъ съ куреньями, сяоцзы проситъ кого нибудь изъ родственниковъ или друзей безъ траура принести вмѣсто него жертву, или самъ, перемѣнивъ трауръ на платье темнаго цвѣта, совершаетъ жертвенный обрядъ; для него приготовляется особое мѣсто въ сторонѣ.

Правила. Совершающій жертву занимаетъ свое мѣсто; сяо-цзы же, занявъ свое мѣсто, становится на колѣни. Жрецъ дѣлаетъ четыре малые и четыре большіе поклона, выпрямляется и отходитъ къ столу съ куреньями; тамъ онъ, ставъ на колѣни, возжигаетъ благовонныя куренья, возливаетъ вино и читаетъ молитву; по окончаніи молитвы кланяется въ землю, поднимается и возвращается на свое мѣсто, гдѣ опять дѣлаетъ четыре малыя и четыре большія поклоненія. Послѣ этого сяо-цзы кланяется въ ноги и благодаритъ жреца четырьмя малыми и четырьмя большими поклонами, потомъ приноситъ благодарность и всѣмъ прочимъ участникамъ при жертвѣ, — и тѣмъ церемонія оканчивается.

Если нѣкому изъ сторонникъ, сяо-цзы можетъ самъ, перемѣнивъ трауръ на одежду темнаго цвѣта, совершать эту жертву.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа, такой-то чиновникъ, по имени такой-то, осмѣливается явственно донести духу земли о слѣдующемъ: сегодня прахъ

такого-то чиновника предается погребенію въ заблаговременно приготовленномъ мѣстѣ; надѣемся, что духъ будетъ благодѣтельно охранять его и не допуститъ до какихъ либо несчастныхъ послѣдствій. Съ благоговѣніемъ подносимъ при семъ духу земли вино и блюда. О чемъ осмѣливаюсь донести.

Примѣч. Въ отдѣлѣ *Тань-гунъ* книги *Ли-цзи* сказано: «Сяо-цзы, при обрядѣ погребенія, надѣваетъ траурную шапку изъ желтаго неньковаго холста, по закону представленія духамъ. Этимъ онъ выражаетъ особое почтеніе къ нимъ. На этомъ основаніи, сяо-цзы при принесеніи жертвъ духамъ, непремѣнно долженъ перемѣнять траурную одежду на платье темнаго цвѣта. Когда онъ самъ совершаетъ жертву, то долженъ во всѣхъ случаяхъ говорить въ рѣчи отъ своего имени.»

За тѣмъ отрываютъ могилу, устроиваютъ на днѣ ея кирпичный полъ и заливаютъ стѣнки известью.

Примѣч. Устройство известковыхъ стѣнъ въ могилѣ требуетъ нѣкоторыхъ соображеній. По отрытіи могильной ямы прежде всего нужно устроить полъ, по опущеніи же гроба обвести могилу со всѣхъ четырехъ сторонъ известковыми стѣнками. Механизмъ этой работы излагается ниже.

Способъ устройства известковыхъ стѣнокъ въ могилѣ, заблаговременно приготовленной посредствомъ гаданія. Обозначивъ мѣсто для ямы, до устроенія еще могп-

лы, начинаютъ рыть землю со всѣхъ четырехъ сторонъ въ глубину; при этомъ берутъ въ соображеніе то, чтобы яма была шире гроба шестью дюймами и глубже нѣсколькими футами. Потомъ обмазываютъ стѣнки могилы и дно составомъ изъ глины, песку и извести. Берутъ въ соображеніе и то, чтобы яма была выше гроба на 5 или на 6 дюймовъ. Устроивъ такимъ образомъ яму для могилы, наполняютъ ее снова землей. Предъ временемъ же погребенія выбрасываютъ изъ нее землю и устилаютъ полъ могилы кирпичемъ, не обмазывая при этомъ известью. Можно впрочемъ поверхность пола усыпать нѣсколько известью. По опущеніи же гроба въ могилу, устроиваютъ надъ нимъ верхъ изъ сказаннаго состава, т. е. глины, песку и извести.

Способъ устройства известковыхъ стѣнъ въ могилахъ, заблаговременно приготовляемыхъ для супруговъ. Имѣя въ виду ширину двухъ гробовъ, роютъ яму съ четырехъ сторонъ и въ срединѣ по способу, изложенному выше. Для мужа назначается лѣвая сторона въ могилѣ, а для жены правая. Во время погребенія выбрасывается изъ могилы земля, какъ сказано выше.

Опустивъ въ могилу гробъ, обертываютъ его именнымъ знаменемъ (минъ-цзинъ) и приступаютъ къ устройству известковыхъ стѣнокъ.

Примѣч. 1-е. Предъ опущеніемъ въ могилу, прино-

сится предъ гробомъ жертва дянь, по правиламъ, одинаковымъ съ жертвою цянь-дянь (при перенесеніи гроба). Форма рѣчи одинакова, съ присовокупленіемъ впрочемъ слѣдующаго: теперь гробъ твой благоговѣйно будетъ преданъ погребенію и вскорѣ будетъ воздвигнутъ на твоей могилѣ высокій холмъ. Я самъ буду неусыпнымъ его стражемъ. Увы! Какая невыразимая печаль! О чемъ осмѣливаюсь донести.

Примѣч. 2-е. Для устройства известковыхъ стѣнокъ въ могилѣ берутъ извѣстную пропорцію извести и такую же точно пропорцію мелкаго песку съ глиной. Предварительно все это исталкиваютъ мелко, и, просѣявъ чрезъ сито, смѣшиваютъ въ одинъ составъ. Кромѣ того приготовляютъ для того же дѣла отваръ изъ превращенной въ порошокъ *по-ми* (кукурузы). Потомъ два человѣка, вооруженные лопатами, ставъ другъ противъ друга, мѣшаютъ сказанную трехсоставную массу; по временамъ, одинъ изъ нихъ, взявъ кукурузный отваръ, слегка орошаетъ имъ массу и сирва продолжается мѣшеніе весьма долго. Для пробы одинъ изъ рабочихъ сжимаетъ въ рукахъ немного состава такъ крѣпко, чтобы изъ него образовался шарикъ. Этотъ шарикъ онъ разбиваетъ о зе́млю, и если тотъ при ударѣ разсыплется мукой, то составъ готовъ. Этимъ составомъ обмазываютъ дно могилы толщиною отъ 6 до 7 дюймовъ. По опущеніи же гроба въ могилу, за-

мазываютъ имъ пустоты около стѣнокъ гроба. Для этого, положивъ дюймовъ на семь состава, осторожно и крѣпко притаптываютъ его ногами; потомъ снова положивъ составъ, продолжаютъ утаптывать ногами. Вообще при каждомъ пріемѣ нужно класть состава не больше, какъ на два или на три дюйма толщины, и потомъ убивать его ногами, сколько возможно крѣпче. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ опускать въ могилу составъ слишкомъ толстыми слоями; иначе они не крѣпко прилягутъ къ землѣ. Отнюдь не нужно убивать составъ палками, чтобы не нарушить тѣмъ невозмутимаго спокойствія почивающаго во гробѣ; когда убивку состава доведутъ до поверхности гроба, то постилаютъ на крышу гроба именное знамя и сверху покрываютъ тѣмъ же составомъ, толщиною на одинъ футъ слишкомъ. Наконецъ, когда процессъ заливанія могилы составомъ будетъ доведенъ до уровня съ землей, все-таки работа продолжается до тѣхъ поръ, пока надъ поверхностью не образуется холмъ въ видѣ опрокинутаго котла. Этотъ холмъ въ окружности долженъ быть шире могилы слишкомъ на футъ. Известь въ составѣ получаетъ отъ песку крѣпость, а отъ глины вязкость. По прошествіи долгихъ лѣтъ, этотъ составъ превращается въ нѣчто похожее на металлическій камень. Святотатцы—муравьи уже никакъ не могутъ проникнуть въ такую могилу. Для смачи-

ванія водою извести съ глиной и пескомъ полезно употреблять кисти изъ растенія *хуа-ю-тэнъ*.

Цай-сэнь-чжи Сянь-шэнъ сказалъ: «Бѣдные и несостоятельные люди, отказывающіе себѣ въ удобствахъ обмазывать известью могилы, могутъ довольствоваться одною ямою, вырытою по величинѣ гроба и усыпанною внутри по всѣмъ направленіямъ известью; но опущеніи же гроба въ могилу, могутъ они устроить одинѣ стѣнки изъ сказаннаго состава и потомъ покрыть могилу простой землей. Это будетъ стоить очень дешево. Часто случается видѣть при перемѣщеніи гробовъ изъ старыхъ могилъ въ новыя, что стѣнки и дно могилы, устроенныя при пособіи сказаннаго состава, получили твердость камня. Конечно, по прошествіи долгихъ лѣтъ, и этотъ составъ можетъ отдѣлиться отъ гроба на нѣсколько дюймовъ.»

По соображеніямъ древнихъ ученыхъ, не нужно рыть могилу слишкомъ широкую, потому что широкія ямы вообще легко осыпаются. *Сы-ма-вэнь-гунъ*, разсуждая о необходимости устроивать въ могилѣ известковыя стѣнки и дно, не совѣтуетъ влагать гробъ въ особую гробницу. Не слѣдуетъ на поверхность известковыхъ стѣнокъ сыпать истолченный древесный уголь. Сказанный составъ при соединеніи съ гробомъ и землей получалъ такую твердость, что нельзя было разрубить его топоромъ. Неужели при этомъ

бояться корней растущихъ вокругъ могилы деревъ? Осыпать древеснымъ углемъ поверхность могилы неудобно, потому что уголь можетъ проводить во внутренность могилы воду. Часто мы встрѣчаемъ развалины древнихъ кладбищъ, но ни разу еще не находили на нихъ и признаковъ употребленія древеснаго угля, между тѣмъ какъ известковыя стѣнки представляются взорамъ каменными гробами. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ въ могилахъ хоронились бумажныя, шелковыя и другія вещи, находятъ признаки гніенія и разрушенія; таковыя могилы были обыкновеннымъ пріютомъ муравьевъ. Такъ подробно древніе ученые объясняли вредъ отъ употребленія при похоронахъ лишнихъ вещей.

Каменныя таблицы съ краткимъ историческимъ очеркомъ знаменитыхъ дѣяній покойнаго зарываются въ могилу.

Примѣч. На поверхность закладеннаго известковою стѣнкою гроба полагаютъ ящикъ, устроенный изъ кирпичей; въ этотъ ящикъ укладываютъ камни съ вырѣзаннымъ на нихъ историческимъ очеркомъ покойнаго.

За тѣмъ крѣпко убиваютъ землю на могилѣ и мало помалу набрасываютъ могильный холмъ; на лѣвой сторонѣ могилы приносится жертва духу земли.

Правила при этой жертвѣ одинаковы съ изложен-

ными выше при вырытіи могилы. Въ молитвѣ только измѣняется одна фраза; вмѣсто словъ: *сегодня прахъ моего отца предается погребенію въ заблаговременно избранномъ имъ мѣстѣ*, читается: сегодня прахъ его погребается въ этой уединенной могилѣ. Остальное все одинаково.

Пишутъ табель умершаго.

Примѣч. По книгѣ *Цзя-ли*, табель умершаго пишется при могилѣ послѣ совершенія жертвы духу земли; а иногда она пишется тотчасъ же по прибытіи гроба на кладбище, а потомъ уже отрываютъ могильную яму, опускаютъ гробъ и устроиваютъ холмъ. Въ этихъ обоихъ случаяхъ, какъ не противорѣчащихъ духу церемоній, можно писать табели.

Избираютъ обыкновенно одного изъ родственниковъ или друзей дома покойнаго въ писцы табели. По устроеніи могильнаго холма, ставятъ столъ передъ сѣдалищемъ души, на правой сторонѣ располагаютъ въ порядкѣ чернильницу, кисти и тушь, а подлѣ ставятъ сосудъ съ водой и полотенцемъ; писецъ табели занимаетъ мѣсто на правой сторонѣ стола.

Правила. Чжу-жень (хозяинъ траурной церемоніи), поклонившись въ землю, проситъ извѣстнаго господина принять на себя обязанность написать табель; при этомъ онъ дѣлаетъ предъ нимъ четыре поясные и четыре земные поклона. За тѣмъ писецъ отходитъ въ

особое мѣсто для омовенія рукъ, и, омывшись, занимаетъ свое мѣсто. Чжу-жень отходитъ предъ сѣдалище души и тамъ совершаетъ обрядъ испрашиванія досокъ для написанія табели; при этомъ онъ снова дѣлаетъ четыре малые и четыре большіе поклона. Потомъ сы-чжу вынимаетъ доски для табели и передаетъ ихъ чжу-женю, который, благоговѣйно принявъ доски, относитъ ихъ предъ особу писца. Здѣсь онъ падаетъ на землю и ожидаетъ, пока будетъ приступлено къ написанію табели. Между тѣмъ сы-чжу лежащія доски раскладываетъ на столѣ. Писецъ приступаетъ сначала къ изображенію письменъ на внутренней сторонѣ табели, а потомъ пишетъ и лицевую сторону тушью по бѣлому, проведенному бѣлилами фону. Такимъ образомъ церемонія написанія табели оканчивается. Сы-чжу, принявши табель, передаетъ ее чжу-женю; чжу-жень, принявши ее, относитъ къ сѣдалищу души, гдѣ сы-чжу устанавливаетъ ее на столѣ, убравъ въ ящикъ куклу души умершаго. Послѣ этого, чжу-жень, сдѣлавъ четыре малые и столько же большихъ поклоновъ и выпрямившись, отходитъ къ столу съ куреньями, гдѣ, колѣнопреклонившись, возжигаетъ благовонныя куренья, возливаетъ вино и читаетъ молитву; послѣ молитвы онъ кланяется въ землю, поднимается и отходитъ на свое мѣсто, гдѣ снова дѣлаетъ четыре малыя и четыре большія поклоненія

и выпрямляется. Потомъ приноситъ благодарность писцу табели четырьмя малыми и четырьмя большими поклонами, благодаритъ и всѣхъ участвовавшихъ при обрядѣ, — и тѣмъ церемонія оканчивается.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа *гу-цзы* (оспротѣвшій сынъ), по имени такой-то, осмѣливается явственно донести своему почтеннѣйшему родителю, такому-то сановнику, по имени такому-то вельможѣ: тѣло твое возвратилось въ могилу, а душа въ нашемъ домашнемъ храмѣ. Приготовивши табель для твоей души, я прошу тебя, почтенный духъ, отрѣшившійся отъ прежняго тѣла, поселиться на новой табели и неотлучно быть на ней. О чемъ осмѣливаюсь донести. Если устроивается табель для души скончавшейся матери, то въ молитвѣ сяо-цзы выражается такъ: *ай-цзы* (плачущій сынъ) осмѣливается ясно донести почтеннѣйшей матери (*сянь-би*), такой-то сановницѣ, по фамиліи такой-то. Если же скончавшіеся родители не чиновники, то ихъ величаютъ обыкновеннымъ именемъ. По прочтеніи молитвы, табель укладывается въ ящикъ, самая же молитва не сожигается.

Табель созидается для водворенія на ней души умершаго. До времени погребенія она обитаетъ на именномъ знаменіи; но послѣ погребенія, когда именное знамя зарывается въ землю и изображеніе души предается землѣ, тотчасъ же устроивается табель

для благоговѣйнаго ея чествованія, потому что духъ скончавшагося неотлучно присутствуетъ на ней. На основаніи этихъ церемоній самая операція устройства табели непремѣнно должна совершаться на кладбищѣ. Но въ народѣ существуетъ обычай, несообразный съ сказанными церемоніями, писать табель еще до погребенія умершаго. И такъ какъ послѣдователей этому обычаю слишкомъ много, такъ что трудно пресѣчь это зло, то предоставимъ имъ своевольно пользоваться этимъ правомъ; только не слѣдуетъ быть расточительными и тщеславными и издерживать напрасно при погребеніи умершихъ свои деньги на суетные предметы роскоши, не приносящіе ни малѣйшей пользы. Въ настоящее время для устроенія табели приняты слѣдующія правила.

Правила о сооруженіи табели въ домѣ умершаго еще до его погребенія.

Три раза ударяютъ въ бубенъ, каждый участвующій при устройствѣ табели обращается къ своему посту. Сяо-цзы занимаетъ свое мѣсто и всѣ остальные члены дома становятся по мѣстамъ. Люди, избранные для написанія табели, обратившись лицемъ къ востоку, каждый по порядку занимаетъ свое мѣсто.

Сяо-цзы и всѣ, одѣтые въ трауръ, кланяются въ ноги и просятъ старшаго изъ писцевъ приступить къ предпринимаемому дѣлу. При этомъ они дѣлаютъ предъ нимъ четыре малые и четыре большіе поклона, выпрямляются и отходятъ на свои мѣста. Старшій изъ писцевъ восходитъ на свое сѣдалище; потомъ онъ удаляется въ особое мѣсто для омовенія, наливаетъ воду въ умывальницу, омывшись и отершись полотенцемъ, возвращается на свое мѣсто. За тѣмъ сяо-цзы, вмѣстѣ съ другими носящими трауръ, исполняетъ обрядъ выпрашиванія дощечекъ для написанія табели. При этомъ онъ дѣлаетъ четыре малыя и столько же большихъ поклоненій, потомъ отходитъ къ жертвенному столу съ изображеніями табелей духовъ и, отложивши посохъ, становится тамъ на колѣни. Нѣкоторые изъ помощниковъ при настоящей церемоніи открываютъ ящикъ, и, вынувши оттуда заранѣе приготовленныя доски съ пьедесталомъ для табели, благоговѣйно передаютъ ихъ сяо-цзы, который, принявъ посохъ, въ сопровожденіи прочихъ лицъ, облеченныхъ въ трауръ, подноситъ доски къ сѣдалищу главнаго писца и становится на колѣни. Помощники при церемоніи, принявъ отъ него доски, раскладываютъ ихъ на столѣ. Сяо-цзы вмѣстѣ съ другими траурными лицами падаетъ ницъ, ожидая, пока будетъ приступлено къ написанію. Въ эти минуты на вынутыхъ изъ ящика и расположенныхъ на столѣ доскахъ

главный изъ писцевъ, по приглашенію одного изъ участниковъ при церемоніи, начертываетъ кистью слова табели. По окончаніи письменной работы доски табели соединяются и утверждаются въ пьедесталъ. За тѣмъ помощники при церемоніи принимаютъ табель и передаютъ ее сяо-цзы. Въ это время сяо-цзы вмѣстѣ съ другими траурными поднимается съ колѣнъ, принимаетъ табель и, отнеся ея предъ сѣдалище души, колѣнопреклоняется. Помощники при церемоніи, принявъ отъ сяо-цзы табель, укладываютъ ее въ ящикъ, и потомъ вмѣстѣ убираютъ съ мѣста изображеніе души. За тѣмъ сяо-цзы и другіе поднимаются и отходятъ на свои мѣста, гдѣ совершаютъ четыре большія и малыя поклоненія. Наконецъ сяо-цзы подходитъ къ столу съ благовонными куреньями, гдѣ становится на колѣни; вмѣстѣ съ нимъ колѣнопреклоняются и всѣ носящіе трауръ. Сяо-цзы, отложивъ посохъ, возжигаетъ куренья и возливаетъ въ чаши вино; потомъ, взявъ посохъ, кланяется въ землю и произноситъ молитву; за тѣмъ поднимается и возвращается на свое мѣсто, гдѣ совершаетъ четыре большіе и четыре малые поклона и выпрямляется. Въ заключеніе онъ вмѣстѣ съ прочими, облеченными въ трауръ, кланяется въ ноги главному писцу, и, выразивши предъ нимъ свою благодарность четырьмя большими и четырьмя же малыми поклонами, выпрямляется.

Этимъ церемонія оканчивается; за тѣмъ сяо-цзы благодаритъ всѣхъ вообще участвовавшихъ при церемоніи.

Молитва. Содержаніе молитвы одинаково съ предшествовавшей; только выраженіе — *твой духъ возвратился въ домашній храмъ* — измѣняется въ слѣдующее: мы приносимъ твоему духу жертву въ нашемъ домѣ.

Въ древности писали табели непремѣнно тушью, а теперь употребляютъ для того киноварь, вѣроятно, по той причинѣ, что для написанія табелей приглашаются люди, занимающіе государственныя должности. Если же таковые не участвуютъ при церемоніи составленія табелей, то, придерживаясь старины и согласуясь съ принятыми церемоніями, не употребляютъ при этомъ киновари.

Табель сына, посвящаемая духу его матери — наложницы.

Спрашивается: когда умираетъ наложница, имѣющая сына, кто долженъ устроить ей табель и приносить жертвы? *Чжу-цзы* отвѣчаетъ: «Въ отличіе отъ главной хозяйки дома, которая на табеляхъ величается названіемъ *ди-му* (законной матери), табель наложницы должна быть устрояема съ надписью *би* (усопшей матери).»

Табель духу умершей бездѣтной жены.

Предстоитъ вопросъ: если при жизни мужа умираетъ его бездѣтная жена, кто долженъ составлять табель и приносить ей жертву? *Чжу-цзы* отвѣчаетъ: «Табель должна быть приготовлена мужемъ, только безъ надписи внизу: отъ почтительнаго сына такого-то благоговѣйная жертва.» При этомъ зарываютъ въ могилу и душу умершаго.

Сунь-ли-Сянь-шэнъ сказалъ: «По принятымъ церемоніямъ, послѣ начальной жертвы юй, тотчасъ пріискиваютъ мѣсто за щитомъ своихъ воротъ для погребенія души. «Но на самомъ дѣлѣ часто невозможно бываетъ отыскать удобнаго для того мѣста около воротъ дома, притомъ же въ это время духъ умершаго уже нашелъ себѣ вѣчный пріютъ на табели, то и нужно куклу души вмѣстѣ съ гробомъ зарывать въ землю. Если въ домѣ составляютъ табель умершему, то во время погребенія тѣла вмѣстѣ на кладбищѣ предаютъ землѣ и куклу души.

На кладбищѣ оставляютъ одного изъ сыновей или племянниковъ умершаго для присмотра за устройствомъ могильнаго холма; между тѣмъ чжу-жень, принявши на кладбищѣ табель умершаго, садится съ нею въ экипажъ и возвращается домой. Среди доро-

ги онъ плачетъ и горько рыдаетъ. По пріѣздѣ домой, онъ устроиваетъ въ одной изъ залъ сѣдалище для духа, и тотчасъ же приноситъ жертву юй.

Понятіе о жертвѣ юй. Слово юй — значитъ успокоеніе. При обрядѣ погребенія кости и плоть умершаго возвращаются въ землю, а душа не имѣетъ опредѣленнаго пріюта. Сяо-цзы, при представленіи о такомъ неопредѣленномъ состояніи души, возмущается страхомъ и совершаетъ троекратно жертву юй для ея успокоенія. До погребенія умершаго только возливается вино — дянь, а не совершается полной жертвы; это дѣлается по обыкновенному закону служенія старшихъ младшимъ. Въ этой жертвѣ только предлагаются вино и яства и дѣлаются двукратныя поклоненія, но нѣтъ обряда возліянія вина на землю. Начиная же съ жертвы юй, исполняются полные жертвенные обряды, по закону служенія духамъ. Эти жертвенные обряды совмѣщаютъ въ себѣ акты низведенія духовъ на жертвы и троекратное возліяніе предъ ними вина. Вотъ различіе простаго дянь — предложенія вина умершимъ предкамъ—отъ полнаго совершенія имъ жертвы, какъ духамъ. Далѣе увидимъ, что и всѣ остальныя жертвы предковъ совершаются по одинаковымъ правиламъ съ жертвой юй, различаясь только молитвами.

Первая жертва. Послѣ погребенія, совершен-

наго въ періодъ первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ по смерти умершаго, тотчасъ приносится жертва юй и прекращаются утреннія и вечернія предложенія вина — дянь.

Расположеніе жертвенныхъ вещей.

Чжу-жень, возвратившись домой, дѣлаетъ распоряженіе о приготовленіи въ среднемъ залѣ сѣдалища для духа; предъ сѣдалищемъ ставятъ столъ съ куреньями, подъ которымъ внизу особо ставятъ сосудъ для вина при его возліяніи; на правой сторонѣ при входѣ въ залъ приготовляютъ сосудъ съ водой и полотенце; за тѣмъ разставляютъ въ порядкѣ на столахъ яства и хлѣбы, по образцу утренней жертвы дянь. Сы-чжу вынимаетъ изъ ящика табель умершаго и устанавливаетъ ее на сѣдалище.

Правила. Чжу-жень и всѣ остальные члены семейства занимаютъ свои мѣста въ залѣ и предаются плачу; по окончаніи плача совершается обрядъ низведенія духа; для этого чжу-жень дѣлаетъ четыре малыя и большія поклоненія и, омывши руки, отходитъ къ столу съ куреньями, гдѣ колѣнопреклоняется. Тамъ онъ, возжегши куренья, возливаетъ вино изъ налитыхъ предварительно рюмокъ въ стоящій подъ столомъ сосудъ; потомъ онъ кланяется въ землю, поднимается, выпрямляется и возвращается на свое мѣсто. Далѣе начинается актъ представленія духу. При

этомъ чжу-жень снова дѣлаетъ четыре малые и большіе поклона, выпрямляется и подноситъ къ столу блюда съ яствами; помощники при жертвѣ разставляютъ эти блюда на столѣ во второмъ ряду, въ пустыхъ мѣстахъ. Далѣе совершается начальный обрядъ возліянія вина. При этомъ чжу-жень подходитъ къ сѣдалищу духа и, колѣнопреклонившись, приноситъ въ жертву вино, по каплямъ въ три пріема возливая его въ подстольный сосудъ и снова доливая виномъ рюмки, разставленныя на столѣ. Потомъ онъ кланяется въ землю, поднимается, выпрямляется и отходитъ къ мѣсту, назначенному для чтенія молитвъ. Здѣсь онъ становится на колѣни, а за нимъ и всѣ прочіе; произноситъ во всеуслышаніе молитву и, поклонившись въ землю, поднимается, выпрямляется и возвращается на свое мѣсто. Потомъ онъ совершаетъ второй обрядъ возліянія вина, который похожъ на первый; только вино не вливается въ рюмки и не читается молитва. Наконецъ чжу-жень совершаетъ окончательный обрядъ возліянія вина, который совершенно одинаковъ со вторымъ, за тѣмъ подчуетъ духъ предложенными яствами, подливая при этомъ въ рюмки вина. Настоящая церемонія заключается актомъ провожанія духа, которое начинается громкими рыданіями; по окончаніи же ихъ чжу-жень совершаетъ четыре малыя и столько же большихъ поклоненій, выпрямляет-

ся и сожигаетъ письмена молитвы. Послѣ этого убираютъ табель и всѣ жертвенныя вещи, чѣмъ церемонія и оканчивается.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа, осиротѣвшій сынъ, такой-то, осмѣливается явственно донести своему почтеннѣйшему умершему родителю, такому-то чиновнику, по имени такому-то. Я сокрушаюсь о томъ, что вотъ ужъ болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ твоего непосредственнаго нравственнаго вліянія на нашъ домъ. Сегодня, избравши такой-то счастливый день, я предалъ погребенію твой прахъ въ такомъ-то мѣстѣ. Благоговѣйно перенесенную съ кладбища табель твоего духа я помѣстилъ на особомъ духовномъ сѣдалищѣ, и предлагаю ей настоящую жертву юй. Принося эту жертву, я исполненъ грустнаго сомнѣнія относительно того, будетъ ли духъ твой наслаждаться въ нашемъ домѣ вѣчнымъ спокойствіемъ и будетъ ли съ радостію взирать на приносимыя ему жертвы? Прошу осѣнить меня свыше счастіемъ.—Если приносится жертва матери, то въ началѣ молитвы говорится: плачущій сынъ, такой-то, осмѣливается явственно донести почтеннѣйшей умершей матери, такой-то чиновницѣ, по фамиліи такой-то. — Все вышеизложенное извлечено изъ книги *Сы-ли-чу-гао*. Оно не противорѣчитъ древнимъ толкованіямъ, имѣющимъ приложеніе въ настоящее время.

Вторая жертва юй совершается въ дни мѣсяца, состоящіе подъ преимущественнымъ вліяніемъ *гиня* и отмѣченные въ календарѣ подъ циклами *и, динъ, цзи, сень, гуй*.

Правила. Эта жертва по своему содержанію одинакова съ начальной жертвой юй. Только молитва читается такъ: солнце и луна безостановочно совершаютъ свой путь; такъ и я, со дня погребенія твоего до принесенія настоящей второй жертвы юй, каждый день и каждую ночь провожу исключительно въ воспоминаніи о тебѣ, такъ что не нахожу нисколько времени для своего собственнаго успокоенія; благоговѣйно предлагая настоящую малую жертву дянь, я приношу ее исполненный истинно-скорбныхъ чувствъ, и прошу осѣнить меня свыше счастіемъ. Прочее все одинаково съ жертвою *чуюй*.

Примѣч. Въ книгѣ *Цзя-ли* молитвы при всѣхъ трехъ жертвахъ юй одинаковы, но въ сочиненіи *Сы-ли-чуанао* измѣнена молитва при начальной жертвѣ юй, а въ остальныхъ двухъ употребляется вышеизложенная молитва.

Третья жертва юй совершается въ дни, въ которые исключительно преобладаетъ дѣйствующая сила въ природѣ *янъ*; они означены въ календарѣ подъ циклами *цзя, бинъ, у, гэнъ, жень*.

Правила. Правила при этой жертвѣ одинаковы со

второю жертвой юй. Въ молитвѣ только вмѣсто словъ: *вторая жертва юй*, нужно произносить: третья жертва юй.

Примѣч. Въ книгѣ *Бянь-ши-цзя-ли* говорится: «Въ настоящее время многіе не въ состояніи исполнять три отдѣльныя жертвы юй. Въ такомъ случаѣ пусть при принесеніи одной жертвы юй, таковые ограничатся исполненіемъ только одного акта возліянія вина. Равнымъ образомъ и тѣ, которые могутъ исполнить отдѣльно всѣ три жертвы юй, имѣютъ полное право не стѣсняться положенными по календарю для этой жертвы днями.»

Правила объ одноактномъ возліяніи вина. Каждый членъ, занявши свое мѣсто, дѣлаетъ четыре малые и четыре большіе поклона и поднимается. За тѣмъ старшій въ домѣ отходитъ къ сѣдалищу духа и тамъ становится на колѣни; потомъ онъ возжигаетъ куренье, возливаетъ на землю вино, вливаетъ его въ рюмки и произноситъ молитву; кланяется въ землю, поднимается, выпрямляется и возвращается на свое мѣсто. Тамъ онъ снова дѣлаетъ четыре малые и столько же большихъ поклоновъ и сожигаетъ прочитанную молитву. За тѣмъ убираются табель и жертвенныя вещи, и церемонія оканчивается.

Конецъ періода плача (изу-ку). По книгѣ *Цзя-ли*, если по совершеніи третьей жертвы юй, слѣдующій

день будетъ конечнымъ днемъ стодневнаго періода плача, въ такомъ случаѣ расположеніе обрядовыхъ вещей и самая процессія обрядовая совершаются по правиламъ, одинаковымъ съ жертвою юй. Только при настоящей жертвѣ *чжу-жень* самъ предлагаетъ въ жертву хлѣбное; молитва одинакова съ молитвою при третьей жертвы юй; только слова: *третья жертва юй*, нужно измѣнить въ слова: по случаю окончанія періода плача; и вмѣсто выраженія: *я предлагаю настоящую жертву, исполненный грустныхъ чувствъ*, нужно говорить: траурныя жертвы кончились.

Если погребеніе совершено въ положенный трехмѣсячный періодъ, то жертва, по случаю окончанія періода плача, приносится согласно съ книгою *Цзя-ли;* а если оно совершено ранѣе или позже предписаннаго срока, то нужно руководствоваться въ этомъ случаѣ правилами *Цай-вэнь-чжи Сянь-шэна* о жертвѣ по окончаніи стодневнаго плача. Впрочемъ все это изложено нами выше.

Обрядъ представленія новой табели въ храмъ предковъ. Табель вновь умершаго представляютъ и вводятъ въ храмъ предковъ. По книгѣ *Цзя-ли*, обрядъ представленія совершается на другой день по окончаніи стодневнаго плача, согласно съ правилами Чжоуской династіи. А въ книгѣ *Ли-цзи* говорится: «При династіи *Шанъ* (*Инь*) чрезъ годъ по смерти умершаго пере-

мѣняли трауръ изъ неньковаго холста на бумажный и вводили табель въ храмъ предковъ, а при Чжоуской династіи по окончаніи плача совершали этотъ обрядъ.» Впослѣдствіи Конфуцій похвалилъ правила династіи Шанъ (Инь) за то, что въ то время не спѣшили водворять умершихъ въ числѣ духовъ. *Чэнъ-цзы* сказалъ: «Обрядъ представленія табели въ храмъ предковъ долженъ совершаться непремѣнно по окончаніи трехлѣтняго траура. Если допустить его по исполненіи стодневнаго плача, то значитъ въ остальные два года дозволить носящимъ трауръ предаться совершенной безпечности въ исполненіи траурныхъ обрядовъ. Вмѣстѣ съ окончаніемъ плача, оканчиваются утреннія и вечернія возліянія вина. При этомъ если не оставить въ ихъ залѣ табели умершаго, то имъ естественно негдѣ будетъ и производить плачъ.» По книгѣ *Цзя-ли*, послѣ обряда представленія табели, она возвращается снова въ залъ на свое сѣдалище и впослѣдствіи, при жертвѣ да-сянъ (по истеченіи двухлѣтняго траура), опять переносится въ храмъ предковъ. Но это правило о двоякомъ представленіи табели въ храмъ предковъ мало уважается. Въ настоящее время отвергнутъ обрядъ представленія табели послѣ стодневнаго плача; онъ совершается чрезъ два траурные года при жертвѣ да-сянъ, когда табель переносится изъ залы въ храмъ предковъ; къ жертвѣ да-сянъ въ то время при-

совокупляется особо и жертва Фу — представленія табели. Настоящія правила приблизительно согласны и съ отзывомъ Конфуція, похвалившаго обряды династіи Шанъ (Инь) и съ мыслію Чэнъ-цзы о представленіи табелей въ храмы предковъ, по окончаніи трехлѣтняго траура.

Чрезъ годъ послѣ погребенія совершается жертва *сяо-сянъ*. Слово *сянъ* объясняется словомъ *цзи* — счастливый. Носящіе средній трауръ, по достиженіи этого періода времени, слагаютъ съ себя трауръ чрезъ тринадцать мѣсяцевъ, не считая прибавочной луны; жертва сяо-сянъ совершается по прошествіи одного года въ самый день смерти покойнаго.

Наканунѣ годовщины приготовляются въ домѣ умершаго жертвенныя вещи и хлѣбное, по образцу жертвы юй.

Раскладываютъ особо одежды изъ бумажнаго холста. *Примѣч.* Мужчины приготовляютъ для себя къ этому случаю платье и шапки изъ бумажнаго, выбѣленнаго холста; оставляютъ прежній пеньковый нарядъ съ нашивками на груди, спинѣ и трехсоставнымъ воротникомъ, и тотчасъ же всѣ переряжаются въ бумажный холстъ. Посохи по прежнему употребляются. Женскіе траурные наряды употребляются изъ такого же холста, какъ и у мужчинъ, и по прежнему фасону; только длинные шлейфы юбокъ подрѣзываютъ-

ся на столько, чтобы они не волочились по землѣ; бѣлый поясъ сбрасывается. Носившіе годовой трауръ облекаются при настоящемъ случаѣ въ свою обычную одежду. Въ самый день годовщины, въ домѣ умершаго просыпаются рано, еще до разсвѣта, располагаютъ на столѣ жертвенныя вещи и вынимаютъ изъ ящика табель. Совершающій траурную церемонію (санъ-чжу) и каждый изъ участвующихъ въ ней облекаются въ свои прежнія одежды.

Примѣч. Тѣ, которымъ должно оставить, по случаю окончанія года, трауръ, являются иногда на церемонію въ своихъ обычныхъ одеждахъ.

Потомъ входятъ въ залъ и начинается плачъ, соединенный съ громкими рыданіями; по окончаніи плача, санъ-чжу выходитъ въ опредѣленное для него мѣсто, и тамъ облекается въ новый трауръ изъ бумажнаго, выбѣленнаго холста.

Правила при жертвѣ сяо-сянъ одинаковы съ правилами юй и молитва одинакова съ молитвою третьей жертвы юй; только слова: *третьей жертвы юй* измѣняются въ слова: сяо-сянъ (малая жертва сянъ), слова *ай-шень* (истинно скорбныя чувства) измѣняются въ слова *чань-ши* — обыкновенное дѣло. Съ этого времени прекращается утренній и вечерній плачъ, а посящимъ большой трауръ дозволяется вкушать постныя блюда и плоды.

Чрезъ два года послѣ дня смерти, приносится жертва *да-сянъ*.

Примѣч. Отъ начала траура до жертвы да-сянъ, не включая прибавочной луны, насчитываютъ всего двадцать пять мѣсяцевъ. Эта жертва совершается во второй разъ въ день смерти покойнаго. Въ составъ жертвы да-сянъ входятъ акты (*цянь-чжу*) перемѣщенія табели главнаго предка изъ храма въ особое мѣсто, и (*жу-чжу*) введенія новой табели въ разрядъ домашнихъ предковъ. Въ настоящее время и обрядъ представленія новой табели предкамъ (*фу-ми*) соединенъ съ жертвою да-сянъ.

Наканунѣ жертвеннаго дня располагаютъ по мѣстамъ жертвенныя вещи и разнаго рода хлѣбы.

Примѣч. По образцу жертвы сяо-сянъ, только особо ставятъ на столѣ чистую воду, кропило, тушь и чернильницу для удобнѣйшаго измѣненія титлъ на табеляхъ духовъ.

Прежде всего въ храмѣ предковъ испрашивается благословеніе на перемѣщеніе табелей.

Примѣч. Въ обыкновенное время храмъ предковъ составляютъ только четыре родоначальника и родоначальницы: прапрадѣдъ, прадѣдъ, дѣдъ и умершій отецъ. Если же послѣ умершаго отца понадобится вносить новую табель въ храмъ предковъ, въ

такомъ случаѣ главнаго въ пятомъ колѣнѣ предка должно перемѣстить.

Правила. Хозяинъ дома становится на свое мѣсто; за нимъ и всѣ остальные члены семейства занимаютъ свои мѣста. Вынимаютъ изъ ящика табель умершаго и представляютъ духу. При этомъ чжу-жень дѣлаетъ четыре малые и четыре большіе поклона и выпрямляется; потомъ, омывши руки, отходитъ къ старшему въ пятомъ родѣ предку и прабабкѣ; тамъ онъ, ставъ на колѣни, возливаетъ вино и предлагаетъ его въ жертву въ двухъ рюмкахъ: одну ставитъ предъ родоначальникомъ пятаго рода, а другую предъ родоначальницей. За тѣмъ онъ кланяется въ землю, поднимается и выпрямляется; далѣе по порядку онъ подходитъ къ табелямъ родоначальниковъ четвертаго, третьяго и втораго рода и своихъ умершихъ родителей, и по прежнему образцу возливаетъ предъ каждымъ изъ нихъ вино и предлагаетъ имъ. Потомъ отходитъ онъ въ особое мѣсто, назначенное для чтенія молитвы, гдѣ вмѣстѣ съ прочими, участвующими при церемоніи, колѣнопреклонившись, произноситъ молитву. По окончаніи молитвы, кланяется въ землю, поднимается и выпрямляется.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа, я, почтительный внукъ, по имени такой-то, осмѣливаюсь явственно донести моимъ почтеннымъ предкамъ, такимъ-

то, слѣдующее: Въ домашнемъ храмѣ вообще положено имѣть табели четырехъ родовъ высшихъ предковъ. Теперь вотъ ужъ два года прошло съ того времени, какъ ты почтеннѣйшій родитель скончался. По существующимъ церемоніямъ должно ввести его табель въ храмъ прековъ, а табель такого-то почтеннѣйшаго господина *гао-цзэнь-цзу* (предка) и его супруги перемѣстить въ особое мѣсто. Табель такого-то почтеннѣйшаго прапрадѣда должно почтить титломъ *гао-цзу-као*, а его почтеннѣйшей супруги *гао-цзу-би*, табели почтеннѣйшаго прадѣда должно придать титло *цзэнь-цзу-као*, а его почтеннѣйшей супруги *цзэнь-цзу-би*; на табели такого-то почтеннѣйшаго дѣда нужно измѣнить надпись въ *цзу-као*, а почтеннѣйшей бабки въ *цзу-би*. Въ такомъ родовомъ порядкѣ должны быть теперь перемѣщены табели. Сознаюсь, что я при этомъ чувствую невыносимую скорбь. Съ почтеніемъ предлагая вино и плоды, я съ искреннимъ благоговѣніемъ къ памяти предковъ доношу имъ объ этомъ. О чемъ и осмѣливаюсь донести.

Примѣч. Дощечка, на которой написана молитва, полагается на лѣвой сторонѣ стола. Въ этой молитвѣ предки величаются *такимъ-то господиномъ — по фамиліи такимъ-то, такого-то дома хозяиномъ*, но не употребляютъ при этомъ словъ: *гао*, *цзэнь*, *цзунь*, *као*, потому что еще не опредѣлены названія, которыя да-

дутся имъ при измѣненіи надписей на табеляхъ. Если кто изъ нихъ былъ чиновникомъ, того титулуютъ названіемъ его чина.

Цю-цюнъ-шанъ говоритъ: «Если отецъ прежде умретъ, то обрядъ измѣненія его табели совершается по вышеизложеннымъ правиламъ; а если при жизни отца умретъ напередъ мать, то отецъ самъ при этой церемоніи бываетъ санъ-жчу — распорядителемъ, и при этомъ только табель умершей вводится въ отдѣлъ прабабокъ (*цзу-му*), но не совершается обрядъ *гао-цянь* (измѣненія табелей) до самой кончины отца, послѣ которой уже производится сказанный обрядъ. Только въ молитвѣ при актахъ представленія табели и введенія ея въ храмъ предковъ прибавляется: такая-то умершая мать скончалась прежде и представлена уже въ отдѣлъ предковъ — матерей. Если же послѣ кончины отца и представленія его табели въ храмъ предковъ умираетъ и мать, то обрядъ включенія табели отца въ число предковъ совершается отдѣльно. Въ молитвѣ при представленіи табели матери въ храмъ предковъ прибавляется: сегодня въ память скончавшейся матери, такой-то чиновницы, по имени такой-то, мы совершаемъ двухгодичную жертву — да-сянъ; а на основаніи церемоній, должно ввести ея табель въ храмъ предковъ вмѣстѣ съ покойнымъ отцемъ; и такъ я благоговѣйно предлагаю вамъ обоимъ настоящую жертву.

При этомъ я не въ силахъ выразить степень обуревающей меня грусти. Остальное одинаково съ прежнимъ.»

Табели предковъ переносятся съ своихъ мѣстъ на особый столъ.

Примѣч. Хозяинъ дома, вошедши въ храмъ предковъ, перемѣщаетъ каждую изъ табелей духовъ на особый столъ, а табель главнаго предка, слѣдующую къ перемѣщенію на другое мѣсто, полагаетъ особо на столѣ. За тѣмъ главный изъ дѣятелей при перемѣнѣ табелей, вмѣстѣ съ своими помощниками, взявъ табели, на которыхъ должна произойти перемѣна титлъ, смываетъ буквы на табеляхъ водой, и самую воду прыскаетъ потомъ на стѣны.

На табеляхъ пишутъ буквы.

Примѣч. На старшихъ табеляхъ вмѣсто прежней надписи: *цзэнъ-цзу-као* и *цзэнъ-цзу-би* — пишутъ *гао-цзэнъ-цзу* и *гао-цзэнъ-би*, далѣе, на вторыхъ табеляхъ вмѣсто *цзу-као* и *цзу-би* надписываютъ — *цзэнъ-цзу-као* и *цзенъ-цзу-би*, и наконецъ на третьихъ табеляхъ измѣняютъ титла *као* и *би* въ *цзу-као* и *цзу-би*; измѣняется равнымъ образомъ внизу надпись правнуковъ и внуковъ, приносящихъ предкамъ жертвы.

Табели перемѣщаются.

Примѣч. Табели старшихъ предковъ, назначенныя къ помѣщенію въ отдѣльное мѣсто, остаются на сто-

лѣ неприкосновенными, а остальныя табели, на которыхъ измѣнили титла, располагаются рядами по правую и лѣвую сторону и переносятся на жертвенникъ предковъ. При этомъ послѣ старшихъ предковъ оставляется на жертвенникѣ одно не занятое мѣсто, на которое впослѣдствіи имѣетъ быть внесена табель вновь умершаго.

Дѣлаются поклоненія табелямъ.

Примѣч. По окончаніи перемѣщенія табелей, чжужень, отступивъ нѣсколько назадъ отъ стола, дѣлаетъ предъ табелями четыре малые и столько же большихъ поклоновъ и возвращается на свое мѣсто.

Прощаются съ табелями.

Объясненіе. При этомъ чжу-жень снова приноситъ четыре малыя и четыре большія поклоненія, выпрямляется и сожигаетъ молитву, чѣмъ церемонія и оканчивается.

На другой день, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, совершается жертвенный обрядъ да-сянъ.

Примѣч. Расположеніе и приготовленіе вещей одинаково съ жертвою сяо-сянъ.

Устроиваютъ палатку, или занимаютъ особую боковую комнату, или даже пустое пространство передъ лѣстницей, для расположенія траурныхъ нарядовъ *тань*.

Примѣч. По принятому обычаю, это платье шьется изъ холста темнаго и синяго цвѣтовъ.

Янь-шэнъ-ань говоритъ: «Древніе, по окончаніи жертвъ юй и періода плача, облачались въ разнаго рода трауры, извѣстные подъ названіемъ *чэнь*, *сянъ* и *тань*; для принятія каждаго изъ этихъ трауровъ были положены особыя церемоніи, потому что трауръ выражаетъ собою печальное состояніе духа носящаго. По мѣрѣ того, какъ печаль мало по малу изчезаетъ, и трауръ постепенно долженъ быть легче. Но такъ какъ обрядъ, при принятіи каждой изъ сказанныхъ одеждъ, повторялся нѣсколько разъ и сопряженъ былъ съ большими церемоніями, то въ народѣ давно онъ оставленъ, а начиная со дня смерти умершаго до жертвы да-сянъ (до двухъ лѣтъ) носили безсмѣнно одинъ трауръ цуй. И это уже было отступленіе отъ древнихъ правилъ. Въ настоящее время принято, при жертвѣ сяо-сянъ (послѣ годичнаго траура) сбрасывать большой трауръ чжань-цуй съ нашивками на груди, спинѣ и воротничкомъ, и, на основаніи церемоній, облекаться въ трауръ изъ бѣлаго бумажнаго холста. При жертвѣ же да-сянъ (послѣ двугодичнаго траура) одѣваются въ трауръ тань, изъ холста темнаго и спняго цвѣтовъ. Эти правила почти согласны съ мыслію древнихъ о перемѣнѣ въ разное время трауровъ. По этому и должно имъ слѣдовать.»

Чжу-жень входитъ въ траурной одеждѣ (*лянь-фу*) и производитъ плачъ предъ сѣдалищемъ души. По окон-

чаніи плача онъ выходитъ въ особое мѣсто, гдѣ одѣвается въ трауръ тань и снова входитъ.

Правила церемоніи съ начала до конца одинаковы съ жертвою сяо-сянъ. И молитва одинакова. Только измѣняются слова *сяо-сянъ* въ *да-сянъ*, слова *чанъ-ши* (обыкновенное дѣло) въ слова *сянъ-ши* (благое дѣло); въ концѣ прибавляется о введеніи табели такого-то господина въ число табелей старшихъ предковъ и испрашивается отъ него благословеніе.

Принявъ новую табель, вносятъ ее въ храмъ предковъ на опредѣленное мѣсто.

Примѣч. Если въ домѣ есть особый храмъ предковъ, то новую табель вносятъ въ храмъ; а если нѣтъ, то вносятъ ее въ домашнюю божницу.

Чжу-жень и всѣ присутствующіе при настоящей церемоніи съ воплями сопровождаютъ табель духа и устанавливаютъ ее на низшемъ мѣстѣ *цзэнъ-цзу* дѣда.

Примѣч. Здѣсь, прекративши плачъ, они дѣлаютъ четыре малые и столькоже большихъ поклоновъ, выпрямляются, — и церемонія оканчивается.

За тѣмъ убираютъ сѣдалище духа и, изломавъ траурные посохи, бросаютъ ихъ.

Табель духа родоначальника пятаго колѣна перемѣщается въ особую комнату.

Правила. Послѣ водворенія новой табели въ храмѣ предковъ, чжу-жень отходитъ предъ табель родона-

чальника, исключенную изъ храма предковъ, и, сдѣлавъ предъ нею четыре малые и четыре большіе поклона, становится на колѣни. За тѣмъ возжигаетъ куренья, возливаетъ вино, предлагаетъ его въ жертву и читаетъ молитву. По прочтеніи молитвы кланяется въ землю, поднимается и, совершивъ снова четыре малые и столько же большихъ поклоненій и выпрямившись, сожигаетъ прочитанную молитву и наконецъ перемѣщаетъ табель предка въ особую комнату. Если въ домѣ нѣтъ ни храма, ни особой для этого предмета комнаты, то прячутъ табель въ домашней божницѣ, въ отдѣльномъ отъ прочихъ табелей мѣстѣ.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа, почтительный правнукъ, по имени такой-то, осмѣливается явственно донести предъ табелями родоначальника пятаго рода, такого-то, и родоначальницы, такой-то, слѣдующее: древніе опредѣлили намъ правила для руководства при жертвахъ; по этимъ правиламъ, домашніе храмы ограничиваются табелями только четырехъ старшихъ родоначальниковъ; конечно, моя сердечная преданность къ вамъ безпредѣльна, но въ распредѣленіи табелей я обязанъ держаться извѣстныхъ предѣловъ; ваши духовныя табели въ настоящее время должны быть исключены изъ храма предковъ. Сознаюсь, что я при одномъ представленіи объ этомъ чувствую скорбь невыразимую. Съ почтеніемъ пред-

лагая вино и плоды и стократно кланяясь, я доношу вамъ о перемѣщеніи вашихъ табелей. Прошу осѣнить меня счастіемъ.

Примѣч. По книгѣ *Цзя-ли*, исключенныя изъ храма табели предковъ должны быть зарываемы въ землю подлѣ ихъ кладбищъ. *Хэнь-цзюй Сянь-шэнъ* говоритъ, что существуетъ особая жертва *ся-цзи* при благоговѣйномъ перенесеніи таковыхъ табелей въ особую малую комнату. Если же нѣтъ въ домѣ таковой комнаты, то онъ совѣтуетъ устроить для нихъ отдѣльный кивотъ, гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, и, помѣстивъ туда табели, затворить дверцы кивота. *Чжу-кэ-тинъ Сянь-шэнъ* говоритъ: «Если исключенныя изъ храма предковъ табели предавать погребенію, то дѣти и внуки позднѣйшихъ поколѣній совершенно забудутъ имена и фамиліи своихъ предковъ, и такимъ образомъ произойдетъ ужаснѣйшій вредъ для человѣчества. И такъ отнюдь не должно слѣдовать наставленію зарывать въ землю табели предковъ подлѣ ихъ могилъ, а лучше, согласно съ мнѣніями древнихъ, устроивать для храненія таковыхъ табелей особую божницу, или кивотъ.»

Жертва тань. Слово тань есть названіе жертвы и означаетъ успокоеніе. Ее совершаютъ, не считая добавочныхъ лунъ, чрезъ двадцать семь мѣсяцевъ по смерти умершаго.

Послѣ жертвы да-сянъ, средп первой слѣдующей луны совершается жертва тань. О времени принесенія этой жертвы испрашиваютъ благословенія въ храмѣ предковъ.

Примѣч. Въ продолженіи послѣднихъ десяти чиселъ предъидущаго мѣсяца пріискиваютъ въ календарѣ день, въ который должно приносить жертву тань.

Правила. Чжу-жень подходитъ къ табелямъ своихъ умершихъ отца и матери и дважды кланяется предъ ними въ землю. Потомъ, возжегши куренья, произноситъ слѣдующую рѣчь : Почтительный вашъ сынъ, по имени такой-то, слѣдующей луны такого-то числа намѣревается благоговѣйно поднести жертву тань своему скончавшемуся отцу, такому-то чиновнику, нашего дома господину. О чемъ осмѣливаюсь доложить.— Послѣ рѣчи онъ кланяется въ землю, поднимается, выпрямляется и дѣлаетъ снова двоекратное колѣнопреклоненіе, чѣмъ церемонія и оканчивается. Въ молитвѣ, обращенной къ умершей матери, онъ читаетъ: намѣренъ благоговѣйно поднести жертву тань такой-то чиновницѣ, по имени такой-то.

Наканунѣ избраннаго для жертвоприношенія дня приготовляется мѣсто въ среднемъ залѣ дома, а сѣдалище духа остается на старомъ мѣстѣ, разставляются жертвенныя вещи и готовятся хлѣбы и яства (по правиламъ жертвы да-сянъ).

Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ приступаютъ къ совершенію самаго жертвеннаго процесса; чжу-жень, въ одеждѣ темнаго цвѣта, отправляется въ храмъ предковъ для перенесенія табелей.

Правила. Тамъ онъ становится на колѣни и, возжегши куренья, произноситъ слѣдующую рѣчь: Почтительный сынъ такой-то, намѣреваясь благоговѣйно приступить къ совершенію жертвы тань, осмѣливается перенести табель духа своего покойнаго родителя въ главный залъ. — Послѣ рѣчи онъ дважды кланяется въ землю и поднимается. Въ рѣчи къ табели матери онъ проситъ позволенія перенести эту табель во внутренній залъ. Если нѣтъ въ домѣ храма предковъ, то чжу-жень переноситъ табели изъ кивота на столъ, а по окончаніи церемоніи снова убираетъ ихъ туда же.

Сы-чжу, благоговѣйно принявъ ящики съ табелями, полагаетъ ихъ на столъ. Потомъ, открывъ ящики, вынимаетъ оттуда табели.

Примѣч. Если чжу-жень самъ переноситъ табели, въ такомъ случаѣ не нужно пособія сы-чжу.

Правила жертвенныя совершенно согласны съ жертвою да-сянъ; только въ концѣ акта прочитанная молитва предается сожженію, — и тѣмъ церемонія оканчивается.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа, почти-

тельный сынъ, по имени такой-то, осмѣливается явственно донести предъ табелью духа своего покойнаго родителя, по имени такого-то, чиновника, нашего дома господина. Положенное, по принятымъ правиламъ, время для совершенія обряда тань, по случаю отложенія траура, наступило. Но я все еще доселѣ безгранично преданъ грустнымъ воспоминаніямъ отдаленныхъ событій. Съ почтеніемъ предлагая вино и плоды, я благоговѣйно подношу ихъ, по случаю сложенія траура, и вмѣстѣ прошу ниизвести на меня счастіе. Въ молитвѣ къ умершей матери, она величается *сянь-би* (скончавшеюся матерью), такой-то сановницей, по имени такой-то. По окончаніи церемоніи, табели убираются въ ящикъ.

За тѣмъ табели сопровождаются въ храмъ предковъ. Съ этого времени носящимъ трауръ дозволяется пить вино, употреблять мясныя блюда и по прежнему спать въ своей супружеской опочивальнѣ; они получаютъ право одѣваться въ парадныя свои одежды и вообще носить цвѣтное платье.

Примѣч. Если въ домѣ нѣтъ храма предковъ, то спрятанныя въ ящикѣ табели вносятся въ домашнюю божницу (кивотъ).

Обряды при столкновеніи нѣсколькихъ траурoвъ въ одно и тоже время.

Разрѣшеніе вопроса о томъ, какъ поступать, если,

до окончанія траура въ извѣстномъ домѣ, вновь случится въ немъ другой трауръ?

(Извлечено изъ сочиненій: *Сы-ли-чу-гао* и *Цзя-ли-цзи-яо*).

Вообще до окончанія тяжелаго траура, если случится легкій трауръ, то принято за правило переоблачаться (по этому послѣднему случаю) въ легкій трауръ и совершать плачъ. Къ первому числу слѣдующей луны устроиваютъ въ домѣ особое мѣсто или сѣдалище для души, предъ которымъ въ положенномъ церемоніями траурѣ производятъ рыданія. По окончаніи этой сцены, снова надѣваютъ тяжелый трауръ. Если по истеченіи тяжелаго траура не окончился еще періодъ легкому, то срокъ ношенія легкаго траура непремѣнно долженъ быть доведенъ до послѣдняго дня. Если до окончанія полнаго траурнаго періода по отцѣ, случится трауръ по матери, въ такомъ случаѣ должно, по истеченіи траурнаго времени по отцѣ, облачиться въ обыкновенныя одежды для совершенія церемоніи да-сянъ, по окончаніи которой снова возложить на себя трауръ по матери. Впрочемъ, если жертва да-сянъ по отцѣ совпадаетъ со временемъ траура по матери, еще не преданной погребенію, то не нужно измѣнять платье и совершать самую жертву. Жертва сянъ есть жертва счастія; а покойникъ въ домѣ есть несчастіе. Можно ли же осмѣливаться въ

несчастную пору совершать счастливые обряды? Такимъ же образомъ нужно поступать, если въ періодъ траура по матери случится трауръ по отцѣ.

Живущіе далеко отъ родственнаго дома, при полученіи извѣстія о траурѣ, обязаны немедленно возвратиться въ свой домъ для исполненія траура.

Примѣч. За умершимъ на чужбинѣ, тотчасъ же по полученіи вѣрныхъ слуховъ о его смерти, посылаютъ кого либо изъ членовъ дома за прахомъ покойнаго. По доставленіи его въ домъ, опредѣляютъ извѣстное мѣсто для рыданій; кромѣ того устроиваютъ особое сѣдалище для души умершаго (*цзо-вэй*) передъ жертвенникомъ съ благовонными куреньями. При похоронахъ не употребляютъ куклы души и именнаго знамени.

Чиновникъ, занимающій должность въ провинціи, получивши свѣдѣніе о смерти старшаго лица въ своемъ домѣ, тотчасъ же производитъ плачъ и рыданія. По окончаніи плача, онъ распрашиваетъ о причинахъ смерти умершаго и снова рыдаетъ. За тѣмъ онъ одѣвается въ траурное платье и немедленно отправляется въ отчій домъ. Въ пути онъ предается грустнымъ представленіямъ о кончинѣ своего родственника и проливаетъ слезы. При взглядѣ на встрѣчающіеся по дорогѣ города и мѣстечки, и въ особенности на свой отечественный городъ и свой домъ, онъ снова плачетъ. Вошедши въ домъ,

онъ отправляется прямо къ гробу, гдѣ совершаетъ поклоненія, сопровождаемыя рыданіями; за тѣмъ расплетаетъ волосы, обнажаетъ ноги и три дня носитъ большой трауръ. Если же чиновникъ, услышавъ печальную вѣсть о кончинѣ кого-либо изъ старшихъ въ родѣ, еще до отправленія своего въ путь, устроилъ въ своей квартирѣ особое мѣсто, гдѣ и совершилъ обрядъ плача, если онъ уже ходилъ съ распущенными волосами, обнаженными ногами и три дня носилъ большой трауръ, въ такомъ случаѣ, по пріѣздѣ въ домъ, онъ не обязывается снова исполнять сказанныя церемоніи. Случается, что таковые чиновники возвращаются въ домъ уже послѣ преданія землѣ покойнаго, въ этомъ случаѣ они отправляются прямо на кладбище. Еще издали, при одномъ взглядѣ на кладбище, они проливаютъ слезы; достигнувъ же самаго мѣста погребенія, они производятъ рыданія. Если чиновникъ прежде сего еще не совершилъ обряда распущенія волосъ и обнаженія ногъ, то исполняетъ ихъ теперь на самомъ мѣстѣ могилы, и только по истеченіи трехдневнаго траура на кладбищѣ, имѣетъ право возвратиться въ родственный домъ. При входѣ въ домъ, онъ прямо отправляется предъ сѣдалище души (линьцзо), гдѣ совершаетъ поклоненія и плачъ, согласно съ принятыми правилами. Служащій въ провинціи чиновникъ, при полученіи извѣстій о годовыхъ, девяти-

и пяти-мѣсячныхъ траурахъ, устроиваетъ при своей квартирѣ особое мѣсто для моленья и исполняетъ тамъ обряды плача. Вообще, кто изъ чиновниковъ можетъ взять домовый отпускъ для совершенія траурныхъ церемоній, тотъ долженъ исполнять ихъ, по возвращеніи въ домъ; а кто не можетъ оставить свою должность, тотъ носитъ трехдневный трауръ на мѣстѣ.

О перемѣщеніи кладбищъ. Предварительно отыскиваютъ мѣсто, удобное для кладбища. Нашедши такое мѣсто, роютъ могилу и приносятъ жертву духу земли.

Примѣч. Чжу-жень исполняетъ обрядъ жертвенный въ простомъ, обыкновенномъ платьѣ.

Правила при этой жертвѣ одинаковы съ правилами при погребеніи. Въ молитвѣ прибавляется слѣдующее: Въ настоящее время могила моего покойнаго родителя находится на невыгодномъ мѣстѣ; по этому предполагаю перенести прахъ его на настоящее мѣсто. Умоляю духъ земли охранить его и не допустить встрѣтить впослѣдствіи новыя препятствія.—Остальное одинаково съ прежнею молитвою.

Примѣч. Жертвенный обрядъ духу земли совершается чжу-женемъ. Можно вырывать новую могилу тотчасъ же по прибытіи гроба на новое кладбище.

Наканунѣ перенесенія гроба, испрашивается на это разрѣшеніе въ храмѣ предковъ.

Правила. Старшій въ домѣ и всѣ младшіе члены

семейства занимаютъ въ храмѣ предковъ свои мѣста. Потомъ старшій вынимаетъ табель того умершаго предка, котораго прахъ долженъ быть перенесенъ на новое кладбище. За тѣмъ начинается обрядъ поклоненія духу. Всѣ дѣлаютъ четыре малые и четыре большіе поклона и выпрямляются. Старшій отходитъ въ особое мѣсто для омовенія рукъ и, возвратившись, становится на колѣни предъ табелью духа. Здѣсь онъ возжигаетъ куренья, приноситъ въ жертву вино и читаетъ молитву. По окончаніи молитвы, онъ кланяется въ землю, поднимается и, выпрямившись, отходитъ на свое мѣсто. Наконецъ слѣдуетъ актъ провожанія духа. При этомъ дѣлаютъ по прежнему четыре большія и четыре малыя поклоненія и выпрямляются. Потомъ убираютъ табель и сожигаютъ молитву, чѣмъ церемонія и оканчивается.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа, я, почтительный сынъ, по имени такой-то, нѣкогда совершилъ погребеніе праха своихъ покойныхъ отца и матери не въ надежномъ мѣстѣ. Теперь боюсь, чтобы не встрѣтить мнѣ внезапно какого-либо несчастія. Страшась за неспокойствіе своихъ предковъ, я постоянно чувствую въ себѣ печаль и трепетъ, а потому предполагаю такой-то луны въ такой-то день перенести прахъ ихъ въ такое-то мѣсто. О чемъ почтеннѣйше доношу.

Въ самый день перенесенія гроба, на старомъ кладбищѣ съ лѣвой стороны устроивается особое мѣсто для принесенія жертвы духу земли.

Примѣч. Чжу-жень совершаетъ этотъ жертвенный обрядъ въ обыкновенномъ платьѣ.

Правила жертвенныя одинаковы съ вышеизложенными. Въ молитвѣ, между прочимъ, читается: Нѣкогда мой почтенный родитель, по имени такой-то, погребенъ на этомъ мѣстѣ, оказавшемся, по гаданію, счастливымъ. Но въ настоящее время я опасаюсь, чтобы прахъ его не испыталъ на этомъ мѣстѣ какихъ-либо неожиданныхъ несчастій. По этому предполагаю, открывши могилу, перенести гробъ его на другое мѣсто. О чемъ осмѣливаюсь донести.

Чжу-жень, облекшись въ холщевый трауръ (*сы-ма̀*), совершаетъ жертвенный обрядъ, при разрытіи могилы.

Примѣч. Для этого передъ могилою ставится столъ.

Правила. Каждый, занявши свое мѣсто, производитъ плачъ, а по окончаніи рыданій дважды кланяется въ землю. За тѣмъ чжу-жень отходитъ къ столу, поставленному предъ могилой, гдѣ, ставъ на колѣни, возжигаетъ куренья, подноситъ въ жертву вино и читаетъ молитву; потомъ кланяется въ землю, поднимается, выпрямляется и отходитъ на свое мѣсто. Далѣе снова слѣдуютъ рыданія и двукратное поклоненіе

въ землю. По прекращеніи рыданій, приступаютъ къ отрытію могилы.

Молитва. Такого-то года, мѣсяца и числа, почтительный сынъ, по имени такой-то, осмѣливается явственно донести такому-то вельможѣ, нашего дома господину. Нѣкогда ты погребенъ на настоящемъ мѣстѣ; много мѣсяцевъ и лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, и во все это время твоя плоть и душа не находили себѣ отраднаго успокоенія. Теперь я предполагаю перенести твой прахъ на новое кладбище. Умоляю тебя почтенный духъ быть спокойнымъ и ничего не бояться. О чемъ почтеннѣйше доношу.

Разрывши могилу, вынимаютъ оттуда гробъ и приносятъ предъ нимъ въ жертву вино (дянь). *Примѣч.* Для этого ставятъ столъ передъ гробомъ.

Правила. Чжу-жень и всѣ младшіе члены дома дѣлаютъ двукратное колѣнопреклоненіе; за тѣмъ чжу-жень отправляется къ столу, поставленному передъ гробомъ, гдѣ, ставъ на колѣни, возжигаетъ куренья, приноситъ въ жертву вино и возливаетъ его. Потомъ, поклонившись въ землю, онъ поднимается, выпрямляется и отходитъ на свое мѣсто. Въ заключеніе всѣ участвующіе при этой церемоніи дѣлаютъ два земные поклона.

Примѣч. По вскрытіи могилы, если гробъ окажется прочнымъ и не подверженнымъ ни сколько гніенію, то его отираютъ со всѣхъ сторонъ холстомъ и покры-

ваютъ сверху простыней. Если же онъ окажется развалившимся, въ такомъ случаѣ запасаются новымъ гробомъ, который, поставивши на краю могилы, накрываютъ внутри одѣяломъ такъ, чтобы концы одѣяла ровно висѣли со всѣхъ сторонъ изъ гроба. Подлѣ новаго гроба ставятъ особую кровать. По вынутіи трупа изъ могилы, полагаютъ его сначала на эту кровать, а потомъ, обернувши длиннымъ плащемъ и спеленавши вдоль и поперегъ холщевыми бинтами, поднимаютъ его для положенія въ гробъ, гдѣ снова покрываютъ концами одѣяла, послѣ чего запечатываютъ гробъ. Но если и кости умершаго окажутся совершенно разрушившимися, то для такого случая необходимо запасаться однимъ холщевымъ халатомъ (*паоцзы*), для вложенія въ него вынутыхъ изъ могилы костей. Головной черепъ полагается на воротникъ халата, ручныя кости въ рукава его, грудь и ребра въ средину, а ноги въ нижнія части. За тѣмъ увязываютъ ихъ холстинными бинтами и полагаютъ въ гробъ, гдѣ снова накрываютъ ихъ одѣяломъ и закрѣпляютъ окончательно крышу гроба.

По окончаніи пеленанія костей умершаго, производится всеобщій плачъ и гробъ переносится на дорожныя носилки, при чемъ приносится въ жертву праху вино (дянь).

Правила при жертвѣ одинаковы съ прежними подоб-

ными. Въ молитвѣ прибавляется: Траурная колесница уже готова для слѣдованія до новаго мѣста твоего упокоенія; о чемъ осмѣливаюсь донести.—За тѣмъ слѣдуетъ двукратное поклоненіе въ землю.

Потомъ погребальная процессія отправляется до новой могилы.

Примѣч. Это шествіе совершается по правиламъ, одинаковымъ съ процессіею перваго погребенія. Только при этомъ не приносится въ жертву вина предкамъ, дорогой не производится плача и не употребляется фанъ-сяновъ, бумажныхъ денегъ и другихъ церемоніальныхъ, похоронныхъ принадлежностей.

Между тѣмъ, по краямъ новой могилы заблаговременно устроиваются для духа палатка (*линъ-у*) и сѣдалище (линъ-цзо). Гробъ останавливаютъ передъ новой могилой и приносятъ ему въ жертву вино (дянь), по принятымъ правиламъ, а потомъ уже погребаютъ.

Примѣч. При этомъ не мѣшаетъ употреблять, по извѣстному способу, известковыя стѣнки.

Жертва духу земли приносится на лѣвой сторонѣ могилы.

Примѣч. Чжу-жень исполняетъ эту церемонію въ темной одеждѣ.

Правила при жертвѣ одинаковы съ предшествующими. Въ молитвѣ прибавляется: Теперь для моихъ

покойныхъ родителей устроены здѣсь уединенныя кладбища. Умоляю духъ земли охранять прахъ ихъ.

Послѣ погребенія, на самомъ мѣстѣ кладбища, предъ сѣдалищемъ духа, совершается жертва юй.

Правила. Эта жертва совершается по вышеизложеннымъ правиламъ *чу-юй* (начальнаго акта жертвы юй). Въ молитвѣ говорится: Почтительный сынъ, такой-то, осмѣливается почтеннѣйше донести своимъ покойнымъ родителямъ, такимъ-то, слѣдующее: обрядъ по случаю перемѣщенія праха вашего на новое, уединенное мѣсто покоя окончился; въ заключеніе приносится жертва юй. Сознаюсь, что я ни днемъ, ни ночью не могу успокоиться; слезы постоянно льются изъ очей. Смиренно предлагая (цинъ-цзю) лучшее вино и разнообразныя яства, я съ благоговѣніемъ приношу ихъ въ жертву для вашего успокоенія, умоляя васъ взаимно низвести и на меня счастіе. *Примѣч.* При этомъ случаѣ исполняется только первый актъ жертвы юй.

Вмѣстѣ съ окончаніемъ настоящей жертвы убирается и сѣдалище духа (линъ-цзо); сяо-цзы скидаетъ съ себя холщевое платье и, облекшись въ одежды темнаго цвѣта, возвращается домой, гдѣ доноситъ въ храмѣ предковъ объ исполненіи церемоніи перенесенія кладбища.

Правила этой доносительной жертвы одинаковы съ изложенными выше подобными жертвами. Въ молитвѣ читается: Такъ какъ прахъ и душа моихъ родителей

были погребены не въ надежномъ мѣстѣ, то я настоящей луны такого-то числа и перенесъ ихъ кладбище въ такое-то мѣсто. Это дѣло уже кончено. О чемъ почтительный сынъ, по имени такой-то, осмѣливается донести.

Объ изслѣдованіи доброкачественности грунта земли подъ кладбищемъ. Прежде изслѣдованія доброкачественности грунта земли подъ новымъ кладбищемъ, приносятъ жертву духу земли по правиламъ, положеннымъ при перенесеніи гроба на новое кладбище. Въ молитвѣ при настоящемъ случаѣ читается : Теперь прахъ моихъ почтенныхъ родителей, по имени такихъ-то, по гаданію, перенесенъ на настоящее мѣсто, но я сомнѣваюсь, спокойно ли имъ здѣсь, или нѣтъ? Въ устраненіе сомнѣній, я предполагаю произвести опытъ изслѣдованія грунта здѣшней земли. Между тѣмъ умоляю духъ земли успокоить ихъ прахъ и не допустить впослѣдствіи какихъ-либо несчастій. О чемъ осмѣливаюсь донести.

Потомъ совершается доносительная жертва могилѣ умершихъ по правиламъ, положеннымъ на случай отрытія могилы, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь не производится рыданій. Въ молитвѣ читается: Мои почтенные родители, по имени такіе-то, погребены теперь на настоящемъ мѣстѣ; но я не увѣренъ въ вашемъ совершенномъ спокойствіи. Желая устранить эти сомнѣнія, я предполагаю приступить къ изслѣды-

ванію грунта злѣшней земли. Простираясь долу, умоляю васъ, почтенные духи, при имѣющемъ совершиться обрядѣ, быть совершенно спокойными и ни сколько не бояться. О чемъ осмѣливаюсь вамъ донести.

Самый способъ изслѣдованія кладбища состоитъ въ слѣдующемъ: со всѣхъ четырехъ сторонъ гроба просверливаютъ небольшія отверстія, въ которыя опускаютъ руки и, вынувши со дна землю, разсматриваютъ. Если земля суха и тепла, то тотчасъ же вливаютъ въ отверстія составъ хлѣбнаго вина (*шао-цзю*), смѣшаннаго съ сѣрой, и сново крѣпко зарываютъ ихъ землей.

О возвращеніи съ чужбины праха умершаго для погребенія на родинѣ. По умершемъ на чужбинѣ исполняются, какъ бы и въ родственномъ его домѣ, всѣ первоначальные траурные обряды, правила плача и принесенія ему въ жертву вина. *Примѣч.* Объ этомъ изложено было выше.

Тамъ пріобрѣтаются и всѣ предварительныя траурныя вещи.

Примѣч. По положеніи умершаго во гробъ, тотчасъ же пріобрѣтаютъ большой экипажъ съ бамбуковою крышей, снабженный предохранительными отъ дождя занавѣсами. Остальныя же, нужныя при погребеніи вещи тотчасъ являются по доставленіи умершаго въ отчій домъ.

Друзья и сослуживцы покойнаго извѣщаютъ его знакомыхъ о днѣ отбытія праха на родину.

Примѣч. Когда опредѣлятъ день отправленія на родину тѣла покойнаго, то напередъ извѣщаютъ объ этомъ пригласительными билетами его сослуживцевъ и друзей, и въ назначенный день принимаютъ посѣтителей съ ихъ вспомоществованіями (*фэнъ-цзы*).

Наканунѣ отбытія тѣла на родину, во время утренняго возліянія умершему вина, доносятъ ему о предстоящемъ перемѣщеніи гроба.

Правила—прежнія. Въ доносительной рѣчи умершему говорится: Сегодня мы избрали такой-то день для перенесенія твоего гроба на траурный дорожный экипажъ, съ мыслію возвратить твой прахъ въ отечественный городъ. О чемъ осмѣливаемся довести до твоего свѣдѣнія.

На другой день рано утромъ, во время утренняго возліянія вина, доносится умершему о наступившемъ времени перенесенія гроба на траурную дорожную колесницу.

Правила при этомъ одинаковы съ жертвою цзудянь (духу дорогъ). Въ доносительной рѣчи къ умершему говорится : Сегодня мы перенесемъ гробъ твой въ дорожный экипажъ. О чемъ осмѣливаемся довести до твоего свѣдѣнія.

Наконецъ предъ самымъ отправленіемъ этой печаль-

ной процессіи въ путь совершается обрядъ возліянія вина, по обыкновенной траурной церемоніи. Если же предстоптъ перевозить тѣло въ лодкѣ, въ такомъ случаѣ приносится жертва духу рѣки Цзянъ, совершаемая по правиламъ, изложеннымъ выше. Только въ молитвѣ есть измѣненія. Слово : *перемѣщается* — нужно замѣнить словомъ : возвращается ; вмѣсто словъ : *сопровождаемо для преданія земль на южной сторонѣ такой-то горы*, — нужно говорить : возвращается (прахъ такого-то) для погребенія такой-то губерніи въ такомъ то городѣ, и проч. — Установивши же гробъ въ ладьѣ, тотчасъ устроиваютъ тамъ линъ-цзо (сѣдалище духа), поднимаютъ именное знамя (мингъ-цзингъ) умершаго, и каждое утро и вечеръ производятъ плачъ и обрядъ принесенія въ жертву вина, по принятымъ правиламъ. Если же гробъ отправляется по сухому пути, то по крайней мѣрѣ въ дорожныхъ гостинницахъ во время обѣда непремѣнно нужно совершать обрядъ принесенія въ жертву вина (дянь).

Еще до пріѣзда въ домъ, гробъ встрѣчается на дорогѣ родственниками, при чемъ и приносится ими умершему жертва дянь.

Примѣч. Недоѣзжая до дома умершаго, отправляютъ заблаговременно особаго человѣка для извѣщенія его родственниковъ. Нерѣдко бываетъ, что или на берегу

рѣки, или среди большой дороги, тотчасъ же при встрѣчѣ съ гробомъ, возлпвается жертва дянь.

Правила жертвы обыкновенныя. Въ доносительной рѣчи читается : Траурная колесница привезла прахъ твой издалека. Услышавши, что ты подлѣ нашего дома, я по родственному чувству поспѣшилъ явиться сюда для того, чтобы тебя встрѣтить. О чемъ смѣю довести до твоего свѣдѣнія.

Наконецъ гробъ благополучно достигаетъ родственнаго дома.

Примѣч. Если домъ покойнаго находится внутри города, а, по правиламъ гражданскимъ, не позволяется ввозить въ городъ умершихъ, въ такомъ случаѣ заблаговременно за городомъ устроиваютъ палатку. Если же домъ находится внѣ города и по своему расположенію не удобенъ для помѣщенія, то поѣздъ можетъ остановиться и внѣ загородныхъ зданій.

Жертва дянь приносится по обыкновеннымъ правиламъ. Въ доносительной рѣчи читается: Траурная колесница издалека возвратила тебя въ домъ отчій. Смѣю довести объ этомъ до твоего свѣдѣнія.

Далѣе, надъ умершимъ исполняются обряды плача и принесенія вина (дянь), дѣлаются распоряженія относительно приготовленія кладбища, совершается торжественный выносъ умершаго и приносится жертва юй, по правиламъ, изложеннымъ выше.

Общій взглядъ на церемоніи домашнихъ жертвъ (цзи-ли).

По книгѣ *Цзя-ли*, во всѣ четыре времени года приносится жертва домашнимъ предкамъ: прапрадѣду, прадѣду и дѣду. По правиламъ *Чэнъ-фу-цзы*, въ день зимняго поворота должно приносить особую жертву (*чу-цзу*) начальному предку своего дома. Съ словомъ чу-цзу соединяется понятіе родоначальника. Въ день *ли-чуня* (въ 1-й день весны) полагается принесеніе жертвы дальнимъ предкамъ: низшимъ родоначальника и высшимъ прапрадѣда. Въ 9-й лунѣ (*цзи-цю*) совершается осенняя жертва только тѣмъ предкамъ, которые, съ теченіемъ времени, исключены изъ собранія домашнихъ духовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этотъ день присовокупляется жертва и состоящимъ на-лицо въ домашнемъ храмѣ кореннымъ предкамъ, сверхъ обычныхъ жертвъ, положенныхъ симъ послѣднимъ при началѣ четырехъ временъ года. Существуютъ еще жертвы, приносимыя въ дни кончины предковъ, жертвы, совершаемыя на кладбищѣ — въ день *цинъ-мина* (ясности), въ дни рожденія предковъ, и бываютъ особыя жертвенныя приношенія во время годовыхъ народныхъ праздниковъ (*цзя-ци*). Люди, имѣющіе при своихъ домахъ особые храмы предкамъ, отчетливо ведутъ свои родословныя записи; они, безъ сомнѣнія, исполняютъ всѣ жертвенные обряды по правиламъ книги *Цзя-ли*. Ска-

жемъ теперь о томъ, что во времена къ намъ близкія начали пренебрегать обязанностями по отношенію къ предкамъ; храмы предкамъ въ частныхъ домахъ стали уменьшаться; каждый ограничивался жертвами только своему дѣду и отцу; число положенныхъ жертвъ оказалось, по ихъ понятіямъ, многосложнымъ, а самое исполненіе ихъ труднымъ и неудобнымъ. Въ настоящее же время, неимѣющимъ своихъ домашнихъ храмовъ и жалующимся на трудности пріобрѣтать жертвенныя вещи и исполнять въ точности жертвенные обряды — нужно, по меньшей мѣрѣ, согласно съ книгою *Цзя-ли*, приносить предкамъ двѣ жертвы въ году: при началѣ весны и осени. Въ день зимняго поворота должно приносить жертву главному родоначальнику, а при началѣ весны — слѣдующимъ за нимъ предкамъ до прапрадѣда. Жертвенными снѣдными вещами могутъ служить современныя блюда и приправы, употребляющіяся при обыкновенныхъ столахъ; жертвенное животное можно замѣнять кускомъ сыраго мяса, самими распорядителями при совершеніи обряда (*ли-шэнъ*) могутъ быть назначаемы дѣти, или меньшіе братья, а жертвенный обрядъ долженъ слагаться изъ трехъ актовъ: призыванія духовъ, представленія имъ и благодаренія ихъ. Всѣ эти три акта должны быть сопровождаемы пріемами возліянія вина.

Впрочемъ, въ случаѣ крайности, можно ограничиться и однимъ пріемомъ возліянія вина.

По случаю народныхъ праздниковъ (цзѣ-цн), бываемыхъ въ продолженіи года, можно приносить въ жертву прапрадѣду, прадѣду, дѣду и отцу употребляемыя обыкновенно при столѣ блюда и вино; но во дни смерти отца и матери и во дни ихъ рожденія нужно приготовлять особыя и въ бо̀льшемъ количествѣ жертвенныя блюда. Самая жертва можетъ сопровождаться только однимъ пріемомъ возліянія вина; но молитва въ этомъ случаѣ не отмѣнима. Въ домахъ бѣдныхъ чиновниковъ и крестьянъ часто оказывается невозможнымъ приготовить достаточное число жертвенныхъ вещей и исполнить въ точности обрядъ; въ такомъ случаѣ, при наступленіи времени жертвоприношенія, можно число блюдъ ограничить одною чашкою каши, одною тарелкою свѣжей приправы и рюмкою вина, сдѣлавъ при этомъ два земные поклона. Эта малая жертва можетъ вознести благодарную мысль потомка къ его отдаленнымъ предкамъ. Для чего, стѣсняться несостоятельностью и отказываться отъ выполненія этихъ важныхъ обязанностей?

Примѣч. Если ли-шэнъ (распорядитель) избирается изъ родственниковъ или друзей, то, по окончаніи церемоніи, глава дома дѣлаетъ предъ нимъ поклоненія, благодаритъ и проситъ на вино и обѣдъ; а когда эту

обязанность исполняетъ сынъ, или меньшій братъ, то онъ, такъ какъ во время распоряженій ему неудобно было кланяться въ землю и становиться на колѣни, по окончаніи жертвы, во время убиранія табелей, становится на своемъ мѣстѣ и дѣлаетъ четыре большіе и четыре малые поклона.

МОРСКОЕ СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ ТЯНЬ-ЦЗИНЕМЪ И ШАНЪ-ХАЕМЪ.

МОРСКОЕ СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ ТЯНЬ-ЦЗИНЕМЪ И ШАНЪ-ХАЕМЪ.

—

Въ слѣдствіе затрудненій въ плаваніи по Императорскому каналу, китайское правительство начинаетъ пользоваться другимъ путемъ сообщенія, моремъ. Уже немаловажная часть южнаго хлѣба доставлена нынѣшнимъ годомъ въ Тянь-цзинь, на морскихъ торговыхъ судахъ; можно думать, что со временемъ главный запасъ хлѣба будетъ доставляемъ въ столицу этимъ же путемъ. Правда, что, какъ ни обременительно для китайскаго правительства содержаніе канала въ должномъ порядкѣ, оно никогда не покинетъ вовсе этого внутренняго и, по мнѣнію китайцевъ, самаго безопаснаго пути; но съ другой стороны, выгоды доставки моремъ, относительно удобства, скорости и дешевизны, столь ясны, что самыя закоренѣлыя предубѣжденія противъ моря начинаютъ изчезать предъ очевидными фактами. Не касаясь всѣхъ сторонъ сего вопро-

са, я ограничусь здѣсь указаніемъ способа перевоза хлѣба съ юга на сѣверъ моремъ и нѣкоторыми подробностями о плаваніи по малоизвѣстному Сѣверному Китайскому морю.

Шанъ-хайскій портъ служитъ главнымъ мѣстомъ сбора рѣчныхъ барокъ съ хлѣбомъ, предполагаемымъ къ отправкѣ моремъ. Правительство нанимаетъ здѣсь морскія суда, принадлежащія частнымъ лицамъ и во множествѣ стоящія въ шанхайской гавани. Эти суда обыкновенно употребляются для перевозки купеческихъ товаровъ по Сѣверному Китайскому морю, а такъ какъ это море мелководно и усѣяно песчаными отмелями, то суда не слишкомъ велики, съ плоскимъ и выгнутымъ днемъ; самое большое изъ нихъ можетъ поднять до 6000 пуд. хлѣба. Судохозяева, съ большою охотою, вызываются на выгодную для нихъ перевозку хлѣба, потому что правительство не устраиваетъ торговъ, а платитъ имъ за провозъ ту же плату, какую берутъ они съ товаровъ купеческихъ, и кромѣ того не взимаетъ съ нихъ пошлины за вывозъ купленныхъ ими въ Тянь-цзинѣ товаровъ. По принятому въ Китаѣ обычаю, плата при перевозкѣ тяжестей производится за каждую дань, или 100 гиновъ (3 пуда 17 фун. 89 зол. $36^{12}/_{29}$ дол.); за доставку каждой дани изъ Шанъ-хая въ Тянь-цзинь обычная плата 7 чинъ серебра (1 руб. $50^{25}/_{29}$ к. сер.); но при семъ надобно

замѣтить, что въ прежнее время въ Шанъ-хаѣ плата эта была только номинальною; дѣйствительно же платили по расчету мѣдной монеты, полагая каждый чинъ въ 70 большихъ чоховъ, такъ что при нынѣшней цѣнности серебра, если предположить даже, что въ Шанъ-хаѣ оно гораздо ниже, чѣмъ въ столицѣ, за каждую дань приходится не болѣе 5 чинъ 2 фынъ (1 р. $7^{41}/_{58}$ коп.); существуетъ ли и нынѣ такая замѣна, неизвѣстно. Но въ томъ и другомъ случаѣ, ни правительство, ни судохозяева не остаются въ убыткѣ. Правительство не въ убыткѣ, потому что провозъ каждой дани по Императорскому каналу обходится ему 5 чинъ серебра, да полдани хлѣба, что̀ вмѣстѣ (если принять самую низшую цѣнность хлѣба, какая существуетъ на мѣстѣ его сбора) составитъ 1 лану и 1 чинъ серебра (2 р. $37^{1}/_{29}$ коп. сер.). Судохозяева не въ убыткѣ, потому что каждый изъ нихъ, владѣющій судномъ въ 1800 данеи, получаетъ за двухнедѣльный перевозъ хлѣба, при самой умѣренной платѣ, свыше 2000 р. сер. Въ сложности, провозная плата восходитъ до огромной суммы. Весь годовый запасъ южнаго хлѣба, доставляемаго въ столицу, простирается свыше четырехъ милліоновъ данеи; изъ этого количества, въ нынѣшнемъ году доставлено моремъ 1,600,000, а въ слѣдующемъ будетъ доставлено тѣмъ же путемъ до 2,500,000 данеи. Плата за провозъ по-

слѣдняго количества будетъ превышать сумму 3,700,000 руб. сер.; а по низшей цѣнѣ восходить до 2,800,000 р. сер.; или, какъ принято въ Китаѣ, на вѣсъ — въ первомъ случаѣ свыше 3,700, а въ послѣднемъ 2,800 пудъ наличнаго серебра. Если бы европейскіе кораблехозяева знали въ подробности вышеописанныя обстоятельства и нашли подобную перевозку выгодною, то, вѣроятно, не преминули бы предложить китайскимъ береговымъ властямъ учрежденіе торговъ; но трудно рѣшить, согласилось ли бы китайское правительство, при всей скудости своихъ финансовъ, въ настоящее время, принять ихъ услуги, даже подъ условіемъ залоговъ.

Морскія сообщенія между Шанъ-хаемъ и сѣвером производятся разными путями; есть плаваніе каботажное, по береговымъ заливамъ и бухтамъ; есть путь средній по островамъ Шаньдунскаго моря; наконецъ есть путь восточный, по открытому морю. Торговыя суда слѣдуютъ предпочтительно симъ послѣднимъ путемъ, описаніемъ котораго я и долженъ ограничиться. Къ сожалѣнію, показанія китайскихъ мореходцевъ о мѣстностяхъ и разстояніяхъ морскихъ не могутъ быть слишкомъ вѣрными, при не точныхъ способахъ опредѣленія: по времени плаванія, компасу, цвѣту и глубинѣ воды; сообщаемыя ими свѣдѣнія скорѣе вѣроятны, чѣмъ несомнѣнны. Китайскіе мореходцы все про-

особенность этой мѣстности есть подводная песчаная полоса, въ ширину до 50 ли, простирающаяся съ З. Ю. З. на В. С. В., отъ пятиполосныхъ песковъ вплоть до параллели западныхъ Корейскихъ острововъ, гдѣ она оканчивается песчаною горою Ша-тоу-шань. Китайцы называютъ ее Да-ша (большими песками). Къ западу она опаснѣе, а чѣмъ восточнѣе, тѣмъ глубже. Считаютъ два дня пути по Черноводному океану до этой мели. Средняя глубина всего пройденнаго отъ Шэ-шани пространства 30 то; по приближеніи же къ песчаной полосѣ лотъ показываетъ только 10 то; по прошествіи 50 ли мели, глубина будетъ увеличиваться до 50 то. Проходя мелью, суда направляются на одинъ знакъ склонно на востокъ, т. е. на 15°, а по прошествіи песковъ снова на S. N.; нѣкоторыя суда уклоняются далѣе на востокъ, къ Ша-тоу-шани, откуда, усмотрѣвъ на сѣверѣ Корейскіе острова, направляются болѣе на западъ, къ чэнъ-шаньскому мысу. Между большими песками и шань-дунскимъ мысомъ, китайскіе мореходы обозначаютъ другую небольшую песчаную полосу подводную, при глубинѣ 15 то, называемую ими Сяо-ша, или малыми песками. Съ приближеніемъ къ шань-дунскому мысу, вода изъ черной дѣлается зеленою; этотъ цвѣтъ замѣчается на всемъ пространствѣ Шань-дунскаго и Чжилійскаго морей, по сему оно и называется мореходцами Зелено-водянымъ

океаномъ. Черезъ день плаванія по Зеленому морю, на глубинѣ 20 то, усматриваютъ въ темной дали верхи горъ Тѣ-ча-шани и острова Шп-дао; путь лежитъ мимо горы Тѣ-ча-шань и губы морской Ма-тоу-цзуй. Островъ Шп-дао весьма населенъ и владѣетъ хорошею пристанью; жаль только, что гавань открыта на Ю. В., отчего весной, когда преимущественно дуютъ юговосточные вѣтры, войти въ гавань легко, но выйти изъ нея трудно. Отъ острова Шп-дао, путь идетъ мимо острововъ Во-дао и Лп-дао, удобныхъ къ пристани, къ чэнъ-шаньскому мысу, по прежнему направленію S. N. склонно на востокъ; всѣ помянутыя мѣста считаются чрезвычайно важными пунктами на морѣ.

Отъ Чэнъ-шани путь лежитъ на западъ, склонно на сѣверъ, къ острову Лю-гунъ-дао, потомъ на западъ къ береговой крѣпости Вэй-хай-вэй; далѣе въ томъ же направленіи къ острову Чжп-фоу-дао. По этому пути много удобныхъ пристаней; самыя же безопасныя у острововъ Чжи-фоу-дао и Янь-тай. Отъ Чжп-фоу-дао на сѣверо-западъ, простираются подводные камни; для избѣжанія ихъ суда держатъ на сѣверъ и потомъ на западъ, мимо острова Ша-мынь-дао къ острову Мяо-дао, владѣющему доброю пристанью; передъ симъ островомъ, на востокѣ, есть песчаная мель. Глубина воды на пройденномъ пути отъ 15 до 20 то. Самый

попутный вѣтеръ въ плаваніи по сему Шань-дунскому морю есть юго-восточный.

Отъ острова Мяо-дао, минуя небольшой островъ Сяо-ши-дао, суда вступаютъ въ Чжи-лійскій заливъ и идутъ на западъ склонно на сѣверъ; глубина воды сначала въ 14 или 15 то, потомъ, мало по малу, уменьшается; на глубинѣ шести то вода изъ зеленой дѣлается желтою, дно морское изъ мягкой глины, и вдали усматривается Чжи-гу, или устье тянь-цзиньской рѣки. Когда глубина воды окажется въ 6 то, суда становятся на якорѣ, въ ожиданіи морскаго прилива, для вступленія въ рѣку. Невдалекѣ отъ устья оной, на китайскихъ картахъ обозначаются двѣ мели, изъ коихъ одна идетъ отъ устья на югъ, другая простирается поперегъ нѣсколько на востокъ. По вступленіи въ рѣку, суда тянутся бечевами, съ помощью багровъ, вплоть до самаго Тянь-цзиня, на разстояніи 180 ли. Отъ впаденія въ море на протяженіи внутрь 38 ли, рѣка шириною отъ 1000 до 700 футовъ. Выше она еще съуживается до 200 футовъ; у самаго же Тянь-цзиня, гдѣ пристаютъ суда, ширина ея за 300 футовъ. По разгрузкѣ судовъ, въ тѣ изъ нихъ, которыя должны возвратиться порожними, втаскивается, вмѣсто балласта, грязь съ рѣчнаго дна, чѣмъ русло рѣки значительно очищается.

Надобно замѣтить, что самымъ удобнымъ для пла-

вания съ юга на сѣверъ, по описанному выше пути, временемъ считаются весна и начало лѣта, когда дуютъ южные пассатные вѣтры.

Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія заимствованы изъ оффиціальныхъ документовъ по дѣлу о доставленіи казеннаго хлѣба моремъ.

странство пути, отъ Шанъ-хая до устья тянь-цзиньской рѣки, раздѣляютъ, по морскимъ и географическимъ особенностямъ, на шесть неравныхъ частей. Плаваніе начинается съ устья шанъ-хайской рѣки Хуанъ-пу въ рѣку У-сунъ-цзянъ; до впаденія сей послѣдней въ море считается 50 ли; вышедъ въ море, суда огибаютъ съ сѣвера пески Фубаоша и слѣдуютъ по южному берегу острова Чунъ-мина до восточнаго края его, гдѣ пристаютъ къ берегу въ ожиданіи попутнаго вѣтра, для отплытія въ океанъ. Пройденный доселѣ путь отъ устья Усунъ-цзяна полагаютъ 180 ли. Отсюда одинъ переѣздъ, по открытому морю, на востокъ до необитаемаго острова Шэ-шань въ 180 ли; этотъ островъ не имѣетъ удобной пристани; у него можно только остановиться на якорѣ. Онъ служитъ для мореходцевъ указательнымъ маякомъ и считается въ одной долготѣ съ пикомъ шаньдунскаго мыса Тѣча-шань (вѣроятно Cap Macartney), по этому и носитъ у нихъ названіе Нань-ча (южный пень), въ противоположность помянутому мысу, который они называютъ Бэй-ча (сѣвернымъ пнемъ). Вѣроятная долгота (восточная пекинская) Шэ-шани 6° не вступно. Отъ Чунъ-мина до Шэ-шани глубина воды, по измѣренію свинцовымъ лотомъ, отъ 10 до 20 то, считая каждое то въ 5 футовъ.

Отъ Шэ-шани вплоть до шаньдунскаго мыса про-

стирается открытое море, на которомъ не встрѣчается ни одного острова; посему китайскіе мореходцы опредѣляютъ мѣстности этого морскаго пространства сомнительною параллельностію съ нѣкоторыми географическими пунктами берега материка. При попутномъ вѣтрѣ, главное направленіе принимается S. N. магнитной стрѣлки, съ небольшимъ склоненіемъ на востокъ. При юговосточномъ вѣтрѣ направленіе склоняется къ востоку на одинъ знакъ компаса, т. е. на 15°, потому что китайцы дѣлаютъ на компасѣ 24 дѣленія. При югозападномъ вѣтрѣ, направленіе S. N., безъ склоненія. Первую мѣстность морскую, на сѣверъ отъ Шэ-шани, по описанію китайскихъ мореходцевъ, приблизительно можно положить подъ 32° 3' широты. Она замѣчательна тѣмъ, что отселѣ суда вступаютъ въ Черноводный океанъ, такъ названный по цвѣту воды; эта черная вода продолжается до мѣстностей, прилегающихъ къ шаньдунскому мысу. Глубина этого мѣста 20 то; здѣсь можно остановиться на якорѣ. Другая мѣстность, самая замѣчательная во всемъ переѣздѣ, простирается противъ устья Желтой рѣки. Переѣзжая это пространство, китайскіе мореходцы весьма боятся восточнаго вѣтра, который можетъ загнать ихъ суда на западъ и осадить на пятиполосные пески, — такъ называются песчаные бугры, находящіеся въ морѣ, нѣсколько на югъ отъ устья Желтой рѣки. Другая

домъ, недавно построенный на возвышенномъ мѣстѣ, среди разводимаго нынѣ сада, былъ бы однимъ изъ лучшихъ украшеній Хонкона, если бы не загромождался пристройками, которыя совершенно закрываютъ его. Къ другимъ прекраснымъ зданіямъ должно отнести госпиталь, клубъ и многіе частные дома. Западная часть была началомъ поселенія и теперь непредставляетъ ничего хорошаго:—узкія улицы съ небольшими домами, въ которыхъ большею частію живутъ китайцы, и это обстоятельство уже достаточно говоритъ за себя, но къ востоку городъ распространяется быстро и застроивается прекрасными домами; въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ перваго моего посѣщенія сдѣланы замѣтные успѣхи.

Далѣе къ востоку прекрасная дорога приводитъ въ красивую долину, по которой протекаетъ небольшой ручей. Это, говорятъ, единственное мѣсто, которое было обитаемо до занятія острова англичанами. Китаецъ, имѣвшій здѣсь ферму и обработавшій долину, далъ ей названіе *Счастливой долины*, которое осталось за нею до сихъ поръ. Нынѣ рядомъ съ прекрасно обработанными полями, мало по малу, засѣваются другія поля для будущей великой жатвы, гдѣ и мы зарыли нѣсколько сѣменъ, занесенныхъ сюда издалека. Этотъ выборъ мѣста для кладбища согласуется съ названіемъ долины.

Что на первый разъ особенно бросается въ глаза въ Хонконѣ и въ другихъ торговыхъ городахъ Китая, такъ это—совершенное почти отсутствіе лошадей: ихъ замѣняютъ китайцами. Ходить пѣшкомъ жарко, а потому порядочному джентльмену неприлично, тѣмъ болѣе дамѣ: я не встрѣчалъ на прогулкахъ ни одной дамы пѣшкомъ. Въ каждомъ домѣ есть обыкновенно крытыя носилки, въ родѣ каретнаго кузова безъ колесъ, и нѣсколько открытыхъ, состоящихъ изъ легкихъ бамбуковыхъ креселъ съ привязанными двумя жердями: это въ собственномъ смыслѣ *портшезы*. И въ тѣ и въ другія впрягаютъ по два китайца, что обходится безъ сомнѣнія дешевле лошадей, а въ нравственномъ смыслѣ они здѣсь унижены до скотскаго состоянія и ничѣмъ не лучше любаго невольника. Не разъ бѣдный кули (разнощикъ) получалъ побои отъ встрѣчнаго денди за то, что не успѣлъ во время посторониться, или потому что послѣднему просто захотѣлось употребить въ дѣло свою тросточку. Кричать противъ рабства, или проповѣдывать равенство, выходитъ, гораздо легче. Въ бытность мою здѣсь случилась на «Королевской дорогѣ» небольшая сцена, въ которой главную роль игралъ молодой офицеръ съ фрегата Е. В. *Нанкинъ*. Кажется, молодой человѣкъ, бывшій въ *веселомъ расположеніи духа*, вздумалъ покушать плодовъ изъ корзинки разнощика и китаецъ,

ХОНКОНЪ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.)

ХОНКОНЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

—

Изъ множества острововъ, разсыпанныхъ по берегамъ обширной Китайской имперіи, англичане выбрали себѣ одинъ небольшой островокъ, не отличавшійся особеннымъ плодородіемъ, почти голый, не приносившій Китаю никакой пользы; но за то съ хорошею гаванью, лежащій на пути изъ Индѣйскаго въ Тихій океанъ и потому очень полезный для нихъ, — и основали тутъ городъ, складъ торговли не только съ Китаемъ, но и съ сосѣдними островами. Городъ, котораго собственное имя *Викторія* едвали извѣстно и всѣмъ жителямъ его, растянутъ надъ проливомъ, отдѣляющимъ островъ отъ материка, и состоитъ изъ одной главной улицы, слѣдующей очертаніямъ берега; она называется Королевскою дорогою (Queen's Road), хотя какъ нынѣшней, такъ и будущимъ королевамъ

Великобританіи едва ли придется ѣздить по ней; нѣсколько другихъ меньшихъ улицъ параллельны этой главной, или пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. Послѣднія поднимаются въ гору такъ круто, что задніе дома цѣлымъ этажемъ возвышаются надъ передними и потому каждый пользуется прекраснымъ видомъ на обширный рейдъ и живописные берега Китая. Прекраснъ и видъ города съ рейда. Дома, расположенные амфитеатромъ у подошвы горы, оттѣняются купами деревъ; главная улица прерывается посрединѣ бульваромъ, отъ котораго далѣе въ гору разводится садъ съ извилистыми удобными дорожками, такъ что самая гора, прежде совершенно голая, нынѣ покрывается уже до извѣстной высоты то тѣнистыми бамбуковыми аллеями, то рощами разнообразныхъ деревьевъ. При постройкѣ здѣшнихъ домовъ старались главное защититься отъ жгучихъ лучей тропическаго солнца, а потому всѣ они имѣютъ нѣчто общее между собою: въ каждомъ непремѣнно есть крытая галерея, есть какая-нибудь полутемная зала съ сквознымъ вѣтромъ, необходимая принадлежность оконъ— жалузи. Лучшее зданіе, по моему мнѣнію, гдѣ соединено прекрасное съ полезнымъ, это — казармы стоящаго здѣсь полка. Двух-этажный перистиль вокругъ придаетъ ему видъ римскаго храма и защищаетъ совсѣхъ сторонъ отъ солнечныхъ лучей. Губернаторскій

не принимая шутокъ, потребовалъ платы, но не получивъ, взялъ за куртку джентльмена. Очевидно, что такое-*оскорбленіе, нанесенное платью*, было нестерпимо, хотя бъ даже подданный Небесной имперіи и былъ правъ, а потому г. офицеръ Е. В. нанесъ «мужику» сильный ударъ, раскровившій ему лице. Тутъ находилось нѣсколько мирныхъ гражданъ, которые не раздѣляли воинственнаго духа героя и настаивали, чтобы онъ былъ взятъ въ часть, что и было сдѣлано, не смотря на сильныя возраженія со стороны его товарищей. На слѣдующее утро дѣло представлено на судъ нашего просвѣщеннаго помощника надзирателя (Assistant Magistrate), который съ свойственными ему разсудительностію и чувствомъ справедливости, вмѣсто того, чтобы посадить виновнаго на десять дней на хлѣбъ и на воду, посовѣтывалъ уладить дѣло полюбовно и намекнулъ на пять талеровъ, какъ на приличное вознагражденіе обиженному; но поступилъ ли подсудимый согласно этому совѣту или нѣтъ — до моего свѣдѣнія не дошло. (The China Mail, № 558, the 25 Oct. 1855).

Хонконъ собственно не есть мѣсто торговли съ Китаемъ, но здѣсь живутъ негоціанты и агенты, ведущіе торговлю и въ Кантонѣ, и въ Шанхаѣ, и въ другихъ портахъ Китая, открытыхъ для европейцевъ. По этому здѣшній рейдъ весьма оживленъ: во все продол-

женіе моего двухмѣсячнаго пребыванія, на немъ постоянно было до 60 и болѣе купеческихъ судовъ, смѣнявшихся каждый день по одному и по два.—Мелочная торговля и промышленность вся находится въ рукахъ китайцевъ. За исключеніемъ двухъ-трехъ большихъ лавокъ, назначенныхъ собственно для приходящихъ судовъ и наполненныхъ всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія нуждамъ и даже нѣкоторымъ прихотямъ моряковъ, всѣ остальныя принадлежатъ китайцамъ. Самый богатый китайскій купецъ весьма умѣренъ въ жизни: нѣсколько чашекъ рису составляютъ главную его пищу, платье изъ каленкору, или изъ холста — не разорительно, квартира незатѣйлива; а потому и при продажѣ вещей онъ довольствуется небольшими процентами; даже европейскія вещи у него дешевле, нежели у европейца, которому нуженъ лишній процентъ и на столъ, и на платье, и на квартиру.

Задѣльная плата нигдѣ, можетъ быть, въ мірѣ не дешева такъ, какъ въ Китаѣ. По этой причинѣ и всѣ ихъ издѣлія отличаются особенною окончennостію въ отдѣлкѣ, даже носятъ признакъ копотливости; но изящество проскользаетъ развѣ какъ нибудь случайно, мимо воли работавшаго. И дѣйствительно, чтобы вещь могла быть выгодно продана, необходимо, чтобы она въ самой себѣ носила признаки многаго труда, употребленнаго на нее. Тогда какъ мы, смотря на вещь,

говоримъ: «какъ мило! какъ изящно!» у китайца самая лучшая похвала *ю гунфу* т. е. тутъ много пошло труда и времени! И вотъ во всѣхъ этихъ лавкахъ съ рѣдкостями вы находите рѣзныя вещи изъ кости: шары, катающіеся одинъ въ другомъ, шахматы, вѣеры и т. п., далѣе, лакированные ящики, расписанные самымъ мелкимъ узоромъ—и только. Еще замѣтнѣе это въ ихъ картинныхъ лавкахъ, которыхъ въ Кантонѣ до пяти, если не болѣе. Живопись у нихъ низведена на степень ремесла, или лучше сказать, не могла возвыситься до степени художества. И точно, механическая часть ея доведена почти до совершенства: глазъ не успѣваетъ слѣдить за кистями, размѣщенными между всѣми пальцами руки, какъ онѣ одна за другою то очутятся близъ большаго пальца остріемъ къ рисунку, то опять уходятъ на свои мѣста и въ обратномъ положеніи. Вообще китайцы—очень хорошіе копировщики. Я видѣлъ копію Рафаелевой Мадонны, въ уменьшенномъ видѣ, привезенную изъ Берлина, и другую, сдѣланную съ нея здѣсь китайцемъ: ихъ трудно отличить одну отъ другой. Сами они хорошо рисуютъ только цвѣты и насѣкомыхъ, копируя каждый листокъ цвѣтка, каждое крылышко бабочки съ такою тщательностію, что они кажутся наклеенными на бумагу. Не мало прелести придаетъ этимъ рисункамъ и самая бумага, похожая на тонкій бархатъ, которую англичане

называютъ *рисовою* (rice-paper), но которая собственно выдѣлывается изъ сердцевины растенія, принадлежащаго къ фамиліи *araliacea* и по китайски называемаго *дэнъ-цао* т. е. ламповымъ растеніемъ, потому что изъ тонкихъ стеблей его дѣлаются свѣтильни. Оно растетъ, говорятъ, исключительно на о. Формозѣ, по крайней мѣрѣ только тамъ разводятъ его и дѣлаютъ изъ него бумагу, употребляемую преимущественно на выдѣлку искусственныхъ цвѣтовъ.—Та же самая способность китайцевъ—довольствоваться малымъ—въ соединеніи съ ихъ переимчивостію дѣлаетъ то, что здѣсь какъ всѣ мастеровые и работники, такъ и вся домашняя прислуга — изъ нихъ. Портной-китаецъ пренавно предлагаетъ вамъ для выбора модную картинку, вышедшую за три, за четыре года прежде; каменьщикъ-китаецъ строитъ великолѣпные дома по европейскимъ чертежамъ. Но вообще для какой бы то ни было работы легче найти китайца, нежели китаянку; а потому даже тѣ должности, для которыхъ въ другихъ мѣстахъ держатъ женскую прислугу, здѣсь большею частію заняты мужчинами. И если съ непривычки странно видѣть у стола лакея въ длинномъ балахонѣ и съ длинною косою, то еще страннѣе встрѣтить, какъ это часто бываетъ, точно такого же китайца въ роли няньки при дѣтяхъ.

Въ Хонконѣ я имѣлъ случай въ первый разъ ви-

дѣть сушку чая; и хотя это было не приготовленіе чая изъ свѣжихъ листьевъ, а подсушиваніе не много отсырѣвшаго, однако въ сущности процессъ одинъ и тотъ же. Котлы, имѣющіе форму полушара, вмазываются въ очагъ наклонно: задняя часть ихъ приподнята на столько, что плоскость отверстія составляетъ съ горизонтомъ уголъ до 50° . Работникъ, стоящій передъ каждымъ такимъ котломъ, постоянно мѣшаетъ рукою насыпанный въ него чай все въ одну сторону, такъ что сообщаетъ ему круговое движеніе до тѣхъ поръ, пока отъ разведеннаго подъ котломъ огня онъ не высохнетъ надлежащимъ образомъ. Говоря о чаѣ, кстати упомянуть объ одномъ происшествіи, случившемся въ бытность мою въ Хонконѣ. Потонуло судно съ чаемъ; грузъ достали и продали съ публичнаго торга. Спекулянтъ, купившій его, отвезъ на ближайшую рѣчку, вымылъ въ проточной водѣ всю морскую соль и потомъ высушилъ сказаннымъ выше способомъ. И вотъ чай его пойдетъ въ Англію и, какъ хорошо поджаренный, дастъ хорошій настой. А какъ извѣстно, что англичанамъ нуженъ не ароматъ чая, а цвѣтъ его, то черезъ эту спекуляцію есть надежда пріобрѣсти не только хорошіе барыши, но и хорошую репутацію.

Не думайте однакожъ, чтобы однѣ спекуляціи занимали умы и наполняли всю дѣятельность здѣшня-

го народонаселенія. Здѣсь есть клубъ съ хорошею библіотекою, выписывающій многіе журналы; есть сверхъ того зало для чтенія (reading room) — небольшая публичная библіотека, основанная и содержимая нѣсколькими частными людьми; есть наконецъ отдѣленіе Лондонскаго Азіятскаго Общества, которое ежемѣсячно имѣетъ свои собранія и издаетъ свои записки. Я былъ приглашенъ, 8 ноября н. с., въ засѣданіе Общества, гдѣ между посторонними посѣтителями было не мало посѣтительницъ. Президентъ Общества, сэръ Джонъ Боурингъ (Bowring), бывшій недавно въ Россіи, выразилъ нѣкогда мнѣніе, будто «Россійское Правительство такъ завидливо, что никогда не было примѣра, чтобы посланъ былъ въ Пекинскую миссію хоть одинъ человѣкъ, который бы могъ объясняться на другомъ языкѣ, кромѣ своего роднаго русскаго, и это именно съ тою цѣлію, чтобы предотвратить возможность сообщенія въ Европу свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ Пекинѣ.» Теперь одинъ изъ членовъ Общества, г. Шортредъ предложилъ исправить это мнѣніе и указалъ на меня, какъ бывшаго въ миссіи и могущаго дать положительныя свѣдѣнія. Я отвѣчалъ, что Россійское Правительство никогда не имѣло въ виду подобной мысли, оно, напротивъ, само даже старается распространять свѣдѣнія, полученныя изъ Пекина; что прежде выбирались въ миссію большею частію студенты семина-

рій, гдѣ хотя преподавались и другіе языки, но господствующимъ былъ латинскій; въ послѣднее же время стали посылать туда изъ духовныхъ академій и университетовъ — высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ каждый пріобрѣтаетъ основательное знаніе нѣсколькихъ европейскихъ языковъ. Что же касается до мнѣнія г. президента, то очень возможно, что вскорѣ по возвращеніи изъ Пекина, видѣнные имъ члены миссіи не въ состояніи были свободно объясняться на европейскихъ языкахъ, просто потому что не имѣли практики въ теченіи десяти лѣтъ, хотя каждый изъ нихъ читаетъ и вѣроятно даже пишетъ на какомъ-нибудь изъ европейскихъ языковъ. Сэръ Джонъ Боурингъ выразился, что со времени посѣщенія имъ Россіи, безъ сомнѣнія, многое измѣнилось въ ней. Кстати замѣтимъ, что сэръ Джонъ Боурингъ самъ слыветъ большимъ лингвистомъ. Недавно онъ ѣздилъ въ Сіамъ, гдѣ успѣлъ заключить торговый трактатъ, и теперь приготовляетъ къ изданію описаніе Сіамскаго королевства. Сынъ его составилъ богатую коллекцію насѣкомыхъ здѣшняго края и продолжаетъ пополнять ее. Докторъ Гарландъ (Harland) предпринимаетъ составить полную фавну Хонкона, а докторъ Лоррень (Lorraine) имѣетъ большую коллекцію раковинъ, собранныхъ имъ во время путешествія по Америкѣ и Индіи. Г. Вэдъ (Wade), секретарь колоніальнаго правленія, имѣетъ

богатую китайскую библіотеку, занимается изученіемъ исторіи нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи и сообщилъ мнѣ планъ предпринимаемаго имъ составленія китайскаго словаря; только планъ этотъ такъ обширенъ, что одинъ человѣкъ едвали въ состояніи будетъ выполнить его. Вотъ все, что извѣстно мнѣ объ ученыхъ занятіяхъ нѣкоторыхъ лицъ, проживающихъ въ Хонконѣ. Многое, безъ сомнѣнія, дѣлается въ тиши кабинета и будетъ извѣстно не раньше, какъ по окончаніи. Я ничего не сказалъ о трудахъ миссіонеровъ: но они большею частію не любятъ разсказывать дѣлъ своихъ. Я знаю только, что изъ живущихъ въ Хонконѣ многіе основательно изучаютъ китайскій языкъ не только сами, но и жены ихъ, и думаю, что отъ проповѣди послѣднихъ скорѣе можно ожидать благихъ разсадъ по причинѣ сильнѣйшей воспріимчивости женской натуры. Что же касается до литературныхъ трудовъ, то, кромѣ нѣсколькихъ переводовъ св. книгъ, на китайскомъ языкѣ ежегодно появляются трактаты не только богословскіе, но и такіе, которые открываютъ китайцамъ многія полезныя европейскія знанія и новѣйшія изобрѣтенія. Быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ трактатовъ вышли изъ-подъ кисти котораго нибудь изъ хонконскихъ миссіонеровъ. Одинъ изъ нихъ, г. Лобшейдъ, имѣетъ постоянное пребываніе внутри китайской границы, миляхъ въ пятнадцати отъ

Хонкона, гдѣ занимается медицинскою практикою, и приходящимъ лечиться у него отъ тѣлесныхъ болѣзней не забываетъ указывать и на душевныя немощи ихъ и на единственное средство избавиться отъ нихъ. Я познакомился съ нимъ еще въ Японіи, когда онъ былъ на американскомъ пароходѣ *Пауатонъ*, и теперь видѣлся съ нимъ опять въ Хонконѣ, куда онъ пріѣзжалъ на короткое время. Я получилъ отъ него въ подарокъ японскій переводъ нѣсколькихъ книгъ Новаго Завѣта, не знаю кѣмъ сдѣланный, но сколько мнѣ извѣстно, не совсѣмъ понятный для японцевъ. Итакъ, едва успѣла Японія отворить для иностранцевъ нѣсколько портовъ своихъ, какъ миссіонеры успѣли уже приготовить для обращенія ихъ нужнѣйшія пособія. На первый разъ нельзя и требовать совершенства: довольно, если проложенъ путь хоть какой-нибудь; современемъ онъ болѣе и болѣе будетъ уравниваться и улучшаться.

Къ благотворительнымъ учрежденіямъ города относятся госпиталь и школа для дѣтей. Не знаю, во что обходится содержаніе въ госпиталѣ больныхъ, принадлежащихъ городу; но съ посторонниихъ, напримѣръ, съ матросовъ приходящихъ судовъ берется очень дорого — полтора талера въ день. За то образованіе дается желающимъ просто ни почемъ: приходящіе въ

школу дѣти обоего пола и всякаго сословія платятъ только по одному талеру въ годъ.

Для передачи торговыхъ, политическихъ и другихъ свѣдѣній внутри колоніи, издаются здѣсь три газеты, выходящія по разу и по два въ недѣлю; а разъ въ мѣсяцъ важнѣйшія извѣстія перепечатываются въ особомъ листкѣ (Overland China Mail), для сообщенія въ другія части свѣта. Торговыя объявленія въ этихъ газетахъ печатаются на англійскомъ и китайскомъ языкахъ.

Наконецъ я считаю долгомъ выразить мою признательность жителямъ Хонкона, за ихъ гостепріимство и внимательность, оказанныя намъ во время нашего пребыванія въ плѣну. Я прибылъ въ Хонконъ раньше другихъ моихъ товарищей плѣна съ однимъ только мичманомъ Ковалевскимъ: это было 29 сентября. Едва, бывъ отпущены на честное слово, успѣли мы выйти на берегъ, какъ были встрѣчены г. Борроусомъ (Borrows), американскимъ негоціянтомъ, который, пригласивъ насъ къ себѣ, успѣлъ сдѣлать то, что мы были у него совершенно какъ дома. Вслѣдъ за тѣмъ, мы получили приглашеніе отъ офицеровъ стоящаго здѣсь 59 полка, не только къ обѣду въ извѣстный день, но и быть постоянными участниками ихъ стола. Разумѣется отъ послѣдняго мы отказались, а во время обѣда гг. офицеры простерли свою вѣжливость до то-

го, что не было сказано ни одного слова, касающагося до военныхъ происшествій или могущаго имѣть хоть малѣйшее отношеніе къ нашему положенію. Это обстоятельство покажется кому-нибудь мелочнымъ; но мы тогда были въ особенномъ настроеніи духа, и я до сихъ поръ живо помню его. Вскорѣ послѣ того, для насъ былъ открытъ клубъ, библіотека для чтенія— все безъ всякаго намека съ нашей стороны, по одной предупредительности хозяевъ. Сначала я не думалъ являться къ губернатору, боясь имѣть столкновеніе съ властями; но вскорѣ убѣдился, что сэръ Джонъ Боурингъ совершенно не похожъ на адмирала Стерлинга, который, во всю бытность нашу въ плѣну, не удостоилъ даже взглядомъ ни одного изъ русскихъ офицеровъ. Я не стану перечислять всѣхъ нашихъ знакомыхъ въ Хонконѣ, а скажу, что всѣ, казалось намъ, жители одушевлены были однимъ желаніемъ: сдѣлать для насъ пріятнымъ наше невольное пребываніе у нихъ.

О ШЕЛКОВОДСТВѢ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ КИТАЙСКАГО.)

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

—

Извѣстія о китайскомъ шелководствѣ получили особенный интересъ въ настоящее время, когда обращено всеобщее вниманіе на эту важную отрасль промышленности; а потому, думаю, не лишнимъ будетъ и представляемый мною переводъ одного небольшаго китайскаго сочиненія по этому предмету. Оно написано въ 1818 году; слѣдственно гораздо позже того сочиненія, которое недавно переведено у насъ съ французскаго языка, и можетъ въ нѣкоторомъ отношеніи служить ему дополненіемъ. Авторъ его *Чжоучунь-жунъ* родился и провелъ большую часть жизни въ Чжэ-цзянской провинціи, одной изъ самыхъ богатыхъ шелководствомъ, и написалъ эту книжку подъ руководствомъ собственной опытности. А замѣчанія такого человѣка не могутъ не имѣть важности.

———

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Разведеніе шелковицы такое же дѣло, какъ и хлѣбопашество. Только хлѣбъ нужно сѣять каждый годъ, а шелковичныя деревья, когда выростутъ и составятъ рощу, то уже каждый годъ будутъ давать листья. И воспитаніе червей точно такое же дѣло, какъ и тканіе холста. Только ткать можно не иначе, какъ приготовивши прежде основу надлежащимъ образомъ: а когда воспитать червей, то они сами совьютъ коконы, и останется только размотать ихъ. И это дѣло легче того! Но что же? Въ округѣ Жунъ-чанъ (Сы-чуанской провинціи) издавна занимаются хлѣбопашествомъ и тканьемъ холста: только шелководство оставлено безъ вниманія. Говорятъ: свойство земли въ Сы-чуанской провинціи таково, что на ней не можетъ расти шелковица. Это возраженіе не имѣетъ никакого основанія. Кому не извѣстно, что здѣсь еще въ давнія вре-

мена было восемьсотъ шелковичныхъ деревьевъ? Опять говорятъ, что сы-чуанскія женщины не могутъ воспитывать шелковичныхъ червей. И это не основательно. Воспитаніе червей точно такимъ же образомъ свойственно женщинѣ, какъ и земледѣліе мужчинѣ. Но есть ли гдѣ-нибудь въ мірѣ такіе мужчины, которые не могли бы пахать землю? а потому есть ли такія и женщины, которыя бы не могли воспитывать червей? Надобно сказать не то, что тотъ или другой народъ не можетъ сдѣлать чего-нибудь, а то, что не умѣетъ сдѣлать.

Я родился и провелъ большую часть жизни въ Чжецзянской провинціи и въ такомъ мѣстечкѣ, которое обязано было представлять въ казну восьмикоконный шелкъ *), и гдѣ по этому разведеніе шелковицы и воспитаніе шелковичныхъ червей есть дѣло самое обыкновенное и совершенно извѣстное всѣмъ. Вообще можно положить, что когда сѣмена шелковицы, посѣянныя въ землю, взойдутъ, то на третій годъ можно уже будетъ пересаживать выросшія изъ нихъ молодыя деревца, и потомъ опять черезъ три года прививать. Когда прививокъ вырастетъ въ толщину руки, то густо покрывается большими листьями. Самое худшее дерево даетъ въ годъ отъ тридцати до сорока

*) Такой шелкъ, котораго каждая нить сматывается изъ 8 коконовъ, или состоитъ изъ восьми волоконъ, выпускаемыхъ червемъ.

гиновъ листьевъ *). А количество червей, которое съѣстъ листьевъ отъ 150 до 160 гиновъ, дастъ 1 гинъ шелку. Слѣдственно, кто имѣетъ у себя пять деревьевъ, тотъ можетъ воспитывать столько червей, сколько нужно для полученія 1 гина шелку, а кто имѣетъ 50 деревьевъ, тотъ можетъ выкормить червей для десяти гиновъ шелку. При томъ же черви отъ самаго рожденія своего до тѣхъ поръ, пока совьютъ коконы, требуютъ времени не болѣе одного мѣсяца. Итакъ не очевидна ли выгода шелководства предъ хлѣбопашествомъ и не очевидно ли превосходство его предъ ткачествомъ? Къ сожалѣнію жунъ-чанскіе жители (въ провинціи Сы-чуанъ) не понимаютъ всей пользы, какую можно получить отъ разведенія шелковицы. Когда, по собраніи листа съ шелковицы, выростетъ новый, то можно кормить имъ коровъ и овецъ; не нужные листья и вѣтви можно жечь, вмѣсто дровъ. Внѣшніе охлопки, которыми бываютъ покрыты коконы, можно употреблять вмѣсто ваты, а изъ попорченныхъ коконовъ прясть нити и ткать матеріи погрубѣе. Пометъ червей и кожицы куколокъ составляютъ превосходное удобреніе для полей. Впрочемъ всѣхъ выгодъ, какія могутъ получить земледѣльцы отъ воспитанія

*) Въ китайскомъ гинѣ 1 ф. 36 зол. и $39^{21}/_{99}$ дол.

шелковичныхъ червей, нельзя выразить въ краткихъ словахъ.

Живя здѣсь болѣе года, я, въ свободное отъ занятій по службѣ время, пересмотрѣлъ все, что написано объ этомъ предметѣ другими; припомнилъ то, что самъ нѣкогда слышалъ и видѣлъ, и такимъ образомъ составилась книжка *нужнѣйшихъ замѣчаній касательно разведенія шелковицы и воспитанія шелковичныхъ червей*, раздѣленная на четыре главы. Въ первой главѣ я описалъ способы разведенія шелковицы, потому что шелковица есть то, чѣмъ живетъ шелковичный червь; слѣдственно и разведеніе шелковицы есть основаніе шелководства.

Составивъ эту книгу, я немедленно отдалъ напечатать ее, чтобы доставить возможность всѣмъ здѣшнимъ жителямъ прочитать ее. Разсмотрѣвъ ее хорошенько, они убѣдятся сами, что и почва земли здѣсь не такова, чтобы на ней не могла произрастать шелковица, и женщины не таковы, чтобы не могли воспитывать червей. Мужчины здѣшніе занимаются земледѣліемъ, женщины ткачествомъ: пусть же и тѣ и другія присоединятъ къ своимъ занятіямъ и шелководство. А мнѣ остается только искренно пожелать имъ успѣха въ этомъ дѣлѣ.

О ШЕЛКОВОДСТВѢ.

—

ГЛАВА I.

О РАЗВЕДЕНІИ ШЕЛКОВИЦЫ.

Посадка шелковицы. Въ первой лунѣ (февралѣ) *), должно взрыть небольшой кусокъ земли и, проведши не глубокія бороздки, полить навозною жижею; потомъ, отобравъ черныхъ зрѣлыхъ ягодъ, разсѣять въ этихъ бороздкахъ и прикрыть легонько землею; когда высохнетъ, то поливать водою. Въ третьей лунѣ (апрѣлѣ) непремѣнно появятся ростки, которые въ два года выростутъ толщиною въ палецъ и отъ 3 до 4 футовъ въ вышину. Въ третій годъ ихъ можно уже будетъ разсадить.

Если на какой-нибудь молодой, малорослой шелковицѣ есть близко къ землѣ длинный побѣгъ, то, дождавшись того времени, когда онъ густо покроется

*) Китайскій годъ начинается не въ одно время: самое раннее начало его бываетъ 9 (21) января и самое позднее 8 (20) февраля. Слѣдственно тамъ, гдѣ не означается годъ, китайскихъ мѣсяцевъ нельзя въ точности поставить въ соотвѣтствіе съ нашими.

листьями, должно нагнуть его и покрыть землею, выставивъ наружу только молодые отпрыски. Каждый изъ этихъ отпрысковъ составитъ впослѣдствіи особое деревцо. На слѣдующій годъ они будутъ уже вышиною въ два или три фута.

Около 10 марта на старыхъ деревьяхъ нужно укоротить вѣтви, а у молодыхъ деревцовъ обрѣзать верхушки, такъ чтобы они были въ вышину фута два съ небольшимъ *).

Гдѣ бы ни садили деревья: противъ угловъ ли комнатъ, у стѣны, по берегамъ рѣкъ, на межахъ полей, или на особыхъ мѣстахъ,— во всякомъ случаѣ нужно садить разстояніемъ одно дерево отъ другаго футовъ на 5 или на 6, даже на 10 и болѣе.

Садить должно такъ: выкопавъ ямку глубиною въ футъ, нужно положить на дно перегнившаго навозу, размѣшаннаго съ водою, и посадить деревцо; за тѣмъ засыпать землею, хорошенько утоптать и еще разъ полить навозною водою. Посаженное такимъ образомъ деревцо непремѣнно примется.

Такъ какъ въ Сы-чуанской провинціи земля довольно плодородна, то даже можно просто весною нарѣзать вѣтвей шелковицы и каждую отдѣльно воткнуть въ землю.

---

* Въ приблизительныхъ измѣреніяхъ китайскій футъ можно положить равнымъ россійскому.

Прививка шелковицы. Если молодыя деревья, по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ пересадки, станутъ приносить много ягодъ и напротивъ будутъ бѣдны листомъ, то такія шелковицы считаются грубыми, и потому должно, посредствомъ прививанія, заставить ихъ приносить большіе листья и мало ягодъ. Для сего въ первой половинѣ марта нужно отрѣзать отъ хорошей шелковицы побѣгъ, длиною отъ 5 до 7 англійскихъ дюймовъ, и острымъ ножемъ срѣзать нижній конецъ его вкось. На корѣ деревца, къ которому намѣрены прививать, на разстояніи 7 дюймовъ или даже 1 фута и болѣе отъ земли, нужно сдѣлать двойной разрѣзъ, расходящійся книзу вкось, на подобіе буквы Л, длиною около полудюйма, и, отвернувши кожицу, вставить поскорѣе приготовленный черенокъ срѣзомъ наружу, чтобы выступившій съ обѣихъ сторонъ сокъ склеилъ кожицу съ прививкомъ. Это мѣсто нужно потомъ обмазать глиною и, снаружи обложивъ тоненькими бамбуковыми дощечками, обвязать покрѣпче лыкомъ. Къ 25 марта прививокъ прирастетъ; на слѣдующій годъ онъ пуститъ отъ себя побѣги и потому черенокъ повыше прививка должно отрѣзать прочь. Въ два — три года выростетъ большое дерево хорошаго качества.

Обрѣзываніе шелковицы. Когда придетъ время кормить червей перваго вывода, то должно обрывать

одни только листья, а вѣтокъ не трогать, чтобы въ свое время онѣ могли покрыться листьями въ другой разъ. Когда же понадобится кормъ для червей втораго вывода *), то должно обрѣзывать концы вѣтвей вмѣстѣ съ листьями въ разстояніи отъ ствола на футъ или на два. Однакожъ должно выбрать одну или двѣ вѣтви, которыя потолще, и на нихъ оставить всѣ листья. Если же не предполагается выводить червей въ другой разъ, то во время корма первыхъ червей должно обрѣзать всѣ густыя вѣтви, а если не будутъ обрѣзаны въ это время, то въ первой лунѣ слѣдующаго года (февралѣ) непремѣнно должно подчистить всѣ деревья. Каждая обрѣзанная вѣтвь должна быть длиною въ 1 или 2 фута съ небольшимъ.

Удобреніе шелковицы. Траву, растущую около туговыхъ деревьевъ, непремѣнно должно вырывать. Каждый годъ въ мартѣ, августѣ и декабрѣ нужно подсыпать навозу. Для всякой почвы годится какой бы то ни было навозъ — коровій, овечій и лошадиный; но вообще шелковичныя деревья гораздо лучше удобрять человѣческимъ. Равнымъ образомъ, старая вата, помои, остатки гороховыхъ лепешекъ и т. п.—все годится.

---

*) На югѣ по окончаніи воспитанія первыхъ червей, выводятъ другихъ; впрочемъ немного. Выводятъ даже въ третій и четвертый разъ, но чрезвычайно рѣдко. (Замѣч. авт.)

Истребленіе червей, водящихся въ тутовыхъ деревьяхъ. Дерево, источенное червями, со временемъ должно будетъ засохнуть, и потому въ свободное время нужно тщательно осматривать всѣ деревья : если на которомъ изъ нихъ окажется пометъ червей, то это признакъ ихъ присутствія. Если дыра проточена довольно глубоко, то должно вырѣзать ее долотомъ; если же не глубоко, то довольно будетъ воткнуть проволоку, чтобы умертвить насѣкомое. Эти труды вознаградятся хорошимъ ростомъ деревьевъ, и ни одно изъ нихъ не потеряетъ листьевъ и не засохнетъ.

Разведеніе шелковицы должно предшествовать воспитанію червей. Если придерживаться въ этомъ дѣлѣ предложенныхъ мною правилъ, то тутовыя деревья будутъ отличаться роскошнымъ ростомъ и при воспитаніи червей не будетъ недостатка въ листьяхъ.

ГЛАВА II.

О ВОСПИТАНІИ ШЕЛКОВИЧНЫХЪ ЧЕРВЕЙ.

Обмываніе сѣмянъ *). Сѣмена шелковичныхъ червей обыкновенно кладутся на толстую, мягкую бумагу **).

---

*) Если сѣмена неодинаковы, то изъ нихъ родятся черви не въ одно время: отъ обмыванія соленою или известковою водою безсильныя погибаютъ и остаются одни хорошія (Авт.).

** Можно для этого употреблять и бѣлый холстъ (Авт.).

Итакъ прежде всего въ 12 день 12 луны (который считается какъ бы днемъ рожденія червей) должно бумагу съ сѣменами взвѣсить и, если они произошли отъ червей, выведенныхъ посредствомъ извести, то и теперь на каждую лану бумаги съ сѣменами должно взять 3 чина *) извести, растворить въ такомъ количествѣ воды, чтобы вышло раствору немного поболѣе чайной чашки, и поставить, чтобы простыло. Потомъ влить въ глиняную лахань до половины теплой воды **), на поверхность ея разостлать бумагу съ сѣменами; на бумагу вылить известковый растворъ вмѣстѣ съ отсѣдомъ и, черпая рукою воду, поливать сверху.

Если сѣмена произошли отъ червей, выведенныхъ посредствомъ соли, то въ рюмкѣ воды распустить 2 чина поваренной соли ***) и, разостлавъ бумагу, какъ и прежде, на поверхности теплой воды, налитой въ лахань, облить ее этимъ растворомъ и, черпая рукою воду, поливать сверху.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ, подождавъ съ часъ, должно бумагу снять съ поверхности воды и, разостлавши на рѣшетѣ, поставить на кровлю дома на

---

*) То есть почти третью часть противъ вѣса бумаги съ сѣменами.

**) Не должно употреблять воды слишкомъ горячей, чтобы не уморить сѣмянъ (Авт.).

***) Два чина соли берутся равнымъ образомъ на 1 лану бумаги съ сѣменами, что составляетъ ровно пятую часть.

трои сутки, чтобы просохли, а потомъ повѣсить въ прохладномъ и сухомъ мѣстѣ *).

Закутываніе сѣмянъ. Марта 22 или 23 должно снять бумагу съ сѣменами, развернуть ее и, разостлавъ поверхъ сѣмянъ листъ или два чистой бумаги, высушенной прежде на солнцѣ, сложить опять хорошенько и, закутавши потеплѣе въ шелковую или простую вату, положить въ тепломъ мѣстѣ.

Гнѣздо сѣмянъ. Въ началѣ апрѣля, когда листья на шелковицѣ будутъ примѣрно величиною съ мѣдную монету, то, выбравъ одинъ изъ дней, означенныхъ въ календарѣ буквами *кай, шоу, чэнъ* или *мань*, должно взять бумагу съ сѣменами, которая была закутана, и днемъ носить на тѣлѣ, а ночью класть подлѣ себя. Когда сѣмена проникнутся теплотою человѣческаго тѣла, то мало помалу начнетъ проявляться въ нихъ жизнь.

Оживаніе сѣмянъ. Если черезъ два, три дня раскрыть гнѣздо и посмотрѣть, то окажется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣмена получили зеленоватый цвѣтъ: это сѣмена ожившія **). Замѣтивъ это, нужно поско-

---

* Вообще если разъ употреблена была известь для обмыванія сѣмянъ, то и впередъ употреблять известь каждогодно; а если употреблена была соль, то соль же употреблять и каждый годъ (Авт.).

** Сѣмена состоятъ изъ тонкой кожицы, наполненной свѣтлою, прозрачною жидкостію, и бываютъ первоначально кофейнаго цвѣта; но ког-

рѣе опять свернуть гнѣздо хорошенько. Когда всѣ сѣмена сплошь позеленѣютъ, то это признакъ, что они всѣ ожили, и тогда уже нѣтъ необходимости носить ихъ при себѣ, а достаточно будетъ закутать получше въ вату и положить въ сухомъ и тепломъ мѣстѣ.

Первенецъ. Послѣ того, какъ всѣ сѣмена оживутъ, непремѣнно долженъ родиться первенецъ. Лишь только его замѣтили, то немедленно должно снять прочь бумагу, постланную поверхъ сѣменъ, а на мѣсто ея положить десятокъ стеблей *дэнъ-цао* *), длиною въ два, три дюйма, легонько прижать ихъ къ бумагѣ и, свернувъ ее опять, завернуть въ вату **), чтобы сѣмена не зазябли. Однакожъ нѣтъ необходимости носить ихъ при себѣ. На третій день послѣ появленія первенца всѣ черви выйдутъ изъ сѣменъ. Рожденіе червей обыкновенно случается ежегодно въ десятыхъ числахъ апрѣля.

Рожденіе червей. На третій день ***) послѣ появленія

да начнутъ оживать, то этотъ цвѣтъ измѣняется въ зеленоватый, оттого что жидкость превращается въ червя (Авт.).

*) Мягкая сердцевина одного растенія, употребляемая вмѣсто свѣтилень въ лампахъ.

**) Дэнъ-цао кладется для того, чтобы упругостію своею препятствовало бумагѣ складываться плотно: это способствуетъ выходу испареній отъ вновь родившихся червей и защищаетъ ихъ отъ опасности быть раздавленными (Авт.).

***) Нужно три дня для того, чтобы всѣ черви вышли изъ сѣменъ. Если

первенца нужно собрать листьевъ дикаго шиповника *), высушивъ ихъ, растереть помельче и посыпать этою мукою бумагу съ червями **). Черви, оставшіеся въ скорлупахъ, послышавши запахъ листьевъ, всѣ выйдутъ въ теченіе не болѣе двухъ часовъ. Тотчасъ нужно вытереть какъ можно получше, гусинымъ или другимъ какимъ нибудь перомъ, глиняный покрытый глазурью тазъ или лакированное блюдо (такъ какъ блескъ этого рода вещей не вредитъ червямъ), или даже лотокъ, оклеенный бумагою, и въ него переложить червей посредствомъ тонкой, округленной палочки. Не должно только класть ихъ слишкомъ близко другъ къ другу ***). Въ это время червей можно взвѣсить, чтобы знать, сколько впослѣдствіи потребуется для нихъ листьевъ ****).

въ теченіе этихъ дней и не кормить тѣхъ червей, которые выйдутъ раньше, то это не будетъ имѣть никакихъ худыхъ послѣдствій (Авт.).

*) Сколько можно понять изъ китайскихъ описаній, это родъ дикаго шиповника или розана съ красными и бѣлыми цвѣтами, которые растутъ въ видѣ гроздовъ. Онъ обыкновенно любитъ расти у заборовъ и кустовъ, гдѣ длинныя и гибкія вѣтви его находятъ себѣ опору.

**) Бумага съ червями должна быть ровно разостлана на рѣшетѣ и поставлена въ свѣтломъ мѣстѣ (Авт.).

***) Черви видимо растутъ послѣ каждаго пріема пищи; а потому если положить ихъ слишкомъ тѣсно, то листьевъ, лежащихъ около каждаго изъ нихъ, будетъ для нихъ недостаточно (Авт.).

****) Количество червей, которое въ этомъ періодѣ вѣситъ одинъ *чинъ*, съѣстъ листьевъ во всю свою жизнь 160 чиновъ. Есть черви, которые съѣдаютъ и побольше, но немногимъ (Авт.). Китайскій *чинъ* равняется 1, 2 золот.; а 160 чиновъ составляютъ 220, 7 росс. фунтовъ. Слѣдственно количество червей вѣсомъ въ 1 золотникъ потребуетъ около 1 пуд. 24 фун. листьевъ.

Какъ кормить червей. Сложивъ вмѣстѣ десятокъ шелковичныхъ листьевъ и обрѣзавъ стебельки, должно искрошить ихъ въ тонкія ленточки, на подобіе лапши. Потомъ разбить, посредствомъ завостреннаго прутика, чтобы не слежались, и понемножку кормить червей *).

Выметаніе сора. Всякой разъ, какъ черви поѣдятъ листьевъ, образуется слой сору, состоящій изъ помета червей и объѣдковъ листьевъ. А потому на третій день по рожденіи червей должно весь соръ вычистить и впередъ дѣлать это каждый день. Отъ перваго до большаго сна необходимо ежедневное выметаше. Если пропустить хоть одинъ день, то сору накопится толстый слой, который слежавшись согрѣется и своими испареніями причинитъ червямъ болѣзнь. Болѣзнь эта непремѣнно обнаружится, когда черви достигнутъ полнаго своего возраста **).

Первый сонъ. Чрезъ семь или восемь дней, считая отъ времени рожденія червей, наступаетъ первый сонъ

---

*) Въ это время черви бываютъ чрезвычайно мелки, не толще волоса, а потому нужно кормить ихъ листьями, искрошенными какъ можно мельче, чтобы каждый изъ нихъ могъ всползти на листокъ (Авт.).

**) Болѣзнь эта обнаруживается различнымъ образомъ: или на тѣлѣ червей появляются желтые пупырышки, или на головѣ и по верхней части тѣла черныя пятна продолговатыя или круглыя; иногда все тѣло покрывается черными пятнами. Черви эти съѣдаютъ листу столько же, сколько и здоровые, но лишены бываютъ органовъ, производящихъ шелкъ (Авт.).

ихъ. Передъ засыпаніемъ черви съѣдаютъ три или четыре порціи листьевъ вдругъ (такъ что едва успѣешь подложить корму, тотчасъ его какъ небывало). Насытившись, они обыкновенно выпускаютъ шелкъ на поверхность листа и послѣ остаются нѣсколько времени какъ бы въ оцѣпенѣніи, поднявъ голову вверхъ. Тотчасъ должно вычистить немедленно весь соръ и насыпать сверху тонкій слой *крошева* *) или изрѣзаннаго листа, и послѣ того уже не должно болѣе кормить ихъ и не должно трогать лотка, въ которомъ они находятся **). Необходимо тоже защитить червей отъ вѣтра, особенно сѣверо-западнаго. Итакъ должно перенести лотокъ съ червями, какъ можно осторожнѣе, въ закрытое мѣсто, подъ навѣсъ, и ожидать пока они высунутъ рты свои ***). Для того, чтобы всѣ черви заснули достаточно бываетъ сутокъ, считая съ того времени, какъ они начали выпускать шелкъ на поверхность листа. Если же по прошествіи сутокъ найдутся черви не заснувшіе, то выбрать ихъ палочкою и выбросить вонъ. Заснувшихъ должно легонько очистить отъ сору, переложить въ чистый, оклеенный бумагою лотокъ и по-

*) Въ это время уже будетъ нѣсколько червей заснувшихъ (Авт.).

**) Когда кто-нибудь неосторожно тронетъ лотокъ, то черви испугавшись втянутъ въ себя ротъ свой и уже не въ силахъ будутъ опять высунуть (Авт.).

***) На томъ мѣстѣ, гдѣ находится ротъ, замѣтенъ бываетъ маленькій рожокъ темнаго цвѣта: это признакъ, что ротъ высунутъ (Авт.).

сыпать сверху отрубями *). Въ это время черви бываютъ толщиною въ нитку и длиною въ пол-линіи.

Первое линяніе. Черезъ сутки по перемѣщеніи червей, они начинаютъ линять помаленьку. Когда всѣ вылиняютъ, то скинутыя ими кожицы и прочій соръ будутъ застланы шелкомъ: это признакъ, что челюсти ихъ довольно укрѣпились и пора кормить ихъ **). Вообще должно начинать кормить червей не раньше, какъ черезъ двои сутки послѣ того, какъ они заснули. На слѣдующій день должно вычистить соръ и, если окажется, что черви будутъ слишкомъ близко другъ къ другу, то пораздвинуть ихъ. Далѣе каждый день должно выметать соръ и червей понемножку раздвигать ***).

Второй сонъ. Время между первымъ и вторымъ сномъ есть самый важный періодъ въ жизни червей ****). Второй сонъ наступаетъ обыкновенно по прошествіи четырехъ сутокъ отъ перваго линянія; а если время тепло, то черви иногда засыпаютъ и чрезъ трои сутки, а потому должно постоянно присматривать за ними и достаточно кормить ихъ. Если въ эти три или четыре

---

*) Это необходимо для того, чтобы отруби впитали въ себя влагу, находящуюся на тѣлѣ червей тотчасъ по перемѣнѣ кожи (Авт.).

**) Въ это время можно уже крошить листья покрупнѣе (Авт.).

***) Послѣ каждаго корма черви выростаютъ и если не раздвигать ихъ, то многіе не достанутъ нужнаго для нихъ количества листьевъ и отъ голода могутъ заболѣть (Авт.).

****) Червей, пережившихъ эту критическую эпоху, авторъ впослѣдствіи вездѣ называетъ *червями вышедшими изъ огня.*

дня сдѣлано будетъ хоть малѣйшее упущеніе, могущее причинить червямъ болѣзнь, то впослѣдствіи нельзя будетъ получить отъ нихъ всей выгоды. Самое главное то, чтобы не оставлять червей ни на минуту безъ пищи *); даже ночью два человѣка должны смѣняться, чтобы кормить ихъ постоянно, и не должны безпечно спать оба въ одно время, оставивъ червей на-авось **). Передъ вторымъ сномъ черви ѣдятъ больше обыкновеннаго, выпускаютъ шелкъ на поверхность листьевъ и приходятъ въ оцѣпенѣніе точно такъ же, какъ и передъ первымъ; и уходъ за ними въ это время долженъ быть точно такой же, какъ и въ первый разъ. Въ этомъ періодѣ черви выростаютъ въ толщину грубой бумажной нитки и въ длину до 1 линіи.

Второе линяніе. Второе линяніе, подобно первому, обыкновенно оканчивается въ одни сутки. И въ этотъ разъ, какъ и послѣ перваго линянія, должно не прежде начинать кормить червей, какъ когда укрѣпятся челюсти ихъ. Но, покормивши раза три, можно уже будетъ давать некрошенный листъ; только должно ровнѣе разстилать его; а по прошествіи сутокъ можно будетъ давать вмѣстѣ съ листьями и молодыя вѣтви ***).

*) Во второмъ возрастѣ червь, едва успѣлъ поднять голову, уже и проголодался (Авт.).

**) По прошествіи этого времени не нужно будетъ подбавлять почью корму (Авт.).

***) Листъ непремѣнно должно разстилать лицевою стороною вверхъ (Авт.).

Прочій уходъ за червями точно такой же, какъ и во время перваго линянія.

Третій сонъ. Третій сонъ наступаетъ не позже, какъ черезъ трои сутки послѣ втораго линянія. Передъ этимъ, черви ѣдятъ болѣе обыкновеннаго, выпускаютъ шелкъ, приходятъ въ оцѣпенѣніе точно такъ же, какъ и передъ вторымъ сномъ: и уходъ за ними, начиная съ того времени, какъ заснутъ, точно такой же. Въ это время черви выростаютъ въ толщину пеньковой нитки и въ длину до двухъ линій. Если по прошествіи сутокъ найдутся черви не заснувшіе, то вынуть ихъ просто пальцами; заснувшихъ же должно выбрать полегоньку и, очистивъ весь соръ съ нихъ, переложить ихъ въ плоскія корзины; нужно только остерегаться, что бы очищая не оцарапать ихъ тѣла или не повредить рта. Если въ это время взвѣсить червей, то можно приблизительно узнать, сколько отъ нихъ получится коконовъ *).

Третье линяніе. Третье линяніе оканчивается также въ теченіе однихъ сутокъ. Должно кормить червей не раньше, какъ дождавшись, пока укрѣпятся челюсти ихъ, и послѣ выметать соръ, раздвигать чер-

*) Вообще, если 1 фунтъ червей въ этомъ періодѣ дастъ впослѣдствіи десять фунтовъ коконовъ, — это будетъ самый лучшій сборъ; если отъ того же количества червей получится отъ 7 до 8 фунтовъ коконовъ, — это сборъ посредственный; сборъ менѣе этого считается уже невыгоднымъ (Авт.).

вей—словомъ, поступать точно такъ же, какъ и послѣ втораго сна.

Большой сонъ. Чрезъ трои сутки послѣ третьяго линянія наступаетъ большой сонъ. Передъ этимъ черви ѣдятъ много, выпускаютъ шелкъ и приходятъ въ оцѣпенѣніе, какъ и передъ третьимъ сномъ, и уходъ за ними долженъ быть точно такой же, какъ и въ то время. Въ это время черви выростаютъ въ толщину бечевки, на которую нанизываются деньги *), и отъ 5 до 6 линій въ длину.

Четвертое линяніе. Линяніе, какъ и прежде, продолжается обыкновенно одни сутки. По окончаніи его, уже не нужно разсыпать листьевъ ровнымъ слоемъ, какъ въ третьемъ періодѣ, а можно сыпать листъ какъ-нибудь. Начинать кормить должно заблаговременно **), именно тогда, когда на пространствѣ, величиною въ ладонь, между вылинявшими червями будетъ еще три-четыре червя не проснувшихся. Теперь уже не нужно обращать вниманія на то, ляжетъ ли листъ лицевою или обратною стороною; будетъ ли онъ сы-

*) То есть, около 1½ линіи.

**) Послѣ четвертаго линянія должно начинать кормить червей тотчасъ, не дожидаясь, пока они совершенно укрѣпятся въ силахъ, чтобы такимъ образомъ избавиться впослѣдствіи важныхъ затрудненій. Если дожидаться, пока всѣ они вылиняютъ и челюсти каждаго достаточно укрѣпятся, то послѣ они всѣ въ одно время достигнутъ совершеннаго своего возраста, и тогда, если мало людей, то нельзя будетъ успѣть убрать ихъ вдругъ и перенести на коконники (Авт.).

рой, или даже совершенно мокрый; будутъ ли на немъ дождевыя капли, или пыль и т. п. Когда черви поѣдятъ листьевъ отъ 7 до 9 разъ, то выростутъ длиною дюйма въ полтора; и такъ какъ въ корзинахъ уже имъ будетъ тѣсно, то гораздо лучше будетъ, если разостлать по полу рѣдкую рогожку изъ мягкой травы и разложить ихъ на ней въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Всякой разъ должно насыпать листьевъ столько, чтобы вышелъ слой толщиною отъ полутора до трехъ дюймовъ. Само собою разумѣется, что если постлано будетъ нѣсколько рогожекъ, то между ними долженъ быть оставленъ проходъ, чтобы удобнѣе было кормить червей. Если же червей воспитывается немного (напримѣръ 2—3 фунта), то ихъ можно разложить на обыкновенныхъ рогожкахъ, или даже въ тѣхъ же корзинахъ *). По перемѣщеніи червей на рогожки и до самаго того времени, когда нужно будетъ переносить ихъ на коконники, должно кормить ихъ днемъ отъ 6 до 7 разъ, а ночью отъ трехъ до четырехъ **).

Совершенный возрастъ червей. Проживши четверо сутокъ послѣ четвертаго линянія, черви выростутъ въ длину до $2^1/_2$ дюймовъ и будутъ толщиною въ мизинецъ; а

*) Только въ такомъ случаѣ каждый день должно будетъ выметать соръ (Авт.).

**) Ночью черви ѣдятъ медленнѣе, нежели днемъ (Авт.).

въ пятый день достигнутъ полнаго своего возраста. Цвѣтомъ они до этого времени были зеленовато-бѣлые; пришедши же въ совершенный возрастъ, принимаютъ цвѣтъ соломенный. Когда все тѣло червя, если посмотрѣть на него къ свѣту, будетъ почти прозрачно, то это признакъ, что онъ уже достигъ совершеннаго возраста. Замѣтивши это, должно раза три накормить червей нѣжными листьями, а между тѣмъ заготовлять для нихъ коконники.

Построеніе коконниковъ. Надобно связать нѣсколько крѣпкихъ жердей и сдѣлать родъ полки *), вышиною отъ полу-фута на три съ небольшимъ; поверхъ жердей постлать плетни, сдѣланные изъ обыкновеннаго тростника; а между тѣмъ заготовить достаточное количество соломы, связанной въ пучки, чтобы червямъ было на чемъ вить коконы.

Перенесеніе червей на коконники. Люди опытные говорятъ, что когда черви достигли полнаго развитія своего, то въ три или четыре часа должно непремѣнно перенести ихъ на коконники **). Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Пучки соломы (связанные посрединѣ) нужно развернуть такъ, чтобы оба конца были въ видѣ метелки, и поставить на полкѣ одинъ подлѣ

*) Можно крѣпкими веревками привѣсить ее къ потолку, или къ стропиламъ (Авт.).

**) Иначе они станутъ вить коконы по землѣ, въ сору; а такіе коконы никуда не годятся (Авт.).

другаго; потомъ между ними разсыпать червей въ равномъ разстояніи другъ отъ друга поперечными рядами, начиная отъ одного конца полки и доходя постепенно до другаго. Перенеся такимъ образомъ всѣхъ червей на кокончикъ, нужно этотъ послѣдній оградить чѣмъ-нибудь до самаго пола, со всѣхъ сторонъ, для удержанія теплоты, а вверху оставить небольшія отверстія для прохода воздуха.

Нагрѣваніе кокончиковъ. Тотчасъ по перенесеніи червей на кокончикъ, должно разставить подъ нимъ нѣсколько жаровень съ горящими углями и наблюдать, чтобы угли не погасли. По прошествіи двухъ дней, когда черви совьютъ коконы и уже не слышно будетъ внутри кокончика никакого шума *), тогда жаровни съ углями должно принять прочь, закрывавшія кокончикъ со всѣхъ сторонъ рогожки и т. п. отнять, и вверху гдѣ-нибудь воткнуть вѣтку персиковаго дерева **). Въ продолженіе слѣдующаго дня черви внутри коконовъ превратятся въ куколокъ, и на четвертый день можно собирать коконы.

Собираніе коконовъ. Въ три дня, по перемѣщеніи на кокончики, черви успѣютъ превратиться въ куколокъ,

---

*) Во время витія коконовъ внутри кокончика слышенъ шумъ, какъ бы отъ падающаго дождя (Авт.).

**) Это дань предразсудку. Персиковая вѣтвь втыкается для охраненія кокончика отъ дѣйствія злыхъ духовъ, отъ вліянія дурнаго глаза и. т. п.

и на четвертый день можно собирать коконы. Собравши коконы, должно тотчасъ взвѣсить, чтобы знать, какъ велика прибыль, и послѣ разсыпать ихъ въ плоскихъ корзинахъ въ одинъ слой.

Чищеніе коконовъ. Собравши коконы, должно немедленно очистить *) ихъ. Есть поговорка: черви не такъ торопливы, какъ коконы. И точно, коконы чрезвычайно способны приходить въ броженіе и загнивать; а изъ забродившихъ коконовъ выходитъ не хорошій шелкъ. Итакъ нужно очистить ихъ въ день, или въ два, и разсыпать въ одинъ рядъ.

Сортировка коконовъ. Коконы тонкіе разматывать очень хорошо. Случается, что два или три червя вьютъ одинъ конокъ, отчего онъ выходитъ больше обыкновеннаго; такіе коконы можно разматывать, но шелкъ изъ нихъ бываетъ толстъ и слѣдственно не можетъ имѣть цѣны, а потому лучше, сваривъ ихъ, обращать въ прядево. Равнымъ образомъ коконы, смоченные жидкостію червей **), и коконы съ выемкою ***) не стоятъ разматыванія, а должны быть обра-

*) То есть, нужно обобрать покрывающіе ихъ охлопки. Если эти охлопки разварить въ водѣ, то изъ нихъ можно прясть нитки, какъ изъ бумаги, и ткать матеріи по грубѣе (Авт.).

**) Червь передъ тѣмъ, какъ начинаетъ вить конокъ, испускаетъ изъ себя жидкость (мочу). Если она попадетъ на другой конокъ, то его нельзя будетъ размотать никакимъ образомъ (Авт.).

***) Когда конокъ свитъ подлѣ самаго прутика или соломенки, то на немъ остается отпечатокъ отъ соломенки, въ видѣ выемки (Авт.).

щаемы въ прядево. Итакъ, во время чищенія коконовъ, нужно сортировать ихъ и каждый сортъ класть отдѣльно. По очищеніи, прежде начинаютъ разматывать тонкіе коконы и сматываютъ ихъ обыкновенно по двѣнадцати чинъ *) на одно мотовило **).

Разматываніе коконовъ. Въ нагрѣтую въ котлѣ почти до кипѣнія воду должно бросить до 20 коконовъ; потомъ, поболтавъ крючкомъ и доставъ концы шелковинокъ, составить изъ нихъ двѣ нити, которыя должно продѣть сквозь находящіяся тутъ иглы, перебросить черезъ крючки и, привязавъ къ мотовилу, мотать. Каждая нить должна состоять изъ 5 или 6 и до 8—9 волоконъ (смотря по толщинѣ ихъ). Если брошено въ котелъ коконовъ больше надлежащаго, то лишніе должно вынуть, а если недостаточно, то должно прибавить. Такой толщины шелкъ употребляется на тканіе атласовъ; если же нити дѣлаются погрубѣе, то онѣ идутъ на тканіе другихъ матерій.

Дѣланіе прядева. Размотавъ лучшіе коконы, должно приступить къ развариванію прочихъ. Большіе коконы, а равно и тѣ, которые смочены жидкостію

---

*) Что составитъ около 16 росс. ф. 54 зол.

**) Если изъ 1 чина очищенныхъ коконовъ выйдетъ 2 латы ($^1/_8$) шелку, то такіе коконы считаются полновѣсными; 1 чинъ коконовъ средней доброты дастъ 1 лату и 7 или 8 чинъ шелку (т. е. почти $^1/_9$); если же наконецъ изъ того же количества получится только 1 лата и 5 или 6 чинъ шелку (т. е. $^1/_{10}$), то такіе коконы считаются недобротными (Авт.).

червей, и коконы съ выемкою нужно варить въ щелокѣ *). Большіе коконы варятся въ особомъ котлѣ, а коконы, смоченные жидкостію червей, коконы съ выемкою, также и тѣ, изъ которыхъ уже вышли бабочки **), — въ другомъ. Разваривши, нужно разрывать коконы и шелкомъ обертывать кисть лѣвой руки, а куколокъ выбрасывать. Сдѣлавъ одну мотушку, должно снять и приниматься за другую ***). Окончивши все дѣло, нужно эти мотушки растянуть на правилѣ и составить изъ нихъ кудели ****).

Воспитаніе червей для приплода. Еще во время втораго сна должно отобрать нѣсколько червей и воспитывать отдѣльно отъ прочихъ; ихъ надобно кормить каждыя сутки болѣе противъ прочихъ *****) и вообще прилагать особенное попеченіе о нихъ. Въ свое время собравъ коконы, должно очистить ихъ отъ верхнихъ охлопковъ и разсыпать въ корзинѣ въ одинъ рядъ.

---

*) Щелокъ приготовляется изъ пережженной въ золу соломы сарачинскаго пшена (Авт.).

**) Тѣхъ коконовъ, изъ которыхъ вышли бабочки, нельзя размотать, но изъ нихъ можно прясть нитки (Авт.).

***) Каждая мотушка дѣлается обыкновенно изъ 5 большихъ коконовъ, малыхъ же нужно будетъ до десяти (Авт.).

****) Наливъ въ тазъ щелоку, должно положить въ него мотушки и растягивать до тѣхъ поръ, пока будутъ длиною слишкомъ въ футъ, потомъ вынуть и, пока еще мокры, расправить на правилѣ (Авт.).

*****) Надобно подбавлять имъ новыхъ листьевъ прежде, нежели съѣдятъ они старые.

Чрезъ двѣнадцать сутокъ по собраніи коконовъ внутри ихъ образуются бабочки.

Несеніе сѣмянъ. Шелковичный червь, пока заключенъ въ коконѣ, называется куколкою. Ночью (12 дня) онъ прогрызаетъ облекающую его скорлупу и нѣсколько времени дышетъ сквозь конецъ кокона, а потомъ, прогрызши его, выходитъ на свѣтъ въ видѣ бабочки. На китайскомъ языкѣ бабочка шелковичнаго червя имѣетъ разныя наименованія, смотря по числу дней, протекшихъ отъ времени ея выхода изъ кокона. Въ первый день изо ста куколокъ появляется отъ 5 до 10 бабочекъ; а для того, чтобы вышли всѣ, нужно бываетъ около трехъ дней. Каждый день самцы пищутъ самокъ и, совокупившись съ ними, остаются въ этомъ положеніи на бумагѣ *). Ихъ не должно трогать до полудня; а въ это время самцовъ нужно снять и бросить прочь. Самки тотчасъ испускаютъ изъ себя влагу, а потомъ, натужившись, начинаютъ нести яица (сѣмена) и несутъ почти до сумерекъ. Итакъ во второй и третій день, то есть, тогда, когда самки несутъ яица, нужно сажать ихъ на бумагу въ извѣстномъ разстояніи одну отъ другой, но не слишкомъ близко,

*) Бумага обыкновенно подстилается бѣлая, плотная. Передъ тѣмъ, ее мочатъ раза три въ водѣ, въ которой были варены коконы, и всякой разъ хорошенько просушиваютъ. Сѣмена, разъ приставшія къ такой бумагѣ, не спадутъ (Авт.)

чтобы сѣмена не лежали кучками. Потомъ эту бумагу *) должно развѣсить въ комнатѣ на тонкихъ жердочкахъ и такимъ образомъ хранить до двѣнадцатой луны (января), когда нужно будетъ обмывать ихъ соленою или известковою водою, а потомъ весною опять выводить червей.

Если слѣдовать вполнѣ всѣмъ предложеннымъ здѣсь необходимымъ правиламъ, то дѣло воспитанія червей разцвѣтетъ наилучшимъ образомъ и принесетъ богатые плоды. Воспитавши червей столько, чтобы въ третьемъ возрастѣ было ихъ десять чинъ **), можно получить десять же чинъ шелку; а этого количества весьма достаточно для содержанія семейства, состоящаго изъ десяти лицъ и болѣе.

ГЛАВА III.

О ПРЕДОСТОРОЖНОСТЯХЪ, НЕОБХОДИМЫХЪ ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ ЧЕРВЕЙ.

Должно защищать червей отъ холода. Въ холодное время нужно ставить въ комнатѣ жаровню съ углями,

---

*) Можно собирать сѣмена и на бѣлый холстъ, вскипятивши его прежде въ водѣ (Авт.). Вѣроятно, надобно кипятить въ той водѣ, въ которой были развариваемы коконы.

**) Почти 14 фунтовъ.

засыпанными золою, и почаще перемѣнять ее, чтобы червямъ постоянно было тепло. Если до большаго сна черви когда нибудь зазябнутъ, то, достигши полнаго возраста, оцѣпенѣютъ и не станутъ вить коконовъ. И такъ должно стараться предупредить это зло.

Не кормить червей мокрыми листьями. Если на дворѣ пасмурно и можно ожидать дождя, то должно заблаговременно собрать листьевъ достаточное количество. Если же дождь идетъ нѣсколько дней сряду и необходимо будетъ собирать листья мокрые, то должно прежде просушить ихъ и потомъ уже давать червямъ. Если черви до большаго сна были накормлены мокрымъ листомъ, то въ полномъ возрастѣ непремѣнно получатъ водяную болѣзнь и не станутъ вить коконовъ. Итакъ должно предупредить это зло.

Не кормить листьями, смоченными туманомъ. Когда будетъ замѣчено, что на дворѣ появляется туманъ, то должно тотчасъ затворить всѣ двери и окна. Листья, смоченные туманомъ, нужно прежде обмыть чистою водою и обтереть до суха чистымъ полотенцемъ или другимъ чѣмъ нибудь и потомъ уже давать червямъ. Если до большаго сна черви поѣдятъ листьевъ, смоченныхъ туманомъ, то въ полномъ возрастѣ брюхо ихъ будетъ наполнено бѣлою жидкостію *), и они не

*) Если капля этой жидкости попадетъ на здороваго червя, то онъ немедленно умираетъ.

станутъ вить коконовъ. Итакъ должно предупредить это зло.

Не кормить листьями вспотьвшими. Тутовые листья (сваленные въ кучу) чрезвычайно способны согрѣваться и потѣть. Въ первомъ возрастѣ черви ѣдятъ немного: въ первые три дня достаточно бываетъ нѣсколькихъ молоденькихъ листиковъ, чтобы покормить ихъ нѣсколько разъ; послѣ, когда они начнутъ мало по малу подростать, все еще съѣдаютъ листьевъ немного. По этому, если нужно будетъ запастись листьями на одинъ или на два раза, или на ночь, то лучше срѣзать десятокъ, другой вѣтокъ, поставить ихъ въ виду и только защитить отъ вѣтра. Такимъ образомъ листья будутъ свѣжи и не вспотѣютъ, какъ если бы лежали въ кучѣ, а потому не будутъ имѣть и послѣдствій, пропстекающихъ отъ потныхъ листьевъ. Если черви поѣдятъ потныхъ листьевъ до большаго сна, то страдаютъ такою же болѣзнію, какъ и отъ листьевъ мокрыхъ. Итакъ должно предупредить это зло.

Не давать листьевъ, покрытыхъ пылью. Когда замѣчено будетъ, что воздухъ наполненъ пылью, то, собравъ листьевъ, должно прежде перемыть въ чистой водѣ и, просушивъ, давать червямъ. Иначе, если покормить червей листьями, покрытыми пылью, то они не станутъ расти, потому что у нихъ попортятся

внутренности. Итакъ должно предупредить это зло.

Не кормить жирными листьями. Въ первые дни по удобреніи навозомъ земли, на которой ростетъ шелковица, листья на ней дѣлаются чрезвычайно жирными; ихъ не должно давать червямъ. Если черви до большаго сна поѣдятъ такихъ листьевъ, то покрываются какою-то толстою, лоснящеюся кожею (такъ что бываютъ какъ-будто смазаны жиромъ), которой они не въ состояніи скинуть. Итакъ должно предупредить это зло *).

Не подвергать червей голоду. Черви, только что съѣдятъ данное имъ количество листа, тотчасъ опять хотятъ ѣсть. Если не кормить ихъ довольно долго, то они слишкомъ проголодаются; а когда червь разъ страдалъ голодомъ до большаго сна, то въ полномъ возрастѣ онъ будетъ съ бѣлою, полупрозрачною головою и не станетъ вить кокона. Должно стараться предупредить это зло.

Избѣгать дурнаго запаха. Въ комнатѣ, гдѣ воспитываются черви, не должно ставить кадокъ съ помоями, посуды съ мочею,—словомъ не должно быть никакого дурнаго запаха. Въ продолженіе всего мѣсяца выкармливанія червей должно запретить всѣмъ, кто ходитъ за червями, ѣсть лукъ и чеснокъ. Шелкович-

*) Чрезъ недѣлю по удобреніи можно смѣло уже кормить червей листьями съ удобренной шелковицы (Авт.).

ный червь есть насѣкомое небесное; у него въ природѣ любовь къ чистотѣ: лишь только повѣетъ на него дурнымъ запахомъ, то здоровый, зеленовато-бѣлый червь тотчасъ желтѣетъ, перестаетъ ѣсть и на другой или на третій день умираетъ. Нужно предупредить это зло.

Удалять всякій запахъ. Вообще вещи даже и съ хорошимъ, но острымъ и сильнымъ запахомъ, не должны быть въ комнатѣ, гдѣ воспитываются черви. Если въ комнатѣ слышенъ какой бы то ни-было запахъ, то черви не ѣдятъ. Итакъ нужно избѣгать этого.

Осторожно обращаться съ масломъ. Ночью во время кормленія червей, должно ярко освѣщать комнату. Только нужно соблюдать при этомъ осторожность: если капля какого бы то ни-было масла, или сала попадетъ на червя, или на листъ, и червь отвѣдаетъ его, то въ ту же минуту умретъ въ конвульсіяхъ. Итакъ это первая вещь, которую нужно постояно имѣть въ виду при освѣщеніи комнаты, гдѣ воспитываются черви.

Не допускать постороннихъ людей. Въ домѣ, гдѣ воспитываютъ червей, должно соблюдать такія же точно предосторожности, какъ если бы въ этомъ домѣ былъ ребенокъ въ оспѣ. У воротъ должно выставить какой нибудь условный знакъ или надпись, чтобы посторонніе люди не входили. Если посторонній чело-

вѣкъ войдетъ въ комнату, или за дверью послышится крикъ, то черви въ туже минуту приходятъ въ видимое безпокойство, перестаютъ ѣсть и начинаютъ ползать. Потому-то на югѣ, съ 10 апрѣля, прекращаются всѣ тяжбы и даже людямъ, разсылаемымъ по дѣламъ службы, не позволяется останавливаться въ деревняхъ изъ опасенія, чтобы не причинить вреда шелководству.

Если до самаго того времени, пока наступитъ большой сонъ червей, соблюдены будутъ всѣ предосторожности, указанныя въ этой главѣ, то сборъ коконовъ будетъ выше всѣхъ ожиданій.

ГЛАВА IV.

О ВЕЩАХЪ, НЕОБХОДИМЫХЪ ПРИ ВОСПИТАНІИ ЧЕРВЕЙ.

Пучки соломы. Въ мѣсяцѣ февралѣ, или мартѣ нужно взять рисовой или просяной соломы и, очистивъ листья, обрѣзать съ того и другаго конца столько, что бы осталось длины фута полтора съ небольшимъ. Эту солому должно раздѣлить на небольшіе пучки, связанные посреднѣ стебелькомъ какого нибудь растенія, полагая въ каждый пучокъ столько соломы, сколько можно захватить рукою. Когда придетъ время

переносить червей на коконники, то должно каждый изъ этихъ пучковъ соломы скрутить посрединѣ, отчего тотъ и другой конецъ его растопырится на подобіе метелки. Тогда легко будетъ поставить ихъ на приготовленныя для этого полки и размѣщать на нихъ червей. На каждомъ пучкѣ можно помѣстить пригоршни червей. Слѣдовательно для такого количества червей, которое было въ третьемъ возрастѣ вѣсомъ въ 1 чинъ, потребуется отъ сорока до пятидесяти *) пучковъ соломы.

Отруби. Каждый годъ около 25 марта нужно взять отрубей сарачинскаго пшена и, высушивъ въ печи, разсыпать тонкимъ слоемъ, чтобы простыли и потомъ хранить получше до употребленія. Отъ самаго перваго возраста червей и до большаго сна, всякій разъ, вычистивъ соръ, нужно въ корзинѣ или въ лоткѣ насыпать слой этихъ отрубей и во время каждаго линянія посыпать ими червей сверху. И потому это одна изъ самыхъ необходимыхъ вещей для занимающихся воспитаніемъ червей. Нельзя положительно сказать, сколько именно должно заготовлять отрубей, главное правило: чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Ножъ для крошенія листьевъ. Ножъ долженъ быть

*) Для росс. фунта нужно будетъ отъ 30 до 40 пучковъ.

стальной и такъ остръ *), чтобы однимъ разомъ перерѣзывалъ взятое количество листьевъ.

Ножницы для обрѣзыванія вѣтвей также должны быть стальныя, длинныя.

Корзины для листьевъ. Для собиранія листьевъ сначала употребляются корзины посредственной величины, сплетенныя изъ бамбуковыхъ прутиковъ. Но когда черви выростутъ и потребуютъ много листьевъ, тогда надобно будетъ употреблять и большія корзины, изъ бамбуковыхъ дощечекъ или изъ ивовыхъ прутьевъ, ничѣмъ не отличающіяся отъ обыкновенныхъ корзинъ.

Лотки́ или рѣшета дѣлаются обыкновенно изъ тонкихъ бамбуковыхъ полосокъ подобно тѣмъ, какія употребляются для подсѣванія пшена, и внутри оклеиваются бамбуковою бумагою **). Въ нихъ воспитываются черви, пока еще малы. Надобно всегда имѣть подъ рукою достаточное количество подобныхъ лотковъ, чтобы удобнѣе размѣщать червей при всякомъ выметаніи сора. Если воспитывается столько червей, что въ третьемъ возрастѣ они будутъ вѣсить до десяти пудъ, то нужно имѣть отъ 4 до 5 лотковъ.

---

*) Острымъ ножемъ листья въ обрѣзѣ не сжимаются, и черви лучше ѣдятъ такое крошево (Авт.).

**) Именно бамбуковая бумага употребляется по той причинѣ, что она не такъ впитываетъ въ себя сырость (Авт.).

Плоскія корзины на югѣ дѣлаются изъ бамбуковыхъ дощечекъ, сплетенныхъ какъ можно чаще. Онѣ бываютъ величиною въ два охвата и имѣютъ закраины, возвышающіяся почти на два дюйма. Черви перемѣщаются въ эти корзины во время третьяго сна и воспитываются въ нихъ до того времени, когда нужно уже перемѣщать ихъ на коконники. Въ каждой корзинѣ можетъ помѣститься пять чинъ *) червей во время большаго сна **). На сѣверѣ эти корзины плетутся изъ ивовыхъ прутьевъ. Если черви во время большаго сна размѣщаются на полу, то въ это время корзины эти не употребляются.

Плетни дѣлаются изъ обыкновеннаго тростника. Тростники, по очищеніи отъ облекающихъ ихъ листьевъ, связываются плотно одна съ другой посредствомъ тонкихъ пеньковыхъ ***) снурковъ. Эти плетни постилаются на полки, служащія вмѣсто коконника.

Станокъ для разматыванія коконовъ. Устройство его можно понять изъ приложеннаго рисунка ****).

---

*) Почти 7 росс. фунтовъ.

**) Количество червей во время третьяго сна, вѣсомъ въ одинъ чинъ, во время большаго сна будетъ вѣсить 4 чина (Авт.).

***) Это доказываетъ, что въ Китаѣ мнѣніе, будто пенька вредитъ червямъ — не всѣми принимается.

****) Здѣсь прилагаются два почти одинаковые рисунка: одинъ изъ этой книжки, а другой изъ большаго сочиненія подъ названіемъ: *Шоу-ши-туи-као.*

Правило для дѣланія кудели. Нужно взять дощечку длиною въ два фута съ небольшимъ и на обоихъ концахъ продолбить двѣ дыры, въ которыя и вставить концы гибкой бамбуковой дощечки, согнутой въ дугу *). На этой дугѣ растягиваются коконы, какъ сказано выше.

Кошки, необходимыя при воспитаніи червей. Черви въ первомъ возрастѣ легко могутъ быть защищены отъ мышей. Но послѣ перваго сна часто подвергаются ихъ прожорливости. Мыши даже не-рѣдко проникаютъ въ самые коконники и пожираютъ червей, уже завившихъ коконы. Изъ этого видно, какъ необходимо держать кошку въ домѣ, гдѣ воспитываются черви.

Всѣ поименованныя здѣсь вещи чрезвычайно необходимы при воспитаніи червей, а потому и должно запастись ими заблаговременно, чтобы послѣ имѣть подъ рукою все, что ни понадобится.

---

*) Эта дощечка должна быть длиною въ три фута съ половиною, шириною въ полдюйма и толщиною линіи въ двѣ (Авт.).

О СЕКТѢ ДАОСОВЪ.

Основатель секты. Основателемъ секты даосовъ былъ *Лао-цзюнь* или *Лао-цзы*. Этотъ философъ родился за 603 г. до нашей эры — при династіи Чжоу. Его отецъ былъ бѣдный крестьянинъ, который отъ самаго дѣтства служилъ работникомъ въ одномъ богатомъ домѣ. До 60-тилѣтняго возраста онъ жилъ холостякомъ; наконецъ соединился съ одной 40-лѣтней крестьянкой. Чрезвычайное назначеніе философа ознаменовали чудесныя обстоятельства при самомъ его рожденіи. Говорятъ, что его мать, находясь однажды въ скрытномъ мѣстѣ, вдругъ зачала по одному напитію животворной силы неба и земли; она носила

плодъ свой 24 года. Въ продолженіи этого времени мужъ ея, который ей прислуживалъ, соскучившись отъ столь продолжительной беременности, выгналъ ее изъ своего дома и заставилъ ее долго блуждать въ полѣ. Наконецъ она разрѣшилась отъ бремени подъ однимъ деревомъ мальчикомъ, котораго волосы на головѣ и бровяхъ были бѣлые; она его назвала было именемъ того дерева, подъ сѣнію котораго онъ родился; потомъ разсмотрѣвши его, замѣтила, что у новорожденнаго уши чрезвычайно длинны и походятъ на сливу, и по этому назвала его *Ли-фръ*—сливныя уши; но народъ, удивившись его бѣлымъ волосамъ, переименовалъ его въ *Лао-цзы* — т. е. старикъ-дитя.

Ничего не повѣствуютъ о дняхъ его дѣтства; извѣстно только, что когда онъ достигъ зрѣлаго возраста, то управлялъ библіотекою императора изъ династіи Чжоу, который впослѣдствіи наградилъ его званіемъ меньшаго мандарина. Его главныя занятія среди книгъ вдохнули въ него живѣйшую любознательность; онъ много читалъ и пріобрѣлъ глубокія познанія въ историческихъ и древнихъ обрядовыхъ книгахъ; онъ умеръ въ У—въ глубокой старости; главныя его сочиненія, которыя онъ оставилъ своимъ ученикамъ, заключаются въ книгѣ подъ названіемъ *Дао-дэ*. Эта книга есть ничто иное, какъ собраніе 5000 его мудрыхъ нравственныхъ изреченій.

Нравственное ученіе и система Лао-цзы. Нравственное ученіе Лао-цзы имѣетъ большое согласіе съ ученіемъ Эпикура. Оно предписываетъ удалять всѣ сильныя желанія, обуздывать живыя страсти, могущія нарушить миръ и спокойствіе души. По этому, заботы каждаго благоразумнаго человѣка должны ограничиваться тѣмъ, чтобы существовать безъ печали и несчастій и тихо въ безпечности проводить свои дни; а чтобы достигнуть этого блаженнаго спокойствія, онъ предписываетъ отнюдь не думать о прошедшемъ и не заниматься пустыми и безполезными заботами о будущемъ, дѣлать обширныя предпріятія, колебаться надъ успѣшнымъ выполненіемъ разныхъ попеченій, предаваться заботамъ честолюбія, искать богатства и сдѣлаться скупымъ, т. е. какъ объясняли философы, трудиться меньше для себя, нежели для своихъ потомковъ; не безумно-ли жертвовать собственнымъ спокойствіемъ, личнымъ счастіемъ для того, чтобы доставить благо другимъ, чтобы обогатить сына или слѣдующее за нами потомство? Что касается до нашего собственнаго счастія, Лао-цзы совѣтуетъ умѣренность не только въ желаніяхъ, но даже и въ дѣйствіяхъ — какъ средство къ достиженію счастія: онъ не видитъ истиннаго счастія въ томъ, что сопровождается трудами, омерзѣніемъ, безпокойствомъ.

Ученики этого философа впослѣдствіи испортили оставленное имъ ученіе. Такъ какъ совершенное спокойствіе души, котораго они хотѣли достигнуть, какъ состояніе страдательное, было постоянно возмущаемо страхомъ смерти, то они обнародовали, что можно найти составъ одного питья, которое сдѣлаетъ человѣка безсмертнымъ. Эта нелѣпая идея повела ихъ тотчасъ къ изученію алхиміи, потомъ къ отысканію философскаго камня, и наконецъ они предались всевозможнымъ сумасбродствамъ магіи.

Успѣхи этой секты. Желаніе и надежда избѣжать смерти чрезъ открытіе вожделѣннаго питья привлекла цѣлыя толпы сообщниковъ новой секты; частные богачи, въ особенности женщины, какъ болѣе любопытныя и привязанныя къ жизни, употребляли все усердіе къ изученію этой науки учениковъ Лаоцзы. Практика колдовства, призываніе духовъ, наука предсказывать будущее, относительно участи человѣка, имѣли сильный успѣхъ во всѣхъ провинціяхъ. Даже самые императоры довѣряли этому заблужденію по своему легковѣрію, и скоро дворъ былъ наполненъ безчисленными толпами этихъ ложныхъ учителей, которые были украшены почтеннымъ титуломъ *тянь-сы*— учителей небесныхъ.

Императоръ *Цинь-ши-Хуанъди*, извѣстный истребленіемъ книгъ и своею ненавистію къ ученымъ, дозво-

лилъ себя убѣдить, что существовало когда-то такое питье, которое дѣлало человѣка безсмертнымъ, и заставилъ долго искать эту амвросію на многихъ островахъ. *У-ди*, пятый императоръ Ханской династіи, совершенно предался ученію даосовъ и съ живѣйшею ревностію изучалъ ихъ магическія книги. Одинъ изъ вельможъ государства, опечаленный такимъ чрезвычайнымъ предубѣжденіемъ государя, находясь однажды во дворцѣ въ то время, когда императору принесли таинственный напитокъ, схватилъ чашу и выпилъ все. Монархъ, оскорбленный такой смѣлостію, приказалъ его тотчасъ арестовать и издалъ повелѣніе предать его смерти. «Это повелѣніе безполезно, отвѣчаетъ спокойно придворный, не въ вашей волѣ умертвить меня, «потому что я сдѣлался безсмертнымъ. Но если смерть «и теперь имѣетъ право надо мной, то ваше величе«ство обязаны мнѣ награжденіемъ за открытіе,—что «это питье не имѣетъ того свойства, которое ему при«писываютъ, и что льстецы васъ обманываютъ». Этотъ отвѣтъ спасъ ему жизнь, но нисколько не исправилъ монарха. Хотя онъ много разъ употреблялъ напитокъ безсмертія, однакожъ разстройство его здоровья дало ему наконецъ знать, что и онъ смертенъ. Онъ умеръ, оплакивая свое легковѣріе.

Потеря этого покровителя не ослабила успѣховъ секты. Храмы, посвященные духамъ, воздвигались

во всѣхъ концахъ имперіи и двое изъ знаменитѣйшихъ даосовъ были уполномочены для утвержденія публичнаго служенія. Въ это же время были дѣлаемы и продаваемы народу весьма дорого маленькія картины, на которыхъ были изображаемы эти толпы людей и духовъ, населявшихъ небо, которыхъ они называли *сянь-жень* — безсмертными. Они отдавали имъ почтеніе, какъ частнымъ божествамъ, нисколько независящимъ отъ Существа Верховнаго. Многіе древніе государи были также преобразованы въ досточтимыхъ боговъ.

Заблужденіе поддерживалось и Танской династіею. Основатель этой династіи соорудилъ великолѣпный храмъ и посвятилъ его самому Лао-цзы; а другой императоръ этой же династіи приказалъ поставить великолѣпную статую этого философа въ своемъ дворцѣ.

Учители даосовъ умножались и были сильны также при Сунской династіи. Даже употреблялись всякаго рода хитрости для того, чтобы доставить большій кредитъ ученію и плѣнить въ эту секту самихъ государей. Однажды эти льстецы, въ одну темную ночь, повѣсили на воротахъ царскаго города книгу, содержащую въ себѣ характеръ и формулы магическія. Съ разсвѣтомъ они дали знать императору о внезапномъ появленіи этой книги и обнародовали, что эта книга упала съ неба. Легковѣрный государь, сопутствуемый многочисленной свитой, тотчасъ поспѣшилъ на это

мѣсто для того, чтобы принять это драгоцѣнное изданіе, и, взявши съ благоговѣніемъ въ руки, торжественно отнесъ его въ свои чертоги и заключилъ въ золотомъ ящикѣ. 8-й императоръ Сунской династіи покровительствовалъ этому суевѣрному поклоненію изъза одного знаменитаго даоса даже до того, что публично украсилъ его именемъ *Шан-ди*,—тогда какъ въ эту эпоху самые соучастники Лао-цзы величали этимъ именемъ только одного Верховнаго Бога, съ которымъ не сравнивали новыхъ, меньшихъ божествъ. Это нечестіе взволновало всѣхъ мудрецовъ народныхъ, и они возвѣщали близкое паденіе этой династіи, какъ заслуженное наказаніе.

Время, которое обыкновенно разсѣеваетъ обманъ и клевету, только утвердило эту секту. Изъ вѣка въ вѣкъ она больше и больше возрастала: покровительство государей, снисхожденіе вельможъ, удивительныя или страшныя сцены, которыхъ ослѣпительное искусство и ловкость поражали духъ народа,—все это способствовало къ ея распространенію и умноженію, не смотря на постоянные возгласы мудрецовъ и смѣлыя увѣщанія, которыя они позволяли себѣ дѣлать императорамъ.

Настоящіе даосы приносятъ жертву духу, котораго они призываютъ тремя родами жертвъ: свиньей, птицей и рыбой. Церемоніи, которыя употребляются при ихъ чернокнижномъ искусствѣ разнообразны, смотря

по вымыслу и ловкости того обманщика, который совершаетъ это дѣло. Одни вбиваютъ колъ въ землю и изображаютъ на бумагѣ странныя буквы и каждую черту своей кисти сопровождаютъ гримасами и страшнымъ крикомъ; иные въ это время производятъ ужасный шумъ, ударяя въ котлы и небольшіе барабаны;—чѣмъ съ большею энергіею они совершаютъ свой обрядъ, тѣмъ онъ становится безтолковѣе,—и ничего не выходитъ изъ всего этого шуму.

Многіе изъ даосовъ въ Китаѣ отправляютъ ремесло гадателей. Того, кто приходитъ къ нимъ совѣтываться, хотя гадатели видятъ его въ первый разъ, они называютъ по имени, разсказываютъ подробно о всемъ его семействѣ, сколько у него дѣтей, какъ ихъ зовутъ, въ какомъ они возрастѣ, и нѣсколько другихъ частностей, которыя они имѣютъ ловкость узнать подробно. Нѣкоторые изъ этихъ проницателей, хитрые въ искусствѣ ослѣплять народъ и во всѣхъ тонкостяхъ, умѣютъ показывать въ воздухѣ, среди своихъ призываній, фигуру основателя ихъ секты или другихъ божествъ. Другіе приказываютъ кистью писать *о самомъ себѣ;* и кисть, тотчасъ чертитъ сама собою на бумагѣ отвѣты на сдѣланные вопросы. Они также показываютъ преемственно, на поверхности бассейна, наполненнаго водой, какъ на магической картинѣ, будущія достоинства тѣхъ, которые примутъ эту секту.

Начальникъ даосовъ всегда украшенъ достоинствомъ великаго сановника и имѣетъ пребываніе въ Цзяньсійской губерніи, гдѣ у него богатый дворецъ. Суевѣріе народа привлекаетъ сюда великое число поклонниковъ изъ всѣхъ провинцій. Одни приходятъ сюда для того, чтобы найти средство отъ всѣхъ золъ, другіе для того, чтобы проникнуть въ будущее и посовѣтоваться о своей судьбѣ. *Тянь-сы* (начальникъ даосовъ) раздаетъ всѣмъ билеты, исписанные магическими буквами, — и они возвращаются домой довольные, нисколько не сожалѣя ни объ усталости, ни объ издержкахъ, съ которыми соединено это благочестивое путешествіе.

ДОКЛАДЪ КОМИТЕТА,

СОСТАВЛЕННАГО ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ ВЕРХОВНАГО СОВѢТА, ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ КНЯЗЯ И-СИНЬ, ГУНЪ-ЦИНЪ-ВАНА, БРАТА ИМПЕРАТОРА.

—

Исполняя высочайшее повелѣніе, комитетъ представляетъ на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества мнѣніе свое о присланномъ въ верховный совѣтъ проектѣ совѣтника палаты финансовъ, *Ванъ-мао-шия*, о государственныхъ ассигнаціяхъ.

Въ четвертый годъ правленія Сянь-Фынъ, третьей луны, 5 числа (21 марта 1854 года), въ верховномъ совѣтѣ полученъ слѣдующій высочайшій указъ:

«*Ванъ-мао-шь*, будучи совѣтникомъ палаты финан-«совъ, дѣйствуетъ только по указанію купцовъ, а по-

«тому, и въ докладѣ своемъ, онъ предлагаетъ мѣры «и средства, которыя выгодны для купцовъ и совер- «шенно безполезны для правительства. Неужели серд- «це его до такой степени нечувствительно къ поль- «замъ государства? И самъ же еще проситъ судить «его, думая тѣмъ оправдаться предъ цѣлымъ свѣтомъ! «Очевидно, что онъ не сошелся въ мнѣніяхъ съ (ми- «нистромъ) *Ци-цзюнь-цзао* и не въ ладахъ съ нимъ. «Но человѣку, изучившему творенія древнихъ мудре- «цовъ, приличенъ ли такой образъ дѣйствій? Онъ го- «воритъ, что если будетъ и разжалованъ, то не по- «смѣетъ роптать или раскаиваться; но если бы я, въ «справедливомъ негодованіи, въ самомъ дѣлѣ отрѣ- «шилъ его, то онъ тайно и чрезъ другихъ станетъ «изыскивать сотни способовъ вредить нашимъ дѣй- «ствіямъ. Въ своемъ проектѣ, онъ, повидимому, же- «лаетъ успѣшнаго хода государственнымъ ассигна- «ціямъ; но въ сущности, думаетъ только остановить «ихъ ходъ и, доведя дѣла до крайности, заставить, «чтобы по необходимости дѣйствовали по его планамъ. «Вотъ какія сѣти ставилъ онъ, думая, что я ихъ не «замѣчу! Повелѣваю членамъ (государственнаго) вер- «ховнаго совѣта, разсмотрѣвъ этотъ проектъ, пере- «дать *Гунъ-цинъ-вану* и *Цзай-цюаню*, дабы они, не- «медленно обсудивъ его, представили о немъ свое «мнѣніе, для предупрежденія пустыхъ толковъ.»

Совѣтникъ *Ванъ-мао-инь* въ своемъ проектѣ говоритъ: «Со времени изобрѣтенія ассигнацій, употребленіе ихъ никогда не было долговѣчно. При династіяхъ *Танской* и *Сунской* существовали ассигнаціи подъ названіями: *фэй-чао, цзяо-цзы, пянь-цзы,* которыя, судя по ихъ названію и назначенію, до тѣхъ поръ пользовались кредитомъ, пока имѣли достаточные фонды. Только династія *Юань* совершенно запретила употребленіе серебра и монеты, оставивъ одинѣ ассигнаціи: ни правительство не выпускало въ народъ, ни народъ не представлялъ правительству другихъ денегъ, кромѣ ассигнацій, и номинальныя деньги замѣняли дѣйствительныя; но извѣстно, что и эта система была мало по малу измѣнена. При *Минской* династіи въ народъ выпускаемы были одинѣ ассигнаціи, а въ казну принимались только монета и серебро, — отчего ассигнаціи, едва появились, какъ и потеряли всякій кредитъ. Такова была судьба ассигнацій при разныхъ династіяхъ. По этому, еще въ первый годъ правленія, я представлялъ проектъ о введеніи ассигнацій, которыя имѣли бы дѣйствительные фонды. При нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, прежде предложенные мною способы неприложимы, и только способъ, какъ изъ казны выпускать монету съ ассигнаціями, въ извѣстной пропорціи, такъ и въ казну принимать въ той же самой пропорціи, былъ бы хорошъ;

но въ столицѣ расходы казны чрезвычайны, а сборы не велики; въ армію лишь отпускаются деньги, а не получаются оттуда; въ провинціальныхъ городахъ на оборотъ, деньги только собираются въ казну, а не выпускаются изъ казны. Если въ этомъ обращеніи государственныхъ капиталовъ не будетъ участвовать купечество, то и ассигнаціи не будутъ имѣть успѣха, а пока купечеству не доставленъ будетъ способъ, что бы оно изъ обращенія ассигнацій извлекало выгоды, до тѣхъ поръ оно не приметъ государственныхъ ассигнацій въ торговые обороты. Внимательно обсудивъ этотъ предметъ, я предлагаю четыре способа, которые, бывъ сообразны съ желаніями купцовъ, могутъ дать ходъ и движеніе государственнымъ ассигнаціямъ».

Разсуждая о государственныхъ ассигнаціяхъ, комитетъ думаетъ, что онѣ введены, по причинѣ чрезвычайныхъ расходовъ государства, какъ для пользы казны, такъ и для выгодъ народа. Онѣ могутъ удобно и съ пользою обращаться между войсками и народомъ, для ежедневныхъ ихъ потребностей, напримѣръ: всякій купецъ, пріѣзжающій въ столицу съ извѣстными товарами, имѣя возможность продать ихъ на серебро, или монету, можетъ также продать ихъ и на государственныя ассигнаціи. Пріобрѣвъ такимъ образомъ государственныя ассигнаціи и возвратясь домой, можетъ на нихъ снова покупать товары

и такимъ образомъ онѣ пойдутъ въ ходъ. Но если желательно, чтобы купечество употребляло въ торговлѣ ассигнаціи, необходимо, чтобы и народъ, въ каждой губерніи, желалъ имѣть ихъ; а чтобы народъ желалъ пріобрѣтать ассигнаціи, надо требовать, чтобы подати и всѣ казенныя повинности были взимаемы отъ народа, въ установленной палатою финансовъ пропорціи, серебромъ и ассигнаціями. Только надо непремѣнно принимать ассигнаціи отъ самихъ плательщиковъ податей, а не отъ спекулянтовъ, напередъ скупившихъ ассигнаціи. Нынѣ лана чистаго серебра, на полный вѣсъ, по биржевому курсу мѣняется по 5 тысячъ слишкомъ малыхъ чоховъ, а между тѣмъ ассигнація въ 4 тысячи чоховъ, или ассигнація въ лану серебра, цѣнимая палатою финансовъ также въ 4 тысячи малыхъ чоховъ, замѣняетъ въ податяхъ лану настоящаго серебра. Народъ, платя часть казенныхъ повинностей ассигнаціями, можетъ чрезъ то сдѣлать большія сбереженія. Почему же народу не принимать бы ассигнаціи? или бояться ихъ? А между тѣмъ, едва ассигнаціи были выпущены, какъ тотчасъ упали въ курсѣ. Причина та, что пока народъ еще не ознакомился съ государственными ассигнаціями, и купечество еще не успѣло обмѣнять на нихъ своихъ товаровъ, спекулянты заблаговременно скупили множество ассигнацій, платя по 600 и 800 чоховъ за ассиг-

націю въ 1000 чоховъ и отправясь съ ними по городамъ, продавали ихъ правительственнымъ лицамъ. Неблагонамѣренные градоправители при сборѣ податей по прежнему взимали съ народа одно чрезвычайно дорогое серебро и, накупивъ весьма дешевыхъ ассигнацій, представляли ими государственныя подати въ казначейства. Такимъ образомъ, ни правительство еще не видѣло наличнаго серебра, ни народъ не облегченъ въ повинностяхъ, а только доставленъ случай мелкимъ чиновникамъ обогатиться, и теперь никто не желаетъ имѣть ассигнацій. По этому главными виновниками безуспѣшнаго хода государственныхъ ассигнацій были презрѣнные торгаши. Слѣдуетъ только принять строгія мѣры, опредѣливъ наказаніе за подобныя злоупотребленія и дѣла получатъ правильный ходъ. Какъ же совѣтникъ *Ванъ-мао-инь* утверждаетъ, что областные начальники, станутъ ли принимать ассигнаціи отъ подрядчиковъ, или отъ самаго народа, — это будетъ все равно." Онъ самъ подалъ мысль о введеніи ассигнацій, а теперь, говоря подобнымъ образомъ, онъ полагаетъ препятствіе свободному ходу ихъ. Это для насъ непостижимо! Разсмотрѣвъ съ должнымъ вниманіемъ всѣ четыре статьи проекта, комитетъ высказываетъ о нихъ свое безпристрастное мнѣніе.

Въ проектѣ *Ванъ-мао-ина* предлагается:

1.) «*Дозволить владѣльцамъ государственныхъ ассигнаціи получать на нихъ монету.*»

Въ подлинномъ докладѣ представляются слѣдующіе доводы: «Монетный дворъ ежемѣсячно доставлялъ въ палату финансовъ по 60 милліоновъ чоховъ; а со времени введенія большихъ монетъ, въ 10 и 50 чоховъ началъ доставлять около 110 милліоновъ чоховъ; теперь же, когда начали лить монету въ 100 и болѣе чоховъ, можно отлить ее въ мѣсяцъ болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ чоховъ. Если палата станетъ выпускать, какъ и въ послѣдніе предъ симъ мѣсяцы, только по 110 милліоновъ ежемѣсячно, то въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ казначействѣ можетъ скопиться болѣе 300 милліоновъ чоховъ; или если даже увеличить выпускъ противъ послѣднихъ мѣсяцовъ 50 милліонами, въ такомъ случаѣ, чрезъ 6 мѣсяцевъ, въ казначействѣ можетъ скопиться остатковъ 300 милліоновъ чоховъ. При этомъ объявить народу, что чрезъ полгода онъ можетъ являться съ государственными ассигнаціями и получать на нихъ монету. Народъ, узнавъ, что есть монета и что можно получать ее безвозбранно, не станетъ и торопиться обмѣнивать ассигнаціи. Естественно, когда есть монета и можно получать ее всякому, никто не спѣшитъ ея полученіемъ. Въ случаѣ же, если бы монеты не стало, а народъ продолжалъ предъявлять ассигнаціи и не было

бы возможности удовлетворить всѣхъ, то и тогда ничто не воспрепятствуетъ объявить, что въ этотъ срокъ выдача пріостановлена, а позволяется снова чрезъ полгода являться всякому за полученіемъ монеты. Народъ, убѣдившись, что ассигнаціи не совершенно пустая вещь, самъ собою не станетъ спѣшить мѣною ихъ на монету. Это важный и необходимый способъ, успокоить народное сомнѣніе.»

Комитетъ думаетъ, что государственное казначейство увеличило выпускъ монеты большими чохами, собственно, для пополненія недостатка серебра на жалованье и провіантъ войскамъ. Вся монета, сколько ея отлпвается, выпускается на жалованье, а не сберегается въ казначействѣ; а такъ какъ и всей монеты все еще недостаточно на текущіе расходы, то по необходимости пришлось пополнять этотъ недостатокъ ассигнаціями. Если убавить выпускъ монеты, въ каждый мѣсяцъ, болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ чоховъ, то откуда и чѣмъ замѣнить этотъ недостатокъ на текущіе расходы? Очевидно, что потребуется еще увеличить выпускъ ассигнацій на 100 милліоновъ. Имѣя же монету, не выдавать ея, а выпускать вмѣсто ея ассигнаціи, велѣвъ народу чрезъ полгода являться за монетой, и, по наступленіи срока выдачи, удовлетворивъ однихъ сполна, другимъ велѣть еще ожидать полгода, — въ этомъ способѣ комитетъ не видитъ ни

какой пользы. При томъ же, если бы количество сбереженной монеты совершенно равнялось количеству выпущенныхъ вмѣсто нея ассигнацій, то сумма ассигнацій, выпущенныхъ въ прежніе мѣсяцы и теперь выпускаемыхъ въ опредѣленномъ закономъ количествѣ, будетъ превышать сумму монеты неизвѣстно во сколько разъ? Выдавая монету за ассигнаціи въ полгода одинъ разъ, почему знать, кому выдавать ее и кому не выдавать? А между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, количество ассигнацій будетъ умножаться. Вообще, выдача по триста милліоновъ чоховъ въ обмѣнъ ассигнацій, чрезъ каждые полгода, послужитъ народу только поводомъ къ раздору и безпорядкамъ. *Ванъ-мао-инь* говоритъ, что это успокоитъ народъ, а мы думаемъ, что это лишь поселитъ въ народѣ сомнѣніе и больше ничего. Средства предлагаемыя въ этой статьѣ неудобоисполнимы, а потому и не должны быть приняты.

2.) «*Дозволить народу на казенныя ассигнаціи получать серебро.*»

Разсмотрѣвъ эту статью проекта, комитетъ совершенно согласенъ съ высочайшимъ мнѣніемъ, что она выгодна лишь купцамъ, а отнюдь не правительству. Напримѣръ, въ проектѣ говорится: «Если желательно, чтобы государственныя ассигнаціи имѣли успѣхъ, надо стараться, чтобы онѣ были приняты въ торгов-

лѣ; а въ торговлѣ онѣ будутъ приняты лишь тогда, когда на нихъ можно будетъ получать настоящее серебро. Нынѣ въ каждой губерніи собираются подати и разныя пошлины чистымъ серебромъ; но такъ какъ можно дозволить, вмѣсто серебра, при взносѣ податей, представлять извѣстную часть ассигнаціями, то почему не дозволить за казенныя ассигнаціи получать серебро, объявивъ купцамъ, что они могутъ являться, съ имѣющимися у нихъ государственными ассигнаціями, въ конторы, гдѣ сплавляется податное серебро, и тамъ обмѣнивать ихъ? коль скоро повсюду станутъ выдавать серебро за государственныя ассигнаціи, то и самыя ассигнаціи безпрепятственно станутъ приниматься.»

Въ этой статьѣ *Ванъ-мао-инь* предлагаетъ, чтобы правительство выпускало чистое серебро и покупало пустыя ассигнаціи, а также народу предоставило одѣ пустыя ассигнаціи, а отъ него требовало настоящаго серебра. Лучшаго средства—отнять у народа способы его пропитанія, а купцамъ наполнить свои мѣшки и кладовыя,—нельзя и придумать! подати и пошлины, собираемыя наличнымъ серебромъ, составляютъ обычный государственный доходъ, и начальники провинцій, собравъ эти подати, должны ихъ представить изъ плавильныхъ конторъ въ казначейство серебромъ же. Когда податей и разныхъ сборовъ будетъ достаточно для

государственныхъ потребностей, тогда и ассигнаціи окажутся не нужными,—это весьма ясно: къ чему выпускать повсюду на разные расходы ассигнаціи, когда казна богата наличнымъ серебромъ? эта статья также неудобоисполнима, а потому и отвергается.

3.) «*Пригласить торговые дома употреблять на покупку серебра государственныя ассигнаціи.*»

Въ этой статьѣ говорится: «Торговые дома, сколько ни соберутъ частныхъ ассигнацій, отправляются съ ними ежедневно на биржу и покупаютъ серебро; а мѣняльныя лавки являются на биржу съ серебромъ и покупаютъ чохи. Не безполезно было бы предложить биржѣ, чтобы она отъ покупающихъ серебро на частныя ассигнаціи требовала въ извѣстной пропорціи и государственныхъ ассигнацій. Такимъ образомъ купцы, зная, что на казенныя ассигнаціи можно купить серебро, безъ опасенія станутъ принимать ихъ; а коль скоро въ лавкахъ и на рынкахъ станутъ принимать государственныя ассигнаціи, то и потребители, обыкновенно размѣнывающіе серебро на легкую монету, непремѣнно будутъ представлять въ лавки государственныя ассигнаціи. При этомъ еще можно пригласить всѣхъ мѣнялъ, чтобы они, при размѣнѣ серебра, прибавляли къ ассигнаціямъ своей лавки извѣстную часть и казенныхъ ассигнацій; а когда мѣняльныя лавки станутъ выдавать казенныя ассигнаціи наравнѣ съ

своими, то народъ, мѣняющій серебро на частныя ассигнаціи, безъ опасенія станетъ принимать и казенныя.»

Разсмотрѣвъ эту статью проекта, комитетъ находитъ, что все въ ней сказанное можетъ случиться уже тогда, когда ассигнаціи сами собой пріобрѣтутъ кредитъ. Каждый купецъ ведетъ свои дѣла, какъ самъ знаетъ: голоденъ,—такъ ѣстъ, чувствуя жажду—пьетъ, и нѣтъ необходимости увѣщевать его къ этому. Предложенный способъ неудобоисполнимъ.

4.) «*Предложить закладнымъ лавкамъ, при выпускѣ и пріемѣ капиталовъ, прибавлять часть и казенныхъ ассигнацій.*»

Въ этой статьѣ докладчикъ разсуждаетъ такъ: «Нынѣ, если кто уплачиваетъ долгъ въ закладную лавку и представляетъ для этого казенныя ассигнаціи, то лавка не смѣетъ не принять ихъ. Но при заемѣ денегъ, подъ залогъ вещей, почти никто не желаетъ принимать казенныя ассигнаціи, такъ что онѣ только поступаютъ въ закладныя лавки, а не выходятъ изъ нихъ. Можетъ статься, что собственный капиталъ лавки скоро истощится, а казенныя ассигнаціи только сберегаются, но не поступаютъ въ оборотъ, и лавка по необходимости закроется; по закрытіи же закладныхъ лавокъ, бѣднымъ людямъ не останется средствъ доставать деньги въ нуждѣ. Посему я

предлагаю пригласить закладныя лавки, чтобы онѣ впредь, какъ при выпускѣ, такъ и при пріемѣ капиталовъ, употребляли въ извѣстной пропорціи и казенныя ассигнаціи.»

На это комитетъ отвѣчаетъ, что еще при первомъ выпускѣ ассигнацій, нарочно наклеены были повсюду объявленія отъ палаты финансовъ, коими повелѣвалось, чтобы выпускаемыя ассигнаціи безъ опасеній были принимаемы, не только въ закладныхъ лавкахъ, но вообще повсюду, какъ между войсками, такъ и между народомъ. Посему и эта статья не можетъ быть принята.

Совѣтникъ *Ванъ-мао-инь*, служа въ палатѣ финансовъ и завѣдывая изготовленіемъ государственныхъ ассигнацій, не можетъ поддержать ихъ въ должномъ равновѣсіи и только заботится о выгодахъ купцовъ,— а потому и весь проектъ его весьма неоснователенъ. Нынѣ расходы на армію чрезвычайны, и *Ванъ-мао-инь*, завѣдывая расходами казначейства, лучше всѣхъ знаетъ это; по этому онъ же долженъ бы, что есть силъ, стараться придумать такія мѣры, которыя равно были бы полезны и войску и народу. Комитетъ, разсмотрѣвъ со вниманіемъ его проектъ, находитъ, что все въ немъ направлено къ пользѣ купечества и ничего нѣтъ полезнаго для казны, и такъ какъ *Ванъ-мао-инь* самъ подалъ мысль о введеніи ассигнацій, а

теперь заботится лишь о выгодахъ купцовъ, но не о пользѣ правительства, то очевидно, что онъ забылъ свой долгъ, и потому его представленія не должны быть приняты.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

События при паденіи Минской династіи. *М. Храповицкаго.* 1

Замѣчанія о соляномъ производствѣ въ Китаѣ. Покойнаго Іеромонаха *П. Цвѣткова* 103

О разведеніи шань-яо (dioscoraca alata'l) (картофель). *І. Гошкевича.* 119

Императорское или благовонное пшено (скороспѣлое). *Его же.* 125

Замѣчанія объ употребленіи болеутолительныхъ средствъ при операціяхъ и о водолеченіи (Гидропатія) въ Китаѣ. *А. Татаринова.* 131

Записки китайца о Нангасаки. Покойнаго Іеромонаха *П. Цвѣткова* 143

О христіанствѣ въ Китаѣ. *Его же* 183

Несторіанскій памятникъ VII вѣка. *Его же.* 205

Домашніе обряды китайцевъ. *Его же* 213

Морское сообщеніе между Тянь-цзинемъ и Шанъ-хаемъ. Архимандрита *О. Палладія.* 381

Хонконъ. *І. Гошкевича* 393

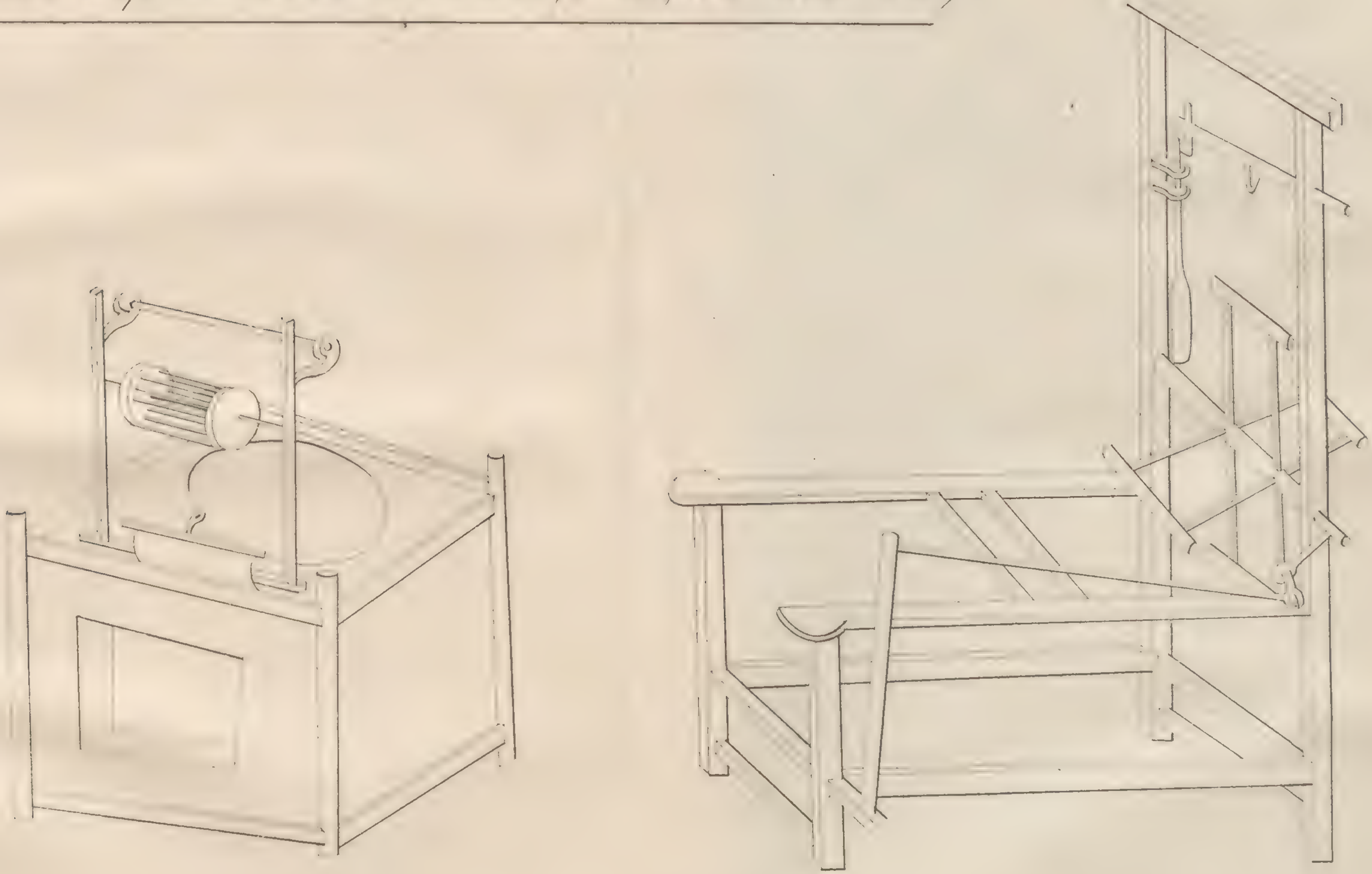
О шелководствѣ. *Его же* 411

О сектѣ даосовъ. Покойнаго Іеромонаха *П. Цвѣткова.* . . 451

Докладъ комитета объ ассигнаціяхъ. Переводъ съ китайскаго. Іеромонаха *О. Евлампія.* 460

Станокъ для разматыванія коконовъ (изъ Цань сань са́о бо́)

Рис. 1.



Станокъ для разматыванія коконовъ (изъ Шоуши тунъ као.)

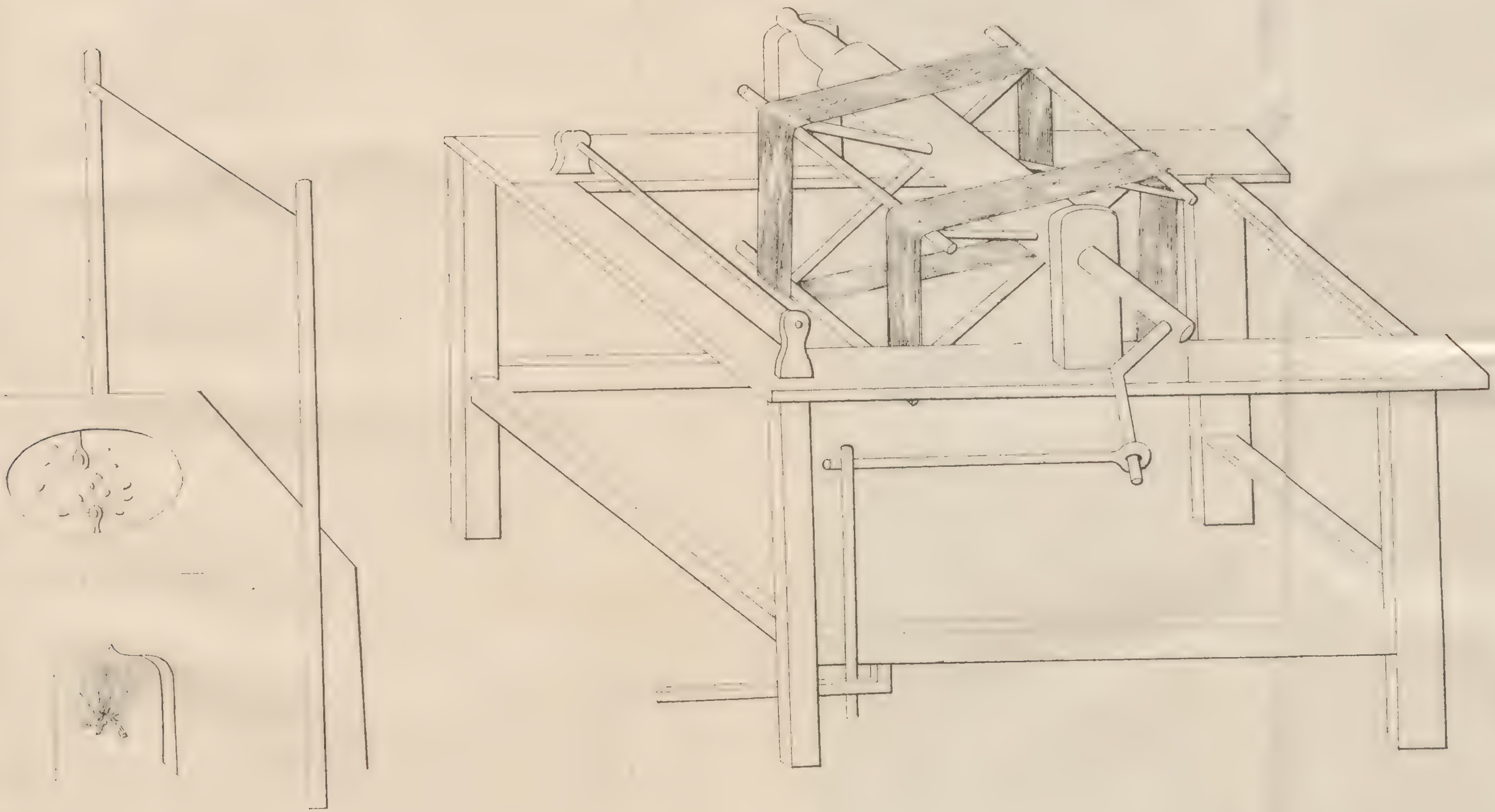



Рис. 2